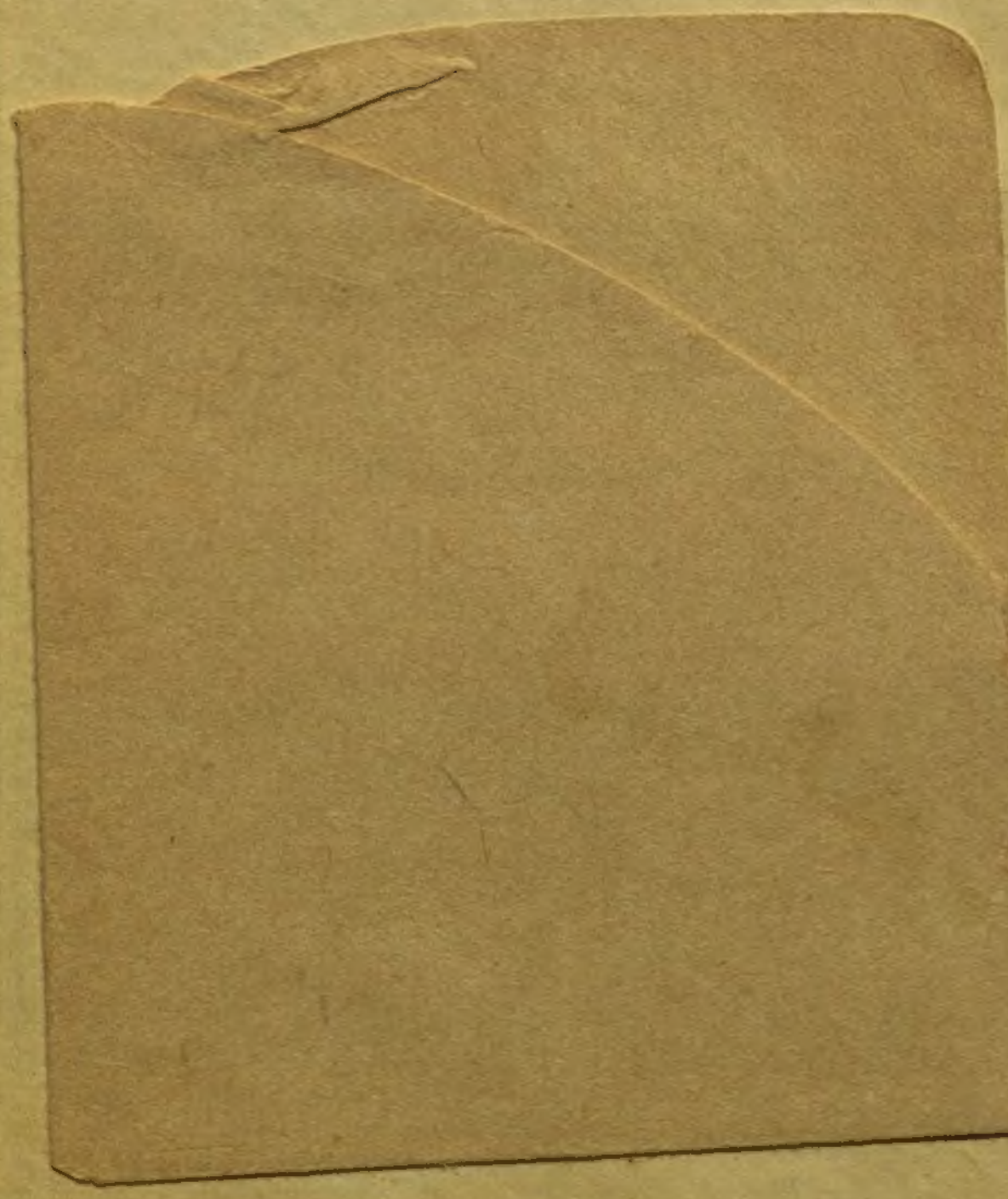
Д(0)2
Р74 У74

В. МЕЛИКОВ

ГЕРОИЧЕСКАЯ ОБОРОНА ЦАРИЦЫНА (1918 г.)

ВОЕНИЗДАТ
1938



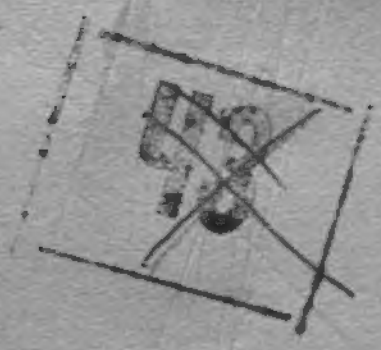
9(с)22

Комдив В. А. МЕЛИКОВ
ПРОФЕССОР АКАДЕМИИ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА РККА

Кр 9(с)2
М-474

ГЕРОИЧЕСКАЯ ОБОРОНА ЦАРИЦЫНА

(1918 г.)



831841
Н95
Волгоградская областная
библиотека
им. К. Горького

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРКОМАТА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА — 1938

КХ

Комдив В. А. Меликов.—Героическая оборона Царицына (1918 г.)

Книга посвящена великому походу армий К. Е. Ворошилова из Украины к Царицыну и героической обороне Царицына в 1918 г. под руководством товарищей Сталина и Ворошилова.

Рассчитана книга на командный и начальствующий состав РККА.

Новосибирская областная
научная библиотека
№ 290363

Волгоградская областная
библиотека
им. М. Горького

Новосибирская областная
научная библиотека
№ 298363

Волгоградская областная
библиотека
им. М. Горького

ОТ АВТОРА

В своей замечательной книге «СТАЛИН» великий писатель французского народа, неутомимый борец против империалистической войны и фашизма Анри Барбюс, говоря о военной работе товарища Сталина в период 1918—1920 годов, справедливо подчеркнул, что «это — один из самых удивительных и одновременно самых неизученных отрезков жизненного пути Сталина» [1].

Товарищ Сталин «вел военную работу,— пишет Барбюс,— с таким блеском, он добился таких побед, которых достаточно, чтобы прославить любого полководца» [2]. Одной из таких побед является победа Красной Армии под Царицыном в 1918 году — победа, вдохновителями и организаторами которой были товарищ Сталин и его ближайший соратник товарищ Ворошилов.

В продолжение последних восьми лет автору приходилось читать лекции слушателям Военной академии им. М. В. Фрунзе и Академии Генштаба РККА как о походе армий К. Е. Ворошилова из Донбасса к Царицыну, так и об обороне Царицына в 1918 году, постепенно накапливая, систематизируя, обобщая материал по данной теме.

В 1935—1937 годах автор вплотную подошел к исследованию имеющихся первоисточников — боевых и оперативных документов, хранящихся в архивах, и учел все то крайне незначительное по количеству и отрывочное по содержанию, что уже напечатано к нынешнему времени в нашей прессе по этому вопросу.

Для работы над этим трудом пришлось привлечь много сырого, чернового материала, критически проверяя и сопоставляя цифры, даты, имена и пр., с тем чтобы возможно точнее установить правильность того или иного факта, события, периода.

Надо учесть исключительную сложность и динамичность исторических событий 1918 года, когда вооруженные силы Пролетарской революции строились буквально под огнем.

---

[1] Анри Барбюс, «СТАЛИН», стр. 94. Гослитиздат, 1936 г.
[2] Там же.

Чтобы сделать поучительные выводы из событий, происходивших 20 лет назад, необходимо как исследователю, так и читателю уметь перенестись себя в конкретную обстановку борьбы, отчетливо представлять реальное соотношение сил и технических средств обеих сторон и, анализируя процесс борьбы, стараться найти ответ, в силу каких именно причин одна из сторон оказалась искуснее и имела успех, а другая потерпела поражение и была разгромлена.

Без этого умения перенести себя в изучаемую историческую эпоху не может быть ни правильного анализа, ни соответствующей поучительности исторических фактов и событий для борьбы на сегодня и завтра.

Девять месяцев героической борьбы, из коих три месяца падают на поход армий К. Е. Ворошилова из Украины к Царицыну и шесть месяцев — на ожесточенные бои под руководством товарищей Сталина и Ворошилова за сохранение Царицына и всего юго-востока Советской России, являются замечательными страницами великой гражданской войны в СССР.

В настоящем труде автор стремился осветить главным образом организацию управления и командования.

Свое исследование автор начинает кратким обзором германского наступления на Украину и Донбасс, чтобы показать историческое место беспримерного похода — прорыва красных войск тов. Ворошилова из окружения. Эти войска во-время пришли к Царицыну и совместно с царицынскими рабочими укрепили и сцементировали его оборону, создав из Царицына в 1918 году неприступную крепость, о которую разбились все многочисленные атаки врагов.

Изучение фактической стороны описываемых событий имеет огромное значение: оно обогащает поучительнейшим опытом, дает новые знания и закаляет волю в борьбе за победу Пролетарской революции во всем мире. Чтобы разумно и искусно бороться за будущее, необходимо знать не только современность, но и прошлое. Например, стратегический план товарища Сталина по разгрому Деникина осенью 1919 года и его категорическое требование наносить главный удар через благоприятный в классовом отношении рабочий Харьков и Донбасс к Ростову, а не от Царицына на Новороссийск[1], опирались,

---

[1] Товарищ Сталин, назначенный членом РВС Южного фронта, писал тогда Ленину: «На-днях Главком дал Шорину директиву о наступлении на Новороссийск через донские степи по линии, по которой может быть и удобно летать нашим авиаторам, но уже совершенно невозможно будет бродить нашей пехоте и артиллерии. Нечего и доказывать, что этот сумасбродный (предполагаемый) поход в среде вражеской нам, в условиях абсолютного бездорожья, грозит нам полным крахом. Не трудно понять, что этот поход на казачьи станицы, как это показала недавняя практика (т. е. операции 1918 г.— *Вл. М.*), может лишь сплотить казаков против нас вокруг Деникина для защи-

в частности, на богатейший боевой и оперативно-стратегический опыт борьбы в районах Донской области и Северного Кавказа во второй половине 1918 года, которая проходила под непосредственным руководством товарища Сталина.

Настоящее военно-научное исследование не претендует на освещение сложного и тяжелого этапа борьбы 1918 года со всеми ее подробностями. Автор поставил себе целью дать исходный материал для будущих работ по всестороннему освещению похода армий товарища Ворошилова из Донбасса к Царицыну и обороны Царицына. Эти работы будущего дополнят, разовьют и уточнят данный труд, который автор от всего сердца посвящает всем честным бойцам — героям великой, бессмертной Царицынской эпопеи.

ты своих станиц, может лишь выставить Деникина спасителем Дона, может лишь создать армию казаков для Деникина, т. е. может лишь усилить Деникина. Именно поэтому необходимо теперь же, не теряя времени, изменить уже отмененный практикой старый план, заменив его планом основного удара через Харьков — Донецкий бассейн на Ростов... Без этого моя работа на Южном фронте становится бессмысленной, преступной, ненужной, что дает мне право или, вернее, обязывает меня уйти куда угодно, хоть к черту, только не оставаться на Южном фронте. Ваш *Сталин*».

ПРЕДЦАРИЦЫНСКИЙ ПЕРИОД

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПОХОД К. Е. ВОРОШИЛОВА С УКРАИНЫ В ДОНБАСС

ГЛАВА 1

Наступление германской армии на Украину

(Схема 1)

В апреле 1917 года Соединенные штаты Америки вступили в войну на стороне Антанты. Это резко изменило реальное соотношение сил обеих империалистических коалиций не в пользу держав четверного союза (Германии, Австро-Венгрии, Болгарии, Турции).

Экономическое и политическое положение Германии, игравшей руководящую, решающую роль в этом союзе, было к началу 1918 года критическим. Военная диктатура Людендорфа — Гинденбурга подчинила себе все ресурсы государства. Голод свирепствовал внутри страны и на фронте. Высокая смертность от систематического недоедания жестоко обессиливала население и армии центральных держав. Росло недовольство среди трудящихся и в солдатских массах. Уже в конце 1917 года перед главным германским командованием встал во весь рост кардинальный вопрос: или немедленно кончать войну и заключить невыгодный мир, или же сосредоточить последние силы и в 1918 году добиться победы на главном — Франко-британском — театре военных действий.

Людендорф, который к началу 1918 года разработал во всех деталях план кампании с генеральным наступлением на Западном (Франко-британском) фронте, был в полной уверенности, что до прибытия в Европу военно-технических средств и людских сил из США германская армия сумеет нанести сокрушительный удар армиям Антанты и добиться победоносного мира в 1918 году.

Но для этого нового, решительного наступления необходим был ряд дополнительных ресурсов для страны и фронта, главным образом, продовольственных (хлеб, фураж, жиры, скот и пр.) и топливных (лес, уголь, нефть).

По данным германской ставки, огромные продовольственные, топливные и другие сырьевые ресурсы находились на территории вышедшей из империалистической войны Советской России, особенно в южных ее районах: на Украине, в Донбассе, Крыму, на Кавказе. На шахты, заводы, фабрики, черноземные поля, на все богатства Украины и Донбасса и устремились хищные аппетиты истощенного трехлетней мировой войной германского империализма, вступившего в финальный год мировой империалистической войны. Германская оккупация Украины началась 18 февраля 1918 года, а генеральное наступление немцев на Франко-британском фронте — 21 марта 1918 года. Иными словами, Людендорф за месяц до решительного наступления на Западном фронте бросил свою оккупационную армию на Украину с целью систематического выкачивания из нее продовольственных и топливных ресурсов.

В этом деле германскому командованию всемерно помогла Украинская центральная рада, которая продала Украину германскому империализму. Еще 12 января 1918 года Совнарком указал Раде, что вследствие поддержки ею ген. Каледина, вокруг которого группируются собравшиеся со всех концов России контрреволюционные элементы из помещиков и буржуазии, ответственность за срыв мира и продолжение гражданской войны в стране целиком падает на Раду. Рада продолжала свою гнусную политику предательства интересов украинского народа. Украинские рабочие и крестьяне восстали и вооруженным путем свергли в конце января 1918 года правительство Центральной рады. 8 февраля столицу Украины Киев заняли украинские советские войска, и через четыре дня ЦИК Советов Украины переехал в Киев. Свергнутое правительство Рады бежало в Житомир, откуда оно снеслось с Берлином, призывая на помощь войска германского империализма. Людендорфу это было очень кстати. 9 февраля между Центральной радой и германским правительством был заключен договор, согласно которому германские войска должны были занять Украину и вытеснить советские украинские войска, восстановив опять власть Рады.

С лихорадочной поспешностью, под руководством Людендорфа, дорабатывается обширный план оккупации Украины. Во главе оккупационных войск становится германский фельдмаршал Эйхгорн с начальником его штаба ген. Гренером, которые как при Раде, так затем и при

гетмане Скоропадском были единственными и полновластными хозяевами порабощенной Украины и Крыма, стонавших под сапогом германских империалистов. В данном случае выполнялась директива германского посла на Украине во время оккупации, барона Мумма, который писал: «До тех пор, пока германские и австро-венгерские войска находятся в стране, Украина не должна иметь собственных войск; разрешаются лишь полицейские части. *в ограниченном количестве*, по согласованию с главнокомандующим».

Барону Мумму вторил германский министр Буше, который констатировал: «В настоящее время власть (на Украине. — *Вл. М.*) находится в наших руках, и министры должны нам подчиняться».

Когда же в апреле 1918 года Мумму была дана директива свергнуть правительство Рады, изгнать даже и этих послушных министров-попугаев Рады и установить монархический режим гетмана Скоропадского, Мумм писал в Берлин, что при смене правительства Рады «Украинские кулисы» («Die Ukrainische Kulisse») должны быть абсолютно сохранены, и, таким образом, толчок к перевороту будет исходить не от нас. Генерал Гренер рассчитывал, что, быть может, ему удастся через прибывшие сегодня в Киев крестьянские (кулацкие. — *Ред.*) депутации свергнуть правительство изнутри, и поэтому связался с ген. Скоропадским»[1].

В основу стратегического плана оккупации Людендорф положил, как это видно из официальной, дипломатической и военной переписки оккупантов[2] и мемуаров Людендорфа[3], Гофмана[4], Бюлова[5], следующие задачи:

1) Вывезти как можно быстрее и больше продовольственных и топливных запасов с юга Советской страны.

Для этой цели были организованы соответствующие заготовительные органы (бюро) на местах и центральное бюро в Киеве. Барон Мумм докладывал в марте 1918 года

---

[1] Как известно, 28 апреля правительство Центральной рады было разогнано германскими войсками, а кулацко-помещичий съезд «хлеборобов» на другой день по указке Эйхгорна и Гренера провозгласил гетманом бывшего царского генерала Скоропадского — крупного помещика Черниговской и Полтавской губерний.

[2] «Крах германской оккупации на Украине» (сборник документов, изд. ИГВ).

[3] Людендорф, Мои воспоминания, т. II.

[4] Гофман, Война упущенных возможностей.

[5] Бюлов, Воспоминания.

германскому рейхсканцлеру Гертлингу: «Центральные державы организуют в Киеве центральное бюро (Zentralstelle) для заготовки хлеба, хлебопродуктов, бобовых растений, кормов для скота, семян масличных и других культур. Украинское правительство (Рада.— *Вл. М.*) имеет право выделить своего представителя *для связи* с руководством центрального бюро».

2) Прокормить ресурсами самой Украины огромную оккупационную австро-германскую армию, сняв ее тем самым с продовольственного бюджета (пайка) центральных держав.

По этому поводу германский главком Восточного фронта генерал Бюлов 10 марта докладывал министерству иностранных дел в Берлине: «*Бесплатное снабжение* войск украинским правительством явится облегчением для нашей родины, и по крайней мере это будет каким-то реальным достижением. Хлеб и фураж являются для нас насущными жизненными потребностями. На западе нам предстоят самые тяжелые решительные бои, и здесь не могут сейчас быть приняты во внимание дипломатические соображения и будущие отношения с Украиной. Если иначе невозможно, то мы должны взять силой то, что нам срочно необходимо для жизни и борьбы. Получим ли мы хлеб от нынешнего правительства, которое не может долго удержаться, или от другого, — это безразлично. Комиссии сейчас неуместны. *Вопрос должен быть решен исключительно военной силой*».

3) Посредством прочной оккупации Украины и Крыма получить ближайшие пути на Кавказ, а затем и к «жемчужине британской короны» — Индии [1].

4) Установить от Гельсингфорса до Одессы империалистический барьер, который мешал бы проникновению и распространению влияния Великой пролетарской револю-

---

[1] Следующий документ ясно говорит о том, что германские империалисты стремились превратить Украину и Крым не только в свою колонию, но и в базу для экспансии на Восток:

«*Начальнику Австрийского генерального штаба министру иностранных дел Бурианну.* Баден, 13 июня 1918 года.

От командующего Восточной армией генерала от инфантерии Альфреда Крауса поступил следующий отчет об Украине.

После первой ориентации и пребывания Киева сообщаю о своих впечатлениях относительно общего положения на Украине:

Германия преследует на Украине определенную хозяйственно-политическую цель. Она хочет, как очень удачно заметил в своем отчете ротмистр барон фон-Вальдботт, навсегда закрепить за собой самый безопасный путь на Месопотамию и Аравию, через Баку и

ции; некоторые из политических деятелей буржуазии называли этот барьер «санитарным кордоном». Правящим классам Германии больше, чем кому-либо, приходилось опасаться близкого соседства Советской республики. Они чувствовали, как нарастающее недовольство трудящихся масс Германии потрясает устои их господства.

План оккупации, разработанный Людендорфом, Эйхгорном и Гренером, с точки зрения военного искусства, не представлял ничего примечательного. Предварительные разведывательные данные, имевшиеся у главного германского командования, включая сюда и сведения, полученные от изгнанной Центральной рады, говорили Людендорфу и Гренеру, что в процессе занятия территории Украины и Крыма германские войска не встретят организованного вооруженного сопротивления. Ожидалось, что будут бои эпизодического порядка с теми импровизированными красными отрядами, которые насчитывали в то время на Украине 15—20 тысяч вооруженных бойцов. В силу этого Людендорф полагал закончить всю оккупацию не более как в месячный срок, попутно организуя непрерывный подвоз к железным дорогам и шоссейным путям продовольствия и топлива с целью быстрейшей отправки их в Германию.

Германо-австрийская армия вторжения имела 29 пехотных и 3 кавалерийских дивизии общей численностью до 300 000 бойцов. Ее корпуса были расставлены равномерным

Персию. Эта возможность особенно заманчива для германцев сейчас, когда они оккупировали Украину.

Путь на Восток идет через Киев, Екатеринослав и Севастополь, откуда начинается морское сообщение на Батум и Трапезунд.

По моему мнению, германцы для этой цели намерены оставить за собой Крым как колонию или в какой-либо иной форме. Они никогда уже не выпустят из своих рук ценного Крымского полуострова. Кроме того, чтобы полностью использовать этот путь, им необходимо овладеть железнодорожной магистралью или установить на ней свое преобладающее влияние, а так как снабжение этой магистрали и Черного моря углем из Германии невозможно, то ей необходимо завладеть и наиболее значительными шахтами Донбасса. Все это Германия так или иначе обеспечит себе.

Германцы, используя Украину как свою житницу, наряду с этим стремятся создать себе на Украине (где покупательная способность довольно высока) хороший рынок сбыта для своих промышленных изделий.

Эти намерения подтверждаются открытым заявлением генерал-лейтенанта Гренера о том, что, поскольку Англия ограничивает Германию на западе, главные интересы Германии направлены через Украину и Крым на Индию».

кордоном с севера на юг (от Риги до устья Дуная) с целью наступления на восток вдоль железных дорог.

18 февраля внезапным ударом германо-австрийская оккупационная армия вторглась в пределы Украины (схема 1), и за войсками оккупантов широкой волной двинулись изгнанные до того помещики и капиталисты.

Оккупанты немедленно восстанавливали помещичий строй. В полном согласии с германским правительством и командованием барон Мумм декларировал: «Необходимо разрешить аграрный вопрос путем восстановления права собственности и оплаты крестьянами полученной ими земли. При этом необходимо сохранить крупные поместья в интересах повышения экспортных возможностей сельского хозяйства. Максимальный размер отдельных имений должен быть определен специальным законом».

Совершенно ясно, что 15—20 тысяч красных бойцов, разбросанных в разных районах огромной территории (Киев, Екатеринослав, Харьков, а также Нижний Днестр—части Муравьева до 5 тысяч бойцов — и Донбасс), не могли дать отпора наступавшему врагу. Они задерживали посредством боев на отдельных направлениях эшелоны германо-австрийских войск, попутно взрывая и разрушая железнодорожные станции, мосты, водокачки и тем самым выигрывая время для скорейшей эвакуации в глубь страны всего ценного. Это все, что они могли делать при создавшемся соотношении сил. В результате оккупанты перебросили огромные продовольственные и топливные богатства Украины в центральные державы и, главным образом, в Германию.

«В феврале, — как пишет в своих воспоминаниях Людендорф, — верховное командование с согласия правительства оккупировало Украину, *не только имея в виду большевистскую опасность*[1], а исходя из глубокого убеждения, что Украина необходима нам для того, чтобы прокормить четверной союз. С помощью Украины Австро-Венгрия смогла пробарахтаться еще в течение лета. Мы получили оттуда скот, лошадей и много сырья... Германия и другие государства четверного союза могли получить необходимый нам добавок продовольствия из Украины; без ее помощи в начале лета 1918 года неизбежно должен был наступить тяжелый кризис»[2].

---

[1] Курсив мой. — *Вл. М.*

[2] Людендорф, Мои воспоминания, т. II, стр. 297.

«Армия получила большое количество лошадей, без которых всякое дальнейшее ведение войны было бы невозможным»[1].

Германское командование на Украине считало наиболее важным операционное направление Киев — Полтава — Харьков — Луганск — Ростов. Эйхгорн и Гренер потребовали от командования 1-го резервного корпуса (16-я, 45-я, 91-я, 215-я, 224-я и Баварская кавалерийская дивизии) и южной группы дивизий (10-я, 7-я, 212-я, 214-я) быстрым и внезапным маневром в кратчайший срок овладеть всеми этими пунктами, указав, что штаб главного командования после занятия Киева будет располагаться в нем, а управление 1-го резервного корпуса должно будет находиться в Харькове. При оккупации Украины эти десять германских дивизий явились как бы передовым эшелоном, передовым отрядом, за которым двинулись на восток и другие германо-австрийские корпуса в направлении Гомель — Чернигов — Одесса — Екатеринослав — Ростов н/Дону — Крымский полуостров. Таким образом, с 18 февраля германские и австрийские корпуса перешли в наступление на огромном фронте от Балтийского моря (Ревель — Рига) до Черного моря.

Одновременно с началом наступления на Украину германские войска двинулись и в направлении Петроград — Псков — Орша — Гомель. Это произошло потому, что злейший враг народа Троцкий (в то время был председателем советской мирной делегации в Брест-Литовске), всецело поддерживаемый главарем группы «левых» коммунистов, злейшим врагом народа Бухариным, нарушил категорическое указание Ленина о подписании условий, которые предложили немцы. Отказавшись подписать договор, Троцкий выдвинул предательскую формулировку: «Мира не подписывать, войны не вести», которая фактически открывала и открыла фронт германским захватчикам. В ответ на это германское главное командование 16 февраля заявило, что перемирие прекращается с 12 час. дня 18 февраля, после чего германо-австрийские войска перейдут на всем фронте от Финляндии до Закавказья (включительно) в наступление. Так оно и случилось. С 18 февраля к северу от линии Брест-Литовск — Пинск — Гомель германские корпуса также перешли в наступление, которое продолжалось до

[1] Людендорф, Мои воспоминания, т. II, стр. 191.

момента подписания Брестского мирного договора, т. е. до 3 марта 1918 года. К этому времени германские войска, захватив огромной ценности военную добычу, вышли на линию Нарва — Псков — Орша — Гомель. «...Новые условия хуже, тяжелее, унизительнее худых, тяжелых и унизительных брестских условий, *в этом виноваты*, по отношению к великой российской Советской республике, *наши горе-левые*», говорил В. И. Ленин после 3 марта. В приговоре Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР от 13 марта 1938 года по делу антисоветского «право-троцкистского блока» сказано:

«...Установлено, что в 1918 году Бухарин и возглавляемая им группа «левых» коммунистов, совместно с Троцким и «левыми» эсерами, организовали заговор против Советского Правительства.

Бухарин и его сообщники по заговору имели целью сорвать Брестский договор, свергнуть Советское Правительство, арестовать и убить В. И. Ленина, И. В. Сталина и Я. М. Свердлова и сформировать новое правительство из бухаринцев, троцкистов и «левых» эсеров».

Таков был бандитский замысел троцкистско-бухаринской шайки.

На Украине германо-австрийское наступление продолжалось и после подписания Брестского мирного договора, так как немцы заявили, что признают законным правительством Украины Центральную раду. Последняя, подписывая с Берлином договор от 9 февраля о немецкой помощи, тем самым превращала Украину в колонию германского империализма.

Для противодействия наступлению оккупационных германо-австрийских войск был проведен ряд мероприятий по объединению красных отрядов, оперировавших на Украине. Эти небольшие красные отряды, разбросанные на огромных пространствах Украины, именовали себя украинскими армиями (1-я, 2-я, 3-я, 4-я, 5-я), хотя численность каждой из них была не более 3—5 тысяч.

Эти украинские армии (отряды) вели борьбу преимущественно вдоль железных дорог, находясь в железнодорожных эшелонах; они изредка покидали эти эшелоны и еще не могли организованно вести полевую маневренную войну. Эти эшелоны постоянно находились под парами, а поэтому при всяком крепком нажиме со стороны австро-германцев быстро отскакивали на восток, а затем опять пытались выдвигаться вперед на запад.

Как видно из ряда документов того времени, управление этими отрядами было крайне затруднено. Как правило, каждая армия действовала самостоятельно, пытаясь сдерживать оккупантов.

Прекрасно вооруженные, под прикрытием броневездов оккупационные войска теснили красные отряды, очень быстро распространяясь на восток; к 12 марта они совместно с гайдамаками заняли Киев и тем самым «восстановили» власть контрреволюционной Центральной рады. В Киеве расположился штаб главного германского командования (Эйхгорн — Гренер), сюда же приехал представитель германского министерства иностранных дел барон Мумм. Наступление оккупационных войск продолжалось. 13 марта они вошли в Одессу, а ко 2 апреля заняли Полтаву и Екатеринослав. Впереди двигались дивизии 1-го резервного германского корпуса, которому ставилась задача занять не позднее 5 апреля район Харькова, с тем чтобы скорее оккупировать Донецкий бассейн. Левее, на Бахмач — Ворожба — Курск, двигался 27-й германский корпус. Немецкие империалисты с их подавляющим численным и военно-техническим превосходством не встречали на пути своего движения серьезных препятствий. На отдельных железнодорожных станциях и разъездах они завязывали бои с наскоро сформированными красными отрядами, наносили им короткий удар и, отбрасывая их дальше на восток, продолжали свой марш по землям Украины и Крыма. На занятой немцами территории быстро организовывались заготовительные продовольственные германские бюро, которые при помощи оружия и свирепой расправы беспощадно забирали и реквизировали хлеб, скот, лошадей, запасы рыбы, шерсти, жиров и пр., грузили в вагоны и эшелон за эшелоном отправляли в Германию.

ГЛАВА II

Действия 1-го отряда луганских рабочих в районе Ворожбы — март 1918 года

(Схема 2)

Боевая работа тов. Ворошилова на Украине началась в марте 1918 года, в самый разгар наступления германо-австрийских войск. Приехав из Петрограда в Харьков, он, по поручению больш[illegible]

Вл. Меликов
831841
Волгоградская областная библиотека им. М. Горького
Волгоградская областная библиотека им. М. Горького

для формирования вооруженных отрядов из рабочих. Донбасс хорошо знал тов. Ворошилова по долголетней подпольной работе. Красная гвардия города Луганска, организованная ближайшим другом и боевым соратником К. Е. Ворошилова — тов. Пархоменко, как и партийная организация этого пролетарского центра, с огромной радостью встретили своего старого слесаря, крановщика луганских заводов, К. Е. Ворошилова.

5 марта тов. Ворошилов обратился со следующим воззванием к рабочим Донбасса:

Грозный час настал! Немецкие белогвардейцы под ликующий вой российской буржуазии двинулись на нашу дорогую, нашей собственной кровью омытую Российскую советскую федеративную социалистическую республику. Нашей революции, нашим завоеваниям грозит смертельная опасность. Немецкая буржуазия идет спасать буржуазию российскую. Международный капитал ставит своей целью задушить международный пролетариат, а для этого буржуазии необходимо во что бы то ни стало раздавить, уничтожить красный социалистический пролетариат России.

Товарищи! В нас самих решение своей судьбы. От нас зависит спасти свою социалистическую родину и тем самым ускорить международную начавшуюся социалистическую революцию. Враг еще силен и движется по всем направлениям. Нашему Донецкому бассейну грозит непосредственная опасность со стороны Киева, где уже воцаряются немецкие банды под руководством Петлюр, Винниченок и прочих предателей украинского народа.

Товарищи! Все, кому дороги идеалы пролетариата, все, кто ценит пролитую кровь наших братьев за освобождение России, все, кому дорог международный социализм, освобождающий человечество, все до единого — к оружию! С оружием в руках стройными железными рядами ударим на врагов труда, на трутней, на белогвардейцев немецких, великорусских и украинских.

За нами правда! В нас сила! Мы победим!

Да здравствует святая беспощадная борьба с вековыми угнетателями!

Да здравствует международная революция!

Да здравствует социализм!

Луганск, 5 марта 1918 г.

Началась горячая организационная работа по формированию из литейщиков, слесарей, крановщиков, шахтеров Донбасса 1-го Луганского социалистического отряда, во главе которого встал тов. Ворошилов. Было создано крепкое рабочее ядро отряда из 640 человек, хорошо вооруженных.

На заводе б. Гартмана в Луганске были оборудованы две бронеплощадки с пулеметами и орудийными установками; эти бронеплощадки должны были играть роль бронепоездов. Из Луганска отряд тов. Ворошилова 10 марта двинулся в район Харькова для его защиты; 1-й Луганский отряд получил задачу выбить германские войска из района Конотоп — Бахмач. 27-й германский корпус занял в это время станцию Конотоп, с тем чтобы в дальнейшем овладеть районом Ворожба — Курск.

Отряд луганчан под командой К. Е. Ворошилова прибыл на станцию Ворожба. В районе этой станции стояли размещенные в эшелонах небольшие красные отряды, называвшиеся по имени своих начальников. Каждый из этих отступивших сюда отрядов имел своего начальника, а начальники почти не пытались выяснить общую оперативно-боевую обстановку, положение соседних частей, с тем чтобы решительными совместными усилиями действовать для достижения определенной единой цели. Самостоятельность в выборе средств и действий, чрезвычайная пестрота в личном составе этих отрядов, а также в вооружении, снаряжении, в наличии боевых припасов создавали крайне сложную обстановку борьбы с таким организованным и методически наступавшим противником, каким являлись дивизии 27-го германского корпуса[1]. Военная дисциплина внутри этих красных отрядов была весьма условной; в них царило большое воодушевление, но бойцы не умели владеть оружием. В других имелось достаточное количество солдат старой армии и унтер-офицеров, но не было достаточной боевой дисциплины и политической спайки; в некоторых украинских отрядах были и анархисты и эсеры, а нолчас примазывался и различный темный элемент с единственной целью наживы. Надо учесть, что регулярная Красная Армия только что начинала зарождаться в огне боев с многочисленными врагами — с интервентами и белогвардейцами, обрушившимися на Советскую республику со всех сторон.

[1] В этот корпус входили 9-я, 92-я, 93-я, 95-я, 98-я и 2-я гвардейские дивизии.

Тов. Ворошилов предложил созвать военный совет из представителей всех отрядов, с тем чтобы попытаться объединить эти разрозненные самостоятельные мелкие отряды и заставить их начальников действовать по определенному плану. Так, был создан партизанский штаб Ворожбянского района. Было решено перейти в наступление для обратного взятия Конотопа.

27 марта луганчане впервые столкнулись с немцами у ст. Дубовязка.

Когда эшелоны подъехали верст на пять к Конотопу, пехота во главе с Луганским полком была оставлена на ближайшем разъезде; сгрузив на землю все свои 6-дюймовые пушки, командиры отряда луганчан на передней площадке самодельного бронепоезда выехали вперед произвести глубокую разведку и вступить с немцами в бой. Навстречу им вышел из Конотопа германский бронепоезд, и сражение началось...

В только что начинавшей развертываться гражданской войне опытные военно-технические кадры у революции исчислялись единицами, так как наиболее квалифицированные в военно-техническом отношении кадры, т. е. подавляющее большинство офицерского состава, оказались на стороне контрреволюции. А поэтому вполне закономерно, что в первом сражении с немецкими оккупантами матрос тов. Львов управлял пулеметами, начальник артиллерии бывший фейерверкер сам наводил свою трехдюймовку; из штабного начальства старшим по чину оказался ефрейтор. Ни оперативного плана, ни письменных распоряжений, ни телефонов не было и в помине, все заменяли несравненная импровизация и революционная отвага пролетарской массы. Но для победы над регулярными германскими войсками одного героизма оказалось мало.

Боевая обстановка с каждым часом решительно требовала иметь и оперативные планы, и письменные, и устные распоряжения, и телефоны и т. д.

Бой с дивизиями 27-го германского корпуса под Конотопом окончился отходом красных отрядов на Харьковское направление. Сильный огонь германского бронепоезда, паровоз которого был все же подбит луганчанами, нанес значительный урон красным бойцам.

Удачным попаданием германцы взорвали вагоны со снарядами, прицепленные к бронепоезду красных. Значительные потери людьми вынудили начать отход на Ворожбу.

куда, кроме луганчан. с первых же выстрелов германцев бросились отдельные партизанские отряды. сея по пути панику и не слушая никаких приказов.

Какой-то подпрапорщик. которому перед боем партизаны вручили общее командование, после тщетных попыток остановить убегавших. сел на землю и истерически зарыдал. Тогда тов. Ворошилов принял командование. И луганцы остановились.

С арьергардными боями в районе Дубовязка — Коногон и под постоянным давлением германских войск отходили красные отряды в район Харькова. 1-й Луганский отряд К. Е. Ворошилова получил задачу оборонять район станции Основа (предместье Харькова). Удар германских дивизий на Харьковский район был не только стремительным, но и концентрическим, поэтому очень многие красные отряды были окружены. 1-й Луганский отряд также не успел погрузиться в вагоны в районе Основы и под руководством К. Е. Ворошилова принужден был в окружении пробивать себе свободный путь и выход к Чугуеву. Эта операция после долгих ночных маршей удалась, и 1-й Луганский отряд, будучи теперь уже хорошо обстрелянным, вернулся в Луганск для пополнения новыми силами и военно-техническими средствами. К 16 апреля тов. Ворошилов вместе с эшелонами луганчан после пополнения и доформирования выдвинулся в направлении Купянска, заняв к югу от него район станции Кабанье.

Эти первые бои в марте 1918 года с германскими оккупационными дивизиями, а также развертывание новых формирований гайдамаков и белоказаков показали К. Е. Ворошилову, что борьба будет длительной и потребует больших жертв, что необходимо безотлагательно приступить к организации крепких рабочих вооруженных отрядов, сведя их в цельный организм — в армию.

Шахтерский рабочий Донбасс, как мы увидим дальше, стал вооруженным лагерем, из которого Пролетарская революция черпала дисциплинированные рабочие отряды и полки для борьбы с внешней вооруженной интервенцией и внутренней контрреволюцией на Украине и Донбассе. Центром формирований этих отрядов на Донбассе явился Луганск, и не случайно: в нем находились паровозо-вагонный завод б. Гартмана и патронный завод; у рабочих Луганска и во всем Донбассе тов. Ворошилов пользовался исключительным доверием и популярностью.

Ядром в формируемой Красной Армии Донбасса и ее командными кадрами явилась Красная гвардия Луганска во главе с тов. Пархоменко, которая под руководством большевистской партии имела уже значительные успехи в борьбе с гайдамаками, белоказаками, меньшевиками, эсерами, анархистами как в период керенщины, так и в первые месяцы после победы Октябрьской социалистической революции.

В эти горячие для обороны Советской республики дни в марте 1918 года каждый большевик-организатор читал огненную статью В. И. Ленина «Главная задача наших дней».

В. И. Ленин писал:

> «История человечества проделывает в наши дни один из самых великих, самых трудных поворотов, имеющих необъятное — без малейшего преувеличения можно сказать: всемирно-освободительное — значение» [1].

И далее, говоря о том, что германский империализм «давит и душит и рвет на части Россию», Ленин писал, что Страна Советов, несмотря на архитяжелые условия борьбы, победит,

> «...если отбросит прочь всякое уныние и всякую фразу, если, стиснув зубы, соберет все свои силы, если напряжет каждый нерв, натянет каждый мускул, если поймет, что спасение возможно *только* на том пути международной революции, на который мы вступили. Идти вперед по этому пути, не падая духом от поражений, собирать камень за камушком прочный фундамент социалистического общества, работать, не покладая рук, над созданием дисциплины и самодисциплины, над укреплением везде и всюду организованности, порядка, деловитости, стройного сотрудничества всенародных сил, всеобщего учета и контроля за производством и распределением продуктов — таков путь к созданию мощи военной и мощи социалистической» [2].

ГЛАВА III

Операции 5-й Украинской армии тов. Ворошилова

Дивизии 1-го германского резервного корпуса маршировали к Харькову, с боем тесня красные отряды на восток, на линию Харьков — Белгород.

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. XXII, стр. 375.
[2] Там же, стр. 376.

8 апреля 1918 года Харьков был прочно оккупирован германскими войсками, а на другой день немцы заняли Белгород. Командование 1-го германского резервного корпуса, разместив свой штаб в Харькове, начало осуществлять план оккупации Донецкого бассейна. От Эйхгорна и Гренера из Киева шли директивы в Харьков с требованием самыми быстрыми и энергичными темпами занять Донбасс с целью вывезти как можно больше ценного имущества и топлива, столь необходимого Германии и ее армии, которая в эти апрельские дни вела генеральное наступление на Франко-британском фронте в Пикардии. Заняв Харьков, дивизии 1-го германского резервного корпуса получили задачу овладеть Купянском, Старобельском, Миллерово и Луганском. 12 апреля германские войска, овладев Купянском, двинулись на Сватово.

Сватово — Кабанье — Кременное

(Схема 3)

14 апреля в Сватово находились отряды общей численностью 300—400 штыков + 100 сабель, легкая батарея (2 орудия), бронеплощадка (2 орудия). В частях этого отряда происходили непрерывные митинги; части требовали от своего начальства скорейшей эвакуации на юго-восток, ввиду подхода немцев к Сватово.

К 16 апреля, после пополнения и доформирования в Луганске, отряды 5-й армии тов. Ворошилова уже находились в районе станции Кабанье, куда со всех сторон, и особенно со стороны Сватово, под воздействием 6-дюймовых германских снарядов отступали поспешно другие украинские отряды.

Из документов того времени, характеризовавших отрядную неразбериху и недостатки организации частей, представляет интерес доклад оперативного отдела штаба 4-й красной украинской армии. Последний начинается с описания методов наступления германских оккупационных войск:

«Противник ведет строго методическое наступление конными рейдами широким фронтом, базируя свои главные силы по железным и грунтовым дорогам, идущим к железнодорожным узлам, — типичное преследование противника по пятам и врывание на спинах противника в важные стратеги-

ческие пункты, при незначительном сопротивлении с нашей стороны. Операционной линией, таким образом, является линия железных дорог со станциями, забитыми многими, совершенно ненужными на фронте поездными составами».

Далее в этом документе дается описание украинских отрядов, рисующее их состояние как совершенно неудовлетворительное. И действительно, в противовес организованным германским корпусам и дивизиям мы принуждены были выставлять импровизированные, подчас панически настроенные отряды и отрядики. Этот доклад отмечал, что каждая маленькая часть в несколько десятков человек именовала себя самостоятельным отрядом с отдельным штабом при нем. Причем этих отрядов развелось так много, что «может вспухнуть голова только от их учета каждого в отдельности»: прибыв на станцию, люди не выгружались, а продолжали сидеть в эшелонах. Во время же боя они мало удалялись от состава вагонов, а в случае небольшой неустойки на фронте быстро погружались и далеко отскакивали назад. Зачастую бойцы этих отрядов плохо слушали своих начальников, причем очень часто отряд управлялся не начальником отряда, а самими бойцами. Германские захватчики пользовались тем, что красных сил было мало и что они еще не были организованы. Имея на Украине огромное численное превосходство, в 10—15 раз, на всех основных железнодорожных направлениях, оккупанты быстро продвигались все далее на восток. Боевая обстановка решительно требовала как можно скорее ликвидировать крупные недостатки в отходящих красных отрядах, с тем чтобы скорее дать отпор обнаглевшему врагу. Обстановка требовала скорейшей организации армейских соединений со штатными ротами, батальонами, полками, дивизиями.

Давая 15 апреля 1918 года свое согласие на командование 5-й армией, вместо Сиверса, тов. Ворошилов писал:

«Сообщаю народным комиссарам Донецкой республики о разговоре с Вами и о предложении принять на себя командование 5-й армией. Я согласен и прошу о телеграфном предписании тов. Сиверсу сдать мне армию со всеми поездами снабжения, вооружения, обмундирования, штаба и денежных сумм. Сегодня выезжаю в направлении Купянска».

В действительности, во вновь формируемую 5-ю армию К. Е. Ворошилов получал разновременно поэшелонно от-

дельные отрядики и большей частью в таком состоянии, что их надо было заново организовывать, формировать, обучать и приводить в такое состояние, чтобы они могли выполнять боевые задачи.

18 апреля Сиверс, бывший до этого командармом 5, получил приказ:

> «Ваша армия переименовывается во 2-ю особую, 5-й армией является армия тов. Ворошилова, штаб — Кабанье. Ваша бездеятельность у Купянска губительна. Сватово занято с боем противником, наступающим к Старобельску...» [1].

В это время 1-я украинская армия, после боев в районе Александровска почти распылившаяся, в беспорядке отступала к Волновахе.

На огромном пространстве (линия Валуйки—Купянск—Изюм — Славянск — Бердянск, равная 400 *км*) против слабых отрядов действовали организованные и хорошо вооруженные германские дивизии 1-го резервного корпуса (16-я, 45-я, 91-я, 215-я, 224-я ландверные дивизии + 2-я баварская кав. дивизия). Екатеринославская группа австрийцев (59-я, 11-я, 5-я пех. дивизии), 15-я и 7-я германские ландверные дивизии и 4-я кав. дивизия (оккупировавшие побережье Азовского моря).

На ст. Кабанье тов. Ворошилов приказал бронепоезду направиться в Сватово, где несколько разрозненных отрядов продолжали вести беспорядочные бои. Имея в виду, что в это время шло отступление красных отрядов в направлении Изюм — Славянск, на восток и юго-восток, тов. Ворошилов приказал для обеспечения левого фланга своего расположения (к северу от Кабанье — Кременное) выставить разведывательные заставы по линии реки Красная. Овладев районом Сватово, немецкое командование решило (после ряда неудачных лобовых атак к северу от Кабанье) обходным маневром заставить эшелоны 5-й армии тов. Ворошилова отойти на Лисичанск. Для этой цели немцы направили большую часть сил на Мостки и Старобельск, причем с подходом в район Мостки одна часть продолжала движение на Старобельск — Чертково, а другая пошла от Мостки на Варваровку в обход с одновременным ударом с фронта от Сватово на Кабанье.

---

[1] ЦАКА, д. № 171—518, л. 39, 40.

Выдвинувшиеся на север в направлении Сватово отряды тов. Ворошилова оказались в одиночестве, так как кругом все отступало от непрекращающегося напора германо-гайдамацких войск. Вступив в командование отрядами 5-й армии, тов. Ворошилов стремился пропустить свои войска через один-два серьезных боя с сильным противником, с тем чтобы выявить все хорошие и слабые стороны своих частей. Но уже в боях в районе к югу от станции Сватово для тов. Ворошилова стало ясно, что долго в такой обстановке продержаться не удастся. В этих условиях тов. Ворошилов всемерно стремился поднять настроение частей, моральное состояние которых было крайне тяжелым, так как они ясно видели, что все боевые преимущества на стороне врагов, которые лучше и вооружены и обучены и у которых в руках инициатива. Вот почему, когда начальник Знаменского отряда, прибыв на станцию Кременное, стал громко высказывать, что имеет указание грузиться и уходить в Луганск, он получил сильнейшую отповедь от тов. Ворошилова, который заявил ему, что раз тот находится в районе действий 5-й армии, то, значит, подчинен этой армии и должен оставаться в Кременном до особых распоряжений штаба 5-й армии.

Вскоре, одновременно с сильным нажимом немцев на Кабанье с севера, наши разведывательные отряды, действовавшие в направлении Мостки, донесли, что германские колонны маршируют от Мостки на Варваровку во фланг и тыл 5-й армии тов. Ворошилова. Тов. Ворошилов приказал выслать в сторону Варваровки кавалерийский разъезд. Последний не вернулся. Было совершенно ясно, что противник решил комбинированным ударом с фронта и фланга отрезать путь отхода эшелонов 5-й армии на Лисичанск. Надо было принимать решение на отход для того, чтобы сохранить боевые кадры рабочих, а также железнодорожные эшелоны и имущество в них. Тов. Ворошилов приказал стянуть войска со станции Кабанье, погрузить их в эшелоны и планомерно, под прикрытием бронеплощадок и бронепоезда, отходить на Лисичанск. Погрузку начали с темнотой, провели ее тихо и организованно. Последний эшелон был занят под штаб армии тов. Ворошилова. Движение проходило одновременно по двум путям.

«Перед самым восходом солнца, — рассказывает один из участников, — против дер. Поповки, эшелон, шедший по пе-

четному пути, вследствие неправильной погрузки, зацепился за соседний эшелон, результатом чего был сход с рельс платформы с броневиком в одном поезде и платформы в другом. Образовалась пробка. Эшелоны один за другим подходили и... останавливались. На лицах появились сомнения и страх, а солнце уже окрашивало восточный край неба. Послышались робкие советы, перешедшие в грозные требования, — **бросить платформы под откос вместе с грузом».**

Покрывая гам и галдеж, раздался голос командарма 5 тов. Ворошилова, немедленно явившегося на место аварии. «Ни одного гвоздя немецким грабителям! Что стоите? Немедленно поднять платформы на рельсы! Дрючки, домкраты, веревки! Живо!» Те, кто только что требовал бросить платформы под откос, быстро принялись вместе со своим командующим за работу. Тов. Ворошилов сноровисто и ловко подводил домкраты под оси платформы; у бойцов, увлеченных примером командарма, работа закипела так, что рубахи стали мокрыми. Через каких-нибудь час-полтора заминка в движении была ликвидирована, и эшелоны двинулись дальше на юг к Лисичанску.

Чтобы освободить железнодорожные пути на станциях Лисичанска и Переездной, командарм 5 приказал все имевшиеся в их районе эшелоны перебросить до особых распоряжений в Ирково. Эшелоны двигались вдоль реки Северного Донца, благополучно пройдя район станции Кременное. Штаб 5-й армии хорошо учитывал, что, захватив район Варваровка — Боровеньки, немцы будут стремиться прежде всего взорвать железнодорожный мост через Северный Донец к северу от станции Несветичево и застопорить тем самым движение эшелонов. К счастью, враг не успел осуществить свой замысел. Все эшелоны с войсками благополучно проследовали через мост, включая и вагон со штабом армии, который шел последним, прикрывая весь отход. В этот момент противник открыл со стороны Варваровки и Боровеньки сильный артиллерийский огонь. Последняя германская граната ударила в мост, когда по нему проследовал последний вагон эшелона 5-й армии. Бронепоезд, двигавшийся в арьергарде, открыл в сторону Варваровка — Боровеньки ответный огонь. Эшелоны 5-й армии благополучно проследовали на ст. Переездную.

В районе Лисичанск — Переездная произошел такой случай. В этом районе был расположен содовый завод, на

котором меньшевистская организация свила крепкое гнездо и подчинила своему влиянию большую часть рабочих завода. Лисичанский район оказался цитаделью меньшевизма, представители которого стремились собрать как можно больше оружия, вооружить свои отряды, с тем чтобы, во-первых, в нужный момент ударить в спину отходящей Красной Армии; во-вторых, верноподданически встретить своих «избавителей» от большевиков — германо-гайдамацкие полки. Командование 5-й армии во главе с товарищем Ворошиловым преследовало вперед и двигалось от ст. Несветичево в середине отступавших эшелонов. В направлении от станции Лисичанск до Переездной железнодорожная линия идет в выемке между двумя возвышенностями: меньшевистские главари Лисичанска и содового завода[1], видя отходящие эшелоны 5-й Украинской армии, распустили слухи, что красные разбиты и спасаются бегством; надо, мол, остановить их и обезоружить. Меньшевикам удалось собрать ряд дружин, вооружить их и приготовить к атаке эшелонов армии тов. Ворошилова. Как только эшелоны очутились между указанными возвышенностями, они подверглись сверху со всех сторон жестокому, правда, хаотическому ружейно-пулеметному обстрелу. На открытых пульманах, защищенных лишь с боков мешками с песком и землей, появились раненые; на броневике был убит один боец. Тов. Ворошилов приказал остановиться. Беспорядочность пальбы указывала на то, что стреляет неорганизованная и плохо умеющая обращаться с оружием банда. Меньшевистские главари, видя, что эшелоны остановились, а немцы еще далеко от Лисичанска, перетрусили: они ожидали, что в ответ на это внезапное провокационное нападение из-за угла красное командование двинет свои отряды. Из Лисичанска прибыла перепуганная делегация содового завода. Тов. Ворошилов потребовал немедленно выдать организаторов нападения. Делегаты от Лисичанска стали просить прощения и заверять, что они найдут виновных и примерно накажут их. Обстановка не давала возможности долго задерживаться эшелонам 5-й армии, так как немецкие войска каждую минуту могли войти в Лисичанск. Тов. Ворошилов приказал эшелонам следовать дальше, сказав делегатам Лисичанска, что он скоро вернется к ним, с тем чтобы проверить, как они выполнили

[1] ЦАКА, д. № 171—518, л. 84, 85.

свое обещание наказать предателей, стрелявших в эшелоны из-за угла.

Когда эшелоны 5-й армии прибыли в Ныркове, стало известно, что шедший в арьергарде бронепоезд под командой тов. Алябьева все же обстрелял район Лисичанска. Тов. Ворошилов вызвал к себе тов. Алябьева.

— Это ты стрелял? — спросил тов. Ворошилов.

— Я.

— Прими к сведению, что мы, большевики, с мирным населением не воюем. Террористические замашки брось. Разъясни своей команде, что ваши гранаты могли лишить жизни или искалечить невинных людей. Если мы сейчас отступаем, то это временно; мы непременно вернемся, и нельзя оставлять в пройденных местах недовольных нами.

Это указание командарма глубоко запало в сердце замечательного героя Царицынской обороны тов. Алябьева, броневые части которого, как мы увидим дальше, были грозой для белоказачьих банд, наступавших в августе — ноябре на Царицын.

В Ныркове тов. Ворошилов имел возможность получить ориентировку о военно-политической обстановке, создавшейся в районе Юзово — Никитовка, т. е. к югу от линии Ныркове — Луганск, где под напором германских оккупационных войск происходило быстрое паническое отступление отдельных отрядов. В Ныркове тов. Ворошилов отдал приказ всем эшелонам 5-й Украинской армии двигаться в район станции Родаково, куда стягивались другие отряды Красной Армии.

* * *

В боевых распоряжениях тов. Ворошилова и его ближайшего соратника — начальника штаба Руднева [1], отдававшихся в период борьбы на участке Сватово — Кантемировка, красной нитью проходит стремление как можно полнее, тщательнее распознать обстановку в стане врага, сохранить уже созданные и обстрелянные рабочие кадры, не растерять их бессмысленно в неравных боях с сильным и организованным врагом, постоянно учиться у врага

[1] Н. А. Руднев, молодой 22-летний замечательный революционер-большевик, бывший прапорщик из студентов, познакомился с тов. Ворошиловым во время боев за удержание Харькова; как увидим ниже, в ожесточенные бои второго окружения Царицына в октябре 1918 года он был сражен на поле боя пулей врага.

технике и искусству вооруженной борьбы, с тем чтобы затем бить его беспощадно. Тов. Ворошилов учил не гоняться за мимолетным, временным, эффектным, эпизодическим успехом, не хорохориться, не зазнаваться при успехах и не впадать в уныние при неудачах, а думать о завтрашнем дне и готовиться по-большевистски к тяжелой, длительной борьбе не на жизнь, а на смерть, с германскими оккупантами, гайдамаками и с поднявшей голову донской казачьей контрреволюцией.

Тов. Ворошилов давал замечательные для того сложного времени прогнозы. Например, когда он утверждал, что немцы едва ли ограничат свое продвижение на восток занятием района Купянск — Бахмут—Иловайская, а пойдут и дальше, к Миллерово, ему резко возражали и не хотели верить. Тов. Ворошилов оказался прав, так как его прогноз опирался на большевистски глубокий, конкретный анализ действительности. Немецким империалистам нужен был Донбасс и его богатства; чтобы прочно оккупировать Донбасс, им надо было оседлать своими войсками и железную дорогу Ростов н/Дону—Миллерово—Чертково. Дальше начиналась область донской казачьей контрреволюции генералов Краснова и Деникова, с которыми немецкое командование ссориться не желало, но помогать которым собиралось, о чем будет сказано позже. Когда же немцы вышли на линию Чертково — Миллерово — Ростов, многим казалось, что немецкие войска пойдут дальше на восток к Дону и Волге, т. е. будут преследовать отходящие красные войска на реку Донец. Тов. Ворошилов был не согласен с этой точкой зрения и утверждал, что немцы пока дальше Донца не пойдут, так как захваченная ими огромная территория Украины и Донбасса требует освоения, с тем чтобы хорошо все из нее выкачать. Что касается донской казачьей контрреволюции, немцы окажут ей, как считал тов. Ворошилов, помощь другими способами, а именно: оружием, огнеприпасами, снаряжением; если понадобится, германское командование эпизодически может посылать и вооруженные отряды. И этот прогноз оказался исторически совершенно верным. Достаточно хорошенько вдуматься в эти два прогноза, с тем чтобы установить, что уже в апреле 1918 года для тов. Ворошилова было ясно основное: потеря Донбасса неизбежна, а поэтому необходимо в создавшихся условиях обстоятельно позаботиться о том, как получше

организовать эвакуацию донбассовских рабочих кадров и их семей.

Эпизодические бои в районе Сватово — Кабанье со всей очевидностью показали тов. Ворошилову, что отход будет совершаться в крайне тяжелых условиях, когда на плечах будут висеть наступающие германские войска, а с тыла — поднимающиеся против советской власти контрреволюционные казачьи станицы. Повседневно готовиться к предстоящей суровой, упорной, длительной, кровавой борьбе с многочисленным врагом — именно эту мысль внушал тов. Ворошилов командирам и бойцам. С этой же мыслью отводил от станции Кабанье на юг и юго-восток к Луганску почководец рабочего класса свои боевые отряды молодой 5-й армии.

К 20 апреля общая оперативная обстановка в Донецком бассейне была следующей:

5-я армия тов. Ворошилова, сдерживая продолжавшийся напор дивизий 1-го германского резервного корпуса, начала свой планомерный отход с боями на Лисичанск—Нырково.

Донецкая армия фактически перестала существовать, ее разрозненные небольшие отряды оставили район Бахмут — Лиман; придя в расположение частей 5-й армии в районе Родаково, эти остатки Донецкой армии организационно влились в 5-ю армию.

3-я армия была разбита в районе Барвенькова, погрузилась в эшелоны и, отступив по направлению Славянск — Краматорская — Константиновка, сосредоточилась в районе Никитовка — Дебальцево. Командный состав и бойцы этой армии категорически потребовали от командования 3-й армии увода их в тыл для приведения частей в порядок и их переформирования.

2-я армия быстро двигалась в эшелонах на восток в направлении Таганрога.

1-я армия перестала существовать и рассыпалась своими небольшими эшелонами по различным железнодорожным магистралям, идущим из Донбасса в Ростовском направлении.

Командарм 5 стремился сохранить рабочие кадры и во что бы то ни стало вывезти как можно больше имущества рудников, фабрик и заводов Донбасса, особенно тех материалов, которые имели военное значение и к которым уже была протянута сильная, хищная лапа германского империализма.

В конкретных условиях борьбы в апреле 1918 года поражение и разгром 5-й армии тов. Ворошилова, т. е. потеря боевых, сплоченных рабочих кадров была бы огромным несчастьем для Украины и Донбасса. Рабочий люд и его семьи постоянно обращали с надеждой свои взоры именно на те боевые части, которые организовывал и формировал и которыми командовал тов. Ворошилов, твердокаменный, закаленный большевик, пользовавшийся исключительной популярностью среди рабочих и шахтеров Донбасса.

В отчетном докладе о действиях советских войск юга России указано, что к 24 апреля 1918 года германские войска заняли станцию Нырково — Сентяновка. Далее в этом докладе говорилось:

> «5-я армия Ворошилова должна была совершать свой отход, не будучи обеспеченной ни на флангах, ни в тылу. Та часть Донецкой армии, которая отошла из Ям через Часов Яр на Нырково, взорвав мост у Бахмута, сдала его без боя и открыла противнику возможность 24 апреля в 3 ч. утра войти в глубь Донецкого бассейна...
>
> Нельзя точно определить, как произошел отход, до того все это было хаотично».

Против 5-й армии, насчитывавшей в это время 2 000—3 000 штыков, наступали 224-я германская дивизия + 2-я кав. дивизия баварцев + 91-я дивизия — 35 000 вымуштрованных тевтонских захватчиков.

Эта выдержка достаточно ярко рисует положение красных частей в Донбассе и позволяет судить о том, насколько была правильна линия, настойчиво и последовательно проводившаяся командующим 5-й армией Ворошиловым и его начальником штаба Рудневым, которые сосредоточили все силы на проблеме спасения рабочих кадров и ценного оборонного имущества Донбасса и их эвакуации на восток. В те же дни в тылу отходивших на восток красных частей поднялось контрреволюционное казачество. Имея директивы, исходившие из общего германского плана Людендорфа—Эйхгорна, белоказаки совместно с оккупантами стремились всемерно затормозить планомерную эвакуацию Донбасса. Белое казачество уже начинало взрывать кое-где мосты на путях отступления красных войск и портить железнодорожное полотно. В тылу усиленно шло формирование белоказачьих отрядов. Формировались также и отряды правых эсеров и меньшевиков,

которые, работая заодно с гайдамацко-германскими частями и белым казачеством, нагло помогали последним тормозить эвакуацию Донбасса, злостно агитируя за то, чтобы рабочие оставались на своих местах и не уходили с отрядами Красной Армии из Донбасса.

К 24 апреля германские оккупационные войска уже вели на территории Донецкого каменноугольного бассейна жестокие бои, отвечая огнем орудий на письменные протесты председнаркома Донецко-Криворожской республики тов. Артема (Сергеева) [1].

Германское главное командование считало необходимым в мае закончить оккупацию и Украины и Донецкого бассейна.

ГЛАВА IV

Родаково—Меловая—Луганск

(Схемы 4 и 5)

К моменту прихода эшелонов 5-й армии тов. Ворошилова на станцию Родаково (23—25 апреля) здесь уже собралось много различных украинских и донецких отрядов, отступавших под непрерывным напором германских корпусов. На станции Родаково собрались также небольшие отряды рабочих Донбасса (остатки так называемой Донецкой армии). Настроение у начальников красных частей, всех этих смешанных, утомленных и обессиленных отрядов, было подавленное. К западу и югу от Родаково не прекращалась артиллерийская канонада и происходили беспрерывные полеты германских самолетов.

Прибыв на станцию Родаково, командующий 5-й армией тов. Ворошилов, видя этот хаос отрядной неразберихи,

[1] В феврале 1918 года IV Областной съезд Советов провозгласил на территории Донбасса и Кривого Рога независимую от Украины самостоятельную рабочую Донецко-Криворожскую республику. Был избран Совнарком во главе с председателем Артемом (Сергеев). В связи с вторжением оккупационных австро-германских войск на Украину и в Донбасс, председнаркома тов. Артем отправил резкий протест германскому командованию: он требовал отказа от оккупации территории независимой от Украины Донецко-Криворожской республики. Германское правительство и командование в ответ на этот протест приказали командованию 1-го резервного германского корпуса продолжать наступление дальше с целью скорейшей оккупации Донбасса. Члены правительства Донецко-Криворожской республики после занятия немцами Донбасса отступали к Царицыну вместе с эшелонами армий тов. Ворошилова.

созвал в здании Родаковского вокзала совещание командиров красногвардейских отрядов Украины и Донбасса, находившихся в районе станции. После короткого обмена мнений тов. Ворошилов обрисовал общее военно-политическое положение, создавшееся в связи с австро-германской оккупацией, и наметил меры, которые он считал безотлагательными.

Тов. Ворошилов говорил, что в данных условиях борьбы реальное соотношение сил оказалось невыгодным для Красной Армии и советской власти на Украине и Донбассе. Германский империализм, бросив на оккупацию огромные вооруженные силы, оказался и в боевом и в военно-техническом отношении на данном этапе борьбы сильнее нас.

Тов. Ворошилов призывал учиться у опытного врага, хотя бы за эту выучку пока приходилось платить очень дорого, особенно в условиях отступления. Отступление, — говорил тов. Ворошилов, — тоже искусство и притом искусство нелегкое. Отступать надо с умом, организованно, по плану. При малейшем беспорядке в отступлении красные рискуют потерять не только территорию, но, что особенно дорого, ценнейшие рабочие кадры, огромные богатства фабрик, заводов и рудников Донбасса. Надо так организовать отступление под прикрытием красных вооруженных отрядов, чтобы дать возможность местным советским органам произвести полную эвакуацию богатств Донбасса. Отходить следует планомерно и с упорными боями, стараясь задерживать на каждом удобном рубеже германскую армию и всемерно помогавшую ей отечественную контрреволюцию.

Но для того, чтобы планомерно отходить, необходимо организовать из хаоса этих маленьких отрядов и отрядиков одну армию с армейским аппаратом управления, т. е. штабом. Такая армия может и будет действовать крепким ударным кулаком, а не растопыренными пальцами, как сейчас, когда существует множество различных самостоятельных отрядов. Без твердой организации не может быть победы.

Таково вкратце содержание выступления тов. Ворошилова. Во время его речи на станцию Родаково совершили налет германские самолеты. Пролетая бреющим полетом, они сбросили бомбы над станцией, вокзалом и над эшелонами с красноармейцами.

Совещание шло под грохот взрывавшихся бомб, но не прекратило своей работы.

Собравшиеся командиры единогласно приняли решение влиться в 5-ю армию тов. Ворошилова и продолжать отход и борьбу под его руководством; после этого совещания тов. Ворошилов приказал начальнику штаба 5-й армии тов. Рудневу сейчас же приступить к учету всех отрядов, их численности, а также имевшихся у них вооружения, снаряжения и продовольственных запасов в эшелонах. Было приказано начать переформирование отрядов в более крупные полноценные боевые единицы, которым можно было бы поручить тот или иной боевой участок на позициях. До Луганска оставалось 25—30 *км*, а поэтому надо было так организовать оборонительные бои и отход, чтобы дать возможность погрузить все ценности и без суеты эвакуировать район Луганска, куда тов. Ворошилов решил срочно выехать сам, с тем чтобы проследить выполнение плана эвакуации. Закипела горячая работа. Разведывательные отряды донесли, что германцы двигаются в направлении Родаково, куда противник время от времени посылал очереди тяжелых снарядов. Переформировываться приходилось под огнем. Большинство командиров точно выполняло приказания полевого штаба 5-й армии, но отдельные анархически настроенные отряды и их начальники, угрожая, требовали немедленной отправки их в Луганск. Ряд таких отрядов пришлось расформировать, разоружить и влить в крепкие организованные части. Все это делалось со стремительной быстротой, но без суеты и без лишнего дергания. Перед отъездом в Луганск тов. Ворошилов приказал особенно крепко держать участок Родаково — Меловая. Вновь организованные отряды вышли из эшелонов, заняли согласно приказу полевого штаба 5-й армии боевые участки и изготовились к встрече приближающегося врага.

Приехавшему в Луганск тов. Ворошилову доложили, что Луганский исполком, имея донесения о быстром продвижении германских оккупационных частей и боясь попасть в плен, срочно уехал в Миллерово, не закончив эвакуации. Тов. Ворошилову пришлось основательно вмешаться в дело и заставить оставшихся работников исполкома производить эвакуацию оборонного имущества по четко разработанному плану. В самый разгар этой работы тов. Ворошилов получил сведения, что наши части с упорным боем отошли от Родаково и завязались новые бои перед станцией Меловой, причем штаб 5-й армии просил о срочном возвращении командарма. Отдав необходимые распоряжения по эвакуации Луганска и оставив здесь надежных товарищей,

тов. Ворошилов выехал на позиции к востоку от станции Меловой. Объединение отрядов под единым руководством благоприятно подействовало на бойцов; в районе Родаково и под Меловой они стойко держали оборону порученных им боевых участков, отбивая атаки противника, и сами переходили в контратаку. Случаи самовольного оставления боевых участков, что ранее было совершенно обычным явлением, теперь были единичными, причем эти прорывы сейчас же заполнялись бойцами из резервов. Ружейно-пулеметный и артиллерийский огонь бойцы также научились вести более организованно. Это был первый реальный показатель, говоривший о том, что ряд отрядов начинает вести борьбу по-новому. На станции Родаково — Меловая наступало более двух германских дивизий. Прибывший на боевые участки тов. Ворошилов приказал наступать правым флангом армии, с тем чтобы опрокинуть зарвавшегося врага. Контратака красных при деятельной поддержке артиллерии тов. Кулика удалась. Противник стал поспешно отступать, оставив на поле боя убитых и раненых, две батареи, около 20 пулеметов и два подбитых самолета. Это была уже большая победа, которая ясно говорила, что наши части могут не только отбивать организованные полки германцев, но и преследовать их на поле боя при дружной поддержке нашей артиллерии.

Бои в районе станций Родаково — Меловая, по мысли тов. Ворошилова, преследовали основной целью «выигрыш времени для планомерной эвакуации»; каждый лишний час сохранял для советской власти большие материальные и людские богатства Донбасса. Погрузка эшелонов в районе Луганска шла круглые сутки. Работали с исключительным подъемом, воодушевленные ворошиловским лозунгом: «Не оставлять и ломаного гвоздя врагу!» Количество эшелонов росло с огромной быстротой, и погруженные вагоны уже насчитывались не сотнями, а тысячами. К 28 апреля эвакуация Луганского района была закончена. Тов. Ворошилов отдал приказ частям 5-й армии под прикрытием бронепоезда и бронедрезин отходить на Луганск и затем к Миллерово.

Рабочие — бойцы красных отрядов, — захватив с собой семьи и домашнее имущество, с чувством огромной горечи проследовали 28 апреля через родной Луганск, отдавая его в кровавые лапы германской интервенции и отечественной контрреволюции.

«С нами двинулся целый город на колесах, — пишет один из участников похода.— Красногвардейцы, семьи металлистов, горняков со скарбом, с птицей и даже телятами. Вся эта громада — эшелон в несколько сот вагонов с десятками тысяч людей — двинулась на Миллерово. Над нами, как ястреб, все время летал немецкий аэроплан. Паники он уже не наводил, к нему привыкли. Только изредка постреливали из винтовок».

29 апреля все эшелоны сосредоточились в районе Миллерово, 30 апреля стало известно, что район станции Чертково занят германскими войсками, которые, разбив в районе Старобельска Тираспольский отряд Бенедиктова, отбросили его за Чертково.

На станции Миллерово царил огромный беспорядок. Через Миллерово от Лихой на Лиски передвигался ряд отрядов. Они не слушали предупреждений командования 5-й армии, которое находилось в Миллерово, что район Чертково уже занят германскими войсками, и продолжали двигаться на север, где были перехвачены и взяты в плен германскими войсками.

С оккупацией германцами района Чертково все отрезанные от севера красные войска были предоставлены самим себе.

Командование 5-й армии, будучи отрезано от севера, решило итти на юг от Миллерово и пробиваться через Лихую на Царицын. Начиналась новая героическая эпопея. Надо было организовать вывоз из окружения 3 000 вагонов с более чем 100 паровозами. Эти эшелоны везли грузы огромной оборонной ценности, вооружение, а также семьи рабочих Донбасса. Итак, тов. Ворошилов решил итти через земли Донской казачьей области от Лихой на Царицын; это был тяжелый, страдный путь, ибо отступательное движение, при наличии железнодорожных эшелонов, было неизбежно приковано к единственной железной дороге Миллерово — Лихая — Царицын, в то время как по всей Донской области спешно развертывалось формирование белоказачьих полков. К концу апреля 1918 года 15 тысяч белоказаков под командованием полковника Денисова[1] и Быкадорова занимали районы 1-го и 2-го Донских округов[2]; более 5 тысяч было расположено в районе Нижне-

[1] Вскоре полковник Денисов был назначен командующим Донской белоказачьей армией, с непосредственным подчинением атаману Краснову, и произведен в генералы.

[2] Схемы 5 и 5а.

Чирской, где формировал отряды ген. Мамонтов. Более 10 тысяч было сформировано в Верхне-Донском и Усть-Медведицком округах под командованием Голубинцева и Фицхелаурова. В Донецком округе действовали совместно с немцами белоказаки формирований ген. Гусельщикова. Таким образом, начиная с Миллерово, отряды тов. Ворошилова, двигаясь на Лихую, ст. Чир, Царицын, с первого же километра к югу от Каменской опять попадали в полное окружение врагов.

ГЛАВА V

Миллерово—Лихая

(Схема 6)

Итак, 250-километровый путь с боями и большими испытаниями от Кабанье до Миллерово был закончен. Начинался новый 400-*км* страдный поход от Миллерово через Каменскую, Лихую на Царицын. В своей автобиографии товарищ Ворошилов упомянул лишь в нескольких словах об этом великом походе рабочих Донбасса от Луганска к Царицыну. В настоящем труде освещаются только основные этапы похода; полное описание этого грандиозного исторического события нашей гражданской войны требует коллективных усилий участников и руководителей похода.

«На станции Лихая, — пишет тов. Ворошилов, — произошло большое сражение. Наши отряды в панике бежали в направлении на Белую, встретив восставших казаков и их пули.

Десятки тысяч деморализованных, изнуренных, оборванных людей и тысячи вагонов со скарбом рабочих и их семьями нужно было провести через бушевавший казачий Дон.

Целых три месяца, окруженные со всех сторон генералами Мамонтовым, Фицхелауровым, Деникиным и другими, пробивались мои отряды, восстанавливая железнодорожное полотно, на десятки верст снесенное и сожженное, строя заново мосты и возводя насыпи и плотины. Через 3 месяца «группа войск Ворошилова» пробилась к Царицыну, и здесь из нее и других частей была образована 10-я Красная армия, которой мне было **поручено командовать»** [1].

Попытаемся здесь с помощью исторических фактов, документов, воспоминаний героев — участников похода Лу-

[1] См. Энциклопедический словарь Граната, т. 41, стр. 96.

ганск—Царицын — воссоздать хотя бы в основных чертах картину замечательной эпопеи, не отказываясь от привлечения и свидетельств врага (белая литература).

Перед тем как двинуть эшелоны 5-й армии с ценнейшим имуществом и вооружением, с семьями металлистов и шахтеров Донбасса от Миллерово на юг к ст. Лихой, а затем на Белую Калитву — Царицын, командование 5-й армии (тт. Ворошилов и Руднев) было хорошо осведомлено, что через район станций Каменская—Лихая спокойно и без боев не пройдешь. Было известно, что станицу Гундоровскую (контрреволюционное гнездо так называемого «стопобедного» ген. Гусельщикова) занимали красные отряды Щаденко и что эта большая, населенная станица и прилегающие к ней более мелкие кишат контрреволюционным казачеством.

В то время (1 мая), когда эшелоны 5-й армии тов. Ворошилова двинулись от станции Миллерово к Каменской [1] и Лихой, весь этот район, Гундоровская, Лихая, Зверево, удерживался красными отрядами, сформированными председателем Донецкого окружного партийного комитета и председателем чрезвычайного штаба по формированию и борьбе с контрреволюцией тов. Щаденко. Положение этих красных отрядов было тяжелое, и подход эшелонов 5-й армии тов. Ворошилова сразу изменил боевую обстановку в пользу красных войск. По этому поводу тов. Щаденко пишет: «1 мая германские войска отрезают путь движения к Воронежу разрушением железнодорожного полотна между станциями Миллерово—Чертково. Единственный путь движения остается на юго-восток, через Каменскую — Лихую — Царицын. Сдерживая натиск наступающих от Гундоровки объединенных немецко-белоказачьих сил, Каменский гарнизон, состоящий из 1-го Донецкого полка, шахтерского отряда, кавалерийского полка и отряда железнодорожников, переживал критические дни. Подошедшие 2 мая к станциям Глубокая и Каменская части 5-й армии товарища Ворошилова быстро изменили обстановку, дружным совместным натиском немцы и гундоровские казаки были отброшены к западу километров на 25. Гундоровская станица оказалась снова в наших руках. Подтянув резервы, командир экспедиционного корпуса генерал фон-Кнерер с частями 91-й германской пехотной и кавалерийской дивизий совместно

[1] Каменская была еще недавно революционной резиденцией красного казака Подтелкова.

с гундоровскими, метякинскими, луганскими казаками под командой генерала Гусельщикова с рассветом 5 мая повели ожесточенные атаки и к утру вынудили нас очистить станицу Гундоровскую, а к 14 часам и станции Глубокую, Каменскую. Особенно ожесточенные бои происходили под станцией Лихая, но, несмотря на десятки германо-белоказачьих атак, наши части, лично руководимые товарищем Ворошиловым, удерживали станцию Лихую до утра 6 мая».

На фронт Каменская—Лихая, как уже говорилось, продолжали двигаться германские дивизии.

Для тов. Ворошилова, приказавшего двинуть эшелоны на Лихую — Царицын, было ясно, что потребуются нечеловеческие усилия, чтобы пробиться на восток к Царицыну из этого белоказачьего и германского кольца. Перед тов. Ворошиловым стояла задача—пропустить через Лихую более 50 эшелонов, которые растягивались на огромном пространстве в 15—20 *км*, и затем провести их по одной железной дороге через 400-километровое пространство, через будущую контрреволюционную Донскую область. Германское командование, заняв районы Чертково и Луганска, самым внимательным образом следило за отрезанными от севера войсками и эшелонами тов. Ворошилова. План германского командования заключался в том, чтобы ударом на Миллерово с севера и выделением необходимых сил на Лихую — Каменскую с юга не дать эшелонам 5-й армии возможности проследовать на Белую Калитву. Немцы посредством воздушной разведки зорко следили за каждым шагом миллеровской группировки красных войск. Участники этого великого похода от Миллерово на Царицын верно хорошо помнят почти беспрерывные полеты германских самолетов в районе Миллерово и затем во время движения эшелонов на юг к Лихой. В сложившейся архитрудной обстановке тов. Ворошилов принимает смелое решение взять инициативу действий в свои руки и коротким ударом в направлении контрреволюционной казачьей станицы Гундоровской занять район этой станицы и удерживать его до тех пор, пока эшелоны 5-й армии благополучно проследуют на юг через Каменскую на Лихую. Каменские и гундоровские белоказаки во сне видели, когда им, с помощью германских отрядов, удастся захватить эшелоны 5-й армии, где, по их разведывательным данным, было много оружия, столь необходимого новым белогвардейским формированиям, которые в это время интенсивно развертывались во всей Донской

области Денисовым, Мамонтовым, Фицхелауровым и др. Тов. Ворошилов приказал передовым отрядам луганских металлистов и сулинских шахтеров и старым испытанным бойцам отрядов 5-й армии высадиться к югу от района станции Глубокой и ударом со стороны Глубокой совместно с отрядами тов. Щаденко отбросить белоказаков от Гундоровской.

Этот маневр тов. Ворошилова оказался совершенно неожиданным для белоказаков. Внезапный, организованный удар на Гундоровскую от Глубокой с энергичным распространением сразу же в западном направлении от Каменской буквально ошеломил руководителей контрреволюции Каменско-Гундоровского района. Они сами намеревались, притаившись к западу от Гундоровской, ударить внезапно в район железнодорожного моста у Каменской, пропустить головные эшелоны, где, по расчетам белоказаков, должны были пройти от Глубокой бронепоезда и бронелетучки, прикрывающие красные эшелоны, а затем мощным ударом обрушиться на эшелоны, внести в них панику и с помощью германских полков захватить в плен всю 5-ю армию с ее эшелонами богатейшего имущества, вывезенного из районов Луганска и Миллерово.

План белоказаков был сорван. Вместо задуманного ими удара последовал внезапный удар тов. Ворошилова. Передовые белоказачьи части бросились отступать в западном направлении от Гундоровской, дав сигнал к поголовному уходу белоказаков из окружающих станиц. Быстрое бегство врага подняло настроение красных бойцов. Некоторые были настолько сильно охвачены наступательным порывом, что стали подумывать о возможности наступления сейчас же прямо от Гундоровской к родному Луганску. Но отступавшее белое казачество предприняло ряд решительных мер. Оно разослало во все направления просьбы о помощи. Особенно рабolенно оно взывало к помощи германского оккупационного командования, соблазняя его перспективами захвата такой богатой добычи, как многочисленные эшелоны 5-й армии. Германское командование отдало своим дивизиям приказ ускорить удар в направлении Каменская—Лихая.

Между тем бойцы 5-й армии во главе с тов. Ворошиловым продолжали свое движение на запад от станицы Гундоровской. Белое казачество уходило поголовно, и с каждым новым километром продвижения красных войск становилось ясным, что враг, собрав силы с помощью герман-

ских интервентов, вот-вот перейдет в контрнаступление от Гундоровской. Тов. Ворошилов внушил командирам отрядов, что необходимо быть на-чеку и не зарываться. Глубокое наступление в сторону Луганска командование 5-й армии считало нецелесообразным и несвоевременным, так как основная задача заключалась в создании временного заслона в сторону Гундоровской только для того, чтобы быстро и благополучно пропустить из Миллерово через Каменскую все эшелоны 5-й армии. На левом фланге уступом вперед выступал отряд тов. Латышева. Он уже миновал станицу Гундоровскую.

«Коротким ударом нескольких объединенных отрядов, — пишет замечательный бец-организатор Михайловский [1], — Гундоровская нами взята. Наш первый Луганский имени Ворошилова отряд (в составе которого чуть ли не ¾ президиума Луганского совета) под командой тов. Латышева, заменившего тов. Ворошилова [2], дерется на левом фланге наступающих.

С боем проходим станицу, преследуя отступающих казаков. Мы рвемся вперед, соревнуясь в перебежках. Победа подгоняет нас. Мы не чувствуем усталости. Зарвавшись далеко вперед, примерно, на 2—3 км за Гундоровку, располагаемся на высотах. Среди нас ликование. Мы уже рисуем себе картины наших дальнейших побед и обратного возвращения на Украину. Но воевать мы еще совсем не умеем. Мы не ведем разведки. Мы не держим связи между отрядами. У нас нет даже непосредственного охранения. А враг не дремлет. Он пользуется балками и оврагами, тем, что на военном языке называется «складками местности», и обходит нас. И судьба всех нас, если бы не выручил Клим Ворошилов, была бы судьбой «богураевцев» [3].

Одновременно с этим отрядом в центр, прямо на станицу, наступали Харьковский отряд и отряды тов. Шаденко. Наступление велось цепями плечом к плечу, развернутым фронтом. Но местность была довольно пересеченная, а поэтому, особенно после форсирования реки Большая Каменка (перед Гундоровской), требовалось установление твердой связи между наступающими отрядами. Белоказаки,

---

[1] Сборник «На службе Пролетарской революции», стр. 75.

[2] Этим отрядом, как мы уже писали в главе II, командовал во время похода к Конотопу в марте 1918 года тов. Ворошилов.

[3] Здесь имеется в виду гибель в районе станции Суровикино Богураевского отряда в 450 человек; посланный для выполнения боевой задачи, но не ведя разведки и не имея охранения, он на марше внезапно был атакован белоказаками и вырублен до последнего человека.

отойдя на несколько километров к западу от Гундоровской, соединились с подошедшей германской дивизией. Германское командование решило вести совместно с белоказаками решительное контрнаступление, обходя Гундоровскую с севера от Донца, а также по обеим сторонам Северо-донецкой железной дороги. Первый удар противника обрушился на слишком выдвинувшийся Луганский отряд Латышева. Этот удар оказался неожиданным для красных бойцов и внес в их ряды замешательство. Поднялась беспорядочная стрельба, бойцы стали рассыпаться по полю, управление было потеряно. Отряд Латышева, ушедший на 3 *км* вперед к западу от Гундоровской, фактически оказался отрезанным. Белоказаки и германцы продолжали наносить удары от хуторов Власово — Нижний Шевыревский на северо-восток в обход Гундоровской. Удары стали обрушиваться и на отряд Локотоша, который пишет следующее:

> Вдруг с Северо-донецкой железной дороги показалась немецкая колонна с кавалерией около 300 всадников и артиллерией, быстро двигавшейся к нам. Для удобства принятия боя я свой отряд начал отводить на противоположную сторону станции, с тем чтобы занять командные высоты, но не успели мы перейти мост (Локотош, верно, имеет в виду мост через р. Большая Каменка.— *Вл. М.*), как по нас был открыт сильный артиллерийский огонь. Здесь же некоторые наши части проявили полную неорганизованность, рассеявшись в беспорядочном бегстве по лугу, без определенного направления и даже не без опасности для себя, не ища никаких прикрытий.

В этот переломный момент наступательных боев тов. Ворошилов увидел, что отряд тов. Латышева, не выполнивший указания о том, чтобы не слишком зарываться, вести разведку, держать связь с соседом,— почти окружен противником и ему грозит полное истребление под перекрестным огнем противника. Тов. Ворошилов послал в отряд ординарцев с категорическим приказанием организованно отходить за реку Бол. Каменка, а сам, пустив коня в карьер, бросился к Луганскому отряду. Тов. Михайловский пишет:

> «На взмыленном коне влетел он (К. Е. Ворошилов.— *Вл. М.*) на наш курган. «Немедленно отходить назад. Нас обходят справа от Донца. Если не успеете, вас всех перерубят!» Команда быстро воспринята. Отстреливаясь, отходим целью назад через пылающую Гундоровку. У нас в тылу глубокая балка — самое опасное место. Под фланговым ружейно-пуле-

В этот переломный момент наступательных боев тов. Ворошилов увидел, что отряд тов. Латышева, не выполнивший указания о том, чтобы не слишком зарываться, вести разведку, держать связь с соседом,— почти окружен противником и ему грозит полное истребление под перекрестным огнем противника. Тов. Ворошилов послал в отряд ординарцев с категорическим приказанием организованно отходить за реку Бол. Каменка, а сам, пустив коня в карьер, бросился к Луганскому отряду. Тов. Михайловский пишет:

> «На взмыленном коне влетел он (К. Е. Ворошилов.— *Вл. М.*) на наш курган. «Немедленно отходить назад. Нас обходят справа от Донца. Если не успеете, вас всех перерубят!» Команда быстро воспринята. Отстреливаясь, отходим целью назад через пылающую Гундоровку. У нас в тылу глубокая балка — самое опасное место. Под фланговым ружейно-пуле-

метным и артиллерийским обстрелом белых, что называется в последний момент, удается проскочить через нее. Если бы мы задержались еще на полчаса, то уже было бы поздно».

Начинало смеркаться. Разосланные тов. Ворошиловым ординарцы с предупреждением об отходе на восток от Гундоровской не все справились с порученной им задачей, а контрнаступление и огонь противника продолжались. Тов. Ворошилов лично, верхом на коне, принужден был под непрерывным огнем противника принять меры к тому, чтобы упорядочить отступление за линию р. Большая Каменка. Один из участников этих боев пишет:

«Ряды смешались. Всем показалось, что из огненной ловушки не вырваться, не уйти из-под ураганного огня. Люди бежали, падали, поднимались и снова бежали. И именно здесь тов. Ворошилов проявил свое исключительное присутствие духа. Верхом на коне, под ураганным огнем, вместе с Сашей Пархоменко носился он среди бежавших людей. В паническої толпе на-лету он выхватывал лучших людей и через некоторое время организовал первую цепь из луганчан. А через два-три часа была установлена и вторая цепь. Огонь начал утихать».

После долгих усилий тов. Ворошилову удалось к вечеру навести порядок и начать медленный отход к станице Каменской. В это время эшелоны 5-й армии быстро двигались на юг к Лихой. Бои позволили, таким образом, выиграть целых два дня; этот выигрыш имел огромное значение: он дал эшелонам возможность благополучно проскочить контрреволюционный очаг Каменская—Гундоровская, пересечь железнодорожный мост через Донец и проследовать далее на юг к Лихой. Кроме того, эти бои и исключительное мужество тов. Ворошилова необычайно подняли его авторитет как командующего. Надо иметь в виду, что многие из бойцов, влившиеся в 5-ю армию из Украины и Донбасса, еще не знали тов. Ворошилова как непосредственного руководителя и организатора боя. В этих же боях те, кто его не знал, увидели его исключительную личную смелость и геройство, умение вовремя находить выход из крайне тяжелой обстановки.

Кровавые бои у Каменской и Гундоровской фактически положили начало беспримерно тяжелым боевым испытаниям, которые 5-й армии пришлось перенести на протяжении целых 70 дней и ночей. Удачное продвижение эшелонов через железнодорожный мост у станицы Каменской,

как очень скоро оказалось, далеко еще не решало общего вопроса о благополучном проходе к Белой Калитве, так как к моменту подхода эшелонов 5-й армии к станции Лихой (20 *км* к югу от Каменской) здесь творилось что-то трудно описуемое. Оказалось, что к станции Лихой двигались со всех сторон эшелоны с отрядами других отступавших украинских армий. На станции Лихой скопилось такое огромное количество вагонов, на которое никогда не была рассчитана пропускная способность станции, в силу чего получился затор, пробка.

Тяжелое положение осложнялось еще тем, что железнодорожный мост у Белой Калитвы был взорван, и надо было потратить несколько дней для его исправления. Почти беспрерывная бомбардировка германской авиацией всего района Лихой вносила хаос и неразбериху. К станции Лихой продолжали двигаться потоки эшелонов к западу от Гуково и к югу от Зверево. Как правило, начальники двигавшихся эшелонов считали себя полными хозяевами и не желали никому подчиняться, категорически требуя скорейшего пропуска именно их эшелонов. На станции царило полное безначалие. Об этом безотрадном положении было доложено командующему 5-й армией тов. Ворошилову. Надо было немедленно принимать решение, так как каждый упущенный час шел на пользу противнику, который с запада вел наступление на фронт Каменская—Лихая. Тов. Ворошилов предложил тов. Артему (Сергееву) проследовать к станции Зверево и попытаться навести там порядок. Начальник штаба 5-й армии тов. Руднев получил приказ взять в свои руки все движение на станции Лихой. Сам тов. Ворошилов остался в районе Каменской. Он организовал оборону по фронту от Каменской и к югу от станицы, постепенно проталкивая к Лихой эшелон за эшелоном. Основная задача заключалась в том, чтобы не дать противнику возможности наброситься с запада на растянувшиеся к Лихой эшелоны 5-й армии. Здесь тов. Ворошилов оставался до тех пор, пока все эшелоны 5-й армии не проследовали к Лихой, а затем он выехал на станцию Лихая. В своей автобиографии тов. Ворошилов пишет:

> «На станции Лихая произошло большое сражение. Наши отряды в панике бежали в направлении на Белую, встречая восставших казаков и их пули».

Несмотря на все усилия боевых соратников тов. Ворошилова, в районе Лихая — Зверево продолжал царить невероятный хаос. Да и трудно было установить здесь порядок, так как район Лихой находился под сильнейшим обстрелом германской артиллерии и бомбардировался с воздуха. Горели эшелоны, взрывались летучки с огнеприпасами. Обитатели эшелонов бросали вагоны и в панике разбегались кто куда. Германские войска продолжали вести наступление на станцию Лихая.

4 мая, прибыв на станцию Лихая, тов. Ворошилов стремился установить хотя бы какой-нибудь порядок. Он выдвинул отряд к западу от Лихой, стараясь пропустить возможно больше эшелонов на станцию Белая Калитва.

«На самой станции, — пишет один из участников, — оставаться было почти невозможно. К вечеру нам все же удалось много эшелонов продвинуть вперед. Чуть забрезжил рассвет. Началась канонада. В наш вагон попал снаряд, кому-то оторвало голову. Обстрел усилился. Часов в 8 утра стало известно, что наши бросают позиции и что по пятам их к станции продвигается противник. К полудню положение создалось невообразимое. Мешались группами, в одиночку кавалеристы, пехота, артиллерия, на-ходу рубились постромки, бросались орудия, пулеметы. Трудно было установить, кто же бегущие».

Командир отряда 5-й армии Локотош вспоминает:

«Подходя к Лихой, мы увидели облако дыма и услышали гул артиллерийской и пулеметной канонады... При приближении к станции мне представилась потрясающая картина: эшелоны горят, кругом рвутся снаряды, на платформах взрываются орудия, слышны стоны раненых, крики бегущих. Я увидел Руднева, Ворошилова, Артема. Они тверды и спокойны. Я получил приказ от них принять меры к борьбе с паникой. по немного мне удалось сделать».

Наступили самые критические минуты в жизни 5-й армии. Надо было буквально из огня, хаоса и разрушения вырвать эшелоны луганчан и их семьи. Выставленные тов. Ворошиловым отряды к западу от Лихой не могли сколько-нибудь продолжительно сдерживать напор германских полков, которым было хорошо известно, что быстрое занятие Лихой передаст в их руки огромную добычу. Германские войска торопились, причем с севера от Каменской им усиленно помогали белоказаки, также жаждавшие отмщения за гундоровскую неудачу и богатой наживы

в районе Лихой. Несокрушимая воля к победе и высокая организованность командования 5-й армии сломили все препятствия.

Тов. Ворошилов оставался на станции Лихая до последнего момента. Он вместе со своим начальником штаба тов. Рудневым руководил эвакуацией и проталкиванием эшелонов. И лишь тогда, когда германские и гайдамацкие войска подошли к станции Лихой вплотную, тов. Ворошилов отдал приказ взрывать и поджигать оставшиеся вагоны, чтобы врагу остались лишь обломки. Когда все это было выполнено под непрерывным огнем противника, тов. Ворошилов со своими боевыми соратниками сели на коней и двинулись в сторону эшелонов, уходивших на Белую Калитву.

«По дороге,— пишет Локотош,— тов. Ворошилов подбирал пулеметы. В это время его настиг (всегда пухом его отмахивающий) Пархоменко. Последний тоже мне говорил, что, когда все побежало, смешалось, его забеспокоила мысль: что с Климом, и он пустился на поиски его, сдерживая по дороге бегущих и заставляя подбирать оружие».

Гундоровская, Каменская и Лихая отняли очень много сил и энергии у командарма 5 тов. Ворошилова, непрестанно находившегося в тесном непосредственном общении с войсками и командирами. Метод непосредственного руководства боем, личного общения с бойцами есть то замечательное качество тов. Ворошилова, которое хорошо известно всем, кому приходилось работать с ним на фронте. Это качество он пронес через всю свою боевую оперативно-тактическую и политическую деятельность за годы гражданской войны, к великому огорчению врагов рабочего класса, шпионов, вредителей и саботажников из военспецов, которые под тем или другим предлогом пытались, но каждый раз совершенно безуспешно, удержать тов. Ворошилова подальше от боевой линии, от живого пульса боя. Им хотелось бы видеть тов. Ворошилова только в штабном вагоне, в кабинете, за сводками, письменными распоряжениями, бумагами, за «черчением чертежей», в значительном удалении от боевой линии, что было бы равносильно негласному «аресту» красного командарма. Но классовый враг просчитался в своих махинациях. Он имел против себя полководца-революционера, который находился постоянно с массой, жил опытом массы, творил с массой, учился сам и учил ее искусству бить врагов, успевал и штабом руководить, и молодые

войска организовывать, и боевые распоряжения писать, и непосредственно руководить и участвовать в боях, и находиться постоянно в курсе политической и военной обстановки.

В боях под Кабаньем, Лисичанском, Родаковым, Меловой, Гундоровской, Лихой линия поведения тов. Ворошилова ясна и целеустремленна. Готовый в любой момент пожертвовать своей жизнью, он думал, творил с единой целью — создать надежные боевые кадры из рабочего класса — этой могучей силы Великой пролетарской революции. Тов. Ворошилов постоянно напоминал своим боевым соратникам — шахтерам и металлистам, что основной вопрос не в эшелонах и даже не в том, как и в каком направлении производить отступление; вопрос заключается в том, чтобы всеми мерами организовать заслон против поднявшейся контрреволюции, чтобы нашим отпором, нашей победой еще более укрепить центр международной революции в Москве. Там находится, — говорил товарищ Ворошилов, — Ленин — величайший гений пролетарской революции и вождь мирового рабочего движения.

Победа германского оружия в Лихой была Пирровой победой. Немецкие интервенты захватили лишь небольшое количество вагонов, не успевших проскочить из района Зверева; в их руки перешла разрушенная, горящая станция и десятки горящих и обуглившихся вагонов на исковерканных железнодорожных путях.

Южнее весь Таганрогский и Ростовский округа к 7 мая были заняты германскими оккупационными войсками.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ОПЕРАЦИИ „ГРУППЫ ВОЙСК тов. ВОРОШИЛОВА"

(5-я и 3-я Украинские армии в Донской области)

ГЛАВА VI

Белая Калитва—Морозовская—Суровикино

(Схема 7)

Со своими верными боевыми руководителями войска 5-й армии и примкнувшие к ним эшелоны 3-й Украинской армии вступили в бурлящий контрреволюционный белоказачий Дон, который необходимо было пересечь с запада на восток по железной дороге на расстоянии в 400 *км*, двигаясь очень медленно, всего по 2—4 и самое большее по 5—6 *км* в день, из-за непрерывных боев в окружении врага, который стремился не дать красным эшелонам возможности проскользнуть к Царицыну.

Как только эшелоны 5-й армии тов. Ворошилова перешли железнодорожный мост через реку Донец, перед командованием армии встал немаловажный вопрос, будут ли продолжать свое стремительное преследование германские войска к востоку от Донца или же они ограничатся оккупацией Донбасса. Большинство руководящих товарищей, находившихся с эшелонами, утверждало, что германцы будут вести преследование не только до Нижне-Чирской на Дону, где была белоказачья резиденция ген. Мамонтова, но и пойдут дальше к Волге. Тов. Ворошилов твердо был убежден, что теперь армии придется иметь дело главным образом с белоказачьей контрреволюцией, ибо германцы за линию реки Донец на восток не пойдут. Германскими оккупационными войсками занята огромная территория, которая требует длительного освоения; германский империализм в мае вступил в самые кризисные и решительные бои на Франко-британском фронте с державами Антанты и стремился быстро перебросить все возможное в Германию и на Французский (Западный) фронт; да кроме того,

надо было прокормить 300-тысячную оккупационную австро-германскую армию. Немцы на первое время были вполне уверены, что белоказачество Дона (Краснов, Денисов, Мамонтов, Фицхелауров, Гусельщиков, Попов) самостоятельно отстоит от большевиков свою казачью область. Конечно, говорил тов. Ворошилов, это вовсе не исключает немецкой помощи белому казачеству; немцы, как и под Гундоровской, будут помогать белоказакам эпизодическим введением в бой той или другой своей войсковой части. Но общего германского наступления в Донской области до Нижне-Чирской ожидать не следует. Как увидим ниже, этот прогноз тов. Ворошилова оказался верным.

Указав общую перспективу борьбы на территории Донской области, тов. Ворошилов столкнулся с новым, весьма серьезным противодействием, которое срывало все дело похода в целом. Не успели эшелоны собраться в районе станции Белая Калитва, как в среде руководящих работников, находившихся в этих эшелонах, появились паникерско-оппортунистические планы и варианты организации похода через Донскую область. Паникеры говорили, что эшелоны громоздки, движение их будет крайне медленным, кроме того, они будут требовать много лишних усилий, труда, лишений и постоянно связывать в действиях. Приводились примеры, что разрушенный железнодорожный мост через Донец потребовал нескольких дней для его исправления и что впереди таких мостов много, так же как станций и водокачек, которые белоказаки будут беспощадно разрушать. Движение, таким образом, будет часто застопориваться. А поэтому, мол, не лучше ли бросить эшелоны, организовать крепкие боевые отряды и с ними отходить на Царицын. Это заманчивое предложение, шедшее по линии наименьшего сопротивления, по существу в корне разрушало организацию ворошиловского похода; оно фактически отдавало сотню паровозов и тысячи вагонов с ценнейшим грузом врагу.

Товарищ Ворошилов решительно восстал против этих новых планов и вариантов, грозивших срывом всего похода. Он призывал вооружиться стойкостью, выдержкой, непреклонной волей, верить в успех похода и не щадить своей жизни, но спасти эшелоны со всем их имуществом и обитателями. Он не скрывал, что поход сопряжен с величайшими трудностями, с ожесточенной борьбой, что за каждый шаг, за каждый километр продвижения придется отважно биться с дико зверской донской контрреволюцией.

Эта бессмертная, непоколебимая вера в творческие силы рабочего класса, в победоносный исход борьбы, какой бы она тяжелой и кровавой ни была, — отличительная черта наших великих организаторов Пролетарской революции — Ленина, Сталина и их лучших учеников Ворошилова, Фрунзе. Только эта большевистская целеустремленность и вера и могли поддержать волевое напряжение и моральное состояние бойцов и их семей в беспримерном в истории гражданской войны великом походе от Лихой до Царицына, где с каждым километром продвижения вперед положение становилось все более и более тяжелым.

Разрушенный белыми мост в районе ст. Белая Калитва и начавшиеся беспрерывные атаки белоказаков на эшелоны ясно говорили, что весь путь до Царицына будет проходить в таких же условиях.

Белоказачьему командованию было ясно, что на восток к Царицыну движется грозная монолитная сила, которую эпизодическими наскоками не возьмешь, что необходимо ударить сомкнутой, крепко организованной компактной массой. Были посланы гонцы с донесениями Фицхелаурову, Денисову и Мамонтову за инструкциями и директивами. Ответ последовал лаконический: всеми силами и мерами замедлить темп движения красных эшелонов, разрушать железнодорожные пути и станции, чтобы выиграть время, пока воинство донское не сорганизуется настолько, чтобы дать серьезное сражение где-то до линии Дона (станция Чир — Нижне-Чирская). Директивы гласили, что белоказачье командование не позволит красным эшелонам пересечь «великую казачью реку Дон». Эти директивы ставили целью не только захват богатого имущества красных эшелонов. Белоказакам важно было разгромить живую революционную силу эшелонов, которая будет на своем дальнейшем пути, как и прежде, собирать и сплачивать вокруг себя середняцко-бедняцкую часть «иногородних» (безземельных крестьян) и малоимущую часть казачества. Эти эшелоны тов. Ворошилова своим походом по Донской области символизировали борьбу за мир, за землю, за Советы. Вокруг этих эшелонов разгоралась по всему «Всевеликому войску Донскому» ожесточенная классовая борьба среди казачества: безземельные крестьяне, «иногородние», переставали платить арендную плату, они повсеместно восставали против сословных привилегий казачества. С каждым часом борьба становилась ожесточенней.

Тов. Ворошилов совместно со своим штабом развил кипучую энергию по организации движения всей огромной массы эшелонов. Надо иметь в виду, что до станции Морозовской двигался, кроме эшелонов 5-й армии, еще ряд эшелонов 3-й Украинской армии, которые также успели проскочить за Лихую и затем на Белую Калитву. Красные партизанские отряды из местного крестьянства и шахтеров во главе с тов. Щаденко после боев в начале мая также влились в 5-ю армию тов. Ворошилова. Все эти отряды необходимо было влить в 5-ю армию для того, чтобы действовать по единому плану похода. Но для этого, учил тов. Ворошилов своих ближайших соратников, необходимо упорно работать с бойцами и добиться, чтобы эшелоны 5-й армии как можно скорее стали образцом безупречной дисциплины и высокой организованности; тогда к нам, говорил тов. Ворошилов, все пойдут, мало того, будут проситься в 5-ю армию.

Во второй половине мая предстояла весьма сложная в тех условиях операция, а именно: надо было взять на строгий учет все эшелоны и все их содержимое, чтобы обеспечить строгий контроль над расходованием снаряжения, вооружения, продовольствия, огнеприпасов и пр. Необходимо было организовать политическую и культурно-пропагандистскую массовую работу для того, чтобы добиться политической сознательности и стойкости в борьбе как бойцов-рабочих, так и их семей. Уже после сосредоточения в районе станции Белая Калитва, во время движения к Жиркове к ст. Ковылкино в штаб 5-й армии стали поступать донесения и жалобы, что в эшелонах 3-й армии с прямого попустительства одного из их руководителей Вишневского (эсер) творится дезорганизаторская работа, разрушается дисциплина и анархически настроенные лица начинают брать верх. Их агитация была несложной, а именно: не допустить объединения отрядов и не дать возможности восторжествовать ворошиловской идее учета и контроля над расходованием имущества эшелонов. Провокаторы распускали слушки, что Ворошиловская армия, как наиболее сильная и дружная, стремится путем «учета и контроля» забрать все имущество в свои руки, с тем чтобы расходовать его по своему усмотрению. «Никакой реорганизации, оставить так, как есть», — твердили пробравшиеся в эшелоны преступные элементы и провокаторы, работавшие на дело белоказачьей контрреволюции. Один из участников этого похода в своих воспоминаниях пишет:

«Уже подойдя к Морозовской, мы установили, что отдельные авантюристические элементы собираются демагогически использовать намечающиеся нами мероприятия по реорганизации. Один из подобных «заправил», так называемый командир 3-й армии Вишлевский, был нами арестован. Тогда к нам явилась делегация с требованием его освобождения и с угрозами. Было ясно, что нам необходимо выбрать одно из двух: либо мы уступим, выпустив Вишневского, и тогда будем находиться под постоянной угрозой всяких демагогов и опасности дезорганизации всех неустойчивых «партизанских» отрядов, либо теперь же решимся заставить их подчиниться нам. Мы избрали последнее. Мы понимали, что в таких случаях решимость может оказать свое действие».

Тов. Ворошилов приказал объявить делегации, что Вишневский освобожден не будет и в случае дальнейшего неподчинения отряда он будет немедленно разоружен, причем было сказано, что боевые силы и бойцы готовы каждую минуту приступить к усмирению бунтовщиков, дезорганизаторов плана похода в столь трудной боевой обстановке. Это решение тов. Ворошилова и твердое указание немедленно приступить к учету всего имущества всех эшелонов, к установлению строгого контроля над всем имело огромное дисциплинирующее значение. Все сознательные товарищи сразу почувствовали в этом решении силу твердой руки полководца, руководителя, вождя, который знает, куда и как надо вести массу. Они говорили потом, что до учета и контроля, которые организовал тов. Ворошилов, каждый считал, что эшелоны любого отряда и все находящееся в них — собственность данного отряда. После общего учета все прониклись сознанием, что все имущество, заключенное в 3 000 вагонах и более чем в 100 паровозах, принадлежит всем участникам похода, и от спасения их самих будет зависеть спасение имущества огромной оборонной ценности.

Учет и контроль заняли несколько дней напряженной работы под руководством комиссии тт. Магидова и Крусера. Несмотря на агитацию затесавшихся в эшелоны темных элементов и бандитов, которые грозили убить тт. Магидова и Крусера и не дать им возможности произвести учет, комиссии и помогавшему ей тов. Рудневу удалось блестяще справиться с трудной задачей. В дальнейшем уголовный элемент был выловлен и расстрелян. Сейчас же после окончания работы по учету запасов в эшелонах были выделены

товарищи, которые должны были строго следить за внутренним порядком эшелонов и организовать их обслуживание, так как движение становилось с каждым километром все труднее: начиная с Белой Калитвы и на восток, к станциям Суровикино—Чир, белоказаки не оставляли в сохранности ни одной станции и водокачки, взрывали железнодорожные мосты, железнодорожные стрелки, разбирали на несколько километров железнодорожный путь и увозили с собой рельсы далеко в балки. Пришлось организовать постоянный специальный железнодорожный отряд; на отряд возлагались все работы по восстановлению железнодорожного пути. Несмотря на полное взаимодействие и взаимоподдержку боевого и железнодорожного отрядов, движение не превышало 6—7 *км* в сутки, а в среднем эшелоны продвигались на восток от Лихой к Царицыну по 2—3 *км* в сутки. Две приводимые нами ниже выдержки из воспоминаний участников этого героического похода дают незабываемую картину внутренней жизни эшелонов, рисуют тов. Ворошилова как замечательного организатора, который сумел, опираясь на крепкое рабочее ядро, вдохнуть могучую волю к победе и борьбе разнохарактерной массе людей и держать ее в рамках железной дисциплины.

«Отступая к Морозовской,— пишет один из участников,— мы перегруппировались, у нас двигались сотни вагонов, — сотня эшелонов с десятками тысяч людей. Это двигался шахтерский и металлургический Донбасс по полям когда-то тихого, теперь взбунтовавшегося Дона. Наше движение к Царицыну происходило под непрерывным натиском белогвардейщины, старавшейся разгромить на каждом шагу армию. Мы были связаны с железнодорожной линией. Мы двигались огромной массой, с напряжением отвоевывая каждую пядь земли. Перед нами разбирали железнодорожную линию, жгли шпалы, гнули рельсы. Мы разбирали пути сзади эшелонов и вновь прокладывали; с нами, кроме того, был изрядный запас рельс и шпал, и здесь сказался организаторский талант тов. Ворошилова. Двигались мы под непрерывным обстрелом».

Другой участник похода рассказывает, что рабочие постепенно настолько пообжились в эшелонах, что чувствовали себя, как дома. У эшелонов можно было наблюдать детишек, игравших в наступление, употреблявших коробки из-под консервов вместо снарядов. Женщины стирали и сушили белье. В отдельных теплушках стояли кровати, небольшие, простые домашние зеркала,

шумел самовар. Вблизи на разведенных кострах жарилось, варилось, и если эшелон начинал двигаться (в день удавалось пройти от 3—4 и до 6—7 *км*, так как исправлялся путь), то варившие на кострах ругались и требовали ждать. Пролетавшие аэропланы уже не производили должного впечатления, и детвора выбегала на них смотреть. Во время пути до Царицына в некоторых эшелонах появились даже новорожденные.

На протяжении всего пути от Лихой до линии Дона испытывался острый недостаток в воде и топливе, которые требовались в огромном количестве для снабжения эшелонов и паровозов. Из этого трудного положения организаторы похода выходили с честью. Под топливо брали все, что только можно, так как лесов в полосе движения эшелонов почти не было. Все водокачки и колодцы вблизи железнодорожного пути белоказаки разрушали и засыпали. Воду для самих бойцов, женщин и детей, а также для питания паровозов приходилось доставать из ближайших речек и родников. Для этого под охраной вооруженной силы организовывали живую цепь, конвейер из мужчин, женщин и подростков и по этой цепи, длиной на 2—3 километра, ведрами передавали воду, которой и наполняли баки эшелонов и котлы паровозов. Получив необходимое количество топлива и воды, эшелоны 5-й и 3-й армий товарища Ворошилова продолжали свой путь, к великой злобе врага, который ни посредством боев, ни посредством разрушений не мог остановить продвижения вперед красных эшелонов. В условиях гигантских трудностей похода и по мере приближения эшелонов к значительным очагам контрреволюционного казачества (Нижне-Чирская, Кобылянская, Пятизбянская и др.) заметно остывал энтузиазм у ряда работников руководящей головки всего похода. Эшелоны проделали от Белой Калитвы до Морозовской 75 *км* трудного пути. До Царицына оставалось еще 180 *км*. В Морозовской опять, как и в Белой Калитве, появились новые планы и варианты, с той лишь разницей, что создатели их с еще большей настойчивостью пытались сорвать поход. Ряд товарищей рассказывает, что «почти все активные работники определенно требовали оставить эшелоны и итти походным путем на Царицын».

Тов. Ворошилов со всей большевистской страстностью и убежденностью разоблачил преступность, никчемность и паникерство всех этих «новых проектов» и проектов. Он говорил, что ни за что не оставит врагу имущества огром-

ной боевой ценности и не допустит раздельного «обходного» от железной дороги движения по белоказачьим станицам огромной армии с женщинами и детьми, которые явно не вынесут этого тяжкого похода и, не дойдя до Царицына, станут жертвой преступного проектерства некоторых паникерски настроенных «руководителей», потерявших способность сопротивления трудностям похода. Тов. Ворошилов неустанно доказывал, убеждал и требовал от руководителей воспитания бойцов на бесстрашном преодолении трудностей. Как и всегда, тов. Ворошилова на совещании в Морозовской поддержали Руднев, Пархоменко, Щаденко и др.

«Не дать задушить нас белогвардейским гадам! Пробиться в полном боевом порядке в Царицын!» Эти призывы тов. Ворошилова передавались по эшелонам из уст в уста, поднимая настроение в бойцах и в их семьях.

Тов. Щаденко пишет об этом великом походе тов. Ворошилова:

> «От Белой Калитвы до взорванного Донского моста приходилось Ворошиловской армии итти с исключительно напряженными боями в условиях взорванных мостов, разрушенного железнодорожного полотна и самых насыпей на десятки километров. По эшелонам, которые вел товарищ Ворошилов к Царицыну, благодаря разрушению водокачек и отсутствию топлива, приходилось разбирать амбары, превращать их в дрова, топить этими дровами, а в паровозы воду наливать ведрами из луж и небольших речек, редко встречавшихся на голом степном пути. Эти трудности и лишения, в которых приходилось биться и продвигаться армии, обремененной семьями, к Царицыну, стоили немало жертв, но они же, эти невероятные, нечеловеческие трудности перехода через монархический Дон, через русскую Вандею, закалили бойцов, сделали из них подлинных солдат революции, достойных Сталинского и Ворошиловского руководства».

Бои в районе Родаково, Меловая, Гундоровская, Лихая, Белая Калитва еще теснее сроднили тов. Ворошилова с массой жителей всех эшелонов. Имя его было самым популярным. Ему отвечали беззаветной преданностью и верили, что под его руководством эшелоны 5-й и 3-й армий, опрокидывая врага, преодолеют все трудности и благополучно сосредоточатся в Царицыне.

В районе Морозовской было завершено объединение отрядов 5-й и 3-й армий. Отряды из крестьянской и шахтерской бедноты Донской области, боровшейся под руководством

тов. Щаденко, которые влились в армию тов. Ворошилова, насчитывали до 12,5 тыс. бойцов.

Дальше события развернулись следующим образом. Командованию 5-й и 3-й армий было чрезвычайно важно знать, что же делается в самом Царицыне. Какова вооруженная сила Царицына? Могут ли красные отряды Царицына выйти навстречу эшелонам объединенных 5-й и 3-й армий? Насколько сильны белогвардейские отряды, оперирующие между линией Дона и Волгой, и насколько крепка советская власть в Царицыне?

Для выяснения всех этих вопросов, по предложению тов. Ворошилова, в Царицын была направлена по железной дороге под охраной вооруженной силы авторитетная делегация под председательством тов. Артема (Сергеева). После ряда боев, понеся потери в личном составе, делегация во главе с Артемом все же пробралась с бронеплощадкой и ремонтными поездами в Царицын. На другой день делегация и присоединившийся к ней уполномоченный ЦК РКП(б) на Северном Кавказе тов. Орджоникидзе сумели вызвать по сохранившейся телеграфной линии станцию Морозовскую и попросили тов. Ворошилова приехать на станцию Чир. Командование 5-й армии, учитывая, что станции Суровикино и Чир не заняты противником, решило отправить в Царицын санитарный поезд с больными и тяжело ранеными, которые очень просили как можно скорее переправить их для лечения в условиях городских больниц.

От Морозовской до Царицына — день езды. Имевшиеся разведывательные данные говорили, что впереди железнодорожный путь не настолько занят белоказачьими отрядами, чтобы санпоезду с больными и ранеными нельзя было проскочить этот участок. Кроме того, казалось, что тяжело раненых и беспомощных людей, а также их жен и детей белоказаки трогать не будут. Но все же, на всякий случай, этому санитарному поезду дали небольшую охрану.

«К общему ликованию измученных раненых, — пишет один из участников этой поездки, — наш поезд начал полным ходом к Царицыну. С эшелоном мы проходили по километру в день, редко-редко удавалось нам одолеть два километра. Полтора месяца мы были совершенно отрезаны от внешнего мира. Поэтому равномерное, быстрое постукивание нашего поезда подействовало на нас лучше всяких лекарств. Мы радо-

вались и ликовали: ведь до Царицына остался всего один день езды».

Санитарный поезд благополучно прибыл на станцию Суровикино. В нем было до 600 человек. На станции Суровикино поезд простоял всю ночь, а на рассвете раненые и больные услыхали ружейные, пулеметные и артиллерийские выстрелы. Среди обитателей санитарного поезда прошел слух, что к станции подошел казачий отряд с целью ее атаки, что паровоза у поезда нет, его куда-то угнали, и что санитарный поезд за ночь загнан в железнодорожный станционный тупик с явным намерением передать поезд в руки белоказачьих отрядов. Дальше предоставим слово очевидцу этих событий, которые дают наглядное представление об ожесточенности борьбы на территории Донской области.

«Через пару часов наступающие начали вести артиллерийский обстрел. Снаряды падали вокруг поезда. У нас был какой-нибудь десяток винтовок, и мы были отрезаны от своих. Раненые в панике стали вылезать из вагонов, тут же падали. Часть расползлась по степи. Но скрыться было некуда. Каждый разрывавшийся снаряд вызывал новый прилив паники. Везде раздавались душу раздирающие крики и стоны».

В этот момент к станции Суровикино подъезжал паровоз с прицепленной бронелетучкой, в которой находились тт. Ворошилов и Пархоменко. Они ехали по вызову Артема и Орджоникидзе на станцию Чир, где предполагали установить план для дальнейших действий. Но за одни сутки обстановка резко изменилась, и станции Суровикино и Чир были захвачены белоказачьими отрядами. Товарищам Артему и Орджоникидзе пришлось уехать обратно в Царицын. Им было ясно теперь, что эшелоны 5-й и 3-й армий совершенно отрезаны. Товарищи Ворошилов и Пархоменко, не подозревая опасности, оказались в районе станции Суровикино как раз тогда, когда шла не поддающаяся описанию расправа белоказаков с больными и ранеными санитарного поезда. Тот же очевидец рассказывает:

«И вдруг со стороны Облиевской появился наш паровоз. С ним был один только пустой вагон. В нашем примитивном броневике ехали Ворошилов и Пархоменко. Но наш поезд был в тупике, и прицепить его было нельзя. Пархоменко раньше

в плечо. Начали втаскивать раненых в вагон, поместили туда несколько семей. Люди ползли, цепляясь за колеса, за рессоры, лезли на буфера, на тендер. Надо было торопиться. Успеют взорвать враги путь, погибнет наш бронепоезд и наш Ворошилов. Поднялась стрельба снарядами по эшелону. Бронелетучка, обвешанная людьми, отошла от станции под градом пуль. Нас несколько человек уцепилось за рессоры. Потом четырех из нас перебросили к котлу. Во время дороги двоих убило. Паровоз № 585 был весь изрешечен пулями. Вокруг рвались снаряды».

Тов. Ворошилову удалось прорваться из станции Суровикино и тем самым вырвать из лап смерти ту часть больных и раненых и их семей, что успела погрузиться на бронелетучку и в вагон, в котором приехал тов. Ворошилов. Вернувшись к своим отрядам, которые уже находились в районе Облиевской, тов. Ворошилов немедленно повел наступление на станцию Суровикино, чтобы спасти оставшихся раненых. Вскоре станция Суровикино была нами взята, и перед красными отрядами предстала ужасающая картина белоказачьего изуверства. Из всего состава санитарного поезда в живых осталось несколько человек, остальные, более 500 человек, были замучены, зарублены и подвешены к потолкам вагонов вниз головой. Так отомстила белоказачья контрреволюция за продолжающееся продвижение красных эшелонов на восток. Не имея сил остановить их в открытом бою, она выместила свою злобу на больных и раненых, совершенно беззащитных людях, и зверски истребила их. В суровикинской трагедии — одной из потрясающих кровавых страниц гражданской войны — во всей отвратности раскрылось звериное лицо контрреволюции. Эта трагедия, относящаяся к концу мая 1918 года, показала, как глубоко прав был тов. Ворошилов, разоблачивший тех, кто настаивал на том, чтобы покинуть эшелоны и походным порядком итти по белоказачьим станицам с женщинами и детьми. Нет сомнений, что это привело бы к мучительной гибели тысячи людей от руки классовых врагов, бешено ненавидевших Пролетарскую революцию.

Организаторы суровикинского избиения изобразили чудовищную расправу над больными и ранеными как «генеральное сражение с большевиками». За эту изуверскую резню белоказачий полковник Попов получил от атамана Краснова чин генерала.

ГЛАВА VII

Станция Чир—Рычково. Прорыв красных частей на левый берег Дона

(Схема 7)

Краснов, избранный 16 мая в Новочеркасске атаманом «Всевеликого войска Донского», отдал своему командарму донскому генералу Денисову директиву во что бы то ни стало захватить в ближайшее время эшелоны 3-й и 5-й красных армий, продолжавших двигаться в направлении на Царицын. Командующий Донской белоказачьей армией ген. Денисов приказал взорвать все мосты и разобрать железнодорожный путь, разрушить станции, и в первую очередь, на участке Суровикино — Ляпичев, взорвать железнодорожный мост через Дон, активизировать борьбу между Доном и Волгой, захватить Калач и Воропоново и сгруппировать силы для генеральной атаки района Царицына. На заседании Большого войскового круга атаман Краснов говорил о задачах казачьей контрреволюции следующее:

«Я вошел в переговоры с германцами. Благодаря весьма искусной политике генерала Черячукина в Киеве, Николая Эльпидифоровича Парамонова и Владимира Александровича Лебедева в Ростове, за шерсть и за хлеб мы получили орудия, винтовки и патроны. Чирский, а за ним Донецкий и Усть-Медведицкий и Хоперский фронты ожили, и началась настоящая война. Мы получили оружие. Наша борьба, благодаря громадному военному таланту и твердой воле командующего Донской армией генерала Денисова и большой работоспособности его начальника штаба полковника Полякова, приняла строго планомерный характер»[1].

Положение объединенных 3-й и 5-й армий было чрезвычайно тяжелым и напряженным; вопрос о связи с Царицыном оставался открытым. Враги взорвали железнодорожный мост через Дон, в 8 *км* к востоку от Рычкова, что совершенно отрезало войска и людей в эшелонах от Царицына. Обстановка осложнялась еще тем, что ремонтные поезда эшелонов тов. Ворошилова ушли с делегацией тов. Артема; эти ремонтные поезда, в связи с наступлением белоказаков на Воропоново, так и остались в Царицыне. Штабы армии тов. Ворошилова получили сведения, что мосты в районе Суровикино, Чир и через Дон взорваны и что белоказаки разрушают станцию и железнодорожный

[1] «Донской край» № 97 за 1918 г.

путь. Тов. Ворошилов спросил инженерно-технических работников (горстка таких находилась в эшелонах), сколько времени нужно для исправления моста через Дон. После соответствующих расчетов те ответили, что мост можно исправить не ранее как через 1½—2 месяца. После стольких дней невзгод и мучений похода стоять 45 или 60 дней всем железнодорожным эшелонам 5-й и 3-й армий среди голой степи в условиях постоянных белоказачьих налетов и нападений — поистине мрачная, гнетущая перспектива! Опять, как в Белой Калитве и Морозовской, ряд ответственных товарищей — участников похода — стал требовать от тов. Ворошилова оставить все эшелоны, погрузить, что только можно, на конные повозки (их теперь, после объединения с отрядами тов. Щаденко, было много) и обходным движением, там, где имеются переправы через Дон, двинуться походным порядком на Царицын. Чем стоять около 2 месяцев и ждать постройки моста, не лучше ли оставшиеся до Царицына около 100 *км* пройти в несколько дней, — так рассуждали эти товарищи.

Этот паникерский план имел в эшелонах немало сторонников, так как на первый взгляд он казался многим очень легко осуществимым. Тов. Ворошилову снова и снова приходилось доказывать всю преступность этого плана, отдававшего в руки контрреволюционного казачества тысячи железнодорожных вагонов с ценнейшим имуществом, потому что на повозки можно было взять лишь ничтожную долю этого имущества. Кроме того, было очень сомнительно, что участникам похода удастся благополучно преодолеть эти 100 *км* в условиях белоказачьего окружения. Все казачьи станицы на путях к Царицыну в это время подняли мятеж против советской власти. Таким образом, 100-километровый путь проходил бы в исключительно неблагоприятной, враждебной классовой среде.

Тов. Ворошилов, как единодушно свидетельствует целый ряд очевидцев, настойчиво разъяснял, что оставить железнодорожные эшелоны на правом берегу Дона с ценным имуществом и вооружением, а затем окружным путем пробираться в Царицын, — это значит вооружить и снабдить контрреволюцию, которая не только истребила бы участников этого похода, но и окрепла бы для борьбы за захват Царицына. Гарнизон же Царицына, состоявший в то время из нескольких красных отрядов, насчитывал не более 4 000 человек. Классовый враг умышленно посылал в части царицынского гарнизона своих доверенных людей,

которые записывались «добровольцами» в красные отряды и затем вели подлую шпионскую и дезорганизаторскую работу. Долго удержать Царицына эти незначительные отряды, к тому же далеко не полноценные в классовом отношении, без шахтерской армии тов. Ворошилова не смогли бы, так как донская белоказачья армия Краснова к началу июня превосходила численностью красные части Царицынского гарнизона в десять раз.

Тов. Ворошилов великолепно понимал, что ввиду все шире развертывающейся гражданской войны на Дону для Царицына было крайне важно скорейшее сосредоточение 30 000 бойцов луганских металлистов, донецких шахтеров, украинских бойцов 5-й и 3-й армий и отрядов тов. Щаденко. Эта уже закаленная в тяжелых боях армия рабочих и крестьян, иногородних, значительно укрепила бы оборону Царицына.

Тов. Ворошилов принимает решение о восстановлении разрушенных ферм железнодорожного моста через Дон, с тем чтобы пропустить через него все эшелоны к Царицыну по железной дороге. Но для того, чтобы обеспечить возможно более быстрое проведение в жизнь этого решения, необходимо было создать вокруг эшелонов, стоявших в районе станции Чир, крепкий плацдарм и благоприятную зону, в которую не мог бы проникнуть противник.

Надо иметь в виду, что к 15 июня, т. е. ко времени сосредоточения эшелонов к станции Чир, во всем огромном районе по обе стороны железной дороги к западу и востоку от линии реки Дона хозяйничали белоказачьи полки генералов Мамонтова и Фицхелаурова. Тов. Ворошилову было ясно, что постройка моста будет происходить в невиданно тяжелых условиях. Для восстановления моста не имелось почти никаких необходимых технических приспособлений, так как все ремонтные поезда, как мы уже говорили, были в Царицыне. Одновременно с постройкой надо было драться с белоказаками, которые, как шакалы, рыскали всюду, особенно много их было в обширном районе станиц Голубинской, Добринской, Потемкинской, Есауловской, Кобылянской, Нижне-Чирской, Пятизбянской.

Имея в виду, что в районе станции Морозовской беспрерывно продолжались налеты, местные советские органы еще перед началом движения эшелонов 5-й и 3-й Украинских армий в направлении Суровикино, Чир просили тов. Ворошилова оставить часть войск в районе станции Морозовской. Так и было сделано. Но морозовцы продер-

жались недолго. Окруженные со всех сторон, под сильным напором белоказаков они под руководством тов. Щаденко также собрались в начале июня в районе станций Чир и Рычково. Атаман Краснов пишет:

«Отходящие вдоль железной дороги к Царицыну части Щаденко напали с тыла на части генерала Мамонтова и поставили его в очень тяжелое положение, принудив бороться на два фронта. Были дни, когда положение генерала Мамонтова, имевшего очень мало патронов, было критическим. Казаки мамонтовской группы уже готовы были призвать на помощь немцев, но донской атаман не разрешил им этого, убедивши, что они сами справятся с большевиками. 14 июня войска генерала Фицхелаурова и генерала Мамонтова совместными усилиями овладели станицей Суровикино и принудили Щаденко бросить железную дорогу и грунтовыми путями отойти к станции Чир».

Строительство Чирского моста заняло почти целый месяц. За эти дни стройки Ворошилову как главному инициатору этого строительства часто приходилось выслушивать упреки со стороны измученных борьбой людей в «никчемности», «дикости» и «своенравии» этой «нелепой затеи». На эти упреки не скупились даже очень близкие и ответственные товарищи, неустойчивое паникерское настроение которых передавалось и в утомленные войска. Терпеливое разъяснение тов. Ворошилова и его ближайших помощников Пархоменко, Щаденко и Руднева успокаивало нервы, смиряло и ставило на свои места дезорганизаторов, которых с каждым днем становилось все меньше и меньше.

Одновременно с постройкой разрушенных пролетов железнодорожного моста почти непрерывно шли бои по обе стороны железной дороги на всем протяжении от Суровикино до станции Лятичев (в последней находился переправившийся на левый берег Дона красный отряд). Особенно ожесточенные бои происходили в направлении базы белоказачьих формирований Нижне-Чирского района, которым стремились овладеть отряды 5-й и 3-й армий.

К 15 июня, к моменту отдачи приказа тов. Ворошилова о наступлении на Нижне-Чирскую, группировка обеих сторон была следующая. Белоказаки фактически окружили со всех сторон красные эшелоны, сосредоточенные на 20-*км* железнодорожном участке между реками Лиска и Дон. Белоказачьи полки ген. Мамонтова располагались главным образом во Втором донском округе, т. е. южнее

железной дороги Суровикино — Царицын. Они прочно занимали основные базы формирований — Нижне-Чирскую и Цымлянскую, кроме того, хутора В. Солоновский, Н. Солоновский, Верхне-Солоновский, станицы Кобылянская, Есауловская, Потемкинская являлись белоказачьими опорными пунктами, разбросанными вдоль реки Дон, к югу от железной дороги. К северу от железнодорожной линии Суровикино — Царицын, т. е. в Медведицком и Втором донском округе, располагались полки ген. Фицхелаурова. Базы белоказачьих формирований находились в Усть-Медведицкой, Клецкой; опорными пунктами вдоль реки Дон были станицы Голубинская и Пятизбянская, кроме того, белоказаки прочно занимали Добринскую, Жирков и Маркин. Такая группировка противника заставляла красное командование сгруппировать свои отряды таким образом, чтобы, во-первых, успешно отражать белоказачьи налеты и нападения на эшелоны, вытянувшиеся кишкой в районе станций Чир — Рычков, во-вторых, выставить крепкое охранение с таким расчетом, чтобы в районе строящегося моста через Дон не допустить непосредственного нападения на тех, кто производил восстановительные работы.

Боевой фронт расположения красных частей, выполнявших задачу по охране эшелонов и постройке железнодорожного моста, показан на схеме 7.

На совещании у товарищей Ворошилова и Руднева с 13 по 15 июня 1918 года было решено овладеть белоказачьей базой ген. Мамонтова — станицей Нижне-Чирской. План операции заключался в следующем.

Исходная линия для наступления назначалась к югу от хуторов Савинского и Бурацкого. Оперативная идея наступления может быть охарактеризована так: главный удар возлагался на отряды Локотоша, Бобырева, Харченко и Крючковского. Отряды Локотоша должны были наступать от Савинской по дороге на юг, с тем чтобы охватить станицу Нижне-Чирскую с запада, юго-запада; отряд Крючковского должен был наносить удар от станции Чир на юг, с тем чтобы охватить белоказачью станицу с востока. И, наконец, отряды Бобырева и Харченко, действуя в промежутке между двумя обходящими группами, должны были ударом с севера на юг атаковать Нижне-Чирскую с фронта прямо в лоб. В районах хутора Максимов и станции Чир группировались резервы, которые по обстановке должны были быть брошены в нужном направлении. Одновременно с развитием этой наступательной

операции к югу от железной дороги Суровикино — Чир — Рычково отряды морозовцев, отряд Питомина и другие части 5-й армии должны были обеспечивать эшелоны и отражать белоказачьи налеты с севера от железной дороги, не давая противнику возможности препятствовать восстановлению железнодорожного моста через Дон.

Этот оперативный план, по существу, преследовал цель не только захватить станицу Нижне-Чирскую, но и посредством боев за нее (а тов. Ворошилов утверждал, что овладение базой белоказачьих формирований Нижне-Чирской потребует много усилий, жертв и времени) выиграть пространство, т. е. отогнать белоказаков еще дальше на юг и выиграть время главным образом для строительных работ по возведению моста. Взяв боевую инициативу в свои руки, можно было тем самым сковать волю противника, не давая ему возможности хозяйничать в этом районе и заставляя его постоянно считаться с волей и энергией красных войск. Результатом этого оперативного плана явились бои, которые продолжались с большим упорством с 16 июня и до первых чисел июля, т. е. до момента постройки моста и прохода всех эшелонов через Дон. Постараемся коротко охарактеризовать эти бои.

Общее наступление, которое должно было начаться с рассветом 16 июня, пришлось немного отложить, так как ряд красных частей еще не был готов к наступлению. Морозовцы получили следующую задачу по обеспечению всей операции: а) захватить хутор Ближне-Осиновский и занять фронт на юг до реки Чир, где связаться с частями 2-го Донецкого полка, который обеспечивал тыл наступающей колонны Локотоша, и затем б) наступая на север и северо-восток и восток по бугру от хутора Ближне-Осиновского до Бурацкого, не допускать нападений противника на железную дорогу с севера, держа тесную связь с отрядом Питомина. В 10 часов было получено сообщение, что красный отряд, переброшенный на левый берег Дона, по оригинально устроенному «понтонному» мосту из бочек с настилом досок из разобранных сараев занял станицу Ляпичев и продвинулся к северу от реки Донская Царица и занял участок хутора Грачевского до реки Дон. Этот маневр был очень удачен и выгоден для бойцов, занятых постройкой моста. К вечеру 16 июня противник начал проявлять активность. Он повел наступление с линии хуторов Сулацкого и В. Солоновского на восток и юго-восток.

но был отброшен. На другой день, 17 июня, отряды Локотоша и Бобырева, ведя бои с передовыми частями белоказаков, подошли к хутору Кустовскому, где были встречены сильным ружейным и пулеметным огнем из домов, садов, колодцев и отдельных кустов. Командиры отрядов Локотош и Бобырев приказали своим частям окопаться и перенесли центр тяжести боевой работы на свою артиллерию, которой было приказано открыть интенсивный огонь по хутору Кустовскому, чтобы зажечь его, с целью заставить белоказаков отойти к югу от этого хутора. К 12 часам хутор Кустовский, подожженный нашей артиллерией и нашими разведчиками, загорелся.

Видя накопление красных сил в направлении на Нижне-Чирскую, противник начал проявлять активность, перегруппировывая свои силы в районе Пятизбянская — Каменская. Этот маневр преследовал основную цель — отвлечь наше внимание на север и ослабить продолжавшийся напор на Нижне-Чирскую. Например, когда наша дальнобойная артиллерия открыла огонь по району хутора Каменского, оттуда сразу же выскочило более 300 всадников, которые стали скрываться в балках. Кроме того, у хутора М. Лучки переправилось до 400 человек белой пехоты и 200 человек белой кавалерии с целью ударить в тыл нашему отряду. Движение красных отрядов на Нижне-Чирскую и упорный бой у хутора Кустовского, что в 6 *км* к северу от станицы, создавали реальную угрозу Нижне-Чирской и вызвали сильное беспокойство белого командования. Станица Нижне-Чирская являлась наиболее крепким контрреволюционным гнездом, колыбелью мамонтовско-денисовских белоказачьих формирований. Все белые хутора и станицы района Нижне-Чирской оживились, как встревоженный муравейник. Тревога за Нижне-Чирскую электрическим током прошла по белоказачьим полкам Мамонтова и Фицхелаурова, вызвав особую активность белых на огромной территории Медведицкого и Второго донского округов. Уже 18 июня было известно, что начались переправы белоказачьих частей в район Потемкинской, Есауловской, Кобылянской, Пятизбянской, Голубинской станиц на левый берег Дона, а также в направлении эшелонов и строящегося моста. Это была демонстрация, продиктованная стремлением создать у красных впечатление, что белоказаки переходят по всему фронту в контрнаступление. Такое повсеместное оживление в стане врага заставило командование красных армий 19 июня сосредоточить внимание всех красных ча-

стей на основной задаче — на охране эшелонов от нападения и на еще более высоких темпах строительства железнодорожного моста. Было приказано сократить фронт и прочно занять правый берег (по буграм) реки Чир на участке хуторов Лисенского, Ближне-Мельничного. Исполняя этот приказ, колонна, состоявшая из Нежинского, Коммунистического и Социалистического отрядов, кавалерии и Харьковской конной батареи, 19 июня сосредоточилась в районе станции Чир.

В период с 19 по 24 июня по всему фронту расположения красных войск белоказаки пытались прорваться в район эшелонов. Они тремя-четырьмя цепями вели наступление на Ближне-Осиновский, Бурацкой между Трех-Трубочным Логом и правым берегом Дона, но, неся значительные потери, каждый раз откатывались. Попытки противника овладеть левым берегом реки Чир и прорваться в районах хуторов Лисенского, Ерацкого и Ближне-Мельничного, с тем чтобы атаковать эшелоны с юга, также потерпели полный крах. Упорство красных частей и энергичные переходы в контратаку, как только показывались цепи противника, не боязнь, а желание принять штыковой бой с белоказаками, — были основной причиной того, что все наступательные попытки противника в направлении эшелонов, стоявших между реками Лиска и Дон, и в направлении строящегося моста отбивались и терпели неудачи. По показаниям пленных, командование белоказаков было уверено, что большевикам мост построить не удастся и что «пока большевики возятся с этим мостом» полки Мамонтова и Фицхелаурова сумеют пополниться и совместным ударом на железнодорожный участок Чир — Рычков с юга и севера овладеют красными эшелонами. В последнюю декаду июня красная разведка показывала, что скопление белых в районе Пятизбянская — Нижне-Чирская и на левом берегу в районе Дунькин — Ковылев продолжается. Белоказаков насчитывалось более 25 тысяч.

О героической борьбе за сохранение эшелонов и о продолжительной упорной работе по постройке моста, не прекращавшейся ни на минуту, — ни днем, ни ночью, знал И. В. Сталин, который с 6 июня находился в Царицыне и развивал кипучую энергию по организации местных органов советской власти и строительству обороны всего Юго-востока Советской страны.

Середина 1918 года была самой тяжелой для Советской республики, окруженной со всех сторон огненным кольцом

врагов. Сибирь и Поволжье были в руках контрреволюции, Украину и Донской бассейн до линии Миллерово — Ростов оккупировали германо-австрийские войска. Царицын и Астрахань являлись последними железнодорожными и водными узлами, через которые представлялась еще возможность перебросить из свободных от белоказаков областей Дона и Кубани хлебные, рыбные и мясо-жировые запасы в голодающие рабочие центры Москвы, Питера, Тулы и в другие города блокированной Страны советов. Большевистская партия и В. И. Ленин послали И. В. Сталина в Царицын в качестве главного общего руководителя продовольственного дела на Юге Советской республики. Но для того, чтобы выполнить поставленную партией задачу и срочно перебросить огромные хлебные, рыбные и мясные запасы, имевшиеся на Юге, тов. Сталину пришлось в первую голову организовать и укрепить советские, партийные, профессиональные органы и заняться организацией военной обороны обширных районов Царицынской и Астраханской губерний. Штаб Северо-Кавказского военного округа во главе с военным руководителем любимчиком предателя Троцкого бывшим генералом царской армии Снесаревым находился в Царицыне. Первое же соприкосновение с этим штабом и его работниками со всей ясностью показало тов. Сталину, что дело обороны находится здесь в руках замаскированных саботажников и ярых врагов советской власти, которые, как увидим дальше, очень скоро были разоблачены, раскрыты и, по указанию тов. Сталина, изгнаны из района Царицына, а некоторые физически истреблены.

В эти тяжелые, решающие дни июня 1918 года тов. Сталин с нетерпением ждал скорейшего завершения строительных работ по возведению моста через реку Дон и прихода луганских металлистов и донецких шахтеров в Царицын.

Тов. Сталин указал военному руководителю Северо-Кавказского военного округа Снесареву отдать приказ об объединении всех красных вооруженных сил, находившихся на правом берегу Дона, и назначить общим командующим их тов. Ворошилова.

Вот содержание этого приказа, отданного по войскам Северо-Кавказского военного округа от 23 июня 1918 года за № 4.

«1. Все оставшиеся части бывших 3-й и 5-й армий, части бывшей армии Царицынского фронта и части, сформированные из населения Морозовского и Донецкого округов, объеди-

нить в одну группу, командующим которой назначается бывший командующий 5-й армией тов. Климент Ефремович Ворошилов.

2. Всем названным выше воинским частям впредь именоваться «Группой войск тов. Ворошилова».

3. Все начальники частей, отрядов и армий, перечисленных выше, в § 1, обязуются беспрекословно подчиняться всем приказам тов. Ворошилова; предупреждается, что неповинующиеся будут предаваться Военно-революционному трибуналу. Кроме того, так как подобным неповиновением они наглядно покажут, что они не понимают или почему-либо не желают выполнять революционную дисциплину, которая требует от каждого подчиненного прежде всего беспрекословного выполнения всех распоряжений назначенного советской властью начальника, все такие неповинующиеся должны немедленно отрешаться по своему несоответствию от занимаемых ими командных должностей.

4. Командующему группой тов. Ворошилову приказываю:

а) Действуя в полной связи с командующим Царицынским фронтом тов. Сталиным, вывести всю свою группу на левый берег реки Дона, овладеть участком от станции Калач до железнодорожного моста через Дон (железная дорога из Царицына на Лихую), перекинуть всю свою артиллерию, обозы и подвижной железнодорожный состав на левый берег Дона.

б) Очистить от казаков всю территорию левого берега Дона на участке ст. Калач, железнодорожный мост через Дон между станциями Ляпичев и Чир.

в) Все переправы на указанном выше участке Дона обеспечить авангардами должной силы, выдвинув их на правый берег Дона.

г) По выполнении указанного установить самую действительную связь со штабом Северо-Кавказского округа.

д) Как только позволит боевая обстановка, срочно, но последовательно привести все части группы в должный порядок, переформировать все отряды и армии соответственно в роты, батальоны, полки и бригады, согласно и ныне имеющимся частей Красной Армии...

е) Напоминаю о необходимости самой внимательной разведки и, по возможности, ежедневных оперативных и разведывательных сводок.

ж) По выполнении всей операции вы назначаетесь ответственным начальником всех войск, расположенных на Царицынском фронте от р. Иловли включительно до станции Гапкуль включительно».

Кроме того, в приказе было указано командующему Царицынским фронтом:

«1. Поддержать всемерно самую действительную связь со штабом тов. Ворошилова и при его выходе на левый берег Дона оказать ему активное содействие войсками вверенного вам фронта.

2. По окончании операции вы поступите в подчинение тов. Ворошилова».

23 июня товарищ Сталин подтвердил этот приказ следующим документом:

«Подтверждаю назначение т. Ворошилова командующим частями бывших 3-й и 5-й армий, бывшей армией Царицынского фронта и частями, сформированными из населения Морозовского и Донского округов.

Член Совета народных комиссаров,
народный комиссар ***СТАЛИН***»[1]

Этот приказ возлагал на товарища Ворошилова новую, еще более ответственную работу оперативно-стратегического характера, когда ему нужно было сейчас же после перехода на левый берег Дона объединить под своим непосредственным руководством все войска Царицынского фронта от реки Иловли до станции Гашунь (фронт составлял 350 *км* без Камышинского района, а с включением последнего — до 500 *км*).

Одновременно предстояло провести большую работу по переформированию множества различных отрядов в цельные оперативно-тактические единицы (дивизия, бригада, полк, батальон, рота и т. д.), и все это в условиях непрерывного, неослабного натиска со стороны классового врага с опытным в боевом отношении офицерским и рядовым составом.

Все попытки белоказаков до первых чисел июля прорваться к красным эшелонам, а также помешать постройке железнодорожного моста у Рычкова окончились неудачей. Атаки белоказаков были почти непрерывны и повсеместны, особенную активность они проявляли в районах хуторов Ближне-Осиновского, Лисенского, Кустовского, Бурацкого, Трех-Трубочного Лога и Ляпичева. Налеты происходили

[1] ЦАКА. д. 207—802. л. 5.

на рассвете и были комбинированного порядка: производился неожиданный конный набег, как бы с целью разведки, и затем наступление нескольких цепей пехоты или же пехотная атака, и если она оказывалась удачной, то для борьбы на поле боя и преследования высылалось несколько конных сотен. О характере этих боев активный их участник, ныне покойный тов. Михайловский писал:

«Передовая цепь Харьковского отряда. В цепи — Ворошилов. На цепь с гиком и свистом, леденящим кровь, несется мамонтовская кавалерия, но цепь молчит. Зычную команду Клима: «Не стрелять. Пусть ближе подъезжают», подхваченную сотенными и десятниками, все слышат и строго выполняют. Но вот казаки совсем близко. Новый зычный крик: «Пли!», и цепь открывает адский ружейный и пулеметный огонь. Валятся лошади и люди. «Товарищи, за мной в атаку. Ура!» Мощное ответное тысячеголосое «ура», и красноармейская пехотная лавина несется в атаку на кавалерию. Клим — впереди. Рядом с ним несколько отборных ребят. Патроны все расстреляны. Казацкий полковник вот совсем перед нами. Иван Локотош — командир Харьковского отряда — не крикнул, а визгнул каким-то неестественным высоким фальцетом: «Клим, Клим, стреляй...» Клим прицелился. Выстрел... Полковник как будто подпрыгнул в седле, шашка взлетела вверх, и он свалился с лошади. Подскочившие партизаны срывают с него серебряную шашку и вручают Ворошилову».

Другой участник, как бы дополняя тов. Михайловского, пишет о бое:

«На утро мы заметили среди белых большую суетливость и увеличение численности. К полудню к нам на участок прибыли тт. Ворошилов и Руднев. Я заметил прибывшим, что их появление на боевом участке почти всегда ознаменовывается со стороны казаков переходом в наступление и что уже сейчас заметно оживление в лагере противника. И действительно, вскоре казаки повели наступление. Мы установили, что наступает, по крайней мере, 7 конных. Нужно заметить, что к этому времени наши части уже отошли. Вначале, при появлении казаков, даже на 4—5 км, наши части поднимали ненужную пулеметную и ружейную стрельбу. В последнее же время наши части приберегли патроны и стойко выдерживали приближение неприятельских частей, сохраняя спокойствие. Было отдано распоряжение не стрелять до открытия пулеметного огня с командного пункта, на кото-

ром находились мы с тов. Ворошиловым. Тов. Кулику был отдан приказ открыть артиллерийский огонь, меткость которого произвела замешательство в рядах казаков, но наступления не остановила.

Подпустив казаков шагов на 400 к нашим цепям, когда у них раздалась команда: «Вперед, в атаку», мы открыли губительный пулеметный огонь, от которого, точно снопы, валились их цепи; но следующие цепи с обнаженными саблями мчались на нас, и тогда мы перешли в контратаку. Я уже расстрелял все свои патроны. В это время возле меня мчится на коне казачий полковник. Я крикнул Ворошилову, последний выстрелил вдогонку и сшиб офицера с лошади.

После мы установили, что казаки наступали так остервенело и рискованно потому, что были абсолютно пьяны, и, кроме того, их уверили, что это — последнее решительное наступление, после которого с нами будет покончено».

Успешные бои в районе Ближне-Осиновский — Нижне-Чирская — Ляпичев — Пятизбянская сыграли решающую роль для сохранения в целости красных эшелонов и благополучного завершения героических работ по возведению пролетов железнодорожного моста через Дон. Эти бои еще более закалили волю к борьбе у красных бойцов, выработали у них упорство в преодолении всевозможных трудностей и обогатили их ценным боевым опытом.

Большой документальный материал говорит об исключительном внимании тов. Ворошилова к разведывательной деятельности. Он постоянно напоминал своим боевым соратникам, чтобы те научились даже из скудных, обычно отрывочных сведений о противнике составлять себе ясное представление о положении врага и на основе этих сведений принимать решение. Сотни раз за свою многообразную боевую деятельность в период гражданской войны тов. Ворошилов лично выезжал на разведку. Заглянуть в расположение врага, узнать, что делает противник, — было постоянным стремлением тов. Ворошилова. Это стремление не раз ставило тов. Ворошилова в рискованное положение, из которого он выходил благодаря мастерскому умению действовать сообразно с боевой обстановкой, а главное — никогда не терять присутствия духа.

Вот один из многочисленных боевых эпизодов, характеризующих эту сторону деятельности тов. Ворошилова.

Во время боев в районе строящегося моста через Дон было известно, что белоказаки из частей под командова-

нием ген. Фицхелаурова сосредоточивали значительные силы в районе станций Голубинская — Пятизбянская для удара в южном направлении, с тем чтобы сорвать работы по постройке моста. Тов. Ворошилов решил поехать в броневом автомобиле на разведку в направлении Пятизбянской.

«Автомобиль при въезде в деревню внезапно врезается в гущу белогвардейцев-казаков. Броневик завяз в узкой улочке и не может развернуться: задний ход плохо действует, шофер теряется... Казаки, как горохом, осыпают выстрелами в упор машину. Они, визжа и крича, почти налетают на нее. Ворошилов успокаивает шофера и советует ему, пока казаки в раже не догадались перекопать дороги, постепенно разворачиваться. Шофер начинает разворот. Два метра вперед — два назад. Два вперед—один назад... Двадцать минут дьявольской трескотни пуль о броню, и вдруг машина рванула влево, застонала и понеслась по дороге. На сей раз командующий возвратился к своим, и только, когда он, пошатываясь, выходил из броневика, видно было, как с шеи его тонкими струйками сочилась кровь от осколков брони»[1].

В первых числах июля тов. Ворошилову удалось пробраться на несколько дней в Царицын к тов. Сталину. От тов. Сталина он получил полную информацию о положении на всех фронтах республики и о перспективах борьбы на Царицынском фронте. Тов. Сталин указал, что необходимо возможно скорее сконцентрировать все силы, находящиеся под командованием тов. Ворошилова, к западу от Царицына в район Кривомузгинская — Карповка, переформировать части в цельные оперативно-тактические единицы, а также произвести мобилизацию, с тем чтобы собрать новые силы и выполнить директиву Владимира Ильича Ленина об обязательном удержании Царицына в руках советской власти в эти критические дни, когда контрреволюция Юга пытается объединиться на линии Волги с контрреволюцией Востока.

В начале июля мост через Дон был восстановлен.

Постройка моста почти под непрерывным ружейно-пулеметным и артиллерийским огнем взбешенного противника — одна из самых замечательных страниц в истории нашей великой гражданской войны. В истории упорной

[1] С. Орловский. Рабочий вождь Красной Армии К. Е. Ворошилов, стр. 31.

борьбы луганских металлистов и донбассовских шахтеров, «иногородних» — крестьян-бедняков и середняков Донбасской области за свою родную рабоче-крестьянскую власть. Обуздывая водную стихию, люди, «бутявшие» почти целый месяц своенравный, быстротечный, глубокий Дон, совершили поистине легендарный подвиг. Тысячи и тысячи рук бросали камни в воды Дона, превращая, как казалось очень многим, «несбыточную затею» в реальную явь в виде новых пролетов железнодорожного моста. Белоказаки с издевкой, наблюдая людей, муравьями сновавших у разрушенных железнодорожных ферм, почти ежедневно предлагали красным бойцам [1] прекратить сопротивление и сдаться; эти предложения подкреплялись постоянной артиллерийской пальбой. Белоказачье командование не допускало и мысли, что голыми руками можно восстановить разрушенные фермы огромного железнодорожного моста, да еще через такую реку, как Дон. С необычайным энтузиазмом принялись за эту работу бойцы и командиры под руководством тов. Ворошилова, пристально следившего за постройкой. Очевидцы постройки разрушенных пролетов моста рассказывают:

«Материал подвозили паровозом, вагонами, носили руками, реку засыпали камнями, щебнем, землей. Работали все. И вот на поверхности воды появились первые признаки насыпи (это значит, что Дон «забутился»). Фундамент был заложен, насыпь была сделана, потом начали накладывать шпалы все выше и выше, шпалы клали в клетку, пока не сравняли с уровнем моста. Тогда наложили рельсы, и по рельсам пошел паровоз. Он шел осторожно, и за каждым его движением следили тысячи напряженных глаз. Не было предела ликованию бойцов, когда первый паровоз прошел через этот необычайный мост и выехал на твердый, верный железнодорожный путь. Потом под обстрелом неприятеля (к счастью, многие снаряды у белых не разрывались) стали пропускать состав».

Об этом же волнующем событии другой участник этой необычайной, закончившейся так успешно стройки пишет:

«Было необычайно торжественно, когда после долгих мучительных дней через мост, созданный руками бойцов, прошел

[1] Белоказаки с аэропланов и разными другими путями распространяли листовки с воззваниями о скорейшем прекращении борьбы и сдаче в плен красных эшелонов.

первый эшелон. Казаки наблюдали за мостом и свое ожесточение выразили усиленнейшим орудийным обстрелом, но прочная связь с Царицыном была уже восстановлена. На станции Кривомузгинской, в 40—50 *км* от Царицына, мы устроили расширенное совещание из представителей всех частей... Было обрисовано фактическое положение дел, была дана всесторонняя информация, и это совещание вынесло резолюцию, что делегаты частей приложат все усилия для введения в своих отрядах надлежащей дисциплины. Наши части, ценою своей жизни сохранившие республике около 3 000 вагонов всякого имущества, свыше сотни паровозов, массу вооружения, мало-помалу стали настоящей регулярной силой».

Прорыв «Группы войск тов. Ворошилова» к Царицыну после 700-*км* марша и месячной вынужденной остановки в районе между реками Лиска и Дон был огромной победой Красной Армии и тяжким поражением атамана Краснова и его помощников — Денисова, Мамонтова, Фицхелаурова и др., которые, несмотря на все свои попытки, так и не сумели овладеть красными эшелонами.

В белом журнале «Донская волна» классовый враг писал: «Ворошилов — бывший слесарь, выдвинувшийся благодаря революции. Под станицей Морозовской его войска были окружены казаками со всех сторон, но благодаря его энергии и помощи Сталина он пробивается к Дону, восстанавливает связь с Царицыном, восстанавливает железнодорожный мост и, наконец, соединяется с Царицынским гарнизоном, приведя ему свыше 15 000 штыков и многочисленные запасы. Эти заслуги, а вместе с тем ясный ум, здравые военные рассуждения сделали то, что Ворошилов, через короткое время занимает выдающийся пост командующего 10-й армией Южного фронта»[1].

Так закончился первый этап почти четырехмесячной титанической боевой страды (март — июнь 1918 г.), беспримерного героического похода, увенчавшегося успехом, благодаря несгибаемому мужеству и целеустремленному большевистскому руководству тов. Ворошилова, имевшего таких прекрасных боевых соратников-бойцов, командиров и политработников, как замечательный энтузиаст 22-летний начальник штаба армии Коля Руднев, Пархоменко, Михайловский, Алябьев, Шаденко, Кулик и др.

---

[1] «Донская волна» от 3 февраля 1919 года. Всего в эшелонах было более 35 000 чел.

Перейдя через Дон на его левый берег, все отряды тов. Ворошилова стали сосредоточиваться в районе Кривомузгинская — Карповка, где в первых числах июля началось переформирование отрядов по директивам товарищей Сталина и Ворошилова[1].

Начинался новый исторический этап, период героической обороны Царицына и всего Юго-востока Советской страны под личным руководством великого полководца Пролетарской революции товарища Сталина.

---

[1] См. главу X.

ГЕРОИЧЕСКАЯ ОБОРОНА ЦАРИЦЫНА

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПЛАНЫ СТОРОН

ГЛАВА VIII

Политический и оперативный план ген. Деникина

(Схема 8)

Командующий Добровольческой армией ген. Корнилов был убит 13 апреля 1918 года под Екатеринодаром во время его первого похода на Кубань. Место Корнилова занял его помощник ген. Деникин. Основные руководители Добровольческой армии генералы Алексеев[1], Корнилов, Деникин, Романовский, Лукомский всемерно стремились организовать на Дону и Кубани базу для развертывания дальнейшей борьбы с советской властью.

Опираясь на монархические круги, на помещиков и капиталистов, а также на моральную и материальную поддержку Англии и Франции, руководители Добровольческой армии на первых порах своей контрреволюционной деятельности не встретили должной поддержки со стороны буржуазно-кулацких «самостийных» казачьих правительств Дона и Кубани.

Ген. Краснову, избранному в мае 1918 года атаманом «Всевеликого войска Донского», было невыгодно целиком подпасть под власть Добровольческой армии. Он стремился быть на Дону полным хозяином и с этой целью организует свою вооруженную силу. 18 мая 1918 года ген. Краснов обращается с известным письмом к императору Германии Вильгельму, у которого просит материальной поддержки (ружей, пулеметов, орудий, амуниции и пр.), за что гарантирует Вильгельму вывоз из Донской области хлеба, жиров, скота и пр.

---

[1] После смерти Корнилова Алексеев получил звание «Верховного руководителя Добровольческой армии» и стал во главе белого правительства Добровольческой армии. После смерти Алексеева в Екатеринодаре (8 октября 1918 г.) руководство контрреволюционной деятельностью на Юге целиком сосредоточилось в руках Деникина.

Этот вассал и холоп германского империализма был готов вести совместно с Добровольческой армией борьбу против Красной Армии, но на равных началах, а не на началах подчиненности, как этого требовали Алексеев, Корнилов, Деникин, Лукомский.

В период с ноября 1917 года по август 1918 года Кубанское войсковое правительство во главе с Лукой Быч, Рябоволом, Макаренко, полк. Покровским и др. стремилось также самостоятельно организовать борьбу на Кубани против отрядов Красной Армии, состоявших из большевистски настроенных кубанских казаков и иногородних — безземельных беднейших крестьян. Кубанское войсковое правительство было против основного лозунга Добровольческой армии «Великая, единая и неделимая Россия» и пыталось организовать из Кубани самостоятельный государственный организм, опирающийся на богатое казачество, на буржуазию и капиталистов Кубани. Кубанская рада в этот период, как пишет ген. Деникин, решительно заявила, что «помогать Добровольческой армии — значит готовить вновь поглощение Кубани Россией».

Кубанская рада (правительство) пыталась «ревниво оберегать свою власть» (Деникин) и отвергала всякое вмешательство Добровольческой армии. Между тем Добровольческая армия считала себя «единственно организованной военной силой на Юге и Юго-востоке в борьбе против немецкой и большевистской власти» (Деникин).

Итак, автономистские стремления кулацких и помещичье-капиталистических элементов донского и кубанского казачества нашли в лице основных руководителей Добровольческой армии ярых противников. С первых дней своего существования Добровольческая армия, будучи орудием открытой буржуазно-помещичьей диктатуры, опиралась на монархистов, кадетов и военно-финансовую поддержку Антанты, стремилась посредством беспощадного белого террора, великодержавного гнета национальностей восстановить царскую монархию под центральным лозунгом «великой, единой, неделимой России».

Смерть ген. Корнилова открыла широкий простор для контрреволюционной деятельности ген. Деникина. На первых порах в основу своего оперативно-стратегического плана он кладет замысел скорейшего превращения Кубанской области в базу для развертывания белых вооруженных сил. На пути к достижению этой цели у Деникина были два основных противника — отряды Красной Армии, занимав-

шие целый ряд обширных районов Северного Кавказа, и затем не покорившаяся еще Кубанская рада. Деникин напрягает все силы с целью найти поддержку в рядах контрреволюционно настроенной кулацко-буржуазной верхушки кубанского казачества.

Все лето 1918 года ушло у Деникина на борьбу с Красной Армией на Северном Кавказе за прочное овладение Кубанской областью и захват Екатеринодара как центра Кубани. Одновременно с этим он непрерывно вел тонкую последовательную интригу против руководителей Кубанской рады, не желавших подчиняться ему. Кроме того, ген. Деникин посылает своих агентов в Терскую область с задачей привлечения терского казачества на сторону Добровольческой армии.

Таким образом, прочная оккупация всего Северного Кавказа и очищение его от Красной Армии с целью создания обширной базы для дальнейшей борьбы с советской властью являлись основной задачей для Деникина летом и осенью 1918 года. Имея собственные интересы на Кавказе и Украине, Антанта, главным образом в лице Англии и Франции, несмотря на продолжавшуюся тяжелую борьбу с Германией на Западно-европейском фронте (Франко-британский фронт), уделяла особое внимание борьбе Деникина с советской властью, развертывая планомерную военно-финансовую и материальную помощь Добровольческой армии ген. Деникина.

В первую половину 1918 года Деникин считал, что захват Кубанской области возможен только после победы над отрядами Красной Армии, расположенными на Северном Кавказе, так как после этого ему уже не представляло труда свергнуть непокорную Кубанскую раду; привлечение донского казачества на сторону Добровольческой армии было для него задачей также очередной, но ее надо было решать во вторую очередь.

Выход из окружения в Донской области армий группы тов. Ворошилова и прорыв ее к июлю 1918 года к Царицыну были огромным поражением для Краснова и донского белоказачества. Для Краснова стало ясным, что теперь борьба за Царицын будет длительной и упорной, так как две армии тов. Ворошилова, пришедшие с большим имуществом оборонного значения, сильно укрепили район Царицына. Краснов не рассчитывал, что во второй половине 1918 года «Войску Донскому» удастся самостоятельно захватить Царицын (который не входил в границы Донской

области, схема 9) и поэтому он начинает зондировать почву у ген. Деникина, предлагая последнему организовать борьбу в Донской области на совместных началах с Добровольческой армией. Ген. Краснов, платя за оружие, передаваемое ему германским командованием, хлебом, скотом, шерстью, жирами, считал для себя более выгодным широко пользоваться материальной поддержкой германского империализма, не требуя помощи живой силы австро-германцев. Для него лично и его близких соратников было ясным, что оккупация Донской области австро-германцами свела бы очень скоро власть правительства «Всевеликого войска Донского» к нулю и полным хозяином на Дону были бы германцы, которые оттерли бы руководителей Дона на задний план, как это было с правительством гетмана Скоропадского на Украине. Кроме того, вручая власть ген. Краснову, «Круг спасения Дона» дал ему наказ бороться за «самостийный», «автономный» Дон, не жалея сил и крови. Таким образом, приход германских войск в Донскую область был нежелателен для Краснова и его окружения, которые сами хотели быть «полноценными» хозяевами на Дону, пользуясь военно-материальной помощью (главным образом оружием) от Германии. Чтобы укрепить авторитет своей власти в Донской области, Краснову надо было скорее победить Красную Армию, но для этого нужны были соответствующие вооруженные силы. Армия же атамана Краснова только что начинала развертываться, а победа нужна была быстрая и полная. Последнее обстоятельство и заставило Краснова попытаться найти себе союзника в лице Добровольческой армии — Деникина. Деникин же считал, что ему невыгодно итти на север, пока его база и тыл — Кубанская область — недостаточно прочно оккупированы Добровольческой армией.

Ген. Краснов в своей работе «Всевеликое войско Донское» (стр. 133) пишет, что он «искал скорейшего свидания с генералом Деникиным». И действительно, в мае 1918 года, когда после первого неудачного похода на Кубань войска Добровольческой армии располагались в районе Мечетинской, это свидание состоялось. Генералы Алексеев и Деникин прибыли в станицу Манычскую (25 км южнее Новочеркасска). Предоставим слово о характере этого свидания самому ген. Краснову.

«В небольшой хате, — пишет Краснов, — станичного атамана у разложенной карты с показанием расположения войск произошла беседа, длившаяся до самых сумерек. Де-

никин начал в довольно резкой форме выговаривать атаману за то, что в диспозиции, отданной для овладения селением Батайск, было указано, что в правой колонне действуют германский батальон и батарея, а в левой колонне — отряд полковника Глазенапа Добровольческой армии.

— Согласитесь с тем, что это недопустимо, чтобы добровольцы участвовали с немцами. Добровольческая армия не может иметь ничего общего с немцами. Я требую уничтожения этой диспозиции, — говорил генерал Деникин.

Атаман ответил, что уничтожить истории нельзя. Если бы эта диспозиция относилась к будущему — другое дело, но она относится к сражению, которое было три дня назад и закончилось полной победой полковника Быкадорова, и уничтожить то, что было, невозможно.

Генерал Деникин заговорил об едином командовании и о том, что желательно поступление донских частей в Добровольческую армию. Атаман ответил на это, что единое командование возможно осуществить только при условии существования единого фронта. Если генерал Деникин считает возможным со своими добровольческими отрядами оставить Кубань и направиться к Царицыну, то все донские войска Нижне-Чирского и Великокняжеского районов будут подчинены автоматически генералу Деникину [1]. Движение на Царицын при том настроении, которое замечено в Саратовской губернии, сулит добровольцам полный успех. В Саратовской губернии уже начались восстания крестьян (читай — кулачества. — *Вл. М.*). Царицын даст ген. Деникину хорошую, чисто русскую базу, пушечный и снарядный заводы и громадные запасы всякого имущества, не говоря уже о деньгах. Добровольческая армия перестанет уже зависеть от казаков. Кроме того, занятие Царицына сблизило бы, а может быть и соединило бы нас с чехо-словаками и Дутовым и создало бы единый грозный фронт. Опираясь на войско Донское, армии могли бы начать марш на Самару, Пензу, Тулу и тогда донцы заняли бы Воронеж...

— На Царицын я теперь не пойду, — упрямо сказал Деникин. — Я обязан раньше освободить кубанцев, — это мой долг, и я его исполню.

---

[1] Как видим, Краснов согласен был подчинить Деникину лишь два незначительных района Донской области, оставляя со основные казачьи округа под своей властью. — *Вл. М.*

Генерал Алексеев поддержал Деникина... На совещании было решено, что Добровольческая армия пойдет вместе с кубанцами на Екатеринодар и только после освобождения его она может помочь донцам в операциях на Царицын». «Таким образом, — продолжает Краснов, — обе армии — Донская и Добровольческая — расходились по двум взаимно противоположным направлениям: одна шла на север, к сердцу России — Москве, другая шла на юг — к Минеральным Водам. Вопрос об едином командовании отпадал. Атаман настаивал на немедленном наступлении... Деникин отказал и в этом» [1].

Дальше Краснов пишет, что Добровольческая армия потребовала от Донского правительства устройства лазаретов, госпиталей и вербовочных бюро в Ростове н/Дону и Новочеркасске, кроме того, снабжения оружием и снаряжением и взяла взаимообразно шесть миллионов рублей, обязуясь обеспечить тыл Донского войска со стороны Кубани, где действовали отряды Красной Армии.

Краснов констатирует, что после этого свидания в Манычской для него стало ясно, что «Войско Донское стояло одно-одинешенько перед громадной задачей освободиться от большевиков...» [2].

В «Очерках русской смуты» Деникин об этом совещании пишет, что немедленное движение на север пока было невыгодным для командования Добровольческой армии, так как последняя оказалась бы в тисках со всех сторон: «с севера и юга — большевики, с запада — немцы, с востока — Волга, то оставление в пользу большевиков богатейших средств Юга, отказ от людских контингентов, притекавших с Украины, Юга России, наряду с Востоком, представлялся совершенно недопустимым».

Согласно плану, разработанному Деникиным и его начальником штаба ген. Романовским, Добровольческая армия в этот период борьбы (первая половина 1918 г.) имела задачей:

«Освобождение Задонья и Кубани, которое обеспечивало весь южный 400-верстный фронт Донской области и давало нам свободную от немецкого влияния, обеспеченную и богатую базу для движения на север; давало приток укомплектований надежным и воинственным элементом; откры-

---

[1] П. Н. Краснов, Всевеликое войско Донское, сборник «Начало гражданской войны», стр. 133.

[2] Там же, стр. 131.

вало путь к Черному морю, обеспечивая близкую и прочную связь с союзниками в случае их победы; наконец, косвенно содействовало освобождению Терека»[1].

С победой на Кубани Деникин рассчитывал получить значительный контингент кубанских казаков и их конницы. Далее Деникин пишет, что вопрос о получении с Дона 6 миллионов рублей вызвал со стороны Краснова следующий неожиданный ответ:

«Хорошо. Дон даст средства, но тогда Добровольческая армия должна подчиниться мне.

Я ответил:

— Добровольческая армия не нанимается на службу. Она выполняет общегосударственную задачу и не может поэтому подчиниться местной власти, над которой довлеют областные вопросы».

Эти выдержки из мемуаров атамана Краснова и ген. Деникина в достаточной мере характеризуют взаимоотношения основных руководителей Добровольческой армии — вассалов держав Антанты и вождей Донского белоказачества — вассалов вильгельмовской Германии. Как мы уже говорили, Деникин, опираясь на Антанту и будучи ее ставленником, считал себя главой всех контрреволюционных сил Юга и Юго-востока России в борьбе против Пролетарской революции. Поэтому в ответ на план атамана Краснова о помощи войскам Добровольческой армии донскому казачеству на данном этапе борьбы (первая половина 1918 года) он решительно выдвинул свой контрплан в виде неотложной помощи со стороны Дона самой Добровольческой армии, тем самым открыто подчеркнув еще раз, что Краснов должен немедля подчиниться командованию Добровольческой армии и выполнять ее директивы. Краснову это было явно невыгодно, а поэтому он и решает вести борьбу с советской властью и Красной Армией пока независимо от Добровольческой армии Деникина, но со всемерной военно-материальной помощью германского империализма.

В этой борьбе за власть Деникин оказался хитрее и прозорливее Краснова. Он считал, что в данной фазе борьбы для Добровольческой армии правильнее будет крепко захватить с помощью держав Антанты Кубанскую область и Северный Кавказ, а затем, имея эту прочную базу,

---

[1] Деникин, Очерки русской смуты, т. III, стр. 151 и 155.

нетрудно будет подчинить себе обескровленные в борьбе с Красной Армией красновские казачьи войска[1].

Для того чтобы читателю была ясна картина операций Красной Армии против донского белого казачества в огромном районе Царицын — Камышин — Лиски — Поворино — Богучар — южнее Ростова — Великокняжеская, мы считаем необходимым кратко осветить ход событий на Северном Кавказе.

Итак, Деникин решил после смерти Корнилова предпринять 2-й кубанский поход с целью овладения Кубанской областью и занятия Екатеринодара. Основные силы Добровольческой армии после 1-го похода ген. Корнилова на Кубань располагались на отдыхе в районе Мечетинской и Егорлыцкой, армия имела около пяти тысяч штыков и сабель, в подавляющем большинстве офицерского и юнкерского состава.

Во второй половине мая 1918 года Добровольческая армия пополнилась и имела в своем составе 1-ю дивизию ген. Маркова, 2-ю дивизию ген. Боровского, 3-ю дивизию полковника Дроздовского, 1-ю конную дивизию ген. Эрдели, 1-ю Кубанскую казачью бригаду ген. Покровского; всего в армии было 5 пехотных и 8 конных полков общей численностью до 10 тысяч штыков и сабель при 21 орудии. Кроме того, действовавший в долине Маныча отряд донских казаков силой в 3 500 бойцов при 8 орудиях под командой полковника Быкодорова также подчинился командованию Добровольческой армии. Оперативный план 2-го похода на Кубань заключался в следующем:

«Овладеть Торговой, прервав тем железнодорожное сообщение Северного Кавказа с центральной Россией; при-

[1] Так оно и случилось. В период с августа 1918 года по январь 1919 года Деникин, прочно захватив Северный Кавказ, разгромил Кубанскую раду, затем перевешал большинство ее руководителей, не желавших полностью подчиниться правительству Деникина (его известное «Кубанское действо»), и поставил на Кубани верных деникинщине ставленников. Ноябрьская революция 1918 года в Германии и последовавшее очищение австро-германскими войсками Украины лишили ген. Краснова той широкой поддержки, которую ему оказывали немецкое правительство и командование. Ген. Краснов попытался перекинуться на сторону Англии и Франции, рассчитывая от них получить помощь, но в это время все материальные блага со стороны Антанты продолжали поступать в Добровольческую армию Деникина, власть которого на Северном Кавказе к январю 1919 года была уже довольно прочной. Казачий круг не поддержал Краснова; 15 февраля 1919 года он ушел в отставку. Донская армия перешла в распоряжение Деникина. Краснов уехал за границу, где написал свои мемуары.

крыв затем себя со стороны Царицына, повернуть на Тихорецкую. По овладении этим важным узлом северо-кавказских дорог, обеспечив операцию с севера и юга захватом Кущевки и Кавказской, продолжать движение на Екатеринодар для овладения этим военным и политическим центром области и всего Северного Кавказа»[1].

Далее Деникин говорит, что этот план, несмотря на ряд трудностей, Добровольческая армия выполнила. Графически этот план военных действий почти исключительно вдоль железнодорожных линий может быть выражен, как показано на схеме 8.

2-й кубанский поход ген. Деникина начался в конце мая 1918 года и продолжался более двух месяцев. Белые дивизии с упорными боями (между прочим, в бою в районе Торговой под Шаблиевкой был убит ген. Марков) двигались в направлениях, намеченных вышеуказанным оперативным планом Деникина. Красные отряды Северного Кавказа под командованием Сорокина — Калнина и др. вели упорные бои с белогвардейцами. Но плохая организованность красных войск, слабая дисциплинированность командования, а подчас и открытое предательство отдельных командиров, о чем мы будем говорить позже, — все это лишило возможности дать соответствующий отпор Добровольческой армии Деникина и помешать ей занять Кубанскую область, а с занятием этой области во второй половине 1918 года Северный Кавказ оказывался отрезанным от Советской России. По мере продвижения на юг, к Тихорецкой и Екатеринодару, Добровольческая армия довольно успешно пополнялась офицерским составом в занимаемых ею городах и станицах, а также белым кубанским казачеством, и к концу похода, после взятия Екатеринодара, несмотря на значительные потери в боях, численность армии Деникина выросла до 40 тысяч штыков и сабель, 86 орудий и 256 пулеметов. 13 июля Добровольческая армия заняла Тихорецкую, 27-го — Армавир, 16 августа — Екатеринодар. Таким образом, основные районы Кубанской области были прочно оккупированы ген. Деникиным, который в эти дни повел решительную борьбу с правительством Кубанской рады, в конце концов разгромил ее и сделался полным хозяином на Кубани. Но об этом позже.

---

[1] Деникин, Очерки русской смуты, т. III, стр. 156.

ГЛАВА IX

Политический и оперативный план Краснова — Денисова

(Схема 9)

Апрель 1918 года может быть отмечен как начало организации вооруженных сил «Всевеликого войска Донского». К этому времени из Сальских степей вернулись отряды походного атамана ген. Попова. Под его командованием сосредоточивались три основных группы донского белого казачества.

Задонская группа ген. Семенова — в районе Кагальницкой — Егорлыцкой. Здесь же расположилась после своего 1-го похода на Кубань на отдых пятитысячная Добровольческая армия Деникина (район Мечетинской и Егорлыцкой). Район Ростова был оккупирован немцами.

Южная группа полковника Денисова (вскоре произведенного в генералы) — в районе Заплавской.

Северная группа — бывший «Степной отряд» войскового старшины Семилетова — в районе Раздорской.

В этих трех группах было более 10 000 бойцов. Кроме того, в станицах к северу и югу от железной дороги Лихая — Царицын, по которой двигались эшелоны армий тов. Ворошилова, усиленно формировались донские ополчения под командованием генералов Фицхелаурова, Мамонтова и др.

«Отношения между добровольческим и донским командованием оставались попрежнему весьма тягостными. Они проявлялись в повседневной жизни на каждом шагу и вносили первирующий элемент в текущую работу»[1].

Эту мысль Деникин в своих «Очерках русской смуты» повторяет очень часто. То же самое мы видим и в мемуарах ген. Краснова в отношении Добровольческой армии. 13 июля 1918 года ген. Краснов составил декларацию об образовании «Дон-Кавказского союза», согласно которой должны были быть созданы самостоятельно управляемые государства: а) Всевеликого войска Донского, б) Кубанского войска, в) Астраханского войска, г) союза горцев Северного Кавказа и Дагестана. Эту декларацию он послал Деникину, последний дал резко отрицательную оценку этому произведению Краснова — Денисова, выдвинув опять идею «великой, единой и неделимой России».

[1] Деникин, Очерки русской смуты, т. III, стр. 246.

Деникин писал в своем ответе, что если бы и был создан *временно* этот «Доно-Кавказский союз», то командующим всеми вооруженными силами должен быть командующий Добровольческой армией. На ответе Деникина ген. Краснов наложил резолюцию: «Никогда»[1]. Надо иметь в виду, что когда Краснов писал это слово «Никогда», его рукой водила не только личная неприязнь к Деникину, но главным образом угроза со стороны представителя германского главного командования, майора генерального штаба Кофенгаузена. Германское главное командование хорошо знало, что политика Деникина в отношении Германии диктовалась представителями при нем держав Антанты, а поэтому сразу же пригрозило Краснову, указав открыто, что если он будет любезничать с Добровольческой армией, то — «дружбе конец» и оружия и снарядов Краснов больше не получит. Это было как раз в тот момент, когда атаман Краснов и его ближайший помощник — командующий Донской армией ген. Денисов развивали бешеную энергию в отношении нового формирования войсковых частей на Дону.

Если внутри Донской области атаман Краснов стремился быть полновластным диктатором, то его внешняя политика целиком отражена в его письме Вильгельму, где он писал:

«Тесный договор сулит взаимные выгоды, и дружба, спаянная кровью на общих полях сражений воинственными народами германцев и казаков, станет могучей силой для борьбы со всеми нашими врагами».

Так как Таганрог и Ростов были оккупированы германцами, то Краснов в своем письме к Вильгельму верноподданнически слезно просил «включить в границы войска по соображениям географическим и этнографическим Таганрогский округ и по «стратегическим» — Лиски, Воронеж, Поворино, Камышин, Царицын, обещая за это Германии «право преимущественного вывоза», особые льготы «на помещение германских капиталов в донские предприятия».

Оперативно-стратегический план генералов Краснова — Денисова преследовал две основные задачи:

1) скорейшее очищение от Красной Армии всей Донской области в ее географических границах и

2) захват в районах Саратовской и Воронежской губерний городов: Царицына, Камышина, Лиски, Балашова.

---

[1] Деникин, Очерки русской смуты, т. III, стр. 248.

Новохоперска и Калача для наилучшего обеспечения границ Донской области.

Занятие района Царицына было основной задачей для операций Донской армии на август 1918 года.

Для выполнения этого плана Краснов и Денисов (последний занимал должность командующего Донской армией) объявили мобилизацию 25 возрастных классов и отдали приказ, чтобы донское офицерство явилось в действующую армию под знамена.

Во второй половине июля 1918 года Краснову удалось довести численность действующей армии до 40 тысяч штыков и сабель при 300 пулеметах и 100 орудиях. К этому времени, как пишет сам Краснов, в обмен на хлеб, жиры, скот, шерсть и пр. немецкое командование передало Дону 11 651 трехлинейную винтовку, 64 орудия, 88 пулеметов. 109 104 артиллерийских снаряда и 11 594 721 ружейный патрон; часть этих запасов ген. Краснову пришлось уступить, после совещания с Деникиным в станице Манычской, Добровольческой армии [1]. По данным ген. Деникина [2], к середине июля 1918 года на складах в Новочеркасске находилось:

Приход	Орудий	Пулеметов	В тысячах		
			ружей	снарядов	патронов
Захвачено казаками к началу мая	16	79	14	7,6	4 322
Получено от немецких властей и Украины	25	79	11,7	119	13 917

Не жалея местных средств, Краснов непрерывно отправлял скот, шерсть, хлеб, жиры и пр. в Германию и постепенно достаточно хорошо обеспечил оружием полки своей вновь формируемой армии.

С целью добиться скорейшего выполнения вышеуказанного оперативного плана и выйти за пределы Донской области, Краснов и Денисов приступили к реорганизации отрядной системы в общеармейскую. Многочисленные и разбросанные отряды начали сводиться в регулярные полки и дивизии. Были изданы уставы, введена старая ка-

[1] П. Н. Краснов, Всевеликое войско Донское, стр. 141.
[2] Деникин, Очерки русской смуты, т. III, стр. 61.

зачья форма, для отличия в бою было приказано носить на фуражках или папахах белую полоску. В Новочеркасске были открыты офицерские военные школы и училища. Офицерский состав обучал свои части приемам и способам ведения широкой маневренной войны и боя. Краснов и Денисов пишут, что они стремились внедрить в казачью массу умение вести скоротечные бои с таким расчетом, чтобы, начиная бой на рассвете, стараться к полудню его закончить.

«Окопов и укреплений не строили. Самое большее, окапывались лункою для защиты плеч и головы, большей же частью лежали открыто. Шанцевого инструмента было мало... Тактика была проста. Обыкновенно на рассвете начинали наступление очень жидкими цепями с фронта, в то же время какой-либо замысловатой балкою двигалась обходная колонна главных сил с конницей во фланг и тыл противнику».

Отличное знание местности казаками давало им возможность прибегать к искусным маневренным действиям. Если в процессе боя из данных разведки казаки видели, что красные войска превосходят их в численности, они пытались тогда применять различного рода хитрости. Например, завязав короткий бой по всему фронту данного полка, бригады или дивизии, белоказаки начинали умышленное отступление километров на 15—20, красные части предпринимали преследование, в это время белые выделяли сильные конные группы на флангах в обходные колонны с целью зажать преследующего в клещи. Если последним не велось должной разведки на флангах, то он очень скоро попадал в окружение и принуждён был вести бой в трудных условиях. Такую тактику «притворных отступлений» белоказаки под командой Гусельщикова, Мамонтова, Фицхелаурова и др. применяли нередко. Пленных белоказаки, как правило, уничтожали поголовно. Этого не скрывает и Краснов, говоря, что «в атаке казаки были беспощадны. Так же они были беспощадны и с пленными»[1].

Штабы казаков, как правило, были небольшие. Краснов пишет, что «штаб «отряда», ведшего совершенно самостоятельные операции, состоял из начальника штаба и одного-двух адъютантов. Для хозяйственных целей сами станицы отряжали к отряду нескольких торговых казаков (кулаков), которые «распределяли добычу, взятую у неприятеля, и за-

[1] П. Н. Краснов, Всевеликое войско Донское, стр. 153.

ботились о правильном снабжении отряда всем необходимым. Добыча, из чего бы она ни состояла, считалась собственностью отряда и сейчас же шла: одежда и оружие — на пополнение отряда, а остальное отправлялось в станицу, к себе, в дома, или в общую станичную казну. На случай получения оружия от неприятеля, в тылу всегда бывало достаточно мобилизованных, но еще невооруженных казаков»[1].

Такой разбойничий способ самоснабжения был очень выгоден белоказачьему населению; желание побольше награбить и поживиться являлось очень важным фактором во всех операциях белоказаков. Легко представить, какую злобную досаду они испытывали, когда из-под их носа ушла богатейшая добыча — 3 000 вагонов с ценнейшим оборонным имуществом и более 100 паровозов группы войск тов. Ворошилова. Во время наступления на Царицын, организованного командованием Донской армии, за казачьими полками шел нескончаемый поток подвод, обладатели которых рассчитывали со взятием Царицына наполнить их награбленным имуществом этого огромного и богатого города.

Реорганизация мобилизованных частей шла быстрым темпом. Агитаторы «Круга спасения Дона» разъезжали по белоказачьим станицам, призывая нести «жертвы на алтарь родины». Они говорили, что август будет самым счастливым месяцем в истории возрождения Дона; это означало уверенность командования Донской армии в том, что в этот месяц Царицын будет взят белыми донцами. Беспощадный белый террор после ухода Красной Армии из Донской области заставил советски настроенное беднейшее крестьянство из так называемых «иногородних» бросить свои насиженные места и уйти вместе с красными отрядами в район Царицына. Кулаки же из «иногородних» получили от белого правительства «Круга спасения Дона» соответствующие льготы. Этот кулацкий сброд Краснов называет «крестьянами». О них он пишет так: «С казаками бороться против большевиков пошли и многие крестьяне, жившие поблизости от станиц и в самих станицах. Этих крестьян приговором станичного общества зачисляли в казачье сословие. Такие добровольцы дрались отлично и подавали пример удали казакам»[2].

---

[1] П. Н. Краснов, Всевеликое войско Донское, стр. 152.
[2] Там же, стр. 151.

В шести войсковых группах Альферова, Мамонтова, Фицхелаурова, Семенова, Киреева, Быкодорова шла самая интенсивная боевая и организационная работа. Они имели прочную связь по телеграфу и телефону с главным штабом Донской армии в Новочеркасске, работали также три радиостанции в Новочеркасске, Каменской и Мечетинской.

Ко времени 1-го наступления на Царицын, т. е. к началу августа 1918 года, Краснов насчитывал в своей армии 27 000 пехоты, 30 000 конницы, 175 орудий, 610 пулеметов. 20 самолетов и 4 бронированных поезда. Кроме того, спешно формировалась так называемая «молодая постоянная казачья армия», которая по мобилизации была собрана в Персиановском, Власовском и Каменском лагерях. Из этой «молодой армии», в которую были призваны казаки в возрасте 19 и 20 лет, были сформированы две бригады — пластунская и стрелковая, затем три конных дивизии, саперный батальон и технические части, а также легкая, конная и тяжелая артиллерия. Краснов пишет:

«Части эти были нормального российского штата, имели казенных лошадей и все казенное обмундирование и снаряжение, от войска штатный обоз, были воспитаны, муштрованы и обучены по старым русским уставам и составляли гордость войска Донского. 26 августа (по старому стилю. — *Вл. М.*) донской атаман представил Большому войсковому кругу всю молодую армию, собранную под Новочеркасском в Персиановском лагере. Всего было 7 батальонов, 33 сотни спешенных казаков, 6 батарей без запряжек (одна прислуга), 16 конных сотен, одна мортирная батарея и 5 аэропланов»[1]. В Донской армии в первой половине августа ген. Денисов уже закончил в главных чертах реорганизацию мобилизованных частей: *пешие полки* получили свои номера, имели по два-три батальона численностью по 1 000 штыков в батальоне и по 8 пулеметов на батальон; *конные полки* были сведены в шестисотенные полки, по 16 рядов во взводе при 8 пулеметах на полк, орудия были выделены из состава полков, сведены в четырехорудийные пешие и конные батареи. Пешие полки тоже составили бригады и дивизии; к ним приданы артиллерийские четырехбатарейные бригады и двухбатарейные дивизионы.

---

[1] П. Н. Краснов, Всевеликое войско Донское, стр. 151.

К августовскому наступлению Донской армии на Царицын генералы Краснов и Денисов обратили серьезное внимание также на боевое использование такой большой водной артерии, как Дон; по обоим его берегам, как известно, были расположены значительные контрреволюционные белоказачьи станицы, как-то: Манычская, Константиновская, Нижне- и Верхне-Курмоярские, Есауловская, Потемкинская, Нижне-Чирская, Кременская, Усть-Медведицкая, Мигулинская и др., которые являлись базами пополнений и опорными пунктами для «Круга спасения Дона». Был поставлен вопрос о создании боевой флотилии. И если к августу ряд пассажирских пароходов, превращенных в речные боевые суда, только начинал свою деятельность по реке Дон, то ко второму наступлению на Царицын эта водная артерия была довольно хорошо милитаризирована и являлась серьезной помощницей для штаба Донской армии. По Дону совершались переброски войск, подвозились боеприпасы (снаряды, орудия). Пароходы Дона, как пишет Краснов, доставили на фронт закупленные Донским правительством в Румынии и Крыму двенадцать шестидюймовых морских пушек Канэ, которые были установлены на бронепоезда. Они же привезли 100 пулеметов, 9 аэропланов, 10 000 снарядов, ½ миллиона ружейных патронов. Для пополнения личным составом боевого флота Донской армии в Таганроге был организован флотский береговой батальон. Боевые суда Дона «Пернач», «Цымла», «Вольный казак», «Донец» и др. курсировали по Дону, охраняя подступы к нему и высаживая в нужные дни операций боевые десанты. В двадцатых числах июля 1918 года Донская белая армия заняла своими боевыми группами исходные районы для наступления на Царицын, Камышин, Балашов, Новохоперск, Богучар[1], Лиски.

Северная группа (полк. Альферов) — хоперские части численностью до 12 000 бойцов, общее направление: Богучар — Лиски — Новохоперск.

Северо-восточная группа (ген. Фицхелауров) — численностью до 20 000, общее направление: Балашов — Камышин.

Восточная группа (ген. Мамонтов) — численностью 12 000, общее направление: Калач-на-Дону — Царицын.

---

[1] Богучар был занят Альферовым еще 14 июля. — *Вл. М.*

Мамонтову должны были помогать белоказачьи части, расположенные в районе севернее Великокняжеской, численностью до 10 000; на них возлагались задачи: перерезать связь красных войск Царицына с войсками Северного Кавказа, а также наступать вдоль полосы железной дороги Великокняжеская — Зимовники — Сарепта на Царицын, тем самым помогая с юга группе Мамонтова в его наступлении с востока на Царицын. Как видим, несмотря на весьма обширные замыслы Краснова — Денисова, при довольно ограниченной численности их армии далеко выдвинуться за пределы границ Донской области, все же центральная оперативная идея заключалась в твердом *стремлении концентрическим ударом с севера, востока и юга* отрезать Поворино и Камышин и красные войска Северного Кавказа от Царицына и занять последний.

С августа по декабрь 1918 года командование Донской армии стремилось к достижению и разрешению этой центральной политической и оперативной задачи. Занятие Царицына ставилось в первую очередь еще потому, что путем захвата этого огромной политической и стратегической важности района Краснов и Денисов рассчитывали создать перелом в настроении оппозиционной части Донского войскового круга, которая не желала выдвигаться далеко за пределы Донской области. Царицын был бы тем лакомым куском, который развил бы аппетит к дальнейшим захватам в кругах оппозиционно настроенных казаков, численность коих была значительной. Краснов пишет:

«Интеллигентная часть Круга, понимая, что не может быть войска Донского вне и независимо от России, стояла на дальнейшем развитии военных действий: серая часть Круга, громадное большинство, стояла на принципе «без аннексий», «при свободном самоопределении народов», и самоопределилась в пределах земли войска Донского, не желая переходить его границы. И несмотря на всю силу почти самодержавца, атаман чувствовал себя бессильным».

Таким образом, ген. Краснову надо было провести большую «агитационную» работу среди «серой части Круга», составлявшей «громадное большинство». Краснов ясно понимал, что переход границ войска Донского для него, ген. Денисова и для «интеллигентной части Круга» будет актом огромного политического и военного значения. Он пишет, что наступление в пределах Саратовской и Воронежской губерний являлось фактом войны захватнической,

но надо было, совершенно откровенно заключает он, «итти ради добычи, ради грабежа»[1]. Краснов делал большую ставку, смысл ее он выразил так: «Пойдешь вперед — не будешь иметь успеха — все повернется против тебя»[2]. И действительно, неудача первого наступления на Царицын поставила бы правительство и командование войска Донского в крайне тяжелое положение. Поэтому Краснов отдает директивы тщательно готовиться к борьбе, чтобы добиться полной победы над Царицыном, так как провал первого наступления, непременный успех которого так широко афишировали ставленники Краснова, повлек бы за собой падение престижа руководства Доном и подорвал бы авторитет Краснова в руководящих кругах Германии. Кроме того, поражение Краснова явилось бы крайне отрадным фактом для самого серьезного его соперника в лице командования Добровольческой армии Деникина, которая в это время успешно начала второй поход на Кубань.

«Атаману, — пишет в своих мемуарах Краснов, — удалось добиться постановления Круга о переходе границ войска Донского, которое было выражено в приказе Всевеликому войску Донскому следующими словами: «Для наилучшего обеспечения наших границ Донская армия должна выдвинуться за пределы области, заняв города Царицын, Камышин, Балашов, Новохоперск и Калач в районах Саратовской и Воронежской губерний»[3].

Начиналось августовское наступление белой казачьей армии на Царицын и первое его окружение.

ГЛАВА X

Политический и стратегический план Сталина и первоначальные мероприятия по обороне Царицына

В первой половине 1918 года враги советского народа стремились задушить молодую Советскую республику голодом и вооруженной интервенцией. Захватив самые богатые хлебом и продовольствием районы — Украину, Сибирь, Дон, Кубань, они добились того, что огромные массы рабочих буквально голодали. «В 1918 г. летом московские

---

[1] П. Н. Краснов, Всевеликое войско Донское, стр. 159.
[2] Там же, стр. 160.
[3] Там же.

рабочие в два дня раз получали 1/8 хлеба с жмыхами»[1]. Продовольственный и топливный кризис в стране, обострившись до крайности, вызывал тяжкие лишения и эпидемические заболевания трудящихся и в красных войсках.

В. И. Ленин в мае 1918 года писал: «...Буржуазия и все богатые, в том числе деревенские богатеи, кулаки срывают хлебную монополию, разрушают государственное распределение хлеба в пользу и в интересах снабжения хлебом всего населения и в первую голову рабочих, трудящихся, нуждающихся. ...Когда сотни тысяч и миллионы людей мучаются от голода (в Питере, в неземледельческих губерниях, в Москве) — в стране, в которой миллионы и миллионы пудов хлеба прячутся богачами, кулаками и спекулянтами, — в стране, которая зовет себя Социалистической Советской Республикой,— тогда есть над чем серьезно и глубоко поразмыслить всякому сознательному рабочему и крестьянину»[2].

Анализируя создавшуюся обстановку в стране, Владимир Ильич Ленин приходит к твердому выводу: «...Хлеба хватит на всех только при строжайшем учете каждого пуда, только при безусловно равномерном распределении каждого фунта. Хлеба для машин, то-есть топлива, тоже крайний недостаток: встанут железные дороги и фабрики, безработица и голод погубят весь народ, если не напрячь все силы для беспощадно строгой экономии потребления, правильности распределения. Катастрофа перед нами, она придвинулась совсем, совсем близко. За непомерно тяжелым маем идут еще более тяжелые июнь, июль и август»[3]. «...Перед нами теперь, летом 1918 года, может быть, один из самых трудных, из самых тяжелых и самых критических переходов нашей революции...»[4].

В мае 1918 года целый ряд богатейших хлебом и продовольствием районов Юго-востока страны, а именно Северного Кавказа, Средней и Нижней Волги, еще продолжали находиться в руках советской власти. По своему географическому положению ключом всего Юго-востока Советской России явился район Царицына, к которому со всех сторон тянулись железные дороги и водные пути. Вот этим важнейшим стратегическим районом Царицына и стреми-

[1] И. Сталин, «Об Октябрьской революции». Партиздат, 1932 г., стр. 30.
[2] В. И. Ленин, Сочинения, т. XXIII, стр. 26—27.
[3] Там же, стр. 27 и 28.
[4] Там же, стр. 49.

БОЕВОЙ ФРОНТ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В 1918 ГОДУ

лась в первую очередь овладеть контрреволюция. с тем чтобы, во-первых, не дать возможности через Царицын переправлять в голодающие губернии и промышленные центры (Москва, Питер, Тула, Нижний-Новгород, Иваново-Вознесенск и др.) хлеб и продовольствие (жиры, рыба, скот и пр.) и, во-вторых, объединить здесь на линии Астрахань — Царицын — Камышин белоказачьи армии Юга (донские, кубанские, астраханские, терские) с белоказаками Востока (уральскими, оренбургскими).

В мае 1918 года после совместного обсуждения Ленин и Сталин решают взять хлеб и продовольствие для промышленных районов центральных губерний на Юго-востоке Советской России, удержать во что бы то ни стало в руках советской власти район Царицына и тем самым не дать возможности объединиться контрреволюционным силам Юга и Востока. Эту величайшей важности для Советского Союза задачу Ленин и партия поручают осуществить и выполнить лично товарищу Сталину.

Совет народных комиссаров вынес 31 мая 1918 года постановление о назначении И. В. Сталина руководителем продовольственного дела на Юге России. Вот текст этого постановления:

НАЗНАЧЕНИЕ И. В. СТАЛИНА РУКОВОДИТЕЛЕМ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО ДЕЛА НА ЮГЕ РОССИИ

31 мая 1918 года

НАЗНАЧЕНИЕ

Член Совета Народных Комиссаров Народный Комиссар Иосиф Виссарионович Сталин назначается Советом народных комиссаров общим руководителем продовольственного дела на юге России, облеченным чрезвычайными правами. Местные и областные совнаркомы, совдепы, ревкомы, штабы и начальники отрядов, железнодорожные организации и начальники станций, организации торгового флота, речного и морского, почтово-телеграфные и продовольственные организации, все комиссары обязываются исполнять распоряжения тов. Сталина.

Председатель Совета Народных Комиссаров: В. УЛЬЯНОВ (ЛЕНИН).

Товарищ Сталин прибыл в Царицын 6 июня 1918 года, когда 3-я и 5-я Украинские армии под командованием тов. Ворошилова с ожесточенными боями пробивались вдоль железной дороги Лихая — Чир к Царицыну.

К моменту приезда товарища Сталина в Царицын обстановка на юге и востоке Советской республики была чрезвычайно напряженной и тревожной. Украина продолжала находиться под ярмом германо-гетманской кровавой диктатуры, войска Добровольческой армии Деникина двинулись из района Мечетинская — Егорлыцкая на Тихорецкую — Екатеринодар с целью оккупации Кубанской области; белое казачество Донской области получило директиву ген. Краснова захватить Царицын, Камышин, Балашов, Новохоперск, а белая армия «Комуча» (Комитет учредительного собрания) с помощью чехо-словаков стремилась овладеть Средней Волгой.

С первого же дня работы в Царицыне товарищу Сталину стало совершенно ясным, что его деятельность не может быть ограничена вопросами продовольственными, что необходимо со всей энергией взяться за организацию крепкой советской власти в районе Царицына. А в условиях борьбы за власть Советов в первой половине 1918 года эта деятельность не могла не опираться на вооруженную силу, которую надо было организовать заново, так как по приезде в Царицын тов. Сталин «...застает невероятный хаос не только в советских, профессиональных и партийных организациях, но еще большую путаницу и неразбериху в органах военного командования»[1].

Проработав месяц в районе Царицына, ломая всевозможные препятствия и саботаж на каждом шагу, тов. Сталин, «как опытный революционер,—говорит тов. Ворошилов,— скоро приходит к убеждению, что его работа будет иметь какой-нибудь смысл только при условии, если он сможет влиять на военное командование, роль которого в данных условиях становится решающей».

«Линия южнее Царицына еще не восстановлена», — пишет он Ленину в записке от 7 июля, переданной с характерной надписью: «Спешу на фронт, пишу только по делу».

«Гоню и ругаю всех, кого нужно, надеюсь, скоро восстановим. Можете быть уверены, что не пощадим никого — ни себя, ни других, а хлеб все же дадим.

Если бы наши военные «специалисты» (сапожники!) не спали и не бездельничали, линия не была бы прервана; и если линия будет восстановлена, то не благодаря военным, а вопреки им»[2].

---

[1] К. Е. Ворошилов. Сталин и Красная Армия, Воениздат, 1937 г., стр. 5.

[2] Там же, стр. 6 и 7.

«Все более присматриваясь, — пишет тов. Ворошилов. — к военному аппарату, товарищ Сталин убеждается в его полной беспомощности, а в некоторой своей части и прямом нежелании организовать отпор наглеющей контрреволюции.

И уже 11 июля 1918 года товарищ Сталин телеграфирует Ленину:

> «Дело осложняется тем, что штаб Северо-кавказского округа оказался совершенно неприспособленным к условиям борьбы с контрреволюцией. Дело не только в том, что наши «специалисты» психологически неспособны к решительной войне с контрреволюцией, но также в том, что они как «штабные» работники, умеющие лишь «чертить чертежи» и давать планы переформировки, абсолютно равнодушны к оперативным действиям... и вообще чувствуют себя как посторонние люди, гости. Военкомы не смогли восполнить пробел...»

Товарищ Сталин не ограничивается этой уничтожающей характеристикой; в этой же записке он делает для себя действенный вывод:

> «Смотреть на это равнодушно, когда фронт Калинина оторван от пункта снабжения, а север — от хлебного района, считаю себя не вправе. Я буду исправлять эти и многие другие недочеты на местах, я принимаю ряд мер и буду принимать вплоть до смещения губящих дело чинов и командиров, несмотря на формальные затруднения, которые при необходимости буду ломать. При этом понятно, что беру на себя всю ответственность перед всеми высшими учреждениями».

Обстановка становилась все более и более напряженной. Товарищ Сталин развивает колоссальную энергию и в самое короткое время из чрезвычайного уполномоченного по продовольствию превращается в фактического руководителя всех красных сил Царицынского фронта. Это положение получает оформление в Москве, и на товарища Сталина возлагаются задачи:

> «навести порядок, объединить отряды в регулярные части, установить правильное командование, изгнав всех неприспособившихся» (из телеграммы РВС Республики с надписью: Настоящая телеграмма отправляется по согласованию с Лениным.)[1].

---

[1] К. Е. Ворошилов, Сталин и Красная Армия, Воениздат, 1937 г., стр. 7 и 8.

Выполняя директивы Ленина, тов. Сталин развивает кипучую энергию, организуя оборону Юго-востока Советской республики и превратая Царицын в неприступную крепость Пролетарской революции.

Для того чтобы опрокинуть планы врагов, надо было организовать не только красные войска, но и их тыл, исходя из сталинского положения, что «...сила армии не исчерпывается ее собственными качествами. Армия не может долго существовать без крепкого тыла. Для прочного фронта необходимо, чтобы армия регулярно получала с тыла пополнение, боевые припасы, продовольствие»[1].

Находясь непосредственно в центре военно-политических событий, на Юге и Востоке, тщательно анализируя все ходы и махинации классовых врагов, формировавших новые контрреволюционные силы на Украине, Поволжье, Дону, Кубани, Северном Кавказе, Закавказье и Туркестане, товарищ Сталин прекрасно понимал, что падение Царицына во второй половине 1918 года было бы огромным несчастьем для всей Советской республики.

Товарищ Сталин говорил:

> «...взятие Царицына и перерыв сообщения с югом обеспечило бы достижение всех задач противников: оно соединило бы донских контрреволюционеров с казацкими верхами Астраханского войска и Уральского, создав единый фронт контрреволюции от Дона до чехо-словаков, оно закрепило бы за контрреволюционерами, внутренними и внешними, юг и Каспий, оно оставило бы в беспомощном состоянии советские войска Северного Кавказа... Этим главным образом и объясняется то упорство, с каким тщетно стараются белогвардейцы юга взять Царицын»[2].

Таким образом, основной задачей стратегии Красной Армии было — не допустить образования единого, сплошного оперативно-стратегического фронта белых армий Востока и Юга, не допустить объединения астраханских, оренбургских казаков, белой армии «Комуча» и чехо-словаков с казачеством Дона и Кубани. А для этого необходимо было крепко держать в своих руках районы Царицына, Камышина и Астрахани, которые, находясь в распоряжении Красной Армии и советской власти, тем самым разделяли контрреволюционные силы Юга и Востока.

---

[1] Сталин о юге России, «Правда» от 30 октября 1918 года.
[2] Там же.

Товарищ Сталин подчеркивал, что:

...ство стратегическое значение между Доном и Волгой и Астрахано-Уральской железнодорожной линией говорит о необходимости Южного фронта. Вполне вероятно, что направления (Филоново, Царицын) также углубляют эту опасность. Богатства всей России (хлеб, нефть, уголь, сталь, металл) сами по себе рисуют всю опасность капитулянтского империализма, старающегося отрезать от России ее главный уголок»[1].

Исходя из основной стратегической цели — не дать возможности контрреволюции Юга и Востока объединиться на линии Волги, тов. Сталин и строил всю работу по организации обороны Царицынского района и по руководству борьбой на Северном Кавказе и в Закавказье. В тот момент, когда группа войск тов. Ворошилова перебрасывалась по железной дороге Лихая — Чир к Царицыну, тов. Сталин, не ослабляя ни на миг внимания к сбору хлеба, мяса, рыбы для посылки в голодающие рабочие центры, отдавал массу времени и сил для превращения Царицына в грозную цитадель, опыт и традиции обороны (Сталин).

Таким образом, военная работа тов. Сталина в районе Царицына непрерывно переплеталась с работой по организации посылки с юга маршрутных поездов с продовольствием для рабочих северных губерний. Прямой телеграфный провод между Лениным и Сталиным работал бесперебойно. Ленин требовал скорейшей и еще большей мобилизации всех продовольственных ресурсов и посылки их в Москву, Петроград, Тулу и другие города.

Царицын, Сталину.

24 июля 1918 г. (14 ч. 40 м.)

Посылайте рыбу, мясо, овощи, вообще все продукты, какие только можно и как можно больше.

Ленин.

В крупных промышленных городах Урала норма питания человека обычно не превышала полуторной нормы в полфунта на день. Продовольственное положение рабочих было поистине было тяжелым, учитывая, что запасы других продуктов (картофеля, рыбы, капусты, жиров и пр.) также были весьма ограничены.

В зимние месяцы 1918 года на заводских стенах Урала появлялись такие извещения:

[1] К. Е. Ворошилов, Сталин и Красная Армия. Партиздат, 1937 г., стр. 51.

ИЗВЕЩЕНИЕ
от Совета Народных Комиссаров

По техническим условиям хлебный паек может быть увеличен до 1/2 фунта только с 21 января. 19-го и 20-го будет выдано по-старому, т. е. по 1/4 фунта.

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. УЛЬЯНОВ (ЛЕНИН).

Петроградская Центральная продовольственная управа
18 января 1918 года.

На просьбы тов. Сталина в июле о дальнейшей присылке денежных знаков и товаров легкой промышленности для обмена их на продовольствие Ленин отвечал Сталину в Царицын:

«Получил третью депешу и записку Сталина. Принимаем все меры. Цуропа говорит, что деньги будут непременно отправлены завтра, а товары сегодня же приказано грузить. Шлите маршрутные поезда с тройной охраной. Саботажников и хулиганов арестуйте и присылайте сюда»[1].

Контрреволюция напрягала все усилия, чтобы помешать титанической работе большевистской партии по организации обороны первой в мире Пролетарской революции.

Контрреволюция собирала силы не только для борьбы на вооруженных фронтах, — она формировала подпольные белогвардейские организации в Москве, Петрограде и других городах Советской страны. Эти организации стремились посредством шпионажа, террористических актов, поджогов складов, организации крушений маршрутных поездов с войсками и продовольствием, вооруженных мятежей взорвать оборону Советской республики изнутри. В первой половине 1918 года с помощью германских и англо-французских капиталистов были организованы «Правый центр»[2] с монархической и германофильской платформой; «Союз защиты родины и свободы»[3] — военная организация из молодых офицеров под руководством Бориса Савинкова: «Союз возрождения России» — кадетско-меньшевистская и эсеровская организации с задачей вооруженного свержения советской власти, установления военной диктатуры и

---

[1] Телеграмма от середины июля 1918 года № 441.
[2] Главные его организаторы: Кривошеин, П. Струве, Новгородцев, В. Гурко, Астров и др.
[3] Организовал вооруженные мятежи в Рыбинске, Ярославле и др.

восстановления частной собственности; «Национальный центр» — монархическая организация, главным образом из кадетов и торгово-промышленных деятелей; «Тактический центр»[1], который образовался в апреле 1919 года, ввиду слияния «Национального центра» и «Союза возрождения России».

Контрреволюционные подпольные организации интенсивно развивали вредительскую, подрывную работу в интересах или германского или союзнического империализма. С поражением Германии в мировой войне и Ноябрьской революцией «Национальный центр» (организованный в Москве еще в марте 1918 года) был связан главным образом с Добровольческой армией Деникина, при которой имел своих представителей.

Как теперь установлено, белогвардейской контрреволюции всемерно помогала троцкистско-бухаринская банда. В приговоре Военной коллегии Верховного Суда Союза ССР от 13 марта 1938 года по делу антисоветского «право-троцкистского блока» сказано, что Троцкий, Бухарин и их сообщники имели целью сорвать Брестский договор, убить великих вождей пролетарской революции Ленина, Сталина и Свердлова. В приговоре далее говорится:

«Выполняя план заговора, «левые» эсеры в июле 1918 года, с ведома и согласия Бухарина, подняли в Москве мятеж с целью свержения Советского Правительства; при этом установлено, что совершенное эсеркою Каплан 30 августа 1918 г. покушение на жизнь В. И. Ленина явилось прямым результатом преступных замыслов «левых» коммунистов во главе с Бухариным и их сообщников «левых» и правых эсеров».

Ленин писал:

Царицын, Наркому Сталину[2]

7 июля (1918 г.) 1 ч. 00.

Сегодня около 3 часов дня левый эсер убил бомбой Мирбаха. Это убийство явно в интересах монархистов или англо-французских капиталистов. Левые эсеры, не желая выдать убийцу, арестовали Дзержинского и Лациса и начали восстание против нас. Мы ликвидируем сегодня же ночью беспощадно и скажем народу всю правду: мы на волосок от войны. У нас заложниками сотни левых эсеров. Повсюду необходимо подавить бес-

[1] Был окончательно ликвидирован органами ВЧК летом 1919 г.

[2] На полях телеграммы имеются пометки о времени отправки телеграммы по прямому проводу и о приеме ее в Царицыне лично товарищем Сталиным. — *Ред.*

пощадно этих жалких и истеричных авантюристов, ставших орудием в руках контрреволюционеров. Все, кто против войны будут за нас.

Относительно Баку самое важное, чтобы вы были непрерывно в сношениях с Шаумяном и чтобы Шаумян знал предложение германцев, сделанное послу Иоффе в Берлине, относительно того, что немцы согласились бы приостановить наступление турок на Баку, если бы мы гарантировали немцам часть нефти. Конечно, мы согласимся. Итак, будьте беспощадны против левых эсеров и извещайте чаще.

ЛЕНИН [1].

Товарищ Сталин ответил:

Москва, товарищу Ленину, Кремль

(7 июля 1918 г. 3 часа ночи).

Сегодня же отправляю в Баку нарочного с письмом. Все будет сделано.

Что касается истеричных—будьте уверены, у нас рука не дрогнет. С врагами будем действовать по-вражески.

СТАЛИН.

Выполняя директиву Ленина о Баку и политике партии в Закавказье, Каспии и Туркестане, товарищ Сталин писал С. Шаумяну следующее:

«Так как времени у меня мало, начинаю прямо с дела.

1. Общая наша политика в вопросе о Закавказье состоит в том, чтобы заставить немцев официально признать грузинский, армянский и азербайджанский вопросы вопросами внутренними для России, в разрешении которых немцы не должны участвовать. Именно поэтому мы не признаем независимости Грузии, признанной Германией.

---

[1] Телеграмма тов. Сталину написана в июле 1918 года во время лево-эсеровского восстания в Москве. После того, как V съезд Советов, открывшийся 4 июля, отклонил провокационное предложение левых эсеров разорвать Брестский мир и одобрил продовольственную политику советского правительства (комбеды, продовольственные отряды), левые эсеры стали на путь вооруженной борьбы против Советов. 6 июля они убили германского посла Мирбаха, рассчитывая этим убийством сорвать Брестский мир. Принятыми пролетарской диктатурой решительными мерами, в числе которых надо отметить арест лево-эсеровской фракции V съезда Советов, лево-эсеровское восстание, являвшееся жалкой авантюрой, не получившей абсолютно никакой поддержки в массах, было раздавлено, и партия левых эсеров была разгромлена.

Вторая часть телеграммы Владимира Ильича касается положения в Закавказье. Несмотря на заключение Советской республикой Брестского мира с коалицией четырех держав (Германия, Австро-Венгрия, Болгария, Турция), военные действия в Закавказье продолжались. Турецкие войска повели наступление на Баку. Председателем СНК в Баку в это время был товарищ Шаумян... (Институт Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б).

2. Возможно, что нам придется уступить немцам в вопросе о Грузии, но уступку такую мы в конце концов дадим лишь при условии признания немцами невмешательства Германии в дела Армении и Азербайджана.

3. Немцы, соглашаясь оставить за нами Баку, просят уступить некоторое количество нефти за эквивалент. Мы эту «просьбу», конечно, можем удовлетворить.

4. Ваши успехи радуют нас, но мы хотели, чтобы, во избежание осложнений с немцами, вы не пошли дальше Елизаветполя, т. е. не вторгались бы в пределы Грузии, независимость которой официально признана Германией.

В вопросе о национализации Каспийского флота можете действовать решительно, не обращая внимания на телеграмму. Можете быть уверены, что Совнарком будет с вами.

Очень просим всех вас всячески помочь (оружием, людьми) Туркестану, с которым англичане, действующие через Бухару и Афганистан, стараются сыграть злую шутку.

Все сказанное примите не как мое личное мнение, а как предложение Ленина, с которым я говорил вчера по всем затронутым вопросам по прямому проводу.

Сообщаю, что партия левых эсеров (по постановлению ее ЦК) убила Мирбаха и подняла мятежное восстание против нас в Москве, и восстание подавлено, но неизвестно еще, чем и как ответит Германия на этот акт. Левые эсеры в Москве арестовываются, их дружины разоружаются. Примите меры для предупреждения эксцессов со стороны этих жалких провокаторов войны с Германией.

Ну, жму руку. Привет друзьям.

И. СТАЛИН [1].

Царицын, 8 июля 1918 года.

Изумительный конспиратор, мастер подпольной революционной работы в многолетней борьбе с царизмом, величайший организатор революционных масс, тов. Сталин с гениальным искусством во-время распознавал все шахматные ходы и злодейские махинации классовых врагов, дьявольски хитрых, лукавых, не брезговавших никакими средствами и имевших разнообразный многовековой опыт по угнетению и эксплоатации трудящихся масс. Сталин наносил им в Царицыне и из его района удар за ударом, вызывая смятение и панику в рядах контрреволюции и ее подпольных организаторов. Контрреволюционная коса на-

[1] С. Шаумян, Статьи и речи, Баку, 1929 г., стр. 292, 293.

скочила на кремлевый сталинский массив и разлетелась вдребезги.

«Царицин,— пишет тов. Ворошилов,— в тот период был переполнен контрреволюционерами всевозможных мастей, от правых эсеров и террористов до махровых монархистов. Все эти господа до появления товарища Сталина и прибытия революционных отрядов с Украины чувствовали себя почти свободно и жили, выжидая лучших дней. Чтобы обеспечить реорганизацию красных сил на фронте, нужно было железной, беспощадной метлой прочистить тыл. Реввоенсовет во главе с товарищем Сталиным создает специальную Чека и возлагает на нее обязанность очистить Царицин от контрреволюции»[1].

Свившая себе многочисленные гнезда в воинских штабах, в большинстве хозяйственных органов и учреждений оборонного значения, контрреволюция исподтишка, потихоньку творила свою подлую подрывную работу, саботировала, предавала и продавала.

Контрреволюция великолепно понимала роль и значение для Советской республики Царицынского района в летние и осенние дни 1918 года, а поэтому она, как кровавый спрут, обвила его со всех сторон. Двурушники, предатели, убийцы, троцкистско-бухаринские выкормыши, дезорганизаторы Красной обороны подчас одевали «скромную» личину или военспецов, или военруков, или хозяйственников, выполняя на деле, как верные ставленники и агенты белогвардейщины, злодейские контрреволюционные задания в тылу, войсковых частях резерва и на фронте. Они нагло творили свое преступное дело, стремясь выведать военные и государственные тайны и дезорганизовать работу хозяйственных учреждений и органов, и им многое сходило с рук безнаказанно до тех пор, пока вся мощь пролетарской диктатуры под руководством И. В. Сталина не обрушила на них суровый меч беспощадной кары. Началась систематическая, организованная работа по разоблачению антисоветских партий, борьба за полный разгром их и за установление революционного порядка в Царицынском районе.

Ленин учил:

„Никакой пощады этим врагам народа, врагам социализма, врагам трудящихся. Война не на жизнь, а на смерть богатым и их прихлебателям, буржуазным интеллигентам, война жули-

[1] К. Е. Ворошилов, Сталин и Красная Армия, Воениздат, 1937 г., стр. 8 и 9.

кам, тунеядцам и хулиганам. Те и другие, первые и последние — родные братья, дети капитализма, сынки барского и буржуазного общества...“

„...Всякая слабость, всякие колебания, всякое сантиментальничанье в этом отношении было бы величайшим преступлением перед социализмом“ [1].

Жестокие репрессивные меры по отношению к классовым врагам очень скоро дали свои благотворные результаты, без которых не могло быть и речи о создании прочной обороны Царицына.

«Физиономия Царицына,— пишет тов. Ворошилов,— в короткий срок стала совершенно неузнаваема. Город, в садах которого еще недавно гремела музыка, где сбежавшаяся буржуазия вместе с белым офицерством открыто, толпами бродила по улицам, превращается в красный боевой лагерь, где строжайший порядок и воинская дисциплина господствовали надо всем. Это укрепление тыла немедленно сказывается благотворно на настроении наших полков, сражающихся на фронте. Командный и политический состав и вся красноармейская масса начинают чувствовать, что ими управляет твердая революционная рука, которая ведет борьбу за интересы рабочих и крестьян, беспощадно карая всех, кто встречается на пути этой борьбы» [2].

Прорвав белоказачье кольцо окружения, группа войск под командованием тов. Ворошилова сосредоточилась на левом берегу Дона в районе Кривомузгинская — Карповка — Воропоново. Это было для тов. Сталина, уже месяц (июнь) неутомимо работавшего над организацией обороны Царицына, самым радостным событием. Прибытие от Луганска — Лихой тысячи бойцов-металлистов и шахтеров с ценнейшим оборонным имуществом помогли еще более укрепить и сцементировать оборону Царицына. Началась огромная и напряженная работа по переформированию частей и созданию новых войсковых соединений. Военный совет по обороне Царицына не мог воспользоваться теми штатами, которые разрабатывались для войсковых частей военспецами центра, оторванными от боевой жизни фронтов гражданской войны. Эти «творцы», не понимавшие и не желавшие понимать характерных особенностей нашей гражданской войны, разработали известный штат приказа

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. XXII, стр. 164.
[2] К. Е. Ворошилов, Сталин и Красная Армия, Воениздат, 1937 г., стр. 11 и 12.

№ 220, взяв за его основу штаты стрелкового сибирского корпуса царской армии. Этим штатом и приказано было руководствоваться при построении и формировании девяти полков стрелковой дивизии. Не случайно это громоздкое, малоподвижное, с огромными тылами детище позиционного периода мировой империалистической войны не могло найти своего применения на наших фронтах гражданской войны. И совершенно прав тов. Ворошилов, который в своем докладе «15 лет Красной Армии», характеризуя стрелковую дивизию по штатам приказа № 220, говорил:

> «РВСР например развернул строительство регулярных дивизий и разработал для них такие штаты (знаменитые штаты по приказу № 220), что одна стрелковая дивизия состояла из 55 тысяч человек и 25 тысяч голов лошадей. Нет надобности здесь говорить о том, что ни одной такой дивизии мы не создали и не могли создать. Зато тылов, т. е. едоков, при этаком организационном «творчестве» мы наплодили буквально **по миллионы**»[1].

Товарищи Сталин и Ворошилов при переформировании отдельных отрядов в дивизии и бригады исходили из основного, а именно, они строго учитывали характерные особенности театра военных действий и особенности того противника (белоказачьи войска), с которым приходилось воевать. Конкретная обстановка борьбы требовала создания небольших маневренно-способных по 3—4 тысячи штыков стрелковых дивизий с приданными им кавалерийскими полками, дивизий, насыщенных пулеметами и артиллерией; обстановка требовала сформирования отдельных кавалерийских частей (бригады, дивизии), которые могли бы успешно действовать самостоятельно против казачьих конных частей, и, наконец, создания бронепоездов, бронеавтомобилей и авиации.

Эта организационная работа по строительству красных вооруженных сил в районе Царицына непрерывно переплеталась с боевой работой на фронте.

Назначенный Троцким военный руководитель Северо-Кавказского военного округа бывший генерал царской армии Снесарев и его ближайшие помощники — полковник

---

[1] Эти миллионы в тылах беспрерывно росли с каждым новым годом гражданской войны; в 1920 году во всей армии было около 5 500 тысяч едоков, около 700—800 тысяч бойцов и из них около 400—500 тысяч штыков,— иначе говоря, за каждым штыком на фронте стояло еще 10 едоков в тылу.

Носович. Ковалевский и др.— вместо честной работы и помощи своим военным опытом сперва исподтишка, а затем и открыто повели вредительскую деятельность, предавая на каждом шагу и подрывая оборонную мощь Царицына. Эту преступную вредительскую деятельность старых военспецов «из лагеря беспартийных контрреволюционеров», любимчиков Троцкого, очень быстро распознал и раскрыл товарищ Сталин. Ясно видя, что всемерная поддержка Троцким этих военспецов с каждым часом становится все более пагубной для дела организации обороны Царицына, И. В. Сталин посылает следующую телеграмму В. И. Ленину:

Царицын, 16 июля 1918 г.

10 часов вечера.

Воендук Снесарев по-моему очень умело саботирует дело очищения линии Котельниково—Тихорецкая. Ввиду этого я решил лично выехать на фронт и познакомиться с положением. Взял с собой Зедина[1], командующего Ворошилова, броневой поезд, технический отряд и поехал. Полдня перестрелки с казаками дали нам возможность прочистить дорогу, исправить путь в четырех местах на расстоянии 15 верст. Все это удалось нам сделать вопреки Снесареву, который против ожидания также поехал на фронт, но держался от поезда на расстоянии двух станций и довольно деликатно старался расстроить дело. Таким образом от ст. Гашунь нам удалось добраться до ст. Зимовники, южнее Котельниково. В результате двухнедельного пребывания на фронте убедился, что линию безусловно можно прочистить в короткий срок, если за броневым поездом двинуть 12-тысячную армию, стоящую под Гашуном и связанную по рукам и ногам распоряжениями Снесарева. Ввиду этого, я с Зединым и Ворошиловым решили предпринять некоторые шаги в разрез с распоряжениями Снесарева. Наше решение уже проводится в жизнь и дорога в скором времени будет очищена, ибо снаряды и патроны имеются, а войска хотят драться. Теперь две просьбы к Вам, т. Ленин: первая — убрать Снесарева, который не в силах, не может, неспособен или не хочет вести войну с контрреволюцией, со своими земляками — казаками. Может быть он и хорош в войне с немцами, но в войне с контрреволюцией он — серьезный тормоз и если линия до сих пор не прочищена,— между прочим потому и даже главным образом потому что Снесарев тормозил дело. Вторая просьба — дайте нам

[1] Военный комиссар при воендуке Снесареве. — *Вл. М.*

срочно штук восемь броневых автомобилей. Они могли бы возместить, компенсировать, повторяю — компенсировать численный недостаток и слабую организованность нашей пехоты.

Нарком СТАЛИН

На этой телеграмме тов. Ленин написал:

„По моему согласиться со Сталиным“ [1].

Содержание этой телеграммы относится именно к тому периоду, когда тов. Сталин прилагал все меры, чтобы установить прочную оперативно-боевую связь с красными войсками, действовавшими на Северном Кавказе, а также, очистив от белых железнодорожную линию Зимовники — Великокняжеская — Торговая, обеспечить планомерную погрузку и выгрузку хлеба, скота, жиров и другого продовольствия, закупленного в районах Сальского округа и в станицах Ставропольщины.

К 16 июля 1918 года белоказачьи части войска Донского занимали фронт: Чаплыженский, Назаров, Кременская, по правому берегу Дона — Калач, Пятизбянская, Чир, Нижне-Чирская, Крюков, Зимовники.

Войска Поворинского района занимали Тепикинскую, Ольховский, Долгов. Разграничительная линия между Воронежским районом и войсками Северо-Кавказского военного округа — устье реки Хопер на Баланда — Аткарск [2]. К белоказачьему фронту из глубины территории «Всевеликого войска Донского» беспрерывно двигались новые белые полки, которые включались в оперативные группы полковника Альферова, ген. Фицхелаурова, ген. Мамонтова, полковника Полякова. Эти оперативные группы начинали занимать исходные районы для развертывания с целью перехода в решительное наступление согласно оперативно-стратегическому плану ген. Краснова — ген. Денисова.

К 16 июля на войска Северо-Кавказского военного округа возлагались следующие основные задачи:

а) Обеспечить и охранить сообщения по железным дорогам Царицын — Грязи и Царицын — Тихорецкая.

б) Не дать возможности противнику захватить г. Царицын и, как писал Снегарев в своем приказе № 11 от 16 июля 1918 года [3], «оттеснить по возможности к западу

---

[1] «Правда» от 3 января 1935 г.

[2] ЦАКА, д. № 50839, л. 6, 7.

[3] Штаб Северо-Кавказского военного округа располагался в г. Царицыне.

противника на этом участке» (т. е. на участке Грязи — Царицын — Тихорецкая. — *Вл. М.*).

Командующему Усть-Медведицким фронтом Миронову: который имел около 2 600 штыков и сабель, 8 пулеметов, 3 орудия + отряд Шамова — около 4 200 штыков и 400 сабель, — было приказано оттеснить противника за р. Дон на участке устье р. Хопер — устье р. Песковатка.

Командующему Царицынским фронтом тов. Ворошилову, согласно приказу по войскам Северо Кавказского военного округа от 16 июля № 11, подчинялись все войсковые части, находившиеся между линиями: ст. Котлубань (искл.)— Песковатский (искл.) — устье р. Песковатка, железнодорожная ст. Семичная (искл.) — устье р. Цымла. Этим приказом войскам Царицынского фронта ставилась задача «охранять желездорогу Котлубань — Царицын, Семичная и Царицын, Кривомузгинская, железнодорожный мост через реку Дон (вкл.), стараясь оттеснить противника за р. Дон на участке: устье р. Песковатка — устье р. Цымла. Штабу Царицынского участка быть на станции Воропоново».

Гашуньский участок был подчинен Болоцкому. Болоцкий располагал в районе Ремонтной силами в 9 200 штыков, 1 700 сабель, 3 бронепоезда, 86 пулеметов, 12 орудий — 3-дм., 2 орудия — 48-линейные гаубицы, 1 орудие — 75-*мм*, 1 орудие — горное, 1 орудие — 125-*мм* + отряд Васильева в 2 600 штыков, 1 100 сабель, 28 пулеметов, 4 бронепоезда, 6 орудий — 3-дм., 1 орудие — 6-дм., располагавшиеся в районе станции Котельниково. В этот участок включались все красные войска, находившиеся в районе Ремонтная, Власовская, Великокняжеская. Болоцкому приказывалось «при первой возможности очистить железнодорожный путь Гашунь — Великокняжеская от неприятельских частей и восстановить прочную связь с войсками Калнина. Штаб — Ремонтная»[1].

Командующему Кубанско-Черноморским фронтом было приказано[2]:

«1) Принять меры к скорейшему очищению железнодорожного участка реки Маныч у Великокняжеской до Белоглинской и обеспечить этот участок от дальнейших покушений противника; 2) препятствовать всеми возможными мерами дальнейшему продвижению немцев в глубь Кубанской области как со стороны Батайска, так и со стороны

[1] ЦАКА, д. № 50839, л. 6, 7.
[2] Там же.

Азовско-Черноморского побережья; 3) выяснить силы и направление движения противника как со стороны Таманского полуострова[1], так и со стороны Сухум-Кале вдоль Черноморского побережья; 4) препятствовать производству десантов противника на Азовско-Черноморском побережье».

В состав войск Кубанско-Черноморского фронта к 16 июля 1918 года входил ряд отрядов, расположенных в районах Великокняжеской, Торговой, Белоглинской и Тихорецкой.

Этим приказом войска гарнизона и резерва в Царицыне оставались в подчинении военрука Снесарева. Непосредственное начальствование этими войсками возлагалось на тов. Тулака и его заместителя.

Если внимательно проанализировать оперативные задачи, которые ставил военрук Снесарев этим приказом, то станет совершенно ясным крайне пассивный их характер.

Приказ пестрит паллиативными формулировками, причем лицо автора этого приказа ясно видно сквозь строчки, им написанные. Он очень боится, как бы не допустить такого выражения в приказе, которое заставило бы войска приступить к разгрому белоказаков. А отсюда и формулировки: «оттеснить, по возможности», «очистить при первой возможности» и т. д. Несколько более решительно военрук говорит о действиях против немцев. В свете формулировок боевых задач, поставленных этим приказом Снесарева, становится более наглядным содержание вышеприведенной телеграммы тов. Сталина, которую он послал 16 июля на имя В. И. Ленина и где совершенно справедливо писал, что своими распоряжениями Снесарев «связывает по рукам и ногам» красные войска.

В то время, когда шла интенсивная реорганизационная работа по созданию красных войсковых частей под руководством Сталина и Ворошилова, передовые белоказачьи части ген. Мамонтова, ген. Фицхелаурова, Полякова и др. уже начинали завязывать упорные бои на протяжении всего огромного фронта от Чаплыженский — Калач — Зимовники, чрезвычайно осложняя эту работу.

27 июля Военсовет Северо-Кавказского округа обратился с телеграммой[2] в Воронеж к военруку Черпавину, в Высший военный совет к Бонч-Бруевичу и затем в Москву

---

[1] Здесь в это время высадились части противника и заняли ст. Пересыпную и ст. Титаровскую.

[2] № 184/3 — ЦАКА, д. № 119—846, л. 42, 43.

к Троцкому с просьбой помочь Царицыну организацией совместного концентрического удара по белоказакам с севера на юг со стороны Воронежского и Саратовского округов и с востока на запад и юго-запад со стороны самого Царицына. Кроме того, Царицын просил выделить в его распоряжение одну боеспособную дивизию, учитывая продолжавшуюся подготовку к наступлению на Царицын Донской белоказачьей армии. И в дальнейшем герои обороны Царицына будут еще не раз обращаться с требованием об активном содействии, т. е. о наступлении со стороны 8-й и 9-й Красных армий Южного фронта под командованием Сытина, а также об усилении Царицынского фронта свежими войсками — переброской их с других фронтов и из центра. Но ко всем этим требованиям подлый предатель Троцкий оставался глухим, и Военному совету приходилось вести борьбу собственными силами и ресурсами, постоянно прибегая к новым и новым мобилизациям трудящихся внутри самого Царицынского района, организуя на фабриках и металлургических заводах Царицына производство необходимого материала оборонного значения. Непримиримый саботаж центральных военных кругов (Высший военный совет, Всероссийский главный штаб, штаб Южного фронта) в отношении помощи Царицыну живой силой и вооружением будет проходить красной нитью на протяжении всех тяжелых месяцев борьбы второй половины 1918 года. Очень часто тов. Сталину приходилось лично обращаться к В. И. Ленину и писать ему телеграммы, письма, записки такого содержания [1]:

„Горячий привет любимому старшему товарищу Ленину.
Очень прошу в срочном порядке удовлетворить наше требование о вооружении, посланное нами... ***в отдел снабжения.*** Убедите Троцкого помочь нам в этом деле. Дела на фронте поправляются и если наше требование будет исполнено своевременно, мы победим казаков.

СТАЛИН".

7 VIII.

И только непосредственное вмешательство Ленина и Свердлова, их твердый нажим на главное командование, возглавлявшееся тогда Троцким, заставляли последнего буквально из-под палки передавать в распоряжение Царицына в минимальных дозах огнеприпасы и военное снаряжение, а также людские пополнения, но такого качества

[1] Центральный музей В. И. Ленина. Письмо И. В. Сталина В. И. Ленину с Царицынского фронта 7 августа 1918 года.

(например, Вольская дивизия), при котором не только не облегчалась, а еще более осложнялась борьба за удержание Царицына. Читатель на примере обороны Царицына наглядно увидит преступную роль Троцкого и части окружавших его военспецов, которых он крепко поддерживал, которым слепо верил и которые оказались предателями.

Тов. Ворошилов в своем замечательном докладе «15 лет Красной Армии» говорил:

> «Нельзя объяснять трудности в организации регулярной Красной армии в первые годы ее жизни наличием только одних объективных причин. В этом деле немалую роль сыграли субъективные причины. Именно эти субъективные причины вынудили однажды товарища Сталина, когда его отправляли спасать положение на одном из фронтов, написать Ленину, что его (Сталина) превращают «в специалиста по чистке конюшен военного ведомства». Этими словами товарищ Сталин метко охарактеризовал работу тогдашнего Реввоенсовета и руководство Троцкого. Метод Троцкого — руководить Красной армией с двух поездов, а всю тяжесть работы перекладывать на второстепенных работников, этот метод не достигал цели. Этот метод приводил к тому, что Ленин принужден был заниматься буквально всем, вплоть до мелочей, чем по сути дела обязан был заниматься Реввоенсовет и его глава Троцкий» [1].

В отношении же помощи живой силой Царицын фактически за весь 1918 год ничего не получил, кроме Вольской дивизии, которая, как мы в своем месте расскажем, принесла очень много хлопот командованию Царицынского фронта. Тов. Ворошилов говорит:

> «...Для укомплектования частей на фронте поступали из тыла обычно неорганизованные пополнения. В моей личной практике был только один случай, когда москвичи прислали на Царицынский фронт прекрасно организованный, хорошо снабженный Рогожско-Симоновский полк. Все, начиная с комполка тов. Лагофет и кончая стрелками, было в этом полку хорошо. В первых боях полк дрался прекрасно, но быстро выдохся. Люди не были втянуты в боевую жизнь, в тяжелую боевую работу на фронте. Во-время сменить такую часть на фронте, дать ей оправиться, отдышаться от первых боевых потрясений — это элементарная задача всякого командования.

[1] К. Ворошилов, Оборона СССР, Воениздат, 1937 г., стр. 547.

Но мы этого делать не могли. Раз попавшая на фронт воинская часть бессменно или почти бессменно должна была драться до победы, до разгрома врага»[1].

За июль 1918 года товарищем Сталиным совместно с командующим Царицынским фронтом тов. Ворошиловым была проведена огромная работа по переформированию частей и созданию общевойсковых соединений. Был создан ряд новых дивизий (дивизия Попова, 1-я Коммунистическая из рабочих, 1-я Донецкая Харченко, 1-я Южная), в которые вошли ранее существовавшие отдельные небольшие отряды, но теперь уже в качестве рот, батальонов, полков и т. д. На этом работа по организации войсковых частей, конечно, не заканчивалась, так как организационная неустройства в войсковых частях еще продолжала существовать. Для реальных условий борьбы на Царицынском фронте в 1918 году это явление было как бы неизбежным, так как почти каждый раз, как только появлялась угроза существованию того или другого района, сейчас же появлялись новые добровольческие отряды, в которые входили жители станиц, деревень, хуторов, местечек, желавшие драться с оружием в руках за советскую власть. Эти отряды обычно именовали себя тем районом, станицей, в которых они до этого жили (например, *Громославский* объединенный пехотный полк, *Морозовский* полк, *Котельниковский* кав. полк, 1-й революционный батальон *Царицынского* совета, 1-й *Борисоглебский полк*), а подчас носили имя того организатора, который их создавал (конный отряд тов. Буденного и пр.).

Таким образом, переформирование отрядов в батальоны, полки и дивизии продолжалось почти беспрерывно: как правило, вся эта организационная работа протекала в тяжелых условиях фронтовой обстановки, так как на Царицынском фронте, как известно, глубокого тыла не было ибо расстояние между Доном и Волгой было небольшое, и именно здесь и происходили самые ожесточенные бои. Кроме того, отводить войсковые части далеко в тыл для переформирования и отдыха обстановка также не позволяла, ибо в период с августа и по декабрь 1918 года так называемого «полного затишья на фронте» не существовало. Вооруженная борьба не прекращалась ни на день, она постоянно требовала предельного напряжения всех имев-

[1] К. Ворошилов, Оборона СССР, Воениздат, 1937 г., стр. 546.

шихся сил, ибо, как мы уже говорили, регулярного поступления пополнений для Царицынского фронта не было. И тов. Ворошилов прав, когда говорит, что в его личной практике был только один случай, когда москвичи прислали на Царицынский фронт прекрасно организованный, хорошо снабженный 38-й Рогожско-Симоновский полк.

С увольнением военрука Снесарева, Носовича (руководителя оперативным отделом), Ковалевского (члена Военного совета), вредительская работа которых была ясной для тов. Сталина, вскоре, по указанию тов. Сталина, была ликвидирована и старая организация штаба Северо-Кавказского военного округа и был организован Военный совет войск Северо-Кавказского военного округа во главе с товарищем Сталиным (председатель Военного совета) и командующим Царицынским фронтом товарищем Ворошиловым (член Военного совета).

* * *

Выше мы уже говорили, что в стратегическом отношении Царицын был узловым пунктом водных и железнодорожных путей и пунктом связи нескольких оперативных направлений, так как через него шла оперативная связь Южного фронта [1] (где 8-я армия удерживала район Лиски — Таловая, а 9-я армия, находясь штармом в Балашове, удерживала Поворинский район) с Северо-Кавказским фронтом. Для Царицынского фронта было чрезвычайно важно, чтобы железнодорожные линии Царицын — Поворино — Грязи, Царицын — Великокняжеская — Торговая — Тихорецкая — Калач-на-Дону, Чир — Царицын крепко удерживались в руках Красной Армии. Это позволяло обеспечивать оперативную связь с штабами армий Южного фронта и Кубанско-Черноморской группой (штаб — Тихорецкая), а также бесперебойно направлять через Царицын в голодающие рабочие центры Москвы, Тулы, Петрограда и др. огромные продовольственные запасы, закупленные тов. Сталиным в районах Северного Кавказа.

В силу этого вполне естественно, что тов. Сталин постоянно требовал крепко удерживать эти жизненные для советской власти оперативные пути. Тов. Сталин в цитированной выше телеграмме от 16 июля на имя Ленина писал, что для прочной связи Царицына с группой красных войск Кубанско-Черноморского фронта Калнина он

[1] Штаб Южного фронта — Воронеж, там же штарм 9-й.

вместе с тов. Ворошиловым и военкомом при Сиссаревтов. Зединым организовал наступательную операцию к ст. Зимовники, с тем чтобы связаться и восстановить боевое взаимодействие с группой Калнина, находившейся к 16 июля в районе Великокняжеская — Торговая — Белоглинская — Тихорецкая.

Но мы уже знаем, что основное оперативное направление, по плану Деникина для его второго похода на Кубань, как раз должно было проходить от района Мечетинская на Великокняжеская — Торговая — Тихорецкая, разветвляясь отсюда на Кущевку и Кавказскую, с тем чтобы овладеть Екатеринодаром, как центром Кубанской области. А потому всякий успех Добровольческой армии Деникина в ее движении на Великокняжеская — Торговая — Тихорецкая, естественно, создавал разрыв связи с Кубанско-Черноморским фронтом и опрокидывал все планы снабжения, которое должно было итти из районов Северного Кавказа. Точно так же всякая неустойка красных войск (Киквидзе, Сиверса, Миронова) на Поворинском участке порывала связь Царицына с центром (Москва). Перед августовским наступлением ген. Краснова на Царицын обстановка сложилась так, что товарищи Сталин и Ворошилов принуждены были сосредоточить все внимание на тех событиях, которые развернулись в районе Великокняжеская — Торговая — Тихорецкая. Под ударами Добровольческой армии Деникина группе войск Кубанско-Черноморского фронта пришлось очистить занимаемые ею районы. Связь с Северным Кавказом, таким образом, оказалась прерванной.

26 июля товарищ Сталин писал из Царицына В. И. Ленину:

Царицын. 26 июля 1918 г. № 12498.

...У нас имеется теперь точная картина положения дел на Кубани. До сего времени у нас были лишь отрывочные сведения, а теперь имеются факты.

Положение всей Кубанской армии отчаянно неприглядное: армия осталась без необходимых предметов вооружения, она отрезана и гонят ее к морю. Если мы с севера не пробьемся и не соединимся с ними в ближайшие дни, то весь Северный Кавказ, закупленный хлеб и всю тамошнюю армию, созданную нечеловеческими усилиями, потерям окончательно.

Далее товарищ Сталин просит о срочной высылке на Царицынский фронт формируемой для Баку дивизии, ибо сил в Царицыне недостаточно. И заканчивается письмо так:

«...все дело во времени. Если во-время не придет помощь, Северо-Кавказ будет потерян. Об этом говорят все данные, только что полученные от Калнина».

Так оно и случилось. Удар Добровольческой армии Деникина оказался настолько серьезным, что группа войск Калнина принуждена была очистить весь район Великокняжеская — Тихорецкая. Изложим вкратце происшедшие здесь события. Из района своего расположения Мечетинская — Егорлыцкая Добровольческая армия первый удар нанесла в направлении Торговая — Великокняжеская. После овладения последними Деникин круто повернул всей своей армией на Тихорецкую, продолжая отбрасывать войска группы Калнина в направлении Белоглинская — Тихорецкая. Об этой операции в июне 1918 года Деникин пишет:

«На Царицынском направлении наша задача была окончена. В самой Великокняжеской сосредоточились до 2½ тысяч донцов; донские отряды продолжали сами очищение Сальского округа, продвинувшись затем верст на 80 к ст. Зимовники. Только гнездо местных большевиков — слобода Мартыновка — держалось еще целых пять недель, осажденное со всех сторон Донским ополчением»[1].

Дальше Деникин говорит, что он передал район Великокняжеской донскому командованию, а войска Добровольческой армии повернул к Торговой с целью приступить к операции по овладению Тихорецкой.

Ведя упорные бои, как констатирует сам Деникин, Добровольческая армия вскоре занимает Белоглинское (Белая Глина) и ведет концентрическое наступление на Тихорецкую. 13 июля белые полки под командованием Кутепова после ожесточенных боев с большими потерями для обеих сторон занимают Тихорецкую, а отдельные группы войск Калнина начинают быстрый отход к Екатеринодару, Армавиру, Ставрополю. После этой операции Деникин приступает к осуществлению второго этапа своего плана — занятию Екатеринодара.

«Значение для нас, — пишет Деникин, — победы над Тихорецкой было весьма велико. В стратегическом отношении мы: 1) разгромили окончательно 30-тысячную[2] группу

---

[1] Деникин, Очерки русской смуты, т. III, стр. 164.

[2] Деникин сильно преувеличивает численность этой группы, в ней было до 20 тысяч бойцов, кроме того, после этих операций более половины из них, хотя и в сильно расстроенном виде, но все же отошли к Екатеринодару — Армавиру.

Калнина; 2) приобрели обеспеченное снабжение с тылом (Тихорецкая — Торговая), свободу действий и возможность переброски войск по железной дороге в трех важных направлениях; 3) разъединили отдельные группы красных войск и, в частности, ставили в весьма затруднительное положение армию Сорокина, которая должна была теперь держать фронт на север (немцы и донцы) и на юг, имея под ударом свою линию сообщений (Кущевка — Тимошевская — Екатеринодар)»[1].

Благоприятное для Добровольческой армии развитие операций поставило в трудные условия Царицынский фронт. Северный Кавказ был отрезан от Советской России.

Успехи Деникина очень сильно взволновали руководителей «Всевеликого войска Донского». Атаман Краснов, не желая отставать от своего соперника Деникина, еще более усилил подготовку к решительной наступательной операции на Царицын — Камышин.

Чтобы предупредить наступление Краснова — Денисова, Военный совет Царицынской обороны в конце июля и начале августа предпринимает ряд активных операций на Калач-на-Дону и в направлении Великокняжеской. В районе последней прочно обосновалась группа донских белоказаков под командованием полковника Полякова. Чтобы эти операции проходили более целеустремленно, тов. Сталин направляет в район Гапуни (Сальковская группа красных войск) командующего Царицынским фронтом тов. Ворошилова. Одновременно с этим он категорически требует от командующих Южной завесой, а затем Южным фронтом Черниавина и Ситина всемерно усилить и активизировать Поворинский участок, с тем чтобы ни под каким видом не дать красновцам перерезать основную железнодорожную магистраль Царицын — Поворино — Грязи. К сожалению, обещания и заверения Ситина остались пустой бумажной отпиской. 8-я и 9-я армии Южного фронта оказались настолько пассивными, что противнику удалось без особых усилий одержать с первых же часов своего наступления большой успех на Камышинском направлении и тем самым отрезать Царицын от центра, поставив его защитников в первые же дни августа 1918 года в тягчайшие условия борьбы.

---

[1] Деникин. Очерки русской смуты, т. III, стр. 175.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ПЕРВОЕ ОКРУЖЕНИЕ ЦАРИЦЫНА

ГЛАВА XI

Августовское наступление белоказаков и их разгром

(Схема 10)

В конце июля 1918 года белоказачьи части заняли исходные районы для решительного наступления на Царицын, Камышин, Балашов, Новохоперск, Калач. Директивы командования «Всевеликого войска Донского», отданные атаманом Красновым и командующим Донской белоказачьей армией ген. Денисовым, были тщательно продуманы генералами Фицхелауровым, Мамонтовым и полковниками Алферовым и Поляковым. Подготовительные мероприятия были закончены, и белоказаки ждали общего сигнала, с тем чтобы совместным концентрическим ударом добиться скорой и большой победы. В белоказачьем стане считали, что не пройдет и нескольких дней, как политические и военные деятели донской столицы — Новочеркасска — в торжественных манифестах объявят буржуазно-кулацкой «общественности» о невиданных победах белоказачьего оружия. Это было бы особенно кстати, так как успехи Добровольческой армии Деникина на Кубани весьма невыгодно отражались на престиже Краснова и Денисова. Краснов и Денисов меньше всего желали успеха своему непримиримому и грозному конкуренту Деникину с его основным политическим лозунгом «великой, единой и неделимой России», лозунгом, который опрокидывал все политические проекты Краснова о создании мощного буржуазно-кулацкого, самостоятельного донского государства. Германский генеральный штаб тоже был обеспокоен победами Деникина на Кубани, так как ему хорошо была известна союзническая ориентация Деникина. Германский генеральный штаб подталкивал Краснова и за будущий

успех наступления гарантировал в обмен на хлеб, шерсть, рыбу и пр. дальнейшую помощь оружием, столь необходимым донской белоказачьей армии в ее вооруженной борьбе с Красной Армией.

В «Очерках русской смуты» Деникин, заведомо извращая факты, пишет:

«Взятие Тихорецкой, — доносили из Новочеркасска, — произвело сильное, можно сказать, радостно-ошеломляющее впечатление не только среди всех кругов населения, но и среди всех без исключения членов правительства»[1]. Мемуары Денисова и Краснова говорят иное: не с «радостью», а с завистью, злобой и с огромным недовольством было принято известие о взятии Тихорецкой в кругах Краснова, его сподвижников и ставленников, в кругах белоказачьей верхушки, с нетерпением ждавшей собственных побед на Царицынско-Камышинском, Саратовском направлениях.

Обстановка для защитников Царицына становилась с каждым днем все напряженней. С Восточного фронта приходили безрадостные вести о том, что чехо-словаки совместно с белой армией «Комуча» продолжают успешное наступление к Волге; враги захватили 21 июля Симбирск, а через несколько дней, 6 августа — Казань. Крепкое овладение линией Волги на участке Саратов—Казань было одним из важнейших условий для контрреволюции Восточного фронта, которая, не в меру раздувая успехи войск Антанты, захватившей 2 августа Архангельск, мечтала через соединение на линии Вологда—Вятка совместными силами двинуться к сердцу Советской страны — Москве. Белогвардейцы, выдвигаясь к Волге и захватывая на ней важнейшие города — Казань, Симбирск, Самару, — с нетерпением ждали удара донского белого казачества в направлении Саратов — Камышин — Царицын — Астрахань, с тем чтобы образовать единый сплошной фронт контрреволюции Востока и Юга.

Выше мы приводили ряд документов, ярко свидетельствующих о том, как пристально следили Ленин и Сталин за развитием тяжелой борьбы в Закавказье, куда германо-турецкий империализм при полном содействии и помощи грузинских меньшевиков и армянских дашнаков ввел свои оккупационные войска, захватив почти все Закавказье. В районе Баку с марта 1918 года продолжала еще держаться советская власть.

---

[1] Деникин, Очерки русской смуты, т. III, стр. 175.

Советская власть в Баку оказалась в чрезвычайно тяжелых условиях борьбы. Турецкие войска наступали на Баку, бакинский пролетариат, отрезанный от центральной Советской страны, вел полуголодное существование. Находившееся в Персии английское командование использует территорию Персии как плацдарм для интервенции на Кавказе и в Туркестане, для чего оружием и деньгами поддерживает различные контрреволюционные организации в Закавказье, организует 12-тысячный вооруженный бело-эсеровский отряд под командованием своего агента, полковника царской армии, Лазаря Бичерахова[1]. Все лето 1918 года большевики Закавказья, под руководством Степана Шаумяна, вели ожесточенную борьбу с контрреволюционными соглашательскими партиями[2], а также руководили боями Красной Армии с турецкими оккупационными войсками в районах к западу и северо-западу от Баку (Шемаха, Гокчай, Уджарры, Кюрдамир и др.).

Муссаватисты, меньшевики, эсеры, дашнаки, воспользовавшись тягчайшими испытаниями рабочих Баку, а также хорошо зная о стремлении английского империализма захватить бакинские нефтяные промысла, потребовали от Степана Шаумяна, Джапаридзе, Фиолетова и Г. Карганова (главком Кавказской Красной Армии) пригласить в Баку английские войска якобы для спасения города от германо-турецкого наступления. Тов. Шаумян стремился держать непрерывную тесную связь с тов. Сталиным. Пользуясь всякой оказией в июне и июле, тов. Сталин посылал тов. Шаумяну свои письма, ориентируя его об общей обстановке борьбы, развертывавшейся на территории Советской страны. Получив от Шаумяна сведения, что эсеро-дашнаки требуют призвания англичан в Баку, тов. Сталин посылает тов. Шаумяну телеграмму, с тем чтобы он огласил ее текст на заседании Бакинского совета. Одновременно с этим тов. Сталин посылает из Царицына 21 июля на имя Ленина следующую телеграмму:

---

[1] Другой Бичерахов, Георгий, брат Лазаря Бичерахова, также эсер, работал по организации контрреволюционных мятежей в июле 1918 года в Терской области и после свержения советской власти встал во главе так называемого «Временного народного правительства Терского края».

[2] С. Г. Шаумян, Статьи и речи 1917—1918 гг., а также Суren Шаумян, Бакинская коммуна.

„Москва, Совнарком Ленину, Чичерину

По сообщению из Баку от Шаумяна эсеродашнаки в Совете требуют призвания англичан в Баку на помощь. Часть армии и флота, сагитированная агентами англо-французов, требует того же. Шаумян требует от меня срочного официального сообщения о мнении правительства. Я счел нужным послать в Баку следующую телеграмму: «По последним сведениям, народнические фракции бакинского совдепа добиваются призвания варягов-англичан, якобы на помощь против турецких захватчиков. Принимая во внимание опыт такой помощи со стороны англо-французов на Мурмане и Дальнем Востоке, можно с уверенностью сказать, что народнические фракции, сами того не сознавая, подготовляют почву для оккупации Баку и его районов. Вместе с тем несомненно, что попытка народнических партий кустарным способом разрешить вопрос международной политики в то время, когда V Всероссийский съезд Советов определенно высказался за независимую политику Российской Советской Республики, независимую как от немцев, так и от англичан, такая политика народнических партий является грубым нарушением организованной воли России в угоду кучке англо-французских империалистов. Именем Всероссийского ЦИК и Совета Народных Комиссаров я требую от всего Бакинского Совета, от армии и флота полного подчинения воле рабочих и крестьян всей России. Во исполнение решения V съезда Советов я требую от Бакинского Совнаркома безоговорочного проведения в жизнь независимой международной политики и решительной борьбы с агентами иноземного капитала, вплоть до ареста членов соответствующих комиссий.

По уполномочию Совета Народных Комиссаров
***народный комиссар СТАЛИН*».**

В подтверждение содержания этой телеграммы тов. Сталина тов. Свердлов 23 июля телеграфирует в Баку следующее:

„Срочные литера Баку—Совдеп, копия Шаумяну

Пятый Всероссийский съезд Советов одобрил подавляющим большинством политику Всероссийского ЦИК и Совнаркома, резко осудив попытки каких-либо групп сорвать насильственно волю трудящихся России к миру.

Всякое выступление, расходящееся с решением верховного органа Советской Республики, будет в интересах только империалистов и контрреволюционеров.

Подтверждаем телеграмму Сталина, категорически требуем безусловного подчинения Бакинского Совета, всех рабочих, армии и флота решениям съезда и указаниям Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совнаркома.

Председатель Всероссийского Центрального Исполнительного комитета Я. СВЕРДЛОВ[1].

23 июля 1918 года.

25 июля 1918 года было созвано чрезвычайное заседание Совета рабочих, красноармейских, матросских и крестьянских депутатов совместно с районными советами, судовыми комитетами и военно-революционным комитетом Кавказской Красной Армии[2]. На этом заседании тов. Шаумян зачитал телеграммы Сталина и Свердлова. Большинством 23 голосов при 500 присутствующих резолюция, предложенная тов. Шаумяном и требовавшая организации дальнейшей борьбы без приглашения англичан в Баку, была отклонена. 31 июля Бакинский Совнарком сложил по предложению Шаумяна свои полномочия. Власть перешла в руки эсеров, меньшевиков, дашнаков, муссаватистов, которые установили так называемую «Диктатуру Центрокаспия и Временного исполнительного комитета». Последняя с помощью отряда английского ген. Денстервиля, прибывшего из Энзели в Баку, арестовала бакинских комиссаров. 11 сентября 1918 года бакинские коммунары должны были быть расстреляны, но этому помешал приход турок в Баку 14 сентября. Бакинским комиссарам удалось спастись и выехать, но не в Астрахань, как они хотели, а в Красноводск; здесь англичане и эсеры задержали бакинских комиссаров и в сентябре 1918 года расстреляли их.

Уже 2 августа Военный совет царицынской обороны узнал тяжелую весть, что в Баку образовалась новая контрреволюционная власть — «Диктатура Центрокаспия». **Закавказье было потеряно.**

На Северном Кавказе в это время было значительное количество красных войск (Сорокин, Федько, Матвеев, Кал-

---

[1] Оба документа приведены в книге Сурена Шаумяна, Бакинская коммуна, Истпарт, Баку, 1927 г., стр. 46, 47.

[2] Стенограмма этого бурного заседания, являвшегося фактически последним для Бакинской коммуны, помещена в сборнике статей и речей Шаумяна за 1917—1918 гг., изд. Института истории классовой борьбы в Азербайджане, Баку, 1929 г., стр. 258—291, а также см. Ленин, Соч., том XXIII, стр. 153.

нии и другие); учитывая это, товарищи Сталин и Ворошилов решают развить активные операции в сторону Великокняжеская — Тихорецкая, с тем чтобы войти в оперативно-боевую связь с красными войсками на Северном Кавказе. Кроме того, с целью не дать возможности армии Краснова оперировать в полосе между Доном и Волгой, было решено занять фронт к западу от Царицына на участке Нижне-Чирская—Калач—Кременская.

Расположение красных войск Царицынского фронта и оперативных групп белой армии «Всевеликого войска Донского» к концу июля 1918 года было следующее (см. схему 10).

1) На фронте к западу от железной дороги Себряково — Кумылга — Арчеда — Липки — Лог — Иловля — Качалино располагались части под командованием Миронова в составе 6 500 штыков, 500 сабель, 51 пулемета, 15 орудий.

2) На линии Качалино—Песковатка—Кривая Музга (Кривомузгинская) — Луговской — Громославка — Абганерово на фронте 110 *км* располагались части отряда Межевых, дивизии Попова, 1-й Коммунистической, 1-й Донецкой дивизий; в районе Жутова — отряд Круглякова; в районе Котельниково — отряд Васильева общей численностью в 20 000 штыков, 2 700 сабель, 162 пулемета, 82 орудия.

3) Район железнодорожного участка Ремонтная—Гашунь занимала Сальская группа Шевкопляса в составе 9 000 штыков, 1 700 сабель, 86 пулеметов, 17 орудий.

4) Резерв под командованием Тулака находился в самом Царицыне, общей численностью в 1 300 штыков, 500 сабель, 47 пулеметов, 8 орудий.

Против этих красных сил белоказаки сосредоточили:

1) В районе Великокняжеская—Куберле отряд полковника Полякова численностью до 10 тысяч, с задачей удара на Царицын с юга.

Белоказачьи отряды окружили район слободы Мартыновка, в которой сосредоточилось до 3 000 красных бойцов под командованием Ковалева.

2) Оперативная группа под командованием ген. Мамонтова, опираясь на свою основную базу формирований — станицу Нижне-Чирскую, занимала фронт по правому берегу Дона от Потемкинской на Пятиизбянская—Калач—Трехостровенская. Группа имела 22 тысячи бойцов, с задачей захватить Царицын.

3) Оперативная группа под командованием ген. Фицхелаурова занимала фронт Хмелевской—Кременская—Наза-

ров, Усть-Медведицкая, Чаплыженский, Сатаров, Алексеевское, общей численностью до 20 тысяч бойцов. Общее направление—на Балашов — Камышин. В районе Богучар — Мигулинская — Вешенская собралась группа полковника Альферова в составе до 12 тысяч человек с задачей наступать на Лиски—Поворино—Калач (Воронежской губ.).

Белоказаки имели 27 000 пехоты, 30 000 конницы, 610 пулеметов, 175 орудий, 20 самолетов, несколько бронепоездов.

Красные имели 35 000 штыков, 3 400 сабель, 260—270 пулеметов, 100 орудий.

К моменту решительного наступления оперативной группы ген. Фицхелаурова с первоначальной задачей овладеть железнодорожной линией Поворино — Царицын, с тем чтобы отрезать район Царицына от центра (Москва) и отбросить красные войска в направлении Камышина, обстановка на фронте красных была следующая.

В районе Новохоперск—Алексиково находились отряды Сиверса численностью до 2 000 бойцов; в районе Бударино—Филоново—Панфилово — полки дивизии Киквидзе численностью до 2 000—3 000 бойцов; в районе Себряково — Арчеда—Лог—отряды Миронова численностью до 1 500—2 000 бойцов. Красные части группировались на железнодорожных станциях с охранением, выставленным не более 2—3 *км* в сторону противника. Каждый занимаемый железнодорожный участок вместе с наиболее крупной станцией носил название фронта, а каждый такой фронт имел своего командующего. Поэтому в материалах и оперативных документах того времени встречаются такие наименования, как «Поворинский фронт», «Себряковский фронт», «Арчадинский фронт», «Филоновский фронт» и т. д. Самостоятельное формирование войсковых частей и образование все новых и новых «фронтов» в июне и июле 1918 года происходило почти постоянно.

После серьезных боев остатки того или другого войскового соединения переходили во вновь формируемые отряды, полки и дивизии, куда начинали стекаться все разрозненно действовавшие местные отряды крестьян, казаков, рабочих-железнодорожников. Например: отряды Миронова состояли, главным образом, из казаков, причем, пока операции шли успешно, в руках Миронова оставалась боевая сила, но очень часто при неудачах целые отряды из казаков изменяли и переходили на сторону Краснова. В ниже приведимом документе — телеграмме товарища Сталина

Ленину от 4 августа — не только дается характеристика войск Миронова и «отрядной неразберихи», которая имела место в отрядах Сиверса и Киквидзе к моменту решительного наступления в конце июля и в августе Краснова на Поворино—Камышин—Царицын, но и объясняется основная причина, в силу которой так быстро была потеряна важнейшая для Царицына железнодорожная магистраль Поворино—Царицын. Для того чтобы показать, насколько плохо был обеспечен правый фланг Царицынского района со стороны Поворинского направления и насколько мало заботилось военное командование Южного фронта и 9-й армии, в которую до 15 июля формально входили отряды Сиверса, Киквидзе и Миронова [1], приведем факты из боев 15 июля в районе Филоново.

«В первых числах июля 1918 года,— пишет начальник штаба дивизии Киквидзе,— противник стал проявлять большую активность со стороны Анненской и хутора Березовского, а в тылу в районе хуторов Ситников, Саламатин и Преображенской станицы формировалось местное белогвардейское казачество под командой генерала Ситникова.

Так как наши части занимали линию станции и станицы, а промежутки между нас только осведомлялись, то противник свободно сносился с формирующимися в тылу бандами, и 15 июля на рассвете атаковал станцию Филоново с фронта и тыла. Наш гарнизон был, правда, большой [2], но так как противник напал внезапно со всех сторон, то возникла неописуемая паника. Противник ворвался в деревню, здесь бой шел на улицах; с фронта противник теснил сторожевое охранение, а наш гарнизон, прикованный к станции, тоже не в силах был притти на помощь, защищая ее. Большинство красноармейцев гарнизона дралось в одном нижнем белье. Артиллеристы с винтовками в руках бились около пушек».

Эта выдержка со всей ясностью говорит о плохом состоянии в частях дивизии Киквидзе взаимосвязи и разведывательной деятельности, вследствие чего внезапный удар противника имел успех. Правда, эта атака была вскоре отбита, но за ней последовало развернутое наступление

[1] В действительности они действовали почти самостоятельно и мало считались с командованием 9-й армии, а последнему не удалось решительными мерами прекратить самостийность этих отдельных отрядов.

[2] В это время на станции Филоново находились 3-й стрелковый и Титовско-донской полки.

группы войск ген. Фицхелаурова на весь фронт от станции Лог до Поворино. 25 июля противник занимает район станции Липки, а на следующий день — станцию Лог и Арчеду. Войска Миронова стали поспешно отходить в направлении Красный Яр. 27 июля противник занимает район Чернушкина и по пути мобилизует все годное к военной службе население. Как только обозначился успех против боевого участка Миронова, белоказаки начали бешеный написк на боевые участки Сиверса и Киквидзе. Огромное имущество, находившееся на станции Филоново, которая оказалась забитой эшелонами, своевременно эвакуировано не было.

«В это время,— пишет начальник штаба дивизии Киквидзе,— дивизия была весьма богата: имущества — целые эшелоны патронов, снарядов, винтовок, пулеметов; снаряжения— целые горы. Все это было сосредоточено тут же на станции и почти всего этого дивизия лишилась, ибо, при быстром отходе, эвакуировать удалось только раненых и часть снарядов».

28 июля станции Панфилово и Бударино были заняты белоказаками. Противник воспользовался отсутствием боевой связи и взаимодействия между участками Сиверса, Киквидзе и Миронова и бил каждый боевой участок по очереди. 30 июля два белоказачьих полка при 6 орудиях атаковали станцию Себряково и после ожесточенного боя заняли на следующий день этот район. К 3 августа белоказаки отбросили части Миронова и Киквидзе на линию Красный Яр—Елань—Поворино. За красными дивизиями тянулись целые караваны с крестьянским скарбом, скотом и пр., так как все основное крестьянское население уходило вместе с красными войсками. Белоказаки беспощадно расправлялись с пленными и ранеными, изуверствовали, вырезая на теле захваченных красных бойцов лампасы, слова: «Земля и воля» и пр. Потеряв железнодорожную магистраль Поворино (искл.) — Лог, красные части принуждены были расстаться с эшелонами и приступили к организации обозов и войсковых тылов. В августе из частей Миронова была сформирована в районе Красного Яра 23-я дивизия, из частей Киквидзе — 16-я (район Елани), а отряды Сиверса получили наименование 15-й дивизии, которая занимала район Поворино. Все эти части вошли в 9-ю армию. Неудача на правом фланге Царицынского района и потеря железной дороги Поворино—Лог поставили

защитников Царицына в крайне тяжелое положение. Для Военного совета обороны Царицына было совершенно ясно, что Краснов решил отрезать Царицын от Москвы. Кроме того, неудачи на северном фасе (Поворинское направление) как раз совпали с рядом победоносных операций войск Царицынского фронта в районе ст. Лог, Калач в направлениях Верхне-Чирская и Гашунь—Куберле на Великокняжескую.

Успехи ген. Фицхелаурова срывали развитие операций, организованных Военным советом к западу и югу от Царицына, заставляя Сталина и Ворошилова предпринять ряд новых контрмероприятий. События в конце июля и начале августа 1918 года к северу, западу и югу от Царицына сложились так.

Военный совет Царицынской обороны не предполагал, что наступательные успехи ген. Фицхелаурова в Камышинском направлении примут столь значительные размеры. Мало того, командование Южного фронта заверяло Военный совет, что наступление красных царицынских войск в сторону Калача и Великокняжеской будет всемерно поддержано активными операциями 9-й и 8-й армий на юг, в направлении Богучар — Усть-Медведицкая. Но, как мы видели выше, дело повернулось иначе. Отряды Сиверса. Киквидзе, Миронова были отброшены с железнодорожной линии Поворино—Царицын далеко на восток, к Красному Яру—Елани—Поворино.

30 июля красные войска 1-й Коммунистической дивизии перешли в решительное наступление на Калач с целью отбросить белых за Дон. 31 июля в районе Калача красные войска обнаружили хорошо оборудованные укрепления противника: окопы, усиленные блиндажами и снабженные замаскированными бойницами, имели впереди проволочные заграждения. Противник стойко отражал все наши атаки. Первая линия окопов была взята в штыковом бою, белые почти все были перебиты. Тогда противник идет на хитрость. Он насильно собирает в глубине своей обороны, во второй линии окопов, женщин и подростков и заставляет их под угрозой расстрела кричать «ура», а сам на флангах переходит в контрнаступление. Его кавалерия стремится обойти левый фланг красных, но меткий артиллерийский огонь расстраивает ее. Под прикрытием артиллерийского огня наши части переходят в стремительное наступление, противник не выдерживает атаки и оставляет 31 июля Калач. В наши руки переходят большие военные трофеи —

винтовки, пулеметы, орудия, пароход и баржи, несколько десятков пленных и огромные запасы хлеба.

Товарищ Сталин писал 4 августа Ленину:

> «Взятие Калача дало нам несколько десятков тысяч пудов хлеба. Я отправил в Калач 12 грузовиков, и как только удастся свезти к железнодорожной линии, направлю на Москву».

31 июля войска отряда Межевых переходят в энергичное наступление на север и занимают ст. Лог. В это время командующий Царицынским фронтом тов. Ворошилов выехал в расположение войск Сальской группы Шевкопляса для личного руководства операцией на Великокняжескую, с основной задачей скорее осуществить соединение с войсками Кубанско-Черноморского фронта.

Ко 2 августа районы станций Зимовники и Куберле перешли в наши руки. Тов. Ворошилову было известно, что в 50 *км* к северо-западу от Куберле в районе слободы Мартыновка в продолжение 35 дней держится советский отряд Ковалева, окруженный со всех сторон белоказаками. Эта 35-дневная героическая борьба мартыновцев и орловцев (из слободы Орловка, в 25 *км* к западу от Мартыновки) — один из замечательных эпизодов нашей гражданской войны.

В центре белогвардейского движения в Сальском округе целое село Мартыновка начало борьбу с белыми, сформировав достаточно сильный отряд. В первых числах июля это село было окружено белыми и началась форменная осада. Но защитники проявили героическую стойкость. Белым, несмотря на бешеные атаки, так и не удалось прорвать оборону и уничтожить находящиеся в осаде части и революционное население. Прорвавшиеся к мартыновцам две роты из частей Великокняжеского участка усилили их, но также оказались в окружении. Всего у мартыновцев было до 3 000 вооруженных бойцов. В таком положении они дрались длительное время до подхода помощи.

Деникин подтверждает в своих «Очерках русской смуты», что после захвата Добровольческой армией района Великокняжеской и распространения донских белоказаков к Зимовникам «только гнездо местных большевиков — слобода Мартыновка — держалось еще целых пять недель, осажденное со всех сторон донским ополчением».

После занятия Зимовников и Куберле тов. Ворошилов решает освободить защитников слободы Мартыновка и вы-

вести их в расположение красных войск. Это решение в крайне сложных условиях борьбы, развертывавшейся на юге Царицына, было очень смелым, так как требовалось прорвать кольцо белоказаков и решительными и быстрыми действиями освободить окруженных со всех сторон орлово-мартыновцев.

В оперативной сводке от 5 августа 1918 года, скупо поясняющей положение на фронтах Северо-Кавказского военного округа, коротко говорится об этом изумительном и смелом предприятии.

«Наш отряд, окруженный в Мартыновке, пробился и соединился с Сальской группой, присоединил к себе 3 тысячи бойцов»[1]. Вот и все. На самом деле это историческое событие протекало следующим образом. Тов. Ворошилов потребовал, чтобы командующий Сальской группой Шевкоплясов немедленно организовал наступательную операцию в сторону Мартыновки с целью освободить и вывести окруженных со всех сторон орлово-мартыновцев. Шевкоплясов и командир кавалерийской бригады Думенко стали доказывать тов. Ворошилову исключительную трудность организации этой операции, указывая, что, кроме лишних потерь, эта «затея» ничего не принесет красному оружию. Таким образом, Шевкоплясов, Думенко и ряд других командиров Сальской группы отказались участвовать в прорыве белоказачьего фронта и в намеченном рейде в направлении Мартыновки. Но тов. Ворошилов остается тверд в своем решении: он организует для рейда кавалерийский полк С. М. Буденного (который в это время командовал полком и был помощником Думенко) и вместе с ним приступает к решению задачи. Этот искусно организованный рейд в глубокий тыл белоказачьего фронта приводит кавалерийскую группу под непосредственным командованием товарища Ворошилова к району окруженной со всех сторон Мартыновки. Героическим стремительным ударом кольцо окружения было прорвано, и опешенный противник, принявший вначале красную кавалерию за свою, вскоре убедился в роковой для себя ошибке. Кавалерийский отряд тов. Ворошилова принес к мартыновским пленникам в белоказачьем стане как раз в тот момент, когда обстановка у них, в связи с окончанием запасов огнеприпасов и упадком настроения части мартыновцев, казалась совершенно безвыходной. С каждым днем до прихода

[1] ЦАКА, д. № 221—024, л. 12.

тов. Ворошилова все чаще и чаще раздавались упадочнические голоса незначительной группы казаков и подкулачников о неизбежной сдаче; эта группа запугивала героев-защитников Мартыновки, уговаривала добровольно сдаться в плен, иначе, мол, белоказаки поголовно всех истребят.

Не было предела ликованию и радости, когда орлово-мартыновцы собственными глазами увидели командующего Царицынским фронтом тов. Ворошилова и красных бойцов, прорвавшихся к Мартыновке на выручку своих товарищей. Сборы были недолгие; не теряя времени, все жители с семьями и обозами под охраной боевого отряда героя-вожака орлово-мартыновцев тов. Ковалева, по указанию товарища Ворошилова, двинулись из Мартыновки в направлении Куберле.

Прибыв в район Куберле, тов. Ворошилов послал следующую телеграмму Военному совету в Царицын:

„Царицын. Военсовет [1].

Мартыновцы (около трех тысяч бойцов), сопровождая обозы оставивших Мартыновку жителей, с боем продвинулись к Куберле и соединились с нашими войсками. Мартыновцы вышли бодрыми и свежими после тридцатипятидневной осады. Полковой командир и его помощник Ситников и военный комиссар Сызин, истинные борцы за советскую власть, вынесли на своих плечах все тяжести осады, выглядят прекрасно и готовы продолжать борьбу с бандами красновцев и других кадет. Потери мартыновцев во время осады сравнительно ничтожны... Сейчас уезжаю в Ремонтную, где подожду еще день, а потом поеду в Царицын. Имеем в виду бригаду Колпакова, которую сменят мартыновцы.

***Член Военсовета ВОРОШИЛОВ*".**

Этот героический эпизод имел огромное воспитательное значение для всех бойцов Царицынского фронта, которые так неожиданно получили в лице мартыновцев новое пополнение в 3 000 с лишним закаленных и испытанных в 35-дневной жестокой осаде красных бойцов, беззаветно преданных советской власти. Тов. Щаденко пишет:

«Пролетарскую настойчивость и беззаветную храбрость красной кавалерии прививал с самого начала ее зарождения, воспитывая ее в духе большевистского бесстрашия, смелых

[1] ЦАКА, д. № 47685, л. 193.

рейдов и быстрых всесокрушающих действий, не кто иной, как товарищ Ворошилов.

Благодаря исключительной настойчивости товарища Ворошилова мартыновцы были освобождены, и многотысячная масса революционного народа включилась в общий поток движения иногороднего трудового населения Сальского и Котельниковского округов».

Выведенные из Мартыновки красные бойцы отдельной бригадой под командованием тов. Ковалева вошли в состав Южного боевого участка Царицынского фронта. В связи с отходом частей Миронова, Киквидзе и Сиверса на севере Царицынского района, перед Военным советом стал вопрос о несвоевременности продолжения наступательных операций на юге в направлении Великокняжеская—Тихорецкая.

Общее политическое и стратегическое положение в районе Царицына и на Северном Кавказе к 4 августа 1918 года отчетливо представлено в следующем докладе товарища Сталина В. И. Ленину:

«Положение на Юге не из легких. Военсовет получил совершенно расстроенное наследство, расстроенное отчасти инертностью бывшего военрука, отчасти заговором привлеченных военруком лиц в разные отделы Военного округа. Пришлось начинать все сызнова, наладили дело снабжения, поставили Оперативный Отдел, связались со всеми участками фронта, отменили старые, я бы сказал, преступные приказы, и только после этого повели наступление на Калач и на юго-восточную сторону (Тихорецкая). Наступление повели в надежде, что северные участки Миронова—Киквидзе, Поворинский участок — обеспечены от разгрома[1]. Между тем оказалось, что эти участки наиболее слабы и не обеспечены. Вам известно отступление Миронова и других на Северо-Восток, захват казаками всей железнодорожной линии от Лиски до Алексеиково, переброска отдельных партизанских казачьих групп в сторону Волги, попытки последних прервать сообщение по Волге между Камышином и Царицыном.

С другой стороны, Ростовский фронт и вообще группа Калинина ввиду отсутствия снарядов и патронов потеряли свою стойкость, сдали Тихорецкую, Торговую и, видимо, переживают процесс окончательного распада (говорю «видимо» потому, что точных сведений о группе Калинина до сих пор не можем получить). Я уже не говорю о том критическом положении, в которое попали Кизляр, Бряндская, Баку. Англо-

[1] См. схему 11.

фильская ориентация окончательно провалена, но на фронте там дела обстоят более чем неблагополучно. Кизляр, Прохладная, Ново-Георгиевск, Ставрополь в руках восставших казаков. Только Брянская, Петровск, Минеральные Воды, Владикавказ, Пятигорск и, кажется, Екатеринодар пока еще держатся.

Создалось таким образом положение, при котором связи с Югом, с его продовольственными районами прерваны, а сам Царицынский район, связывающий Центр с Северным Кавказом, оторван в свою очередь или почти оторван от Центра.

Ввиду этого и решили мы приостановить наступательные действия в сторону Тихорецкой, приняв оборонительное положение и сняв боевые части с участков Царицынского фронта, составить из них северный ударный кулак в тысяч шесть солдат и направить его по левому берегу Дона вплоть до реки Хопер. Цель этого предприятия — очистить линию Царицын — Поворино и, выйдя в тыл врагу, дезорганизовать его и отбросить назад. Мы имеем все основания рассчитывать на осуществление этого плана в самое ближайшее время.

Обрисованную выше неблагоприятную обстановку следует объяснить:

1) Поворотом фронтовика, «справного мужика», в октябре боровшегося за Советскую Власть,— против Советской Власти (он ненавидит всей душой хлебную монополию, твердые цены, реквизиции, борьбу с мешочничеством).

2) Казачьим составом войск Миронова. Казачьи части, именующие себя советскими, не могут, не хотят вести решительную борьбу с казачьей контрреволюцией, целыми полками переходили на сторону Миронова.

Казаки пришли к Миронову для того, чтобы, получив оружие, на месте же познакомиться с расположением наших частей и потом увести за собой в сторону Краснова целые полки. Миронов трижды был окружен казаками, ибо они знали всю подноготную Мироновского участка, и, естественно, разбили его на-голову.

3) Отрядным строительством частей Киквидзе, исключающим возможность связи и координации действий.

4) Изолированностью ввиду всего этого частей Сиверса, потерявших опору на левом фланге.

Положительной стороной Царицынско-Ганнуньского фронта надо признать полную ликвидацию отрядной неразберихи и своевременное удаление так называемых специалистов (больших сторонников отчасти казаков, отчасти англо-французов), давшее возможность расположить к себе воинские части и установить в них железную дисциплину.

Положение с продовольствием после перерыва связей с Северным Кавказом стало безнадежно. Свыше семисот вагонов стоит на Северном Кавказе на колесах, свыше полутора миллиона пудов заготовлено, а вывезти весь этот груз не представляется никакой возможности ввиду перерыва сношений, как железной дорогой, так и морем (Кизляр, Брянская не в наших руках). В Царицынском, Котельниковском, Гашуньском районах хлеба немало, но его надо убрать, между тем, как Чокпрод не приспособлен и до сих пор не может приспособиться к этой заготовке. Необходимо убрать урожай, спрессовать и свезти к одному месту сено, но прессов у Чокпрода не оказалось. Необходимо организовать в большом масштабе уборку хлеба, но организаторы Чокпрода оказались никудышными. В результате дело заготовки хромает на обе ноги.

Взятие Калача дало нам несколько десятков тысяч пудов хлеба. Я отправил в Калач 12 грузовиков, и как только удастся свезти к железнодорожной линии, направлю на Москву. Уборка хлеба, плохо ли, хорошо ли, все же идет. Надеюсь в ближайшие дни добыть несколько десятков тысяч и также отправить Вам. Скота здесь больше чем нужно, но сена крайне мало, и так как без сена нельзя отправлять, то отправка в большом масштабе становится невозможной. Было бы хорошо организовать по крайней мере одну консервную фабрику, поставить бойню и проч. Но, к сожалению, знающих, инициативных людей пока не могу найти. Я предписал Котельниковскому Уполномоченному организовать соление мяса в больших размерах, дело уже начато, результаты есть, и если дело разрастется, то на зиму мяса будет достаточно (в одном Котельниковском районе скопилось 40 000 голов крупного скота). В Астрахани скота не меньше, чем в Котельниково, но местный продкомиссариат ничего не делает. Представители Заготзерна сняты поголовным сном, и можно с уверенностью сказать, что мяса они не заготовят. Я послал туда Уполномоченного Залмаева для заготовки мяса и рыбы, но сведений от него пока не получил.

Гораздо большие надежды в смысле продовольствия на Саратовскую и Самарскую губернии, где хлеба много и откуда экспедиция Якубова, я полагаю, сумеет вывезти полмиллиона или даже больше пудов хлеба.

В общем нужно сказать, что до восстановления связи с Северным Кавказом рассчитывать (особенно) на Царицынский участок (в продовольственном отношении) не приходится.

Царицын н-В.

Августа 4 1918 года. ***Ваш И. СТАЛИН.***

Обстановка, сложившаяся в районе Царицына, обрисована в этой телеграмме товарища Сталина с исчерпывающей полнотой. 4 августа Царицын был отрезан и от центра и от Северного Кавказа. Эта телеграмма товарища Сталина была отправлена В. И. Ленину как раз в тот момент, когда на помощь группе ген. Фицхелаурова, наступавшей в направлении Поворино—Камышин, пришла группа ген. Мамонтова, изготовившаяся к удару в направлении Калач—Кривомузгинская—Царицын, а с юга, из района Великокняжеской начинала развивать свою наступательную операцию на Куберле—Гашунь—Котельниково группа полковника Полякова.

В 11 час. 15 мин. 7 августа тов. Ворошилов, выведя орловомартыновцев в район Куберле, писал тов. Сталину в Царицын, что белоказаки напирают по всему фронту Куберле—Зимовники—Гашунь довольно сильными частями, и указывал, что за 6 августа красные войска потеряли сто человек ранеными и десять убитыми. Тов. Ворошилов просил о скорейшем сообщении новых сведений о положении на северном участке Царицынского фронта[1].

Группа ген. Фицхелаурова, отбросив красные части в направлении Камышин—Елань—Поворино, своим правым флангом начала развивать стремительное наступление на Царицын с севера. 2 августа уже была занята Пролейка у Волги, белоказачьи части усиленным артиллерийским и ружейно-пулеметным огнем стали обстреливать курсировавшие по реке советские пароходы, заставляя последние уходить обратно в район Царицына. Таким образом, на участке Царицын — Камышин грузооборот с хлебом, рыбой, жирами и пр. был прекращен.

В период со 2 по 10 августа ген. Мамонтов вел энергичную разведывательную деятельность своей авиацией, стремясь определить основную группировку красных войск, расположенных к западу от Царицына[2]. 8 августа группа ген. Мамонтова перешла в общее наступление из района Калач — Пятиизбянская — Нижне-Чирская — Потемкинская прямо на восток к Царицыну. 11 августа части Мамонтова заняли станцию Кривомузгинскую, а ген. Фицхелауров захватил ст. Ловлю, и его конные разъезды очутились в 5 *км* от Качалино[3].

---

[1] ЦАКА, д. № 47685, л. 180.
[2] ЦАКА, д. № 221—024, л. 12—17 и д. № 22—682, л. 48, 49.
[3] Там же.

Красные войска на всем Царицынском фронте под энергичным напором белоказаков стали отходить в направлении Котлубань — Басаргино — Тингута. Командующий Царицынским фронтом тов. Ворошилов на заседании Военного совета 11 августа, анализируя обстановку на всех основных направлениях, констатировал:

> «Равновесие нарушено. Нужны экстренные меры и переброска частей Шевкоплясова ближе к Царицыну, оттягивая их на Котельниково»[1].

Действительно, с каждым часом обстановка на Царицынском фронте становилась все катастрофичнее. Внутри Царицына подняли голову контрреволюционные подпольные группы, подкрепленные приехавшими в Царицын шпионами — организаторами диверсий. Бывший начальник Оперативного управления Царицынской армии полковник Носович, которому удалось передать белым ряд оперативных замыслов красного командования, писал в белогвардейской «Донской волне» после того, как он перебежал[2] к Краснову:

«Царицынская чрезвычайка работала полным темпом. Не проходило дня без того, чтобы в самых, казалось, надежных и потайных местах не открывались бы различные заговоры. Все тюрьмы города переполнились...

---

[1] ЦАКА, д. № 27 (160), л. 3.

[2] После того как Носович был уволен из Царицынской армии, он около двух месяцев состоял в распоряжении главкома, затем был командирован на Южный фронт к командующему фронтом Сытину, где на участке 8-й армии со станции Лиски перехал на ст. Таловую к казакам. По этому поводу тов. Вороши[illegible] писал следующее: «Москва, ЦИК, председателю Свердлову. Из Царицына, принята 6/XI 1918 г. Революционсовет пятой армии сообщил нам, что бывший начштаб Северокора Носович перешел на сторону белых. Не только мы, но помкомфронтом Сталин неоднократно указывал на явную контрреволюционность Носовича, однако обычная невнимательность наших товарищей дала ему возможность и на этот раз ускользнуть от кары и принять командование неприятельскими силами. Мы полагаем, что в настоящий момент необходимо принятие ряда экстренных мер по отношению к ближайшим сотрудникам Носовича, занимавшим совместно с ним видные посты: генералу Снесареву, освобожденному из-под ареста и командующему западной завесой, и в особенности Коваленскому, начальнику штаба Южного фронта, открыто заявлявшему (что может быть подтверждено Сталиным и Серго Орджоникидзе), что с казаками он не воюет. Совершенно настоятельно необходима и немедленная чистка Южного фронта и замена всех шифров, так как факт беспрепятственного прохождения Носовича не только через нашу линию, но и неприятельскую ясно указывает на сношения Носовича с неприятелем во время нахождения его в штабе фронта. Командарм X К. Вороши[illegible]

Борьба на фронте достигла крайнего напряжения...

К этому времени и местная контрреволюционная организация, стоящая на платформе учредительного собрания, значительно окрепла и, получив из Москвы деньги, готовилась к активному выступлению для помощи донским казакам в деле освобождения Царицына.

К большому сожалению, прибывший из Москвы глава этой организации инженер Алексеев и его два сына были мало знакомы с настоящей обстановкой, и благодаря неправильно составленному плану, основанному на привлечении в ряды активно выступающих сербского батальона, бывшего на службе у большевиков при чрезвычайке, организация оказалась раскрытой...

Резолюция Сталина была короткой: «Расстрелять». Инженер Алексеев, его два сына, а вместе с ними значительное количество офицеров, которые частью состояли в организации, а частью лишь по подозрению в соучастии в ней, были схвачены чрезвычайкой и немедленно, без всякого суда, расстреляны».

Под Царицыном нарастало кризисное положение. Белоказаки с каждым часом все более наглели и шли напролом. Белоказачья пресса в Новочеркасске авансом сообщала, что Царицын не сегодня-завтра будет в руках «Всевеликого войска Донского».

Слоняющаяся обстановка требовала сверхчеловеческих усилий, с тем чтобы не дать вражескому оружию восторжествовать.

> «Помню, как сейчас,— пишет тов. Ворошилов,— начало августа 1918 г. Красновские казачьи части ведут наступление на Царицын, пытаясь концентрическим ударом сбросить красные полки на Волгу. В течение многих дней красные войска во главе с коммунистической дивизией, сплошь состоявшей из рабочих Донбасса, отражают исключительной силы натиск прекрасно организованных казачьих частей. Это были дни величайшего напряжения. Нужно было видеть товарища Сталина в это время. Как всегда, спокойный, углубленный в свои мысли, он буквально целыми сутками не спал, распределяя свою интенсивнейшую работу между боевыми позициями и штабом армии. Положение на фронте становилось почти катастрофическим»[1].

---

[1] К. Е. Ворошилов, Сталин и Красная Армия, Воениздат, 1937 г., стр. 12.

11 августа на заседании Военного совета обороны Царицына в связи с продолжавшимся успешным наступлением группы ген. Фицхелаурова с севера на Царицын и наступлением ген. Мамонтова от Калача на Кривомузгинскую было решено:

1) Собрать мощный кулак в районе Царицына, а для этого оттянуть войска Сальской группы, в которой по данным приехавшего из Куберле тов. Ворошилова было более 120 000 бойцов, в район Котельниково—Царицын.

2) Мобилизовать всю буржуазию в возрасте от 18 до 40 лет для рытья окопов в районах по линии Тингута, Басаргино, Гумрак.

3) Мобилизовать лошадей и необходимый фураж, причем у буржуазии и кулаков все это конфисковать, а у трудового населения закупить за соответствующую плату.

4) В период с 14 по 18 августа мобилизовать по Царицыну и его уезду пять возрастов, родившихся в 1891, 1892, 1893, 1894, 1895 гг.

5) Объявить осадное положение.

6) Составить приказ-воззвание от имени Военсовета к войскам и населению[1].

Хорошо зная сепаратистские настроения в группе командного состава Сальских войск (Шевкоплясов, Думенко и др.), которая на протяжении борьбы до 11 августа, будучи целиком поглощена местническими интересами, не желала покидать свои районы комплектования и формирования, а постоянно стремилась в ущерб общему делу обороны Царицына отделиться, сособиться и действовать на свой страх и риск, тов. Сталин 11 августа вызвал к проводу командира отряда Васильева, находившегося в районе Котельникова. Поведение Шевкоплясова и Думенко в отношении орлово-мартыновцев уже было известно тов. Сталину из личного доклада, сделанного ему тов. Ворошиловым, вернувшимся к этому времени в Царицын из района Куберле. Товарищ Сталин стремился переломить существовавшие у руководителей Сальской группы вредительские местнические настроения: он категорически потребовал от них немедленно принять меры, которые были бы направлены на общую пользу обороны Царицына в один из самых решительных периодов борьбы с наступавшей белоказачьей армией Краснова.

---

[1] ЦАКА, д. № 27 (160), л. 3.

Вот содержание этого разговора:

«СТАЛИН: В Царицыне положение ухудшается с каждым часом. Иловля взята казаками, кадетами. Музга также взята, наши части отступают Карповка—Воропоново—Царицын. Если Царицын падет, погибнет весь Южный фронт и Поволжье. Я уже 10 дней тому назад говорил об этом, требовал от Шевкоплясова частей на север, но Шевкоплясов до сих пор не исполнил своего долга, теперь Царицын накануне падения и вся ответственность падет на Шевкоплясова и Думенко. Сегодня последний раз обращаюсь к Южному фронту с требованием незамедлительно перебросить на север необходимые части. Повторяю, если эта переброска не произойдет сегодня же, Царицын будет отрезан, весь юг останется без снарядов и патронов, следует помнить, что кадеты направляют все свои силы против Царицына. Прошу, товарищ Васильев, все сказанное Вам немедленно передать, срочно сообщить Шевкоплясову и Думенко, Колпакову, Штейгеру; панику разводить не следует, но правду сказать мы обязаны начистоту, Вы должны передать правду о надвигающемся падении Царицына без прикраски. Я жду ответа.

ВАСИЛЬЕВ: Все что передано Вами, будет сообщено Шевкоплясову, Колпакову и всем остальным, со своей стороны я буду указывать на действительно безвыходное положение Царицынского фронта. Но прошу Вас, давайте нам задания, наш гарнизон жаждет тем, что уже Вам известно. Тов. Штейгер 10 августа выехал на Степной фронт целью отозвать части туда[1], где было сказано во время совещания присутствием. Вас.

СТАЛИН: Срочно, не теряя ни одной минуты, оттягивайте тому пункту, о котором говорилось у вас на совещании, задания остаются старые[2]. Также срочно, не теряя ни одной минуты, сообщайте о результатах Ваших переговоров с Южным фронтом. Никакие колебания недопустимы, колебания преступны, либо Вы спасете Царицын и тогда спасем весь Южный фронт, либо Вы останетесь глухи к требованиям момента и тогда неизбежно погибнет весь фронт. Торопитесь, не запаздывайте, ибо запоздать, все значит проиграть».

---

[1] Т. е. в район Котельниково — Царицын. — *Вл. М.*

[2] Т. е. образовать единый мощный кулак в районе Царицын — Качалино—Жутово—Котельниково. — *Вл. М.*

11 августа Военный совет отдал за подписями товарищей Сталина и Ворошилова замечательный приказ № 14 по войскам Северо-Кавказского военного округа (см. схему 12). Исключительная тревожность обстановки, сложившейся на Царицынском фронте, требовала от войск особого напряжения, а от командования красных частей производства такой перегруппировки и маневра, которые создали бы несокрушимую активную оборону Царицына и обеспечили бы красным войскам возможность перехода в энергичное контрнаступление с целью полного разгрома белоказаков в огромном районе к западу от Царицына.

Приказ № 14 состоит из четырех основных разделов. В первой своей части он сжато характеризовал создавшуюся обстановку простым, ясным сталинским стилем[1].

«11 августа 1918 года гор. Царицын. Завоеваниям Октябрьской революции грозит смертельная опасность. Чехословаки на востоке, англо-французы на севере и на побережье Каспия, красновско-германские банды на юге угрожают низложить Советскую власть, отнять землю у крестьян, раздавить свободный пролетариат и посадить на спину трудящихся буржуазию, помещиков, коннозаводчиков и генералов.

Царицын окружается.

Царицын может пасть.

Южная армия окажется тогда отрезанной — она может лишиться боевых припасов и ее могут разбить и раздавить по частям».

Во втором разделе следовали общие оперативно-стратегические задачи, которые, акцентируя на необходимости немедленной перегруппировки войск Сальской группы Шевкопляса—Думенко—Шейнера, были формулированы так:

«Ввиду этого Военный Совет округа постановил:

1) Для укрепления слабых мест фронта — сократить его.

2) Для этого предписывается Шевкоплясу организованно отойти на линию Котельниково — Верхне-Курмоярская вдоль берега реки Курмоярский Аксай, где закрепиться. Отход совершить, прикрываясь центральными и фланговыми арьергардами.

Соединившись с частями Котельниковского и Жутовского боевых участков, разделить войска на три группы:

[1] ЦАКА, д. № 25609, л. 2.

«а) 1-я группа, численностью 5 000 человек под общей командой т. Колпакова.	Двигается с боем, касаясь левым флангом левого берега реки Дон, на станицу Потемкинскую и хутора Молокапский, Ильменский, Логовской, Ляпичев, Калач, Песковатка, станция Иловля, оставляя достаточные заслоны и заставы на переправах и подступах.
б) 2-я группа, численностью до 3 000 человек.	Немедленно распоряжением Шевкоплясова грузится и отправляется в г. Царицын в распоряжение Военного совета.
в) 3-я группа — оставшиеся части от соединения с Котельниковским и Жутовским участками.	Располагается по линии Котельниково — Верхне-Курмоярская, оставляя достаточный гарнизон в Котельниково, могущий оказать активное сопротивление, и ежедневно высылая глубокие разведывательные партии для производства паники в тылу противника».

В третьем разделе говорилось следующее:

«а) Котельниковский участок. Командующий Штейгер.	До прихода частей Шевкоплясова с юга демонстрирует наступление на запад. С приходом частей Южной группы поступает в распоряжение тов. Колпакова как командир левой колонны наступающих частей тов. Колпакова.
б) Жутовский боевой участок. Командующий тов. Кругляков.	До прихода частей Шевкоплясова демонстрирует наступление на запад и северо-запад, применяя Громыславские части, которые поступают в его распоряжение. С приходом южных частей поступает в распоряжение тов. Колпакова как начальник правой колонны наступающих частей тов. Колпакова.
в) Карповский участок. Командующий тов. Харченко.	Дивизии Морозовская и 1-я Коммунистическая должны занять оставленные позиции и закрепить их за собой, стараясь левым флангом связаться с Жутовским боевым участком.

г) Котлубано-Бузиновский участок. Командир тов. Попов.	Восстановить прежнее положение и связаться с Северным участком тов. Межевых и Южным тов. Харченко, оттягивая все время части противника на себя огнем и поисками разведчиков по правой стороне Дона».

И, наконец, в четвертом разделе подчеркивалась необходимость крепкого удержания направлений, идущих вдоль железной дороги от Иловли к Царицыну.

«а) Качалинский участок. Командир тов. Межевых.	Связавшись с правым флангом тов. Попова, расположить свои части отдельными заставами по р. Дону и загнуть правый фланг через линию железной дороги Поворино—Царицын, стремясь восстановить связь с частями тов. Паршкова [1]. Производить ежедневно глубокие разведки в тыл противника. Выделить карательный отряд для уничтожения банд, прорвавшихся в тыл тов. Паршкова.

Для того чтобы читатель ясно представил исключительную целеустремленность и целесообразность маневра, задуманного товарищами Сталиным и Ворошиловым, мы специально составили схему 12 к этому приказу.

Как видим, основной стержень в этом решительном оперативном контрманевре заключался в следующем. *Во-первых*, ударить в тыл группой тов. Колпакова по наступающим белоказачьим полкам ген. Мамонтова на Карповку—Воропоново и этим фланговым маневром отрезать противника от Дона. *Во-вторых*, войска под командованием тов. Харченко должны были фронтальным контрударом в направлении Кривомузгинская—Пятиизбянская—Калач содействовать с фронта обходному маневру тов. Колпакова и, таким образом, ударом с тыла и фронта зажать прорвавшиеся к Карповке части ген. Мамонтова. *В-третьих*, активными действиями Попова и Межевых в направлении Качалино парализовать дальнейшее распространение на юг к Гум-

[1] В это время части тов. Паршкова доблестно удерживали окруженный со всех сторон белыми район Дубовка-на-Волге. — *Вл. М.*

раку группы белых ген. Фицхелаурова. *В-четвертых*, укрепить Котельниковский район, не давая возможности войскам ген. Полякова овладеть Котельниковым. Оставшиеся в распоряжении Шевкоплясова — Думенко 3—3½ тысячи после выделения Колпакова—Штейгера на север должны были удержать весь район Котельникова. *В-пятых*, укрепить фронт Качалино—Дубовка и контрнаступлением отбросить белых к Качалино—Иловля, опрокидывая тем самым все планы и намерения врага прорваться к Пичуге. *В-шестых*, с прибытием новых 3 000 бойцов из группы Шевкоплясова в Царицын иметь их как активный резерв для переброски на тот или другой участок, куда потребует боевая обстановка.

Таким образом, сокращая весь фронт, товарищи Сталин и Ворошилов создавали активные группы на решающих направлениях и могли при успешном развитии операции превратить победу белых в их поражение. Кроме того, приказ № 14 как бы еще раз должен был проверить линию поведения Шевкоплясова и Думенко в отношении их местнического образа действий. Будет выполнен этот приказ — значит конец сепаратизму Южного Сальского фронта, а если нет, то ходом борьбы Сальская группа окажется отрезанной от Царицына. Случилось второе. Командование Сальской группы Шевкоплясова и Думенко, за исключением войск под командованием Крутлякова, Харченко, Колпакова[1] (фактически одна Доно-Ставропольская бригада), отказалось выполнить предлагаемую Военным советом перегруппировку, и в ходе дальнейших операций, как это предвидел тов. Сталин, Сальская группа была отрезана от района Царицына и тем самым поставила защитников Царицына в еще более трудные условия борьбы. Обособленный местнический образ действий Сальской группы в период первого окружения Царицына в августе 1918 года снял со счетов несколько тысяч бойцов, которые имела Сальская группа и которые в эти кризисные, тяжелые дни так необходимы были для непосредственной обороны Царицына. Все это было на-руку белоказакам. Если бы героическая защита Царицына потерпела неудачу, отрезанная от Царицына Сальская группа, в случае занятия Царицына Красновым, попала бы под концентрический удар от Сарепт-

[1] Бригада тов. Колпакова была в дальнейшем переброшена в район Гумрака.

ты в направлении Жутово — Котельниково — Ремонтная и затем под удар от Куберле на Ремонтную полковника Полякова; она была бы взята в белоказачьи клещи и целиком истреблена.

Сальская группа Шевкоплясова—Думенко, оставаясь изолированной в районе Ремонтная—Куберле—Жутово в период с 15 по 24 августа, оказалась неразгромленной лишь благодаря тому, что защитники Царицына под непоколебимым руководством товарищей Сталина и Ворошилова удержали Царицын и нанесли жестокий удар белоказакам. Успехи на левом фланге Царицынской армии в районе Абганерово—Громыславка дали возможность войскам Сальской группы опять войти в связь с красными войсками Царицына. Ход этих исторических событий представляется в следующем виде.

После захвата Иловли группа ген. Фицхелаурова, сосредоточив к 12 августа кулак в направлении Качалино, переходит в энергичное наступление, намереваясь захватить район Гумрака. 12 августа энергичной конной атакой белые заставляют отойти к югу красные посты Межевых, оставив Качалино в руках белоказаков. В это время группа ген. Мамонтова переносит центр тяжести операций к своему правому флангу. Ген. Мамонтов решает ударом в направлении Червленной балки, Бекетовки, Сарепты выйти во фланг и тыл красным частям, державшим фронт восточнее Басаргино — Конная. Он бросает конный отряд в 1 000 сабель в направлении Червленораздое. Завязывается ожесточенный бой на левом фланге фронта тов. Харченко. Находясь в эти дни постоянно в боевой линии фронта, тов. Ворошилов приказывает сосредоточенным артиллерийским и пулеметным огнем отбить эту конную группу белоказаков и перейти в контрнаступление с целью ее уничтожения. Весь день 13 августа идут жестокие бои по всему фронту 1-й Донецкой и 1-й Коммунистической дивизий. Командующий Царицынским фронтом товарищ Ворошилов появляется на самых решительных и опасных участках боя, воодушевляя войска и командиров своей неутомимой кипучей энергией, вселяя в них твердую уверенность в победе. Будучи постоянно в курсе положения дел на фронте, он держит непрерывную связь с товарищем Сталиным, который в эти критические дни являлся душой всей героической обороны Царицына.

Тов. Ворошилов заверяет тов. Сталина, что не допустит белоказаков овладеть Западным и Юго-западным участками

Царицынского фронта и просит его обеспечить победу к северу от Гумрак—Ичуга.

К концу дня 13 августа от тысячной конной группы белых не остается почти ничего, остатки противника в панике отходят по балкам на запад к Басаргино. Тов. Ворошилов доносит Сталину о том, что фронт к западу от Воропоново держится крепко. В телеграмме от 14 августа 1918 года из Воропоново он пишет:

„Царицын, Военсовет. Сталину [1].

Положение на фронте восстановлено. Нами заняты известные вам позиции [2]. Кавалерия противника силою около 1 000 человек стремится зайти с левого фланга балкой Червленной. Приняты необходимые предупредительные меры. Мною отдано распоряжение Харченко произвести некоторую перегруппировку для упрочения положения [3]. Рано утром объеду весь фронт, а по объезде подробно донесу Военсовету. Считаю крайне важным курсирование броневых поездов, одного севернее Гумрак—Котлубань и двух на юге Сарепта—Тингута—Абганерово. Теперь там один путь, пошлите на север «2-й Сибирский». Рекомендую серьезно следить за положением севера.

Член Военсовета ***ВОРОШИЛОВ“.***

В период с 14 по 16 августа, несмотря на ожесточенное сопротивление царицынцев, генералы Фицхелауров и Мамонтов решают во что бы то ни стало захватить Воропоново—Гумрак—Сарепта—Тингута. Командование белоказаков непрерывно получало донесения, что бронепоезда, курсировавшие по кольцевой железнодорожной ветке Царицын—Гумрак—Воропоново, а также Сарепта—Тингута—Абганерово, создают крайне невыгодные условия для концентрического наступления на Царицын. И действительно, в эти решающие дни героические бронепоезда под командой тов. Алябьева творили чудеса, срывая замыслы противника и ослабляя его наступательный порыв. Они работали буквально день и ночь, сметая огненным артиллерийским шквалом наступательные колонны белоказаков и высаживая десанты в тыл врага.

Мамонтов требует от Фицхелаурова бросить в район Гумрака как можно больше сил, с тем чтобы иметь твердый успех, сам же вливает в боевую линию все резервы из

---

[1] ЦАКА, д. 47—685, л. 230, 231.

[2] Несколько восточнее меридиана Басаргино.

[3] Еще большее усиление левого фланга.

района Калач, Пятиизбянская, Чир и Нижне-Чирская. К 15 августа его передовые разъезды опять появляются в районе Воропоново, Бекетовка, Ивановка, Тингута. Судьба Царицына висит буквально на волоске. Каждый час приносит все более и более тревожные вести с боевой линии фронта. Военный совет обращается к рабочим Царицына с призывом дать новые пополнения фронту, чтобы выиграть этот решительный бой. Красногвардейцы Садовой, Ельшанки, Бекетовки, Отрадного, входившие в Ново-Никольский полк вместе с полками Морозовско-Донецкой и 1-й Коммунистической дивизий, дают энергичный бой полкам ген. Мамонтова в районе Воропоново. Энтузиазм и энергия красных бойцов ломают напор озверелых белоказачьих полков, которые терпят большой урон (под Воропоново белые потеряли бронепоезд, 20 пулеметов, более 100 убитыми и много ранеными); белые к утру 16 августа отброшены к западу от Воропоново. Революционно настроенные члены профсоюза «Грузолес» (главным образом рабочие-грузчики) постановляют просить Военный совет дать им оружие и отправить их немедленно на фронт. Военный совет разрешает выдать «Грузолесу» оружие и сформировать отряд. Этот отряд численностью более 2 тысяч бойцов под командованием тов. Карпова выступил на фронт для усиления Северного участка.

Учитывая, что Сальская группа отказалась выполнить приказ № 14 от 11 августа, товарищи Сталин и Ворошилов отдали 16 августа следующий приказ по войскам Северо-Кавказского военного округа[1].

Для охраны Северного участка фронта

«Бригада под командованием тов. Колпакова.

Немедленно перебросить все части своей бригады на ст. Гумрак, где связаться с правым флангом частей тов. Харченко; занять фронт на восток, вбирая в себя и подчиняя себе все отряды, как-то: Межевых, Данилова, Паршкова и др. Открыть продвижение с боем в направлении Иловля, до соединения с Камышинскими частями. Во все время флангового продвижения иметь тесную связь с частями тов. Харченко».

[1] ЦАКА, д. № 25—609.

Для охраны Западного участка фронта

«1-я Коммунистическая дивизия и 1-я Донецко-Морозовская дивизия под командованием тов. Харченко.

Укрепиться на занятых позициях, держа связь с частями тов. Колпакова, обращая особое внимание на левый фланг. Выделить из Морозовской один батальон и расквартировать его на станции Сарепта, завязав связь с громыславцами».

Для охраны Южного участка фронта

«Громыславские части (7 рот пехоты и кавалерия) под командованием тов. Романовского.

Подтягиваются от Громыславки до левого фланга и располагаются вдоль и с западной стороны линии Владикавказской железной дороги, охраняя подступы к ст. Червленная, Тингутово, Абганерово до связи с тремя ротами, остающимися в Громыславке. Выполнение приказа громыславскими частями возлагается на товарища Щаденко.

Жутовский участок под командой тов. Круглякова.

Демонстрировать наступление в сторону на запад и северо-запад Владикавказской железной дороги.

Все южные части отходят до Ремонтной, сохраняя за собой мосты на участке Ремонтная—Гашунь. 1-му Донскому полку с батареей грузиться и прибыть в Царицын, части под командой тов. Терехова отходят до Котельникова».

Во время выполнения этого приказа[1] войсками Царицынского фронта белоказаки продолжали концентрическое наступление на Царицын. Командующий Донской армией ген. Денисов подтвердил требование ген. Мамонтова к ген. Фицхелаурову, чтобы войска последнего как можно скорее захватили линию Гумрак—Ничуга. Атаман Краснов мечтал

[1] Далее в этом приказе указывалось, что командиром всех бронепоездов Царицынского фронта назначается тов. Алябьев, который должен был находиться при штабе тов. Харченко, комиссаром всех частей Царицынского фронта назначался тов. Щаденко. В это время тов. Штейгер подал заявление об отставке, Военный совет отставку не принял, требуя выполнения приказа о переброске частей Сальской группы в район Котельникова.

тал преподнести заседавшему в это время Донскому кругу Царицын, как драгоценный дар.

Для противодействия красным бронепоездам тов. Алябьева ген. Денисов отдал приказ сосредоточить все имеющиеся в Донской армии белые бронепоезда, с тем чтобы парировать и локализировать успех красных бронепоездов, об успешных действиях которых пестрили донесения со всех участков белых войск.

16 и 17 августа напор Донской белоказачьей армии к северу от Царицына был особенно жестоким. Станция Конная и село Орловка были заняты противником, стремившимся захватить железнодорожный участок Гумрак—Царицын.

17 августа отряд белых в составе 300 сабель и 150 штыков при одном орудии прорвался в районе Ерзовки к Волге, желая захватить баржи со снарядами, следовавшие в Царицын. Судам боевой царицынской флотилии было приказано отбить эту атаку противника, что она и выполнила успешно. Но это не облегчило положения в районе к востоку от Гумрака, так как к 18 августа белые захватили Пичугу и Ерзовку. Дубовка со своим героическим отрядом тов. Паршкова продолжала держаться, окруженная противником со всех сторон.

В тот же день, 18 августа, продолжался непрерывный натиск на участок железной дороги Царицын—Сарепта. Район Бекетовки и Отрадного находился в руках казаков, которые порвали провода и взорвали железнодорожную линию, идущую от Сарепты на Абганерово. К 18 августа Царицын был отрезан и от севера и от юга. Наступал кризис всей операции на подступах к Царицыну. В случае захвата белыми кольца железной дороги защитники Царицына лишились бы героической поддержки бронепоездов Алябьева, а противник фактически вплотную подошел к железнодорожной ветке Царицын—Гумрак—Воронопово—Сарепта. Именно в эти дни решалась судьба Царицына: красновские банды должны были или разбиться о кремневую стену героизма и стойкости его славных защитников или же врагу удалось бы, оседлав железнодорожное кольцо, ворваться в Царицын. Бронепоезда Алябьева ураганным артиллерийским огнем неустанно косили белоказаков. Красные бойцы в продолжение нескольких дней не имели ни минуты передышки. За боевой казачьей линией стоял необозримый многотысячный табор повозок и телег белостаничников «Всевеликого войска Донского»; белые с часа на час с нетер-

пением ждали сигнала, когда можно будет ворваться в Царицын для мародерства и грабежа. Белая пресса в Ростове, Новочеркасске и других городах Донской области трубила о скором падении красного Царицына. Белоказачьи самолеты разбрасывали множество листовок, в которых хвастливо и нагло говорилось о предстоящей полной победе белого оружия.

«...Красновские части, — пишет тов. Ворошилов, — под командованием Фицхелаурова, Мамонтова и других хорошо продуманным маневром теснили наши измотанные, несшие огромные потери войска. Фронт противника, построенный подковой, упиравшейся своими флангами в Волгу, с каждым днем сжимался все больше и больше. У нас не было путей отхода. Но Сталин о них и не заботился. Он был проникнут одним сознанием, одной единственной мыслью — победить, разбить врага во что бы то ни стало. И эта несокрушимая воля Сталина передавалась всем его ближайшим соратникам, и, невзирая на почти безвыходное положение, никто не сомневался в победе»[1].

18 августа, когда полукольцо белоказачьего окружения замкнулось, товарищи Сталин и Ворошилов отдали следующий приказ № 79.

„Военный совет приказал:

Для более планомерного руководства боевыми операциями Царицынский фронт разделить на три боевых участка:

1) *Северный участок* от станции Гумрак на восток и северо-восток до Волги — правое крыло.

2) *Западный участок* от станции Гумрак на юг и юго-запад до станции Воропоново — центр.

3) *Юго-западный участок* от станции Воропоново на юг и юго-восток до ст. Сарепта — левое крыло»[2].

Этот приказ как бы ставил рубеж, дальше которого отступать нельзя было ни на шаг. Так и поняли красное командование и войска этот краткий, но полный грозного смысла приказ товарищей Сталина и Ворошилова. Красные бойцы сомкнули свои ряды в мощный кулак в районе Царицына, готовые или умереть или победить.

---

[1] К. Е. Ворошилов, Сталин и Красная Армия, Воениздат, 1937 г., стр. 12 и 13.

[2] ЦАКА, д. № 5—136, л. 63.

Об этот полукольцевой огненный фронт, упиравшийся флангами в берега Волги, должны были разбиться все белоказачьи атаки, мало того, линия Пичуга—Гумрак—Воропоново—Сарепта должна была стать исходной линией для мощного контрнаступления, которое отбрасывало врага от Царицына.

Крупная неудача ген. Мамонтова 15—16 августа в районе станции Воропоново, а также неуспех в прочном овладении железнодорожным участком Царицын—Сарепта—Тингута явились как бы кульминационным пунктом в наступательном порыве войск ген. Мамонтова. Задержалось развитие успешной операции и у войск ген. Фицхелаурова на участке Конная—Орловка—Рынок.

Бронепоезда, непрерывно курсируя по 40-*км* железнодорожному кругу и прорываясь в тыл на север от Гумрака, на западе от Воропоново и на юге на участке Ново-Никольский—Ельшанка—Бекетовка—Сарепта—Тингута, а также боевые суда Волжской флотилии сеяли панику в рядах белоказаков. Район Царицына опоясался упругой, стальной, несокрушимой броней.

Анализируя оперативные донесения за период 17—23 августа, мы видим, что с каждым днем и часом уверенность ген. Мамонтова и ген. Фицхелаурова в овладении Царицыном ослабевает. Они бросают то там, то здесь конные группы, которые с криками «ура» и диким гиканьем налетают на стальную стену красной обороны в районе Ерзовка—Рынок — Орловка — Гумрак — Воропоново — Бекетовка—Сарепта и, неся потери убитыми и ранеными от огня красных, с расстроенными рядами откатываются обратно в исходное положение. Вскоре сосредоточенные усилия двух групп врага переходят в отдельные вспышки наступательного порыва на этом более чем 100-*км* фронте[1], что свидетельствовало уже о начале перелома. Инициатива уходила из рук красновского командования. Бешеные атаки в период с 13 по 18 августа дорого обошлись врагу. Раненые белоказаки, прибывавшие в районы расположения указанного выше табора повозок и телег, начали вносить нотки уныния в тыловую казачье-кулацкую банду, стоявшую на путях к Царицыну и жаждавшую легкой наживы. Изуверски настроенные казаки-бородачи и казачки начинали терять терпение, а более дальновидные — и надежду. Когда стали распространяться слухи, что красные перешли

[1] Ерзовка—Рынок—Гумрак—Воропоново—Сарепта—Тингута.

по всему фронту в наступление, этот табор с проклятиями бросился в панике обратно за Дон к станицам, спасая свои души, пустые повозки и телеги.

На Северном участке 20 августа отряды тт. Межевых, Данилова, Сорокина, Косолапова выбивали противника из Орловки, Мечетки, Рынок. Это было как бы сигналом для всех частей Северного участка к переходу в энергичное контрнаступление по всему фронту. Каждый занятый ранее метр противник отдавал с жестоким боем; он не хотел еще расстаться с мыслью, что Царицына ему не взять, но напор красных бойцов действовал на него отрезвляюще.

22 августа противник теряет Пичугу, его артиллерийские части в ответ на эту потерю бьют из нескольких батарей по району Гумрака. Красные бойцы 5-го казачьего полка из района Городище совместно со 2-й сводно-казачьей дивизией переходят в энергичное наступление из района Гумрака на север.

22—23 августа на левом фланге Царицынского фронта последовал новый нажим белоказаков на район Жутово. Бой под Жутовым длился 16 часов, после чего наши части отошли в направлении Абганерово. 22 августа Мамонтов бросил 4 конных полка в направлении Отрадного. Создавалась крайне напряженная обстановка в районе Бекетовка—Отрадное. В этот же день командир Бекетовского полка эсер Сухачев, войдя до этого в агентурную сеть контрреволюционных подпольных организаций, получил от последних приказ поднять мятеж против советской власти в тот момент, когда белоказаки войдут в район Бекетовка — Отрадное. Этот заговор был раскрыт, и предатели понесли соответствующую суровую кару. Но противник продолжал продвигаться все глубже, и казалось, что он вот-вот крепко оседлает железнодорожный путь Царицын — Сарепта. Зная, что в районе Громыславки остались красные войска Громыславского полка (см. приказ Военного совета от 16 августа), Военный совет приказал комиссару войск Царицынского фронта тов. Щаденко отправиться в Громыславку и вывести оттуда части Громыславского полка (около 2 500 человек) в район Царицына. Выполняя эту задачу, тов. Щаденко вывел полк из Громыславки, привел его в район ст. Абганерово и, погрузив в эшелоны, направил на Сарепту. По времени это совпало с моментом подхода белоказачьих полков в район Бекетовки. Громыславский полк выгрузился и стремительным наступлением из района Ивановки крепко ударил во фланг и тыл врагу, находившемуся в районе Бекетовка —

Отрадное. Хорошо организованный удар был настолько неожиданным для белоказаков, что они не выдержали и, теряя убитыми и ранеными, начали быстро отходить к линии реки Червленной.

Этот нажим на левый (Южный) участок Царицынского фронта по времени совпал с последними ожесточенными контратаками на Северном участке по реке Сух. Мечетка, в районе к северо-востоку от Гумрака, Городище. 23 августа в ожесточенной рукопашной схватке на р. Сух. Мечетка части нашего 5-го казачьего полка зарубили 150 белых, взяв до 30 пленных, в том числе несколько офицеров. Упорный бой продолжался до самого вечера, причем в районе Городище противник, проведя пять кровопролитнейших штыковых атак, принужден был к сумеркам залечь и окопаться, а за ночь обескрыленный враг, потерявший всякую веру в успех, стал отходить, применяясь к местности, в направлении Котлубань—Варламов—Прудки.

В то время, когда на флангах Царицынского фронта волны белоказачьего наступления разбились о стойкую оборону красных частей Кошакова, Попова, Парпкова, Можевых, Сорокина и др. (Северный участок), Харченко, Мухоперцева, Гущенко и Романовского (левый участок), героические войска 1-й Коммунистической дивизии (центр) и отряды Донченко и «Грузолеса», составленные главным образом из рабочих, гнали отряды Мамонтова в направлении Басаргино — Карповка, сокрушая все на своем пути в ожесточенных схватках и забирая массу пленных, десятки пулеметов и сотни винтовок.

Ввиду чрезвычайно успешных боев войск Центрального участка, товарищи Сталин и Ворошилов 24 августа посылают за своими подписями следующее приказание командующему Центральным участком.

«Вследствие окончания выполнения Вами приказа, Военный Совет приказывает Вам дальнейшее продвижение на запад приостановить; занять господствующие высоты, закрепить и обратить особое внимание на правый фланг, не имеющий возможности так быстро выполнить задачу.

Соответствующее приказание о дальнейших Ваших действиях будет своевременно отдано Военным Советом. № 25»[1].

Это решение было продиктовано настоятельной необходимостью, так как ожесточенные бои в районе Гумрака и

[1] ЦАКА, д. № 215387, л. 25.

Городище еще не закончились. и здесь к 24 августа не совсем было ясно, что предпримет в ближайший день противник. А поэтому слишком глубокое выдвижение 1-й Коммунистической дивизии на запад в направлении Кривомузгинской было не вполне своевременным, ибо обезумевший от своих бесконечных неудач на подступах к Царицыну враг мог пойти на всякую авантюру и броситься на правый фланг и тыл выдвинувшихся к Карповке войск боевого Центрального участка.

Вышеприведенный оперативный документ и был продиктован стремлением не допустить возможных диверсий на правом фланге этих войск.

25 августа войска Центрального участка заняли Карповку; в это время (утром 25 августа) на левом фланге бойцы под командованием начальника боевого участка тов. Харченко заняли высоты левого берега реки Червленной, где и окопались. Наши успехи и отход врага по всему фронту Дубовка—Конная—Басаргино—Тундутово облегчили положение красных отрядов тов. Круглякова в районе Абганерова.

К 30 августа группа красных войск, отрезанная до этого от Царицына и расположенная в районе Котельникова (командир Штейгер), перешла в наступление и заняла Нагаевскую, Верхне-Курмоярскую, Потемкинскую станицы; белоказаки бежали за Дон. Быстро был очищен от противника весь железнодорожный участок Тингута—Абганерово—Жутово—Котельниково. Это случилось потому, что разгром оперативных групп ген. Мамонтова и ген. Фицхелаурова в районах на подступах к Царицыну не мог не сказаться на положении группы полковника Полякова. Для последнего стало совершенно ясным, что провал задуманного атаманом Красновым и генералом Денисовым концентрического удара от Иловли — Калача и Зимовники по Царицыну опрокидывал и все его наступательные планы.

Надо было уходить обратно в район Великокняжеской, чтобы не подвергнуться поражению. Белоказачья группа полковника Полякова так и поступила.

Чтобы скорее очистить всю огромную полосу между Волгой и Доном от разбитых под Царицыном белоказачьих частей, товарищи Сталин и Ворошилов 30 августа отдают оперативный приказ № 73/а[1], в котором ставят следующие задачи войскам Царицынского фронта (см. схему 13):

---

[1] ЦАКА, д. № 47812, л. 46.

„Военный Совет приказывает:

1) *Группе, расположенной в Жутово,* двинуться на хутор Кумский, заняв который, направиться на хутор Ильменский, и, заняв выгодную позицию, подвергнуть обстрелу артиллерийским огнем хутора, расположенные южнее хут. Ильменского.

2) *Группе, расположенной в станице Потемкинской,* загнуть свой правый фланг, беря под обстрел хутора, расположенные по реке Дону севернее Аксая, стремясь соединиться с Жутовской группой; по занятии хуторов выделить достаточной силы заставы для охраны переправ через реку Дон, а освободившиеся части направить вдоль реки Дона на север для поддержки действующих там наших частей.

3) *Гнилоаксайской группе* направиться на слободу Громославскую, по занятии которой спешно двигаться на хутор Луговской, где занять железнодорожный мост через реку Дон, охранять его и в то же время разобрать железнодорожный путь в сторону станции Ляпичев, дабы преградить отступление поездов противника со станции Кривомузгинской.

4) *Левому крылу Южного участка* Царицынского фронта с продвижением Гнилоаксайской группы занять хутор Крюково-Крепинский, двигаясь дальше в сторону хутора Луговского на соединение с частями, там расположенными. Правому же крылу Южного участка держать тесную связь с центром Царицынского фронта и по мере продвижения всего фронта двигаться к станции Кривая Музга.

5) *Центральной группе,* упираясь правым флангом в Дон и держа тесную связь с частями Южного участка Царицынского фронта, двигаться на юг в сторону станции Голубинской, занимая все хутора по левому берегу Дона и оставляя достаточную охрану на переправах.

6) *Северной группе тов. Колпакова* и правофланговым частям Центральной группы, направляющимся на север вдоль берега реки Дон, продвигаться через балку Герасимову на хутора Нижне- и Верхне-Гнилой, Верхне-Панчинский и на станицу Качалинскую, выравнивая фронт с правым флангом Северного участка и оставляя достаточные заставы на переправах и подступах реки Дона.

7) *Дубовским частям,* с выравниванием фронта от реки Волги до р. Дона, предписывается связаться с частями тов. Косолапова.

8) *Всем командующим группами и участками* предписывается начать выполнение настоящего приказа в 3 часа утра 2 сентября сего года и аккуратно своевременно доносить о ходе операции Военному Совету».

Затем, 2 сентября, товарищи Сталин и Ворошилов отдали следующее предписание начальнику штаба Волжской военной флотилии:

«Военный совет приказал:

С получением сего, снабдив достаточным количеством снарядов и патронов два истребителя, послать их на дежурство по правому берегу р. Волги около хутора Пичуги (Ерзовка) и у станции Пичужинской. По приходе в Ерзовку старшему истребителей явиться к командующему правым флангом Сорокину, с которым все время держать тесную связь»[1].

Как видим (см. схему 13), эти оперативно-боевые приказания товарищей Сталина и Ворошилова имели основной целью не только расширить территорию Царицынского фронта занятием новых районов, но и превратить недавний наступательный успех и подход врага на 10 *км* к Царицыну в полное поражение для белых, отбрасывая обратно за Дон оперировавшие группы генералов Мамонтова и Фицхелаурова. Мощный удар вдохновил бы царицынских героев на новые подвиги и спутал бы и опрокинул все замыслы в стане Краснова—Деникина и планы всемерно помогавшего им германского империализма.

Когда красные войска Царицынского фронта приступили к выполнению вышеприведенных боевых приказов товарищей Сталина и Ворошилова, телеграф из Москвы принес горестную весть:

„30 августа 1918 года после митинга на заводе б. Михельсона, где Ленин делал доклад, член партии правых эсеров Фанни Каплан выстрелами из револьвера нанесла Ленину две тяжелых раны".

Троцкисты, бухаринцы, правые и «левые» эсеры совершили гнусное преступление, которое им не удалось полгода назад, в феврале 1918 года, когда правая эсерка Е. Коноплева стреляла в В. И. Ленина, ехавшего вместе с Платтеном в автомобиле. Член террористической группы правый эсер Семенов на известном процессе правых эсеров в Москве в 1922 году в своих показаниях по поводу покушения на жизнь В. И. Ленина писал: «Мы решили убить его при отъезде с митинга из револьвера»[2]. Злодейский акт был совершен при следующих обстоятельствах[3]:

---

[1] ЦАКА, д. № 215387, л. 21.
[2] См. примечания к Сочинениям В. И. Ленина, т. XXIII, стр. 563.
[3] Там же.

«По окончании митинга, когда Ленин, вместе с рабочими, направился к выходу, вместе с ним вышли Ф. Каплан и Новиков (тоже член боевой группы эсеров.—*Вл. М.*). При выходе из помещения Новиков, задерживая рабочих, пропустил вперед Каплан и Ленина. В это время Каплан дала три выстрела из револьвера, и Ленин упал раненый. Семенов перед судом признался, что он вручил Ф. Каплан револьвер системы браунинг и он же, Семенов, отравил пули ядом кураре»[1].

2 сентября на заседании ЦИК по докладу Я. М. Свердлова о покушении на В. И. Ленина было решено на гнусный удар врага ответить массовым красным террором против буржуазии и ее агентов.

С великой болью в сердце приняли царицынцы, как и миллионы трудящихся всего мира, скорбную весть о тяжелом ранении величайшего вождя пролетариата. Но ряды красных бойцов Царицынского фронта не дрогнули; беспощадная ненависть к классовым врагам и беспредельная любовь к родному Ильичу вдохновили героев Царицынской обороны на еще более упорную борьбу за дело Пролетарской революции, за выполнение основной боевой директивы В. И. Ленина о сохранении Царицына в руках советской власти.

Стремительной лавиной двинулись красные отряды и дивизии Царицынского фронта на белоказачьи полки генералов Мамонтова и Фицхелаурова, опрокидывая все попытки белоказаков задержаться на выгодных для них рубежах, неудержимо преследуя врага на поле боя.

Пять дней наступления и решительных боев потребовалось от войск Царицынского фронта, чтобы доблестно выполнить в основном боевые директивы товарищей Сталина и Ворошилова, датированные 30 августа и 2 сентября.

30 августа красные войска Северного участка тов. Колпакова быстро распространяли свой успех в общем направлении станция Иловля, Ивановка, Пролейка. К концу дня 31 августа войска Северного боевого участка, преодолевая упорное сопротивление врага, с боем заняли ряд хуторов (Фастов, Прудки, Варламов и др.) в 15—20 *км* северо-восточнее станции Котлубань. Уже в эти дни в тылах противника стали появляться партизанские отряды, которые нападали в районах Голубинская — Пятизбянская на отходившие обозы и разъезды белоказаков.

[1] Яд кураре, попадая в кровь, вызывает столбняк, паралич спинного мозга и обычно смерть.

В первые дни сентября 1918 года в части Царицынской обороны приходили со всех направлений 250-*км* фронта известия за известиями о разложении в рядах противника, о сдаче в плен и переходе ряда белых полков на нашу сторону.

1 сентября красные войска Северного участка заняли станцию Качалино. Оперативная сводка от 2 сентября сообщала:

> «На нашу сторону перешла почти вся неприятельская дивизия, оперировавшая на Северном участке, причем один из полков этой дивизии сдался целиком с оружием и пулеметами. Из четырех полков этой дивизии один совместно с нашими войсками вступил в бой с карательным неприятельским полком, высланным противником для воспрепятствования переходу казаков на нашу сторону. Карательный отряд разбит, есть арестованные казачьи офицеры. Два кавалерийских неприятельских полка, соединившись с нашей кавалерией, бросились к переправам наперерез убегавшей неприятельской артиллерии и толпам казаков и офицеров. На Центральном участке — частичное продвижение в сторону Кривомузгинской. Ко 2 сентября в этом участке зарегистрировано около 300 неприятельских перебежчиков»[1].

К 3 сентября, после перехода нескольких белых полков на нашу сторону, остатки частей группы ген. Фицхелаурова панически отступили на линию Иловля—Пролейка.

На направлении севернее Калача-на-Дону противник также был разбит и быстро уходил за Дон на всем 45-*км* участке станиц Качалинская—Голубинская, причем передовые части Центрального боевого участка в ряде мест перешли на правый берег Дона (район Трех-Островенская, Акатовский, Екимовский и др.), а в районе хутора Вертячего были захвачены 12 пулеметов, 2 500 винтовок и сотни тысяч патронов. На этом же направлении у противника был отбит гурт скота в 5 000 голов, который он не успел увезти с собой. По поводу этих трофеев пленные шутили: «Поедим мяса хоть у большевиков, не то атаман все равно отправит в Берлин нашу скотинку». К концу дня 3 сентября в районе к западу от меридиана Карповка блестящей операцией 1-го Луганского, 2-го Коммунистического и 4-го Сиверского полков был занят район ст. Кривомузгинской, а к югу от железной дороги Царицын—Чир красные части вышли на реку Денская Царица.

[1] ЦАКА, д. № 207412, л. 49.

В течение 3—6 сентября по всему огромному фронту продолжалось неотступное преследование противника, который в безумной панике бежал по разным направлениям. Усиленная посылка генералами Мамонтовым и Фицхелауровым карательных отрядов не помогла восстановить порядок в отступавших белых полках; все устремились за Дон, управление этими разрозненными белыми толпами было утеряно, о чем без утайки доносили генералы Мамонтов и Фицхелауров.

4 сентября красные войска занимают станцию Иловля и затем выходят на всем протяжении реки Иловли, соединившись с войсками до этого отрезанного Камышинского укрепленного района.

6 сентября был занят Калач-на-Дону; в эти же дни наши аэропланы успешно бомбардировали старую казачью базу формирований — станицу Нижне-Чирскую, куда Мамонтов стягивал с Иловленского направления 10-й Донской и 3-й партизанский кавалерийские полки и от Великокняжеской — 59-й Донской полк.

Хорошо зная, что лучшим лекарством для тяжело раненого В. И. Ленина будут сообщения о победах на важных участках гражданской войны, товарищ Сталин посылает 7 сентября в Совнарком Ленину следующую телеграмму:

«Наступление советских войск Царицынского района увенчалось успехом: на севере взята ст. Иловля, на западе — Калач, Ляпичево, мост на Дону, на юге — Романки, Немковский, Демкин. Противник разбит наголову и отброшен за Дон. Положение Царицына прочное. Наступление продолжается.

***Нарком СТАЛИН*».**

С Восточного фронта также шли благоприятные для нас сообщения (в эти дни красные войска, перейдя в наступление, заняли Казань и штурмовали Вольск, Симбирск, Уральск). Все это ясно говорило о том, что план создания единого сплошного оперативно-стратегического фронта между чехо-словаками и белогвардейцами «Комуча» и белым казачеством «Всевеликого войска Донского» был сорван благодаря героизму Красной Армии. Царицын продолжал стоять несокрушимой гранитной скалой, о которую разбились все бешеные атаки белоказаков Дона.

Стремясь отомстить за поражение, контрреволюция опять выпустила кровавые щупальцы из щелей своих подпольных организаций в Царицыне. Она хорошо знала, что

Героическая, передовая часть рабочих союза «Грузолеса» с беззаветной смелостью продолжает бороться на фронте к западу от Царицына, а в самом Царицыне формировались новые части из рабочих этого союза. Посадив в этот союз своего доверенного агента, офицера Уфимской армии Молдавского, контрреволюционеры решили поднять в освобожденном от осады Царицыне вооруженный мятеж, ослабить тем самым успех красных, а в случае удачи отвлечь красные войска с фронта обратно к Царицыну и тем облегчить положение белоказаков.

Под руководством Молдавского вооруженные части «Грузолеса» начали мятеж в ночь с 7 на 8 сентября; открыв ружейно-пулеметный и артиллерийский огонь, они пытались врасплох захватить наиболее важные здания Царицына. Но в Царицыне был великий мастер революционно-классовой борьбы товарищ Сталин, наносивший сокрушительные удары врагам социалистической революции и вовремя срывавший все их преступные планы и жульнические махинации. Товарищ Сталин приказывает ни одного бойца не вызывать с вооруженного фронта, где, как мы видели, шло преследование разбитых белоказаков, а беспощадно раздавить мятежников своими внутренними силами. На подавление мятежников были брошены учебно-пулеметные курсы и испытанные рабочие царицынских заводов. Борьба была недолгая: решительные удары со стороны рабочих и бойцов Царицына заставили мятежников бросить оружие и запросить пощады.

8 сентября товарищи Сталин и Ворошилов телеграфировали Ленину и Свердлову [1]:

> «Ночью с седьмого на восьмое запасный полк Грузолеса во главе с правым эсером Молдавским восстал против Советской власти, открыл орудийный огонь. Благодаря своевременно принятым мерам, утром восьмого восстание ликвидировано, полк разоружен, зачинщики арестованы. В городе спокойно. Есть убитые и раненые. Наше наступление на фронте успешно продолжается».

Разгром белых на вооруженном фронте и полный провал мятежа внутри Царицына на этом этапе борьбы окончательно деморализовали силы контрреволюции. Ее вожди решают пойти на отступление и на собирание сил для нового наступления — реванша.

---

[1] ЦАКА, д. № 22—682, л. 112.

Имея крупные успехи к северу и западу от Царицына, Военный совет решает организовать более решительные операции в направлении Великокняжеской.

За подписью товарищей Сталина и Ворошилова командующему Южным участком Царицынского фронта тов. Харченко был отдан следующий приказ № 97 от 7 сентября 1918 года[1]:

«Тов. Харченко приказываем:

1) Срочно очистить линию Владикавказской железной дороги до левого берега реки Дона от кадетских банд от Подтиховской переправы до станицы Нагаевской (хутор Дархановский).

2) Построить по Курмоярскому Аксаю проволочные заграждения в местах возможных подступов противника, усиливая заграждения заставами.

3) Обеспечить охрану переправ противника с правого на левый берег реки Дона.

4) Освободившиеся части отправить на соединение с частями Южного фронта тов. Ковалева, совместно с которыми продвигаться в сторону Великокняжеской, отрезая части противника, направляющиеся на станицу Атаманскую и село Заветное Астраханской губернии».

Далее в этом же приказе говорилось, что Харченко должен «объединить действия и привести в порядок все части войск, расположенные по левому берегу реки Дона от Подтиховской переправы на юг до станицы Нагаевской к станции Ремонтной»[2].

Отделу формирования, который находился в колонии Сарепта, было приказано выделить 1 000 пеших бойцов и отправить их на станцию Гнилоаксайскую в распоряжение командующего Южным боевым участком. Сюда же направлялась артиллерийская группа. Комиссару армии тов. Шаденко было указано всемерно помогать выполнению возложенных на Южный участок боевых задач.

Схема 14 показывает ход наступательной операции до 5 сентября, а также оперативную перегруппировку на Южном боевом участке, намеченную по приказу № 97, подписанному товарищами Сталиным и Ворошиловым.

10 сентября в Царицыне товарищи Сталин и Ворошилов в торжественной обстановке вручили боевые красные зна-

[1] ЦАКА, д. № 5—316, л. 65.
[2] См. схему 14.

мена с надписью «За доблесть в боях» целому ряду героических полков царицынского фронта. Знамена вручал лично товарищ Сталин. В ответ на эту почетную боевую награду командующий войсками Царицынского фронта товарищ Ворошилов произнес речь, которую закончил следующими словами:

> «Настанет время, когда мы сумеем устраивать праздники в мирных, свободных условиях. Теперь же у нас торчат штыки, и это наша гордость, ибо мы исполняем свой социалистический долг. Искренно, от всей души, поздравляю Вас, дорогие товарищи, с получением Красного знамени! Я горжусь, что состою в рядах столь доблестных, героических революционных войск!
>
> От Конотопа я шел вместе с вами (гром аплодисментов) и вместе с вами буду продолжать борьбу до конца» (продолжительные, восторженные аплодисменты) [1].

В связи с ранением В. И. Ленина и для решения целого ряда дел товарищ Сталин выехал на несколько дней в Москву. В. И. Ленин и И. В. Сталин послали героям Царицынской обороны следующую телеграмму:

> „Царицын, Военный Совет, Командующему фронтом Ворошилову, начальникам боевых участков, комиссару фронта Щаденко:
>
> Передайте наш братский привет геройской команде и всем революционным войскам Царицынского фронта, самоотверженно борющимся за утверждение власти рабочих и крестьян. Передайте им, что Советская Россия с восхищением отмечает геройские подвиги коммунистических и революционных полков Харченко, Колпакова, кавалерии Булаткина, броневых поездов Алябьева, военно-волжской флотилии.
>
> Держите красные знамена высоко, несите их вперед бесстрашно, искореняйте помещичью и кулацкую контрреволюцию беспощадно и покажите всему миру, что социалистическая Россия непобедима.
>
> *Председатель Совета Народных Комиссаров*
> ***В. УЛЬЯНОВ (ЛЕНИН).***
>
> *Нарком и председатель Революционного совета*
> *Южного фронта* ***СТАЛИН“.***

Итак, несмотря на то, что за время бешеных атак белоказаков на Царицын поддержка со стороны 8-й и 9-й ар-

[1] Солдат революции. № 30 от 12 сентября 1918 г.

мий Южного фронта и Сальской группы Шевкопляса совершенно отсутствовала, Царицын победил и мужественно отбросил остатки разбитых армий Краснова. Мало того, этот героический подвиг обеспечил Царицыну свободу действий для дальнейшей борьбы с «Всевеликим войском Донским», чрезвычайно облегчил положение частей Южного фронта (8-я и 9-я Красные армии) и буквально спас отрезанную от Царицына Сальскую группу; нет сомнений, что при неудачном исходе обороны Царицына войска Сальской группы не продержались бы долго в белоказачьем окружении и неминуемо были бы истреблены; точно так же и части 8-й и 9-й армий оказались бы в невыносимо трудном положении, потому что освободившиеся от осады белоказачьи полки бросились бы на фронт Воронеж—Балашов—Камышин. Имея помощь от сомкнувшихся уже белых войск Восточного фронта, белоказаки поставили бы красные армии Южного и Восточного фронтов в чрезвычайно тяжелые условия, учитывая обстановку, в которой боролась молодая Советская республика в августе 1918 года, будучи окруженной буквально со всех сторон.

Всемирно историческая заслуга бойцов-героев Царицынского фронта и заключается в том, что они доблестно отстояли своей кровью район Царицына и под руководством Ленина, Сталина и Ворошилова нанесли первый смертельный удар по августовскому наступлению атамана Краснова и его армии «Всевеликого войска Донского».

«И мы победили. Разгромленный враг был отброшен далеко к Дону»[1].

ГЛАВА XII

Подготовка белоказаков ко второму решительному наступлению

Очень скоро в Новочеркасске узнали о полном провале августовского наступления белоказачьей армии «Всевеликого войска Донского». Близкие к Краснову круги тяжело переживали этот провал и негодовали, оппозиционно настроенные потихоньку злорадствовали, а представители германского империализма при штабе Донской армии и правительстве Краснова довольно откровенно намекнули

[1] К. Е. Ворошилов, Сталин и Красная Армия, Воениздат, 1937 г., стр. 13.

последнему, что столь серьезные неудачи на Царицынском фронте значительно отразились на его военно-политическом престиже, а поэтому обстановка властно требует начать подготовку новой наступательной операции на Царицын.

Германские империалисты, готовые еще раз помочь правительству и командованию белого Дона советом, оружием, деньгами, снаряжением (не безвозмездно, конечно, а требуя новых продовольственных поставок от Краснова), нуждались в немедленной неотложной победе. На Франко-британском фронте империалистической войны в период с марта по июль 1918 года все четыре основных прорыва Людендорфа на Амьен, Лис, Шмен-де-Дам, Шато-Тьери оказались для германского главного командования неудачными. Англо-французское командование весь август вело решительное и успешно развивающееся контрнаступление по всему фронту и заняло территории во Франции и Бельгии, захваченные ранее германцами [1].

В Германии, Австро-Венгрии, Болгарии, Турции царил форменный голод, их армии на фронтах империалистической войны также испытывали огромный недостаток в продовольственных ресурсах. Украина, Дон, Закавказье явились новыми продовольственными и топливными источниками для истощенного германского империализма, который стремился к тому, чтобы эти оккупированные земли Советской страны крепко охранялись Скоропадским, Красновым и другими наемниками германского империализма при поддержке штыков оккупантов.

Полный провал августовского наступления на Царицын и большие успехи генерала Деникина на Северном Кавказе в период второго похода на Кубань чрезвычайно раздражали и угнетали атамана Краснова, который ясно понимал, что без успеха на фронте бело-донская власть долго не продержится.

В силу этого он потребовал от генералов Денисова и Мамонтова подготовки нового решительного штурма, с тем чтобы начать его не позднее конца сентября 1918 года и на этот раз непременно взять Царицын и Камышин.

«Атаман, — пишет сам Краснов, — не терял надежды до зимы овладеть Царицыным, чтобы этим закончить наступательные операции. Для усиления Царицынского фронта

---

[1] В. А. Меликов, Проблемы стратегического развертывания, т. I, стр. 377—423.

спешно укомплектовывались и вооружались 3-я Донская дивизия и 2-я стрелковая бригада молодой постоянной армии и выписаны были пушки из Севастополя, для которых в Ростове, в мастерских Владикавказской железной дороги делали особые бронированные платформы.

Чтобы закрепить до зимы все войско Донское, на Дону были мобилизованы все казаки. Не было ни одной казачьей семьи, где кто-либо из мужчин не был убит или ранен»[1].

После провала августовского наступления на Камышин—Царицын Краснову и Денисову стало совершенно ясным, что пока в районе Царицына будут группироваться крупные, стойкие красные силы, все планы белого Дона двигаться на фронт Балашов, Поворино, Новохоперск, Таловая, Лиски не могут быть реально гарантированы от поражения. Находясь на фланге тех белых сил, которые должны были двигаться на север (Балашов—Лиски) против 8-й и 9-й Красных армий, защитники Царицына могли в любой момент ударом во фланг и тыл сорвать эту операцию Донской белой армии. Поэтому в наступательном оперативном плане Донской армии направление на Царицын—Камышин являлось в сентябре—октябре главным и решающим.

Мало того, если бы Краснов и Денисов знали заранее, что в августе красные части, расположенные в направлении Балашов—Лиски, будут такими слабыми и пассивными, то они сочли бы необходимым сосредоточить все силы против Камышина—Царицына, оставив только заслон на Северном участке. Но никто в ставке белого командования не думал, что оборона Царицына будет такой устойчивой и что она не только сдержит натиск 50-тысячной отборной Донской армии, но и разобьет ее, отбросив остатки далеко на запад от Царицына за реку Дон.

Разгром в августе очень тяжело отразился на настроении руководителей Донского круга. На секретном совещании Круга в начале сентября представители Круга, только что вернувшиеся с фронта, заявили: «Казаки на фронте ждут мира или подержки. Всякое замедление поведет к гибели казачества»; и поэтому совещание в числе главного вопроса атаману Краснову: 1) когда и на какую поддержку можно рассчитывать и 2) возможно ли добиться путем переговоров прекращения гражданской войны?»[2].

---

[1] П. Н. Краснов, Всевеликое войско Донское, стр. 173.
[2] Деникин, Очерки русской смуты, т. III, стр. 215.

Деникин пишет, что действительно после августовского поражения донским генералам приходилось «успокаивать утомленные нервы представителей на Круге и воинов на фронте. В этом отношении положение мое было неизмеримо легче, чем атамана. Добровольческая армия, по крайней мере основные ее части, шла беспрекословно туда, куда я ее вел»[1].

На поставленные ему вопросы атаман Краснов ответил, что «ни о какой гибели речи быть не может, казачество накануне победы», что после победы Деникина на Кубани добровольцы помогут[2], а сейчас при содействии германского командования правительство «Всевеликого войска Донского» будет продолжать свое дело, и Круг должен оказать ему поддержку.

И, действительно, атаману Краснову удалось убедить представителей Круга: «они вновь подтвердили основное задание, ранее данное Донскому войску, а именно — занять город Царицын, Камышин, Балашов, Новохоперск».

Необходимо отметить, что в организации нового наступления и в восстановлении доверия к Краснову большую роль сыграло опять-таки германское главное командование. Например, узнав о том, что на место Краснова оппозиция Круга усиленно выдвигает донского атамана ген. А. Богаевского — противника германской ориентации, сторонника союзников и командования Добровольческой армии, — германское командование через своего майора генерального штаба Кофенгаузена сказало веское слово.

Во-первых, атаман Краснов получил следующее письмо майора Кофенгаузена:

«...Высшее германское командование просит Вас потребовать немедленного выбора атамана, которым несомненно будете Вы, Ваше превосходительство (судя по всему тому, что нам известно). Отсрочка выборов атамана даст возможность агитировать враждебным немцам элементам и я боюсь, что высшее командование сделает свои выводы и прекратит снабжение оружием».

Во-вторых, 15 сентября 1918 года во время перевыборов

---

[1] Деникин. Очерки русской смуты. т. III. стр. 245.

[2] Это говорилось Красновым для «красного словца», так как он хорошо знал, что Деникин поможет Дону свергнуть Краснова и поставит своего ставленника Сидорина или А. Богаевского. А вообще Краснов считал, что еще до полной победы Деникина на Кубани он сумеет хорошо укрепиться на Дону и возьмет Царицын, Камышин и т. п.

атамана «Всевеликого войска Донского» командующий Донской белоказачьей армией ген. Денисов получил следующую ноту от германского главного командования:

«По поручению высшего германского командования имею честь сообщить Вам следующее: происшедшее за последние дни показывает, что на Круге имеется стремление ограничить власть атамана. Ввиду чего предвидится опасность, что будет образовано правительство со слабою властью, которая не сможет в достаточной мере противостоять многочисленным внутренним и внешним врагам Донского государства. Так как, с другой стороны, высшее командование может находиться в хороших отношениях только с таким государством, которое по конструкции своего правительства даст уверенность быть сильным и защитить свою свободу, оно (высшее германское командование) видит себя вынужденным, до тех пор, пока это обстоятельство является сомнительным, временно воздержаться от всякой поддержки оружием и снарядами.

Применение этого решения продолжится до тех пор, пока не будет выбран атаман, в котором высшее германское командование будет уверено, что он поведет политику Донского государства в направлении, дружественном Германии, и который будет облечен Кругом полнотою власти, необходимой для настоящего серьезного момента.

Я прошу Ваше превосходительство сообщить об этом еще сегодня же Его Высокопревосходительству Донскому атаману, к которому высшее германское командование питает самое полное доверие, а также сообщить г. Председателю совета министров ген.-лейт. Богаевскому.

Фон-Кофенгаузен генерального штаба майор»[1].

Этот документ со всей циничной откровенностью показывает, что атаман Краснов являлся верным вассалом германского империализма и что не случайно, когда после Ноябрьской революции в Германии Краснов попытался обратиться за помощью к дерикам Антанты, он получил от них должный отпор и вынужден был уйти в отставку.

Когда в сентябре 1918 года Круг узнал содержание этой грозной ноты германского главного командования, он большинством голосов переизбрал генерала Краснова атаманом «Всевеликого войска Донского», получив за это от Германии новую партию оружия, снарядов и пр. для нового

---

[1] Настоящий документ приведен ген. Деникиным в III томе «Очерков русской смуты», стр. 250.

решительного наступления на Царицын—Камышин—Балашов.

На этом заседании Круга от Добровольческой армии присутствовал в качестве наблюдателя ген. Лукомский, имевший соответствующую инструкцию от Деникина.

Через Лукомского Деникин быстро узнал о ноте Кофенгаузена, содержание которой он незамедлительно сообщил представителям Антанты, находившимся при ставке Добровольческой армии. Деникин дал указание ген. Лукомскому «сообщить доверительно отдельным видным представителям оппозиции» в Круге, что, несмотря на все, «добровольческое командование, которое ген. Краснов считал злейшим своим врагом и опорой оппозиции», своевременно поможет Дону в борьбе с Красной Армией.

В этом секретном наказе ген. Лукомскому Деникин писал:

«...Добровольческая армия, как только справится со своей задачей на Кубани, будет двинута безотлагательно на Царицын и поможет в полной мере Дону. При этом обязательно подчинение действующих на этом фронте донских частей командованию Добровольческой армии»[1]. Так оно в дальнейшем и случилось; в начале 1919 года ставленник Деникина ген. Сидорин стал во главе Донской белоказачьей армии, а Краснов, с разгромом Германии, был убран и эмигрировал за границу.

Получив 15 сентября 1918 года от Круга указ, который предоставлял «Донскому атаману в полном объеме власть и управление военное и гражданское и власть законодательства во время отсутствия Круга». Краснов отдал директиву штабу Донской армии закончить к 23 сентября все подготовительные мероприятия для перехода в решительное наступление.

По данным Краснова[2], Донская армия, к октябрю получившая стройную организацию, снабженная всем необходимым, была готова к наступлению. Армия имела к этому времени 1 282 офицера, 31 300 бойцов[3] на фронте, 79 пушек и 267 пулеметов и, кроме того, молодую армию в составе 20 000 бойцов. Технические средства армии состояли из 68 самолетов, 14 броневиков, 3 бронепоездов, химического взвода, имевшего 257 баллонов с удушливыми газами, и 15 тысяч дымовых шашек, 450 самокатов, более

[1] Деникин, Очерки русской смуты, т. III, стр. 251.
[2] П. Н. Краснов. Всевеликое войско Донское, стр. 155.
[3] Там же.

3 000 верст телеграфного и телефонного кабеля и с запасом 2 000 аппаратов[1].

Таким образом, 51 000 белоказачьих бойцов, из коих 60% конницы при 79 орудиях и 267 пулеметах, было решено опять бросить на Царицын—Камышин с целью скорейшего овладения последними.

Оперативный план, составленный генералами Денисовым и Мамонтовым для этого нового наступления-реванша, заключался в следующем:

1) *Главный удар* наносится на участок Воропоново—Тингута—Сарепта.

2) *Вспомогательные удары* должны иметь целью отрезать район Царицын—Гумрак—Воропоново—Сарепта от севера (Камышин) и юга (Якутово—Ремонтная). Северный вспомогательный удар направляет свои усилия в сторону Камышина и на Котлубань, а южный вспомогательный удар должен от Абганерово на юг и от Куберле на север зажать в клещи красные войска, расположенные в районе Котельниково—Ремонтная.

3) Распределение сил по этому оперативному плану ген. Денисовым и ген. Мамонтовым намечалось таким образом:

а) *Главный удар* должны были наносить не менее 20 000—25 000 бойцов, из коих 60% конницы (3 пехотные + 4 кавалерийские дивизии). Эти силы сосредоточиваются в районе Калач—Чир с целью удара прямо на восток на участок Воропоново—Тингута—Сарепта (ген. Мамонтов и Толкушкин).

б) *Северный вспомогательный удар* нанесут 10 000 штыков и сабель после сосредоточения в районе Арчеда—Лог, основное направление — Камышин—Котлубань—Гумрак.

в) *Южный вспомогательный удар* — окружение в районе Гашун-Сайская — Котельниково — Ремонтная — осуществляется силой в 12 000 штыков и сабель (см. схему 15).

ГЛАВА XIII

Мероприятия Военного совета обороны Царицына перед вторым окружением

С 12 по 20 сентября 1918 года товарища Сталина в Царицыне не было: как мы уже писали, он временно выехал по требованию ЦК партии в Москву в связи с ранением В. И. Ленина и для разрешения целого ряда дел.

[1] В этих данных не учитывается Южный фронт (Сальский), где насчитывалось до 10 000 штыков и сабель белоказаков.

Из Москвы товарищ Сталин продолжал пристально следить за ходом борьбы в районе Донской области и Северного Кавказа, давая указания и советы командующему войсками Царицынского фронта К. Е. Ворошилову, который держал непрерывную телеграфную связь с товарищем Сталиным, ежедневно посылая ему в Кремль оперативные сводки[1] и другие боевые документы.

К. Е. Ворошилов проводит огромную организационную работу по приведению в порядок царицынских войск, измотанных гигантским, почти шестинедельным (с 24 июля по 8 сентября) напряжением непрерывных боев по обороне Царицына и преследованию врага.

Необходимо было сменить уставшие и обескровленные красные войска частями из резерва, произвести новые мобилизации рабочих и трудовых крестьян, влить эти новые пополнения в поредевшие боевые ряды, пополнить огнеприпасами артиллерию, отремонтировать броневые поезда, бронелетучки, броневлощадки и броневики, позаботиться о скорейшем излечении тяжело раненых (легко раненые, как правило, по личной просьбе оставались в строю), с тем чтобы вернуть их в строй.

Тов. Ворошилову было ясно, что вскоре последует новое белоказачье контрнаступление. Тов. Ворошилов стремится как можно продуктивнее использовать «передышку» для укрепления войск фронта, который к 15 сентября 1918 года был более 500 *км* протяжением.

Он заботится о налаживании еще более успешной оборонной работы заводов и фабрик района Царицына, с тем чтобы восполнить огромные августовские расходы боеприпасов, снаряжения и пр. Военный совет попрежнему посылал в Центр и в штаб Южного фронта на имя Сытина телеграммы и нарочных, требуя необходимых пополнений, но фактически безрезультатно. Пользуясь пребыванием И. В. Сталина в Москве, К. Е. Ворошилов продолжал шифрованными телеграммами напоминать о скорейшей организации материальной помощи Царицыну, о проталкивании в бюрократических канцеляриях военного ведомства тех запросов и требований, которые посылал Царицын Центру; оборонные запасы, привезенные тов. Ворошиловым из Донбасса, фактически были уже израсходованы в страдные боевые дни августа и первой половине сентября 1918 года.

---

[1] ЦАКА, д. № 207412.

15 сентября товарищ Сталин имел разговор по прямому проводу с Военным советом Царицына. Из этого разговора ясно видно, что Царицын испытывал большие трудности в снабжении, что белоказаки опять начали проявлять активность к западу от Царицына (из района Чирского моста через Дон) и что из районов Новочеркасска прибывают новые части белоказаков.

Из разговора по прямому проводу товарища Сталина с товарищем Ворошиловым 15 сентября 1918 г.

Из Царицына ВОРОШИЛОВ: Разобрали шифровку?

Из Москвы СТАЛИН: Сейчас разбирают. Почему до сего времени не взяты ст. Лог, Липки и Арчеда?

ВОРОШИЛОВ: Поспешишь, людей насмешишь, дело идет.

СТАЛИН: А мне казалось дело стоит.

ВОРОШИЛОВ: Не беспокойтесь, своевременно будет сделано. Передам только что полученные сведения от Харченко. Вчера на правом фланге был целый день бой в расположении левого фланга Морозовской дивизии. Противник повел наступление двумя пехотными и одним кавалерийским полками пластунской дивизии из Новочеркасска. Полки ночью зашли глубоко во фланг Морозовского полка и с рассветом повели стремительную атаку. Нашим пришлось отступить, потеряв несколько убитыми и ранеными и один пулемет, но вскоре подоспели резервы, противник был сломлен и в панике бежал. Отбито 9 пулеметов, 200 винтовок и несколько тысяч патрон. Противник потерял убитыми из командного состава пять прапорщиков, 3 поручика, одного штабс-капитана, одного капитана и ген. Краснова — командира пластунской дивизии. У последнего найдены послужной список, оперативный приказ и карта, кроме того убито масса нижних чинов[1]. Группа Ковалева соединилась с Котельниковским гарнизоном, части Терехова вошли в тесную связь с группой Ковалева (Семичная). Ремонтная в наших руках, настроение бодрое. Завтра или послезавтра предпринимаем известные Вам операции[2]. Сегодня вручаем знамена второму коммунистическому и третьему революционному украинским полкам. Полки сегодня же отпра-

[1] В оперативной сводке положения на фронтах Сеймавокра (Царицынский фронт) от 15 сентября — ЦАКА, д. № 207412, л. 221 — указано, что в этих боях особенным героизмом отличались бойцы Морозовского и Громиславского полков и пулеметная команда Морозовского полка.

[2] Наступление на Северном участке Царицынского фронта в направлении Поворино.

вляются по месту назначения. Нами объявлена мобилизация всех способных к физическому труду до пятидесятилетнего включительно для организации рабочих дружин. Желательно, чтобы ЦИК и Совнарком телеграфно отметили заслуги начальников и частей наших фронтов. Пора центральному правительству знать, что и мы здесь не спим.

СТАЛИН: Абсолютно необходимо взяться немедля за сформирование дивизии, которая на-днях понадобится на фронте. Очень прошу сделать это. Все наши вопросы видимо будут решены пользу Царицына. Я выеду через два дня. Передайте Харченко, что об его подвигах немедля передаем куда следует. Ваше сообщение передам в печать.

ВОРОШИЛОВ: Тов. Сталин, нам крайне нужны легковые, грузовые и броневые автомобили. Не забудьте настоять на том, чтобы они своевременно были отправлены и вообще потребуйте, чтобы нас снабдили всем необходимым с соответствием потребности нашего округа. Мы вам напоминаем об этом потому, что Пархоменко буквально воет, что ему чинят всякого рода препятствия. Постарайтесь захватить с собою боевые награды, если они уже выработаны, и также знамена и револьверы лучших систем: Маузер, Парабеллум и др. С Астраханью говорил, положение там пока еще устойчивое. Относительно делегации и проч. даны директивы. Туда пока не выезжаем, но в случае если это понадобится немедля выедем. Тов. Сталин, крайне необходимо привезти из центра знаки отличия и награды, если таковые уже приняты. Кроме того мы очень нуждаемся в автомобилях, которых захватите с собой возможно больше. Вообще считаем нужным повидаться Вам с тов. Пархоменко и дать ему соответствующие инструкции и полномочия.

Как бы в ответ на вопрос И. В. Сталина о начале развития решительных операций к северу от Царицына, в районе станции Лог—Липки—Арчеда К. Е. Ворошилов задумывает чрезвычайно интересный оперативный маневр с решительной целью. Этот маневр должна была выполнить наиболее стойкая, боевая и полнокровная 1-я Коммунистическая дивизия, имевшая в своем составе главным образом рабочих. План этого маневра 1-й Коммунистической дивизии, при активном содействии ей со стороны соседей, зафиксирован в боевом приказе № 72 от 16 сентября. Даем целиком его содержание, а также схему, рисующую оперативный замысел тов. Ворошилова для развития решительного наступления на севере от Царицына (см. схему 16).

ПРИКАЗ

Войскам Северо-Кавказского военного округа[1]

№ 72

16 сентября 1918 года *Гор. Царицын*

По оперативной части

§ 1

Центральный участок Царицынского фронта.

Оставив достаточные заставы и обеспечив подступы от противника с правого берега реки Дона на левый от станицы Качалинской до Пятиизбянской под общим командованием начальника Котлубано-Бузиновской дивизии товарища Попова, выделить 1-ю Коммунистическую дивизию в ударную группу, которую перебросить на ст. Иловля, откуда начать наступление на запад и северо-запад, держа направление по шоссе: Иловлинское, Гуляевка, Арчадинская и Аннинская, левым флангом упираясь в Дон, форсируя его у станицы Сиротинской, и занять ее, Старо- и Ново-Григорьевские, Перекопскую, Кременскую и хутора по правому берегу реки Дона от Сиротинской до Клецкой и по левому берегу реки Дона до линии Поворино—Царицын, дальнейшее продвижение левого фланга вести вдоль берега Дона на станицу Усть-Медведицкую, располагая свои части по правому берегу реки Медведицы. С выравниванием фронта Красный Яр и Усть-Медведица, частями товарищей Колпакова и Косолапова по правому берегу реки Медведицы продолжать наступление левым флангом до реки Хопра и двигаться на север и северо-восток, держась левым флангом левого берега реки Хопра и правым флангом шоссе Арчадинско-Аннинская до соединения с частями Поворинской группы.

---

[1] ЦАКА, д. № 47812, л. 53.

§ 2

Северный участок Царицынского фронта.

Следуя за ударной группой, закреплять за собой все занятые и очищенные от противника пункты, оставляя достаточные заслоны и заставы в местах, наиболее удобных для прорыва противника, главным образом, в петле реки Дона, организуя охрану станиц Сиротинской, Старо- и Ново-Григорьевских, Кременской, Перекопской и Клецкой.

§ 3

Фронт Камышинского направления.

В зависимости от продвижения частей товарища Колпакова и держа тесную связь с частями Миронова и Киквидзе, продвигаться всем фронтом, взяв направление для правого фланга на ст. Панфилово—Царицын—Поворинской линии, соответственно продвигаясь левым флангом совместно с частями товарища Колпакова до правого берега реки Медведицы.

§ 4

Исполнение настоящего приказа начать в ночь с 17 на 18 сентября с. г. в пять часов утра (на рассвете), о продвижениях вверенных Вам частей доносить немедленно в Военный совет Северо-Кавказского округа.

Член Военсовета **ВОРОШИЛОВ.**

Как видим, суть этого оперативного замысла заключается не только в расширении плацдарма за счет Северного направления Царицынского фронта; этот замысел преследовал также цель помочь красным частям Поворинского района 9-й армии.

Почти одновременно с отдачей боевого приказа № 72 тов. Ворошилов выехал на Южный участок Царицынского фронта в район ст. Ремонтная, с тем чтобы лично выяснить на месте положение красных частей, которые, как мы уже знаем, были отрезаны в августе от Царицына, вследствие сепаратистской, местнической линии поведения командования войсками Сальской группы.

19 сентября тов. Ворошилов писал в Царицын начальнику Оперативного отдела:

ТЕЛЕГРАММА[1]

Царицын, Оперативный отдел Военсовета.

Сводка от 19/IX 1918 г.

Вчера был Ремонтной, куда отошли все войска Ковалева; Куберле, Зимовники, Гашунь нами оставлены. Распоряжением Ковалева Сальский мост сожжен[2], настроение войск улучшается. Сегодня утром вместе с Харченко поехал Заветное Терехову. У хутора Крылова нас окружила неприятельская кавалерия и мы едва выбрались обратно Котельниково. Выезжаю на фронт.

Ком. фронта ВОРОШИЛОВ[3].

К моменту приезда тов. Сталина в Царицын положение на фронте опять изменилось не в пользу красных войск. Ген. Мамонтов, сосредоточив к 20 сентября группу в районе Нижне-Чирская, Рычков, прорывает красный фронт между ст. Ляпичев и хут. Ильменским, опрокидывает части 1-й Морозовско-Донецкой дивизии и продолжает быстро распространяться в восточном направлении прямо на Царицын. Этот успех противника мог снова поставить в тяжелое положение красные части, начинавшие свои активные действия на севере согласно боевому приказу тов. Ворошилова от 16 сентября за № 72. К концу сентября на всем огромном 540-*км* Царицынском фронте обстановка складывалась следующим образом.

Тщательный анализ оперативных и разведывательных сводок и других боевых материалов по дням дает совершенно ясное представление, что, начиная с момента выхода красных частей (9 сентября) к Дону и до двадцатых чисел сентября, на всем 540-*км* фронте продолжались бои эпизодического порядка. Таким образом, «передышка» носила весьма относительный характер, ибо то там, то здесь вспыхивали бои: прорывы и налеты белоказачьих отрядов численностью до 200—300—500 сабель на тылы красных продолжались. И это было вполне естественно, так как держать сплошной 540-*км* фронт было невозможно, а поэтому линия фронта была прерывчатой, рваной, удерживались и занимались важнейшие пункты и направления. Последнее обстоятельство давало противнику возможность просачи-

[1] ЦАКА, д. № 207—412, л. 269.
[2] ЦАКА, д. № 207—412, л. 310 (оперсводка от 19/IX).
[3] См. схему 14.

ваться на стыках красных частей и непрерывно держать их в состоянии полной боевой готовности. Документальный материал оперативно-разведывательных сводок наглядно показывает, что «затишья» в обычном понимании этого слова на всем фронте в сентябре не было; чтобы дать красным частям действительный отдых от недавнего нечеловеческого боевого напряжения, единственным способом оставался увод их в глубокий тыл — в резерв.

Но последнее удавалось крайне редко; таким образом, новый удар противника красные войска Царицынского фронта встречали опять в напряженных условиях.

На вооруженном фронте, непосредственно окаймлявшем район Камышин—Царицын на протяжении 300 *км*, по линии Островская—Зензеватка—Лог—Старо-Григорьевская—Голубинская — Кривомузгинская — Бузиновка — Громыславка — Жутово располагались следующие части противника[1]:

1) *Камышинское направление* (Островская — ст. Лог).	5 конных казачьих донских полков до 2 500 сабель или 1½ казачьих дивизии, 5 пехотных казачьих донских полков + + 1-й Саратовский пехотный полк, около 4 000 штыков, или 1¾ пехотных дивизий, 50 пулеметов, 11 легких орудий.
2) *Качалинское направление* (ст. Лог — Трех-Островенская).	8 конных казачьих донских полков численностью до 4 000 сабель, или 2 конных дивизий; 11 пехотных казачьих донских полков + 5-й Саратовский пехотный полк до 8 000 штыков, или 3 пехотных дивизии, 62 пулемета, 31 орудие, 1 бронепоезд.
3) *Воропоновское направление* (Голубинская — Бузинов(ка).	7 конных казачьих донских полков численностью до 3 500 сабель или 2 конных дивизии, 2 пехотных казачьих донских полка — 1 000 штыков или 1 пехотная бригада, 46 пулеметов, 30 легких, 13 тяжелых орудий, 2 бронепоезда.
4) *Тингута — Царицынское направление* (Бузинов(ка) — Громыславка — Жутово).	20 конных казачьих полков численностью в 9 000 сабель или до 6 конных дивизий + 2 500 штыков или 1½ пехотной дивизии, 60 пулеметов, 30 легких, 8 тяжелых орудий, 2 бронепоезда, несколько автоброневиков.

[1] ЦАКА, д. № 30—665/с.

Кроме этих сил, белоказаки располагали в направлении Ремонтная—Котельниково силами до 10 000 штыков и сабель и затем 20 000 бойцов так называемой молодой армии. Таким образом, Краснов и Денисов ко второму наступлению на Царицын имели около 65 тысяч штыков и сабель, 300 пулеметов, 150 орудий, 14 броневиков, 68 самолетов.

Против этих сил белоказаков красные дивизии к 15 сентября занимали следующее положение:

1) *Группа войск Северного участка* (Зензеватка).	3 704 штыка, 21 пулемет, 10 орудий, 381 сабля +2 пулемета.
2) *Группа войск Северо-западного участка* (Алаев).	2 774 штыка, 45 пулеметов, 20 орудий, 261 сабля +2 пулемета.
3) *Качалинская дивизия* (Паншенской—Вертячий—Гумрак).	1 685 штыков, 30 пулеметов, 6 орудий, 160 сабель +2 пулемета.
4) *2-я сводная казачья дивизия* (Вертячий — Красноярский — Кривомузгинская — Карповка).	1 760 штыков, 9 пулеметов, 6 орудий, 200 сабель + 7 пулеметов
5) *1-я Коммунистическая дивизия* (Иловля — Красноярский — Калач — Колпачевский — Карповка).	5 700 штыков, 58 пулеметов, 90 орудий.
6) *1-я Морозовско-Донецкая дивизия* (Кривомузгинская — Ляпичев — Изяковский — Ковалев).	3 000 штыков, 58 пулеметов, 24 орудия, 746 сабель + 7 пулеметов.
7) *2-я Донская народная дивизия* (Жутово — Ковылев — Верхне-Кобнеровской — Шибалин — Ильменский — Чилеково).	2 792 штыка, 49 пулеметов, 11 орудий. 628 сабель + 2 пулемета.

8) *Группа войск Котельниковского участка* (Котельниково).	2 600 штыков, 23 пулемета, 4 орудия, 1 135 сабель + 8 пулеметов.
9) *Группа войск Южного фронта* (Ремонтная).	8 128 штыков, 70 пулеметов, 23 орудия, 1 855 сабель + 8 пулеметов.
10) *Группа войск Степного северного* фронта (Заветная).	750 штыков, 9 пулеметов, 7 орудий, 25 сабель + 1 пулемет.
11) *Группа войск Степного южного фронта* (Кресты).	5 000 штыков, 15 пулеметов.
12) *Ставропольская группа* (Б. Джалга).	4 000 штыков.

13) *Броневые колонны товарищей Алябьева и Рудь.*

Броневые поезда: а) «Гром», б) «Брянский», в) «Черноморец», г) «2-й Сибирский», д) «Охотник», е) «Воля», ж) «Большевик», з) «Борец», и) «Коммунар», к) «Грозный», л) «2-й Таганрогский», м) «Молния» (бронелетучка).

Все эти бронепоезда к 15 сентября находились соответственно: Ляпичев — Котельниково — Царицын — Котлубань — Ляпичев — Котельниково — Царицын — Гнилоаксайская — Царицын — Ляпичев — Царицын. Бронеколонна имела 36 орудий различных калибров [1].

К 20 сентября обстановка в направлении Кривомузгинской резко изменилась. Белоказаки прорвали центр Царицынского фронта и заняли Калач-на-Дону, успешно распространяясь в восточном направлении.

Полученные ранее разведывательные данные говорили, что противник сосредоточил в районе Нижне-Чирской (старая, крепкая белоказачья база для формирования ген. Мамонтова), Пятизбянской значительные силы. Эти силы и были брошены атаманом Красновым и ген. Денисовым в направлении Царицын—Тингута в развитие задуманного ими оперативного плана второго наступления на Царицын.

[1] ЦАКА, д. № 47—643.

С целью отвлечь внимание и силы врага с Громыславско—Бузиновка—Карповского направления тов. Ворошилов приказывает войскам Северного участка Царицынского фронта стремительным ударом отбросить белоказаков к западу от железной дороги Иловля—Лог—Арчеда—Себряково и занять станции Лог, Липки, Арчеда.

С 22 сентября начинаются ожесточенные бои на Северном участке Царицынского фронта. В этот день, ведя энергичное наступление по всему фронту, красные войска Камышинского района штыковой атакой занимают сильно укрепленные позиции в районе станицы Островской, нанеся противнику жестокое поражение. В оперативной сводке от 23 сентября [1], суммировавшей донесения частей с фронта, говорилось, что красные войска, наступавшие в полосе между Доном и железной дорогой, отбросили противника за линию ст. Лог и Ново-Григорьевская. Сводка сообщала [2]:

> «Ночью 22 сентября при попытке противника ликвидировать прорыв были брошены в бой подоспевшие резервы в количестве трех кавалерийских полков, но они также были нашими войсками разбиты наголову и в паническом беспорядке бежали, бросая убитых и раненых. Наши войска продолжают преследование противника, сметая на своем пути бросаемые противником в бой свежие силы».

24 сентября после ожесточенного боя станция Липки перешла в руки красных частей 1-й Коммунистической дивизии. Во время этого наступления командир 2-го Коммунистического пехотного полка тов. Туз первым геройски бросился после зампики на врага, увлек за собой бойцов, был смертельно ранен и вскоре скончался.

Имея значительный успех к северу от Царицына, а также успехи на Степном фронте, где красные войска заняли станицы Крылов, Бурульский, Грабовский, Зим. Корольков, и успехи вдоль реки Сал, командование Царицынского фронта продолжало тревожиться за положение на Криво-музгинском направлении. В направлении Нижне-Чирской и Пятизбянской продолжали двигаться все новые и новые белоказачьи полки: они двигались вверх по реке Дон на судах, маршировали пешим порядком, перебрасывались по железной дороге от Лихой на Чир, т. е. по тому историческому пути, по которому несколько месяцев назад шли

---

[1] ЦАКА, д. № 207—412, л. 314.
[2] Там же.

в белоказачьем окружении красные эшелоны под руководством тов. Ворошилова.

Атаман Краснов и ген. Денисов перебрасывали свою молодую казачью дивизию из района Новочеркасска и вновь мобилизованных казаков из станиц Донской области для нового решительного наступления на Царицын, с тем чтобы в октябре во что бы то ни стало овладеть не только им, но и Камышиным. Первый и главный удар должна была наносить в центре на фронте Воропоново — Тингута группа ген. Мамонтова. Основные операции намечались белыми на первую половину октября. Для этого необходимо было занять выгодный плацдарм в районе Кривомузгинская—Грузмыславка, чтобы накопить силы и стремительно бросить их к заветной цели — Царицыну, который в августе был почти что в руках белых.

Из мемуаров руководителей «Всевеликого войска Донского» видно, что они имели кой-какие разведывательные данные о тяжелом положении красных войск Царицынского фронта в отношении снабжения оружием. Это еще более окрыляло надежды белых на скорую победу. И действительно, если моральное состояние красных героев Царицынского фронта было на высоком уровне, то снабжение оружием и огнеприпасами находилось прямо-таки в катастрофическом положении. Военный совет обороны Царицына продолжал посылать своих представителей во главе с тов. Пархоменко в центр и штаб Южного фронта, отправлял почти ежедневно просьбы о присылке патронов, снарядов и пр., но все это не имело ни малейшего успеха. Тов. Сталин, уезжая 18 сентября из Москвы обратно в Царицын, получил всевозможные заверения и обещания от руководителей военного ведомства, во главе которого в то время стоял Троцкий; как всегда, эти обещания не были выполнены.

Насколько ревностно Троцким охранялись бюрократические аппараты военного ведомства от малейшего ущемления их власти и вмешательства в их прерогативы, настолько беззаботно эти аппараты относились к исполнению тех требований, которые шли с боевого фронта. Вот на выборку один из многочисленных примеров. Приехав обратно в Царицын, И. В. Сталин детально ознакомился с положением дел на юге России. Красные войска, оперировавшие против Деникина на Северном Кавказе, находились в тяжелом положении. Для того чтобы получить о них более подробные сведения, необходимо было каким-то образом установить

прочную связь. Ни красное главное командование в Арзамасе, ни штаб Южного фронта, находившийся в Козлове, не имели никакой связи с красными войсками Кубано-Черноморского фронта. Если бы они и желали ее иметь, то могли это сделать только через Военный совет Северо-Кавказского округа, который находился в Царицыне и председателем которого был народный комиссар товарищ Сталин.

К 15 сентября в Царицыне, в штабе Военного совета были следующие суммарные данные о войсках Кубано-Черноморского фронта. Во главе фронта по решению местных властей стоял бывший сотник Сорокин. Деникин в своих «Очерках русской смуты» расхваливает Сорокина. Нам, конечно, понятно, почему Деникин хвалит Сорокина, оказавшегося предателем и изменником.

Отрезанные от Северной России красные войска Кубано-Черноморского фронта, по разнообразным данным, имели к 15 сентября 1918 года следующую структуру и численность (см. таблицу на стр. 184).

Как видим, *по численности* советские войска Кубано-Черноморского фронта в конце сентября 1918 года представляли собой довольно внушительную силу, которая, во всяком случае, превосходила не менее чем в два раза численность всех белых сил на Северном Кавказе. Эти силы не были объединены единым военным управлением. Точно так же отсутствовал единый административный политический центр, продолжали существовать три советские республики со своими центрально-исполнительными комитетами (Кубанская, Черноморская и Ставропольская). Деникинская армия в Черноморской и Кубанской областях к началу октября фактически заканчивала оккупацию этих областей.

Во второй половине сентября после ожесточенных боев с Добровольческой и Белокубанской армиями Деникина красные войска теснились к железнодорожной магистрали Тихорецкая — Армавир — Невинномысская — Пятигорск, группируясь главными силами к востоку от Екатеринодара и к западу от Ставрополя. Единое централизованное военное управление красными войсками отсутствовало. Было несколько командующих, которые враждовали не только между собой, но и со своими ЦИК. Занятие Деникиным Екатеринодара и отход советских войск к Армавиру поставили красные войска в крайне тяжелые условия. Дисциплина падала, партизанщина и слабое подчинение своим

Наименование частей	Место расположения	Бойцов	Штыков	Винтовок	Пулеметов	Орудий	Бойцов-кавалеристов
Кубано-Черноморские войска	Невинномысская . .	—	—	—	—	—	—
1-я колонна	Район: Армавир—Овечка	12 040	10 900	10 900	114	27 3-дм; 2 6-дм,	1 510+21 пулемет
2-я колонна (1-я стальная бригада)	Район: Овечка—Богословская	15 950	15 000	15 000	94	33	1 250+11 пулеметов
3-я колонна	Тифлисская, Усть-Лабинская, Курганная	10 770	10 100	10 100	67	11	—
4-я колонна	Район: тот же . . .	5 180	4 800	4 800	36	20	—
5-я колонна (кавалерийская дивизия Кочубея)	Усть-Лабинская, Белороченская, Хадыженская	—	—	—	—	—	5 400+40 пулеметов
6-я колонна	Район: Тифлисская—Романовская—Отрада—Кубанская—Григориполисская	1 100	—	—	10	—	820+2 пулемета
7-я колонна	Район: тот же . . .	1 300	—	—	5	—	—
8-я колонна	Григориполисская, Кубанская, Армавир	6 500	—	—	23	20	—
9-я колонна	Район: Богословская—Александровская	15 500	—	—	50	16	—
Майкопский округ	—	10 000	—	—	—	—	—
10-я колонна	Таманская армия, пробившаяся к Армавиру	29 752 (по данным к 26 сентября)	—	—	141	32	4 037

непосредственным начальникам, а последних общему начальнику, которым в сентябре являлся Сорокин, отсутствие достаточного количества огнеприпасов, — все это делало хотя и большие по численности войска на Северном Кавказе (108 312 бойцов, 18 417 бойцов кавалерии, 497 пулеметов, 161 орудие) мало боеспособными. 24 сентября 1918 года за подписью членов Военно-Революционного Совета Южного фронта товарищей Сталина и Ворошилова был отдан приказ № 118, который требовал от Сорокина немедленного установления боевой и технической связи с войсками Царицынского фронта. Приказ указывал, что все советские войска, оперирующие на Северном Кавказе, объявляются мобилизованными на общих основаниях. Командующему войсками на Северном Кавказе Сорокину приказ № 118 в твердых тонах указывал «немедленно принять все меры и срочно установить как телефонную, так и телеграфную связь между своими частями и также с войсками Царицынского фронта и Военно-Революционным Советом через следующие пункты: Дивное, Кресты (Астраханской губернии), Заветное, Царицын».

Целесообразность и своевременность такого распоряжения настоятельно диктовались обстановкой, сложившейся в конце сентября 1918 года как в огромном районе Царицына, так и на Северном Кавказе.

Необходимо было как можно скорее привести в порядок численно большие силы на Северном Кавказе, уничтожить партизанщину и под организующим влиянием центральной власти использовать эти красные силы в борьбе с красновщиной. Кроме того, этим приказом преследовалась цель как можно скорее узнать действительное положение дел с войсками Кубано-Черноморского фронта, с тем чтобы иметь реальную возможность влияния на ход вооруженной борьбы на Северном Кавказе.

Товарищ Сталин предполагал, как увидим ниже (см. его доклад от 27 сентября), переформировать войска на Северном Кавказе в крепкую монолитную группу, помочь ей огнеприпасами и, прикрываясь на Екатеринодарском направлении, нанести главными силами удар от Армавира на Ростов.

Обстановка требовала быстрейшего осуществления этого плана товарища Сталина и его приказа, ибо нельзя было дальше оставлять огромную, слабо организованную массу советских войск Северного Кавказа без руководства. Конечно, эта работа потребовала бы огромного труда, но если

бы главное командование и Реввоенсовет Республики приняли ряд серьезных мер помощи [1] этому плану товарища Сталина — спасти от окончательного разложения советские войска на Северном Кавказе, — то успех был бы несомненный. Но случилось наоборот.

Приказ товарища Сталина № 118 был понят в Центре (штаб главкома) не как законное желание Северо-Кавказского военного округа (Царицынский фронт) установить деловую связь с красными войсками на Северном Кавказе для совместных действий, а как вмешательство Военсовета во главе с его председателем товарищем Сталиным в прерогативы главного командования.

Главком посылает следующий протест Иудушке Троцкому, который пересылает его Свердлову и Ленину.

„Москва, Председателю ЦИК, копия Предсовнаркома ЛЕНИНУ [2]

«Мною получена следующая телеграмма: «Боевой приказ Сталина номер сто восемнадцать надо приостановить исполнением. Командующему Южным фронтом Сытину мною даны все указания. Действия Сталина разрушают все мои планы. № 01253. Главком. Козлов, 5 октября 1918 г., 554».

Вместо живой, деловой помощи в разрешении совершенно назревшего вопроса получилась вреднейшая волокита, которая привела вскоре к тому, что ни главное командование, ни Царицынский фронт не установили нужной связи с войсками Сорокина; предоставленные самим себе, не имея повседневного организующего влияния и руководства от Центра, эти войска после мятежа Сорокина в октябре 1918 года против советской власти совершенно дезорганизовались; их пришлось снять со счетов. Они под концентрическими ударами белых несли огромные потери, разлагались и в ноябре фактически потеряли боеспособность. Прижатые после падения Ставрополя к песчаной, безводной степи остатки их в неимоверно тяжелых условиях отходили к Астрахани.

Таким образом, огромные силы красных войск Северного Кавказа в дни ожесточенных октябрьских боев под Царицыным оставались в районе Ставрополь — Невинномысская, вместо того чтобы совместно с красными войсками Цари-

[1] См. ниже доклады товарища Сталина от 27 сентября и 2 октября 1918 г.

[2] ЦАКА, д. № 122—118, л. 30.

цына бороться против контрреволюции. Только одна Стальная дивизия прорвалась к Царицыну и приняла активное участие в его обороне.

Обстановка в направлении Кривомузгинская — Бузиновка к 27 сентября стала еще более угрожающей; было уже ясно, что противник собирает в этом районе все больше сил для очень крупной операции. Показания пленных подтверждали эти предположения.

27 сентября товарищ Сталин посылает командующему войсками на Северном Кавказе следующий приказ, выполнение которого позволяло проверить, готов ли Сорокин действовать совместно с войсками Царицынского фронта или он остается на позициях сепаратистской политики по отношению к распоряжениям командования Царицынского фронта, позициях явно подозрительных.

Секретно

ПРИКАЗ[1]

№ 120

Военно-революционного Совета Южного фронта

27 сентября 1918 г. *г. Царицын н-В*

По части оперативной

В связи с переброской противником крупных сил на Царицынский фронт, чем создалось положение, угрожающее городу Царицыну, предписывается: командующему войсками Северного Кавказа Сорокину экстренно перебросить Стальную дивизию со всеми входящими в нее частями в гор. Царицын в распоряжение Военно-революционного Совета Южного фронта, для чего срочно заменить означенную дивизию другими частями.

Об исполнении донести.

Председатель Военно-революционного Совета Южного фронта СТАЛИН.

Командующий Южным фронтом ВОРОШИЛОВ.

Одновременно с этим товарищ Сталин посылает Военно-революционному совету Республики чрезвычайно важный оперативно-стратегический доклад (письмо Военно-революционного совета Южного фронта от 27 сентября 1918 г. за № 1479) следующего содержания (см. схему 18):

---

[1] ЦАКА, д. 5—136, л. 72.

Военно-революционному Совету Республики [1]

Положение с 20-го сентября на нашем фронте несколько изменилось не в нашу пользу.

Атаман Краснов перебросил на наш фронт 20 полков, главным образом конных, среди которых имеются части из добровольческой армии Алексеева. Во многих местах нашего фронта полки эти помяты, но в одном месте, на пространстве между станцией Ляпичево и хутором Ильменским (западнее станции Криво-Музгинской), неприятельским полкам удалось прорвать фронт, причем для ликвидации прорыва мы вынуждены перебросить полки с других участков, приостановив там наше наступление.

Правда, есть у нас резервы из мобилизованных, которые можно было бы бросить на заполнение прорыва, но они не одеты и не вооружены. Обещанных же в Москве винтовок и обмундирования до сих пор нет.

Дело можно было бы еще поправить нажимом с северных участков Южного фронта, но участки эти абсолютно вялы, командующий же Сытин, странным образом не интересующийся положением фронта в целом (если не считать Поворинский участок), видимо, не принимает или не в силах принять меры для оздоровления северных участков Южного фронта. Более того, на наш двукратный запрос о состоянии северных участков он до сих пор не ответил ни единым словом, не говоря уже о том, что своей оторванностью от южных участков фронта он, видимо, совершенно не тяготится. Между тем Краснов двигает все новые и новые полки.

Ввиду всего этого Военревсовет Южного фронта решил:

1) Заняв станцию Лог, на севере приостановить временно дальнейшее наступление.

2) Снять из-под Лога несколько полков, усилить ими части, стоящие западнее Царицына, под Криво-Музгинской, для ликвидации прорыва.

3) Подготовить наступление через Дон в сторону Лихой.

4) Открыть наступление по левому берегу Маныча Северо-Кавказских советских частей в сторону Батайск—Ростов.

5) Продвинуть степные войсковые группы в сторону Великокняжеской по правому берегу Маныча.

6) Организовать наступление со стороны Воронежа по направлению Кантемировка—Миллерово.

---

[1] ЦАКА, д. № 122—075, л. 2.

Все это необходимо сделать для того, чтобы перенести театр военных действий поближе к Ростову и, наконец, покончить с Красновым.

Для выполнения этого плана абсолютно необходимо выслать немедля в распоряжение Военревсовета Южного фронта:

1) 30 000 русских винтовок трехлинейных (из них 5 000 карабинов).

2) 20 000 000 патронов к ним.

3) 150 пулеметов «Максима», к ним 150 комплектов запасных частей и 1 000 лент.

4) 50 штук 3″ орудий.

5) 70 000 снарядов (гранаты и шрапнели) 3″ полевых.

6) 20 000 снарядов унитарных с гильзами 42 линейных и 20 000 48 линейных.

7) 12 000 снарядов 6″.

8) 15 000 снарядов 3″ горных.

9) Обмундирование не менее 100 000 комплектов.

10) Седел 5 000.

Без удовлетворения этих требований срочным порядком улучшение нашего положения на Юге, тем более ликвидация Донской Вандеи, немыслимы.

К сказанному нужно добавить, что в настоящее время в Царицынских складах:

1) *Нет снарядов* (осталось 150 — сто пятьдесят штук).

2) ***Нет ни одного пулемета.***

3) *Нет обмундирования* (осталось 500 комплектов).

4) *Нет патронов* (осталось всего миллион патронов).

Заявляем, что если в самом *срочном порядке* не удовлетворите требований (они минимальны с точки зрения общего количества войск Южного фронта), *мы вынуждены будем прекратить военные действия и отойти на левый берег Волги.*

Председатель Военревсовета Южн. фронта

СТАЛИН.

Член Военревсовета ВОРОШИЛОВ.

Сталинский приказ № 120 от 27 сентября о переброске Стальной дивизии Сорокин отказался выполнить.

В конце сентября 1918 года Сорокин уже полностью работал на врагов советской власти: желая стать военным диктатором на Северном Кавказе, он пустился в преступную авантюру. В октябре он расстрелял командарма

Таманской тов. Матвеева, а затем и членов ЦИК Северо-Кавказской ССР. Стальная дивизия вопреки всем препятствиям, чинимым ей со стороны Сорокина, самостоятельно выполнила приказ, во-время прибыла под Царицын и тем принесла пользу делу обороны, о чем подробно будет рассказано дальше.

Доклад товарища Сталина не встретил никакой поддержки; заговор молчания со стороны Троцкого и Сытина продолжался, а наряды на простые огнеприпасы, пулеметы, орудия и пр. маринovались попрежнему в канцеляриях военного ведомства, возглавлявшегося предателем Троцким.

Вместо крепкого нажима и энергичного очищения огромных, засоренных всяким саботажническим и контрреволюционным элементом, бюрократических учреждений центра, как-то: Всероссглавштаб, Центральное управление снабжений с его громоздкими управлениями (артиллерийским, военнохозяйственным, военноинженерным и др.), Управление военных сообщений (УПВОСО) и пр., — Троцкий вел подлейшую, преступнейшую линию по отношению к руководству обороной Царицына. О его подлых делах свидетельствует груда документов, подписанных самим же Троцким, который всей своей меньшевистской душой ненавидел твердое, подлинно большевистское руководство Военсовета обороной Царицына (Сталин и Ворошилов).

Троцкий не брезговал применять грязное оружие клеветы, он посылал кляузные телеграммы Ленину и Свердлову, всячески стремясь дискредитировать героическую работу Военного совета. Ленин и Свердлов были поглощены анализом *фактической* стороны обороны Царицына, зная, что против Царицына действуют отборные белоказачьи полки и дивизии, что для обороны Царицына нужна стойкая, хорошо организованная Красная Армия. Весь процесс борьбы в районах Царицынского фронта подтверждал, что только твердое большевистское руководство товарищей Сталина и Ворошилова спасло Царицынский фронт от гибели. Прекрасно понимая это, с восхищением следя за отважной борьбой Царицына, они стремились всячески помочь героям Царицынской обороны, давая строжайшие указания руководителям военного ведомства о скорейшей организации действительной поддержки Царицыну.

Наши архивы хранят десятки таких телеграмм:

а) «Арзамас, Реввоенсовет Республики: Данишевскому. Предлагаем принять самые срочные меры подаче помощи Царицыну. Об исполнении донести.

СВЕРДЛОВ, ЛЕНИН.

15/10 1918 г.» [1].

б) «Козлов — Сытину. Царицын — Ворошилову. Получаем отчаянные телеграммы Ворошилова о неполучении снарядов и патронов, вопреки его многократным требованиям и настояниям. Предлагаем немедленно проверить это, принять самые энергичные меры для удовлетворения и известить нас, что сделано, указать ответственных за исполнение лиц. № 1031 29/10.

Предсовнаркома ЛЕНИН
Пред. ЦИК СВЕРДЛОВ« [2].

Но очень многие из их директивных распоряжений безобразно тормозились выполнением в бюрократических канцеляриях тогдашнего военного ведомства.

Троцкий верил всем нашептываниям, наветам и лжи окружавших его военспецов, завербованных в известной своей части белогвардейским подпольным Национальным центром, и писал доклады Ленину, беззастенчиво и нагло искажая и подтасовывая факты, клевеща на героических защитников Царицына; он так же поступал и в отношении М. В. Фрунзе и Куйбышева на Восточном фронте, требуя смещения Фрунзе с должности командарма 4 и назначения любого военспеца, но только не Фрунзе; то же самое он писал о С. М. Кирове, настаивая на его смещении и переброске из Астрахани и на посылке вместо него Люденквиста, который вскоре оказался предателем.

Клеветнические измышления Троцкого начисто опровергаются массой сохранившихся документов того времени и голосами живых свидетелей и участников героической Царицынской эпопеи. Достаточно прочитать сотни просьб войсковых частей (полков и дивизий), входивших в состав Царицынского фронта, о пополнениях огнеприпасами, пулеметами, о замене испорченных орудий новыми, о полном отсутствии хотя бы минимальных запасов вещевого до-

---

[1] ЦАОР, д. 23, 153, ф. 130—1918 г.
[2] ЦАКА, ф. 10 армии, дело № 2110, л. 10—11.

вольствия (обмундирования) и т. д., чтобы разоблачить наглую ложь Троцкого о «колоссальном превосходстве», которого фактически не было. Ничем не прикрытая ложь и утверждение, что Царицын не посылает оперативных документов в Козлов Сытину. Сотни оперативных сводок и разведывательных донесений, хранящихся в архивах, опрокидывают и этот насквозь клеветнический выпад Троцкого. Буквально на каждой оперативной сводке указаны адреса тех, кому они передавались [1].

Штабы армий Царицынского фронта под управлением товарищей Сталина и Ворошилова были самыми организованными, и если сравнить сохранившиеся дела других армий за 1918 год (т. е. год начала организации Красной Армии) с делами 10-й Царицынской армии, которые велись с редкой для того времени систематичностью и порядком, то будет ясно, что вопрос заключался вовсе не в том, что сводки якобы не посылались по соответствующим адресам, а в том, что большевистское руководство Царицынской обороной было не по нутру матерому меньшевику Троцкому, пробравшемуся в нашу партию с предательскими целями и фактически не прерывавшему борьбы с ней всякими путями и способами.

В вышеприведенном докладе от 27 сентября 1918 года товарищ Сталин, сигнализируя главному командованию о перебросках из резерва свежих красновских сил на Царицынский фронт, предложил новый оперативно-стратегический план действий.

Товарищ Сталин выдвигал идею сокрушительного концентрического удара в сердце красновской контрреволюции — Новочеркасско-Ростовский район (см. схему 18). Основной стержень этого плана — целеустремленность и достижение единства в действиях. Фланговые удары должны были нанести: с *севера* — 8-я армия (со стороны Воронежа на Кантемировка — Миллерово), с *юга* — войска Северо-Кавказского фронта под командованием Сорокина, которые должны были наступать по левому берегу Маныча на Батайск — Ростов. Главный удар наносился войсками Царицынского фронта от Царицына через Дон в район Лихая — Новочеркасск. Этому основному удару должны были содействовать в виде вспомогательных групп по правому берегу Маныча на Великокняжеском направлении Сальская группа и группа Степного фронта.

---

[1] ЦАКА, д. № 207—396.

В своем докладе товарищ Сталин подчеркивает, что:

«Все это необходимо сделать для того, чтобы перенести театр военных действий поближе к Ростову и, наконец, покончить с Красновым».

Чтобы осуществить в жизнь этот Сталинский целеустремленный, смелый и решительный план операции для улучшения нашего положения на Юге и ликвидации Донской Вандеи, требовалась полная поддержка оружием и обмундированием со стороны главного командования. Было совершенно ясно, что с теми наличными запасами, которые имелись в распоряжении Военного совета Царицынского фронта, ни о каких активных операциях думать было нельзя. Это подчеркивал товарищ Сталин в своем докладе от 27 сентября 1918 года.

Мало того, без срочного пополнения Царицына огнеприпасами и оружием со стороны Центра вставал вопрос, в связи с новой активностью армии Краснова, о прекращении военных действий и «отходе на левый берег Волги» царицынских войск.

Сталинский план от 27 сентября требовал немедленного и ясного ответа Революционного военного совета Республики, ибо нужен был ряд организационных мероприятий в отношении советских войск на Северном Кавказе, армий Южного фронта (8-я и 9-я) и групп Степного фронта. Как мы уже писали, первым ответом на этот план был протест со стороны главного командования относительно приказа № 118 Военного совета (см. стр. 186). На остальные вопросы доклада товарища Сталина Реввоенсовет ответил полным молчанием. В результате обстановка для руководства вооруженной борьбой на Юге становилась все нетерпимей. Главное командование также никак не реагировало по существу доклада товарища Сталина от 27 сентября. Южный фронт во главе с Сытиным находился в состоянии какого-то оцепенения; Сытин изредка отдавал распоряжения своим 8-й и 9-й армиям — «крепко удерживать занимаемые позиции» и очень мало думал о том, как активнее помочь с севера красным войскам Царицынского фронта.

Угроза нового наступления Краснова с главным ударом Донской казачьей армии от Чира на Воронково — Тингута заставляла Военный совет больше внимание уделять Еланско-Поворинскому участку, где красные части армий Южного фронта продолжали, как и в августе — сентябре, или топтаться на месте, или уходить вглубь под ударами

противника. Полная беспомощность Сытина как командующего фронтом и его неумение организовать дело вооруженной борьбы с контрреволюцией, а также чрезвычайно спокойное реагирование на острый недостаток в армиях — 8-й, 9-й и Царицынской (переименованной в 10-ю армию) — оружия, огнеприпасов, вещевого довольствия, обмундирования и пр., вскоре заставили Военный совет на заседании 1 октября принять следующее решение:

«1) Ходатайствовать перед Всевревсоветом Республики об отстранении от должности командующего Южным фронтом Сытина.

Мотивы: а) полное отсутствие у Сытина интереса к положению на Южном фронте в целом,

б) полное отсутствие у Сытина какого-либо стратегического плана,

в) полное неумение Сытина наладить дело Поворинско-Елансного участка, оказавшегося в 60 верстах позади Царицынско-Камышинских групп, продвинувшихся уже к Арчеде и Себряково.

2) Ходатайствовать о назначении командующим Южным фронтом члена Всевревсовета товарища Ворошилова.

P. S. Сытин назначен на должность командующего Южным фронтом Реввоенсоветом Республики, рекомендация от имени Л. Троцкого как расторопного и знающего человека»[1].

На доклад от 27 сентября, в котором товарищи Сталин и Ворошилов требовали, в связи с тяжелым положением на фронте, немедленной высылки необходимого вооружения, ответа от Центра попрежнему не было. Всевревсовет Республики не откликнулся и на ходатайство Военсовета о снятии Сытина с должности командующего Южным фронтом.

Тогда товарищ Сталин послал в Центр следующую телеграмму[2]:

«Царицын, 2 октября 1918 года.

В Военно-Революционный Совет Республики,
копия Главкому,
копия Ленину,
копия Свердлову

Положение на Южном фронте становится неустойчивым ввиду:

---

[1] ЦАКА, д. № 51829, л. 457 (протокол заседания Всевревсовета от 1/X 1918 года).

[2] ЦАКА, д. № 51829, л. 458.

1) Недостатка снарядов, патронов.

2) Неимения обмундирования, винтовок.

3) Неприсылки обещанных Военным Советом Республики необходимых подводных лодок.

Казаки стягивают все новые силы против Царицына. У нас есть достаточно мобилизованных для того, чтобы отразив удары, перейти за Дон, но мобилизованных не во что одеть, нечем вооружить. У нас есть возможность быстро очистить линию Царицын — Поворино, но запас снарядов весьма и мы вынуждены стоять, причем не исключено, что нам придется на-днях отступить и на этом участке, если снарядов не будет.

У нас есть возможность использовать Северо-Кавказские войска, количество которых растет по дням ввиду большого притока иногородних, но все эти войска не одеты, не обуты, страдают отсутствием снарядов, патронов, пулеметных лент и пр.

Наконец, мы могли бы двинуть кое-какие части на Баку и на защиту Астрахани, напасть на которую казаки намерены с суши, а отступивший из Баку Бичерахов с моря. Но для этого необходимо хотя бы пару подводных лодок, присылать которую нам обещались, но получить которую удастся лишь после закрытия навигации. Причем Бичерахов не дремлет, спешно выгружает богатую артиллерию на Каспийском побережье, вооружает терских казаков, и, видимо, намерен их двинуть по двум направлениям — к Грозному и к Астрахани.

Все это делает положение Южного фронта угрожающим. Так как это наше предупреждение не первое, а Всеи. Рев. Совет Республики, не давая нам обещанных боевых припасов и подводных лодок, упорно отмалчивается, Всеи. Рев. Совет Южного фронта считает нужным спросить Вас:

1) Считаете ли вы нужным удержать за собою Юг.

2) Если да, можете ли снабжать войска Южного фронта всем необходимым.

3) Если не можете снабжать, не следует ли Вам своевременно отвести части в известном направлении во избежание развала фронта.

4) Если не считаете нужным удержать за собою Юг, скажите это прямо, ибо неопределенность положения может погубить войска Южного фронта, особенно Царицынско-Северо-Кавказские.

Имейте в виду, что положение под Царицыном становится все-более серьезным.

...Мы ждем точных и безоговорочных указаний по вышеназванным вопросам.

Материалы о состоянии южных войск и о требованиях Южного фронта Вам уже доставлены нашим курьером Головушкиным.

Председатель Военно-Революционного Совета Южного фронта СТАЛИН».

Эта телеграмма товарища Сталина как бы дополняет и развивает его доклад от 27 сентября. Троцкому на этот раз отмалчиваться было нельзя, и он ответил, но ответил не конкретной помощью, а истерическим окриком, угрозой в телеграмме, содержание которой нельзя признать иначе, как издевательским. Если бы Военный совет обороны Царицына «испугался» истерического окрика Троцкого и выполнил его приказ, Царицын был бы в первой же половине октября потерян для Советской Республики.

Вот этот приказ Троцкого от 3 октября 1918 года:

«Приказываю Сталину немедленно образовать Революционный Совет Южного фронта на основании невмешательства комиссаров в оперативные дела, штаб поместить в Козлове. Неисполнение в течение 24 часов этого предписания заставит меня предпринять суровые меры».

В тот момент, когда огромные силы белоказачьих банд ринулись в прорыв на участке Кривомузгинская — Бузиновка — Громославка на Воропоново — Тингута, преступно было требовать, как это делал Троцкий, чтобы военно-политические руководители — большевики перестали вмешиваться в руководство вооруженной борьбой с контрреволюцией, чтобы штаб руководства эвакуировался в Козлов, отстоящий в 550 *км* от Царицына.

Предательский приказ Троцкого, будь он проведен в жизнь, обезглавил бы оборону Царицына. Этот приказ работал на дело красновской контрреволюции, другой характеристики дать ему нельзя. Чаша терпения была переполнена; чтобы прекратить хотя бы на время кризисных боев под Царицыным издевательскую и саботажническую политику со стороны Троцкого и его окружения, товарищи Сталин и Ворошилов послали следующую телеграмму в Центр[1].

---

[1] ЦАКА, д. № 51—829, л. 55—57, а также ЦАОР, д. № 130, 1918 г.

„Москва, Ленину, Свердлову, ЦК партии коммунистов. Троцкому, Арзамас, Военно-Революционный Совет Республики: Главкому.

Получили от Троцкого 3 октября непонятный для нас телеграфный приказ. «Приказываю Сталину немедленно образовать Революционный Совет Южного фронта на основании невмешательства комиссаров в оперативные дела, штаб поместить в Козлове. Неисполнение в течение 24 часов этого предписания заставит меня предпринять суровые меры». Приказ этот непонятен, потому что Реввоенсовет Южного фронта образован еще 17 сентября Реввоенсоветом Республики и функционирует как таковой с 20 сентября. Читайте постановление Реввоенсовета Республики:

«Арзамас, 18 сентября, постановление Реввоенсовета Республики. 17 сентября сего года образован Реввоенсовет Южного фронта в составе: Наркома Сталина, командующего Южного фронта Сытина и его помощника Ворошилова. Означенному Реввоенсовету принадлежит вся полнота власти на Южном фронте, вновь назначенным членам Реввоенсовета Южного фронта Реввоенсовет Республики предлагает немедленно вступить во исполнение возложенных на них обязанностей. Подписал: Главком».

Кроме того, как известно из протокола заседания Реввоенсовета Республики от 17 сентября, последний постановил:

«1) Предоставить самому Реввоенсовету выбрать свое место пребывания, старое решение о Козлове считать отмененным...

3) Предоставить Реввоенсовету Южного фронта в недельный срок выставить кандидатуру на пост командующего Южного фронта на случай, если Сытин окажется неподходящим».

На основании вышеуказанного и принимая во внимание все обстоятельства фронта, Военсовет Южного фронта постановил:

1) Запросить Реввоенсовет Республики, известен ли ему вышеуказанный приказ Троцкого, аннулирующий приказ Реввоенсовета Республики от 17 сентября.

2) Заявить Реввоенсовету Республики, что телеграфный приказ Троцкого, угрожающий развалом всему фронту и гибелью всему революционному делу на юге, не может быть выполнен Военсоветом Южного фронта.

Члены Военсовета Южного фронта
СТАЛИН, ВОРОШИЛОВ".

Одновременно с посылкой этой телеграммы товарищи Сталин и Ворошилов пишут Ленину доклад о положении, создавшемся на Южном фронте.

„Председательствующему ЦК партии коммунистов ЛЕНИНУ

Из Царицына в 18 час. 30 мин. от 3/X 1918 г.

ТЕЛЕГРАММА

Мы получили телеграфный приказ Троцкого, копию которого и ответ на который Вы, должно быть, уже получили. Мы считаем, что приказ этот, писанный человеком, не имеющим никакого представления о Южном фронте, грозит отдать все дела фронта и революции на Юге в руки генерала Сытина, человека не только не нужного на фронте, но и не заслуживающего доверия и потому вредного. Губить фронт ради одного ненадежного генерала мы, конечно, не согласны. Троцкий может прикрываться фразой о дисциплине, но всякий поймет, что Троцкий не Военный Революционный Совет Республики, а приказ Троцкого не приказ Реввоенсовета Республики.

Приказы только в том случае имеют какой-либо смысл, если они опираются на учет сил и знакомство с делом. Отдать фронт в руки незаслуживающего доверия человека, как это делает Троцкий, значит попрать элементарное представление о пролетарской дисциплине и интересах революции, фронта. Ввиду этого мы, как члены партии, заявляем категорически, что выполнение приказов Троцкого считаем преступным, а угрозы Троцкого недостойными.

Необходимо обсудить в ЦК партии вопрос о поведении Троцкого, третирующего виднейших членов партии в угоду предателям из военных специалистов и в ущерб интересам фронта и революции. Поставить вопрос о недопустимости издания Троцким единоличных приказов, совершенно не считающихся с условиями места и времени и грозящих фронту развалом. Пересмотреть вопрос о военных специалистах из лагеря беспартийных контрреволюционеров.

Все эти вопросы мы предлагаем ЦК партии обсудить на первоочередном заседании, на которое в случае особенной надобности мы вышлем своего представителя.

Член ЦК партии СТАЛИН.
Член партии ВОРОШИЛОВ“.

Эта телеграмма товарищей Сталина и Ворошилова на имя В. И. Ленина совпала по времени с *началом* второго решительного наступления атамана Краснова на Царицын. Просимых у Центра огнеприпасов, оружия, снаряжения и обмундирования Царицын не получил.

Зато Военный совет Царицына продолжали засыпать такими телеграммами, которые или «поучали», или «разъясняли», или «требовали» и «негодовали», но только не такими, которые извещали бы, что «такого-то числа туда-то прибудут грузы с просимыми вами огнеприпасами, оружием и пр. Высылайте своих представителей для получения и немедленной отправки этих грузов в боевую линию фронта». Таких телеграмм от главного командования и от главных управлений по снабжению вновь окруженный белыми Царицын не получал.

Как мы видели, главное командование очень «болезненно» восприняло приказ товарища Сталина от 24 сентября № 118. Оно потребовало отмены этого приказа. Не менее враждебно главное командование встретило стратегический план товарища Сталина от 27 сентября. Тов. Сталин пишет, что Сытин «странным образом не интересуется положением фронта в целом (если не считать Поворинский участок)», мало того, на «двукратный запрос о состоянии северных участков он до сих пор не ответил ни единым словом». Далее тов. Сталин просил помочь Царицыну оружием, огнеприпасами, так как противник перебрасывал все новые и новые силы. На все это последовал следующий ответ главкома товарищу Сталину, в копии — Троцкому и Сытину:

> «Как видно из телеграммы, Сытин не участвовал в том заседании Реввоенсовета и, следовательно, решение о переброске войск принято без его ведома и согласия, причем главное внимание обращено на Царицынский участок в ущерб других. Переброска войск решена в тот момент, когда мною производится сосредоточение резервов для намеченной операции, о которой даны указания Сытину. Реввоенсовету Южного фронта неоднократно предлагалось выехать из Царицына в Козлов для работы с Сытиным по проведению операции, но до сего времени Реввоенсовет этого не исполнил, продолжает работать самостоятельно. Такое игнорирование распоряжений Реввоенсовета Республики и нежелание работать в контакте с командующим фронтом считаю недопустимым, тем более, что решение Реввоенсовета Южного фронта идет явно в ущерб намеченной операции. № 01208»[1].

[1] ЦАКА, д. № 207—438, л. 371—373.

Одновременно с этим, как уже известно, последовал предательский телеграфный приказ Троцкого о том, чтобы Сталин и члены Военного совета в 24 часа выехали в Козлов. На это товарищи Сталин и Ворошилов написали 3 октября доклад Ленину, приведенный нами на стр. 198.

Пока шла вся эта переписка, положение на фронте с каждым часом становилось все катастрофичнее.

К 4 октября товарищ Сталин послал еще одну телеграмму главкому и в Оперативный отдел Аралову с просьбой прислать снаряды и патроны. Эта телеграмма начала «гулять» из Москвы (оперод) в Арзамас (штаб главкома) и обратно.

Арзамас. Главкому[1]
Военно-оперативная

Прошу сообщить, подлежит ли исполнению следующая телеграмма: «Москва, Оперод. Аралову: Копия Арзамас, Главкому. Вышлите немедленно снарядов трехдюймовых — тридцать тысяч, патронов — трехлинейных — двадцать миллионов для фронта. У нас иссякли все запасы. Фронт накануне развала. Дайте срочно снаряды, патроны, винтовки, не губите фронта. Предреввоенсовет Южного фронта Сталин», Москва,

4.10.18 г. № 03589/172. Аралов.

Между тем противник уже изготовился ко второму генеральному наступлению на Царицын.

Время было потеряно, красные войска не успели получить в должном количестве боеприпасов, чем и воспользовался враг.

Герои Царицынского фронта принуждены были защищать Царицын своей грудью в исключительно тяжелых условиях. С гиканьем, криками, бранью двигались белоказачьи конные полки в направлении Царицын—Тингута.

Под ударами превосходных сил озверелого врага, обильно спаиваемого офицерством перед атакой, красные полки отходили все далее и далее на восток от р. Дон. Началось второе окружение Царицына.

[1] ЦАКА, д. № 3037, л. 12.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ВТОРОЕ ОКРУЖЕНИЕ ЦАРИЦЫНА

Глава XIV

Наступление белоказаков в октябре 1918 года и их разгром

(Схема 17)

Как и в период первого окружения, товарищи Сталин и Ворошилов непрерывно находились на самых тяжелых, опасных участках фронта, где бой принимал решительный характер. Давая полную инициативу частным начальникам, они советом, личным примером, а когда того требовала обстановка, — строжайшим приказом и железной рукой выправляли положение.

Соотношение сил на фронте Кривомузгинская — Громославка к 29 сентября оказалось далеко не в пользу красного оружия. Белоказаки продолжали свой стремительный натиск с необычайным упорством и невиданным зверством: попавших в плен они рубили в куски. Краснов бросил в прорыв самое лучшее, что у него было. Лава за лавой, цепь за цепью, мало обращая внимания на жестокие потери в личном составе, они двигались на восток, теснили красные части, которые, также неся большие потери, шаг за шагом отходили к Карповке. Согласно приказу тов. Ворошилова от 16 сентября за № 72 основные полки 1-й Коммунистической дивизии перегруппировались в направлении ст. Лог. Здесь бои были для нас очень успешными. 24 сентября в наших руках была станция Липки, а на Камышинском направлении фронт противника подался на всем протяжении далеко на запад. В конце сентября противник был оттеснен здесь и занимал позиции несколько западнее линии Красный — Ново-Ольховский—Липки—Вилтовский. Красные полки Камышинской дивизии, 1-й Коммунистической дивизии и группы тов. Колпакова, геройски сражаясь с противником, продолжали теснить его на север и северо-запад.

29 сентября, находясь на фронте частей 2-й Сводноказачьей дивизии, 1-й Морозовско-Донецкой дивизии и

левофланговых частей 1-й Коммунистической дивизии, в которую входил боевой отряд союза «Грузолес» под командой тов. Карпова, товарищ Ворошилов доносил:

„Царицын. Реввоенсовет Сталину[1]

Из Карпосской. Принята 29/IX 1918 года 15 ч. 45 мин.

Связи с Музгой еще нет. Карповка забита поездами. Музга занята нами. Антонов повел свои части на балку Грачеву и хутор Черкассов. Еще не установил истинной причины отступления и паники. Полагаю, что все от преступной небрежности командного состава. Сейчас выезжаю в Музгу и на фронт. Своевременно донесу о положении.

ВОРОШИЛОВ“.

„Царицын. Военсовет Сталину

Принята 29/IX — 1918 года

Грузолес двинулся вперед, далеко сегодня продвинуться не удастся, займем господствующие высоты, что перед хутором Ильевским и Черкассовым. У этих хуторов противник поставил два орудия, из которых бьет по нашим броневикам. Силы противника точно не установлены, но по всем признакам они не велики. Мост на Калач цел. С Морозовской дивизией связи еще не установлено. С Голубинской донесли, что наш фронт на прежних позициях, за исключением левого фланга у Калача, который вынужден был несколько отойти и загнуть на юго-восток. В общем положение восстанавливается, но все точно выяснится только завтра, задержите Щаденко до моего приезда, я скоро выеду.

ВОРОШИЛОВ“.

Это было как раз в тот момент, когда передовые полки ген. Мамонтова боролись за овладение Голубинская — ст. Кривомузгинская — ст. Ляпичев для дальнейшего стремительного наступления к Царицыну.

Приезд тов. Ворошилова на фронт в район Кривомузгинской имел решающее значение. Во-первых, был наведен строжайший порядок с эвакуацией ст. Карповки, во-вторых, боями под личным руководством тов. Ворошилова удалось на другой день, к вечеру 30 сентября, отбросить противника за реку Дон. Во время ожесточенного боя за Калач смертью героя погиб командир боевого отряда «Грузолес» тов. Карпов.

---

[1] ЦАКА, д. № 207—412, л. 456.

Но за передовыми частями белоказаков 1 октября стали переправляться через Дон новые крупные силы. Наши летчики, обстреливавшие район ст. Ляпичев, доносили, что большие силы белоказаков двигаются также в направлении Ерицко-Крепинский — Абганерово.

12 сотен белоказачьей конницы при поддержке пехотного казачьего полка были 1 октября брошены в направлении Кумовской — Варламов в обход с юга ст. Криво-музгинской. В это же время станция подверглась жестокому обстрелу из восьми 6-дюймовых орудий. Суммируя донесения с фронта за 30 сентября и 1 октября, оперативная сводка Военного совета от 2 октября тревожно сообщала:

> «На левом фланге противник крупными силами ведет наступление на станцию Абганерово, стараясь взять гор. Царицын с юго-запада, причем нами оставлена станция Гнилоаксайская. Наши войска, находящиеся на Южном фронте в районе Котельниково — Ремонтная, от нас отрезаны, связи с ними пока не имеем»[1].

Повторялась та же история, что и в период первого окружения Царицына в августе, с той лишь разницей, что тогда группа Шевкоплясова не пожелала отойти к северу в район Царицына, теперь же группа Ковалева была отрезана от Царицына стремительным, внезапным натиском белоказачьих полков, под командованием ген. Толкушкина, на Громыславка — Абганерово. Это положение заставило Военный совет принять следующее решение, которое зафиксировано в разговоре тов. Ворошилова с тов. Харченко[2].

Разговор по прямому проводу тов. Ворошилова с командующим южным участком тов. Харченко

2.X.1918 года

Я — Харченко.

ВОРОШИЛОВ: Запишите приказ Военного Совета.

ХАРЧЕНКО: Пишу.

ВОРОШИЛОВ: «Военный Совет приказывает, сегодня, 1-го октября, на рассвете двинуть достаточные силы Вашей дивизии на Бузиновку и занять ее, ... Бузиновка должна быть взята во что бы то ни стало и каких бы это усилий ни стоило. И, кроме того, как можно раньше. Примите меры к обеспечению за собой Ивановки, оставив для этого необходимое количество

[1] ЦАКА, д. № 207—396, л. 47.
[2] ЦАКА, д. № 215—387, л. 29.

бойцов и нужное количество артиллерии. Главное Ваше внимание должно быть обращено на Бузиновку, а для того, чтобы операция была совершена точно и своевременно, не доверяйте руководительствовать другим. Ведите части под своей собственной командой.

Члены Военного Совета: СТАЛИН, ВОРОШИЛОВ».

ХАРЧЕНКО: Хорошо.

ВОРОШИЛОВ: Вы поняли точно мой приказ?

ХАРЧЕНКО: Понял.

ВОРОШИЛОВ: Приведите в точности завтра в исполнение.

ХАРЧЕНКО: Принимаем меры.

ВОРОШИЛОВ: Не принимаем меры, а я Вас спрашиваю: выполните Вы сегодня приказ или нет?

ХАРЧЕНКО: Сейчас на участке названной дивизии ружейная и артиллерийская (стрельба).

ВОРОШИЛОВ: Отвечайте на вопрос не виляя, выполните Вы сегодня приказ или нет?

ХАРЧЕНКО: Да, выполним.

ВОРОШИЛОВ: Вы за выполнение приказа отвечаете головою?

ХАРЧЕНКО: Ответим. Всё?

ВОРОШИЛОВ: Всё.

(Приказ был выполнен. — *Ред.)*

Перед командованием Царицынского фронта вставал вопрос о переброске испытанных рабочих полков 1-й Коммунистической дивизии из района Лога обратно на Кривомузгинское направление. Сам же начальник Коммунистической дивизии во время боев в районе Кривой Музги проехал на левый фланг дивизии. Управление войсками и их снабжение было затруднено, так как штаб и органы снабжения дивизии находились на ст. Лог, а начальник дивизии управлял боем в районе Кривомузгинской. Кроме того, с фронта Кривомузгинская — Бузиновка — Громыславка — Жутово продолжали поступать тревожные сведения, что противник превосходными силами продолжает теснить красные части на восток и прижимает их все более и более к железной дороге Жутово — Сарепта, стремясь захватить последнюю. Товарищи Сталин и Ворошилов решают, во-первых, закрепить успехи на севере от Царицына и, отвлекая сюда внимание и силы белых, не допустить угрозы Царицыну со стороны Лог — Иловля. Для этого

4 октября Сталин и Ворошилов отдают приказ № 121 [1], согласно которому 1-й Камышинский, 1-й Иловлинский, 2-й Иловлинский, 6-й Камышинский и Камышинский кавалерийские полки были сведены в 1-ю Камышинскую дивизию. Этой дивизии было приказано:

«Завязав тесную связь левым флангом с тов. Котлаковым и правым флангом с Мироновым и закрепив части, стоящие на восток от линии жел. дороги Арчеда — Себряково, продвигаться левым флангом совместно с Доно-Ставропольской бригадой тов. Колпакова вдоль линии Арчеда-Себряково развернутым флангом, держа левый фланг не ближе 5 верст к западу от железной дороги, замыкая таким образом кадетские части, находящиеся на восток от железнодорожной».

На другой день пришли новые данные с юга, которые со всей ясностью говорили, что белые переносят центр тяжести удара к югу от железной дороги Царицын — Ляпичев.

ПРИКАЗ [2]

Военно-Революционного Совета Южного фронта

5 октября 1918 года *Гор. Царицын на/В*

По части оперативной

По полученным донесениям противником занята станция Абганерово, причем наступление кадетских банд велось с востока.

Для ликвидации наступления и для освещения всего района между линией Владикавказской железной дороги и озерами Сарпой, Цаца, Барманцак и Альматин Военно-Революционный Совет приказал:

1) Тов. Харченко немедленно послать два эскадрона кавалерии для обследования указанного района от кол. Сарепта на юг до линии Гнилоаксайская — озеро Альматин.

2) Выделить один батальон пехоты и взвод артиллерии из Морозовской дивизии и направить на ст. Абганерово для занятия и охраны таковой.

3) Назначить от Сарептского штаба формирования одну роту пехоты в прикрытие броневого поезда «Коммунист» [3].

4) Тов. Алябьеву выделить один броневой поезд и послать на линию Тингута — Абганерово — Гнилоаксайская.

Председатель Военно-Революционного Совета Южного фронта СТАЛИН.

Член Военсовета ВОРОШИЛОВ.

---

[1] ЦАКА, д. № 5—136, л. 71.
[2] ЦАКА, д. № 5—136, л. 78, а также см. схему 17.
[3] Бронепоездом командовал тов. Рудь.

И вот в тот момент, когда угроза второго окружения Царицына стала реальной, когда на требования Военного совета о присылке огнеприпасов Реввоенсовет Республики попрежнему молчал, когда на оперативные донесения Царицына штаб Южного фронта фактически никак не реагировал, создалось нетерпимое положение еще и с вопросом о взаимоотношениях с Центром в отношении управления и командования.

Со стороны Реввоенсовета Республики и главного командования продолжали поступать распоряжения, которые еще больше осложняли работу Военного совета обороны Царицына.

6 октября Сталин выехал в Москву для личного доклада Ленину.

В Царицын продолжали сыпаться телеграммы Троцкого о том, что «командующему Южным фронтом принадлежит полная самостоятельность во всех вопросах стратегическо-оперативного характера. Соответствующие приказы командующего скрепляются подписью одного из членов РВС Южфронта», что «штаб Южфронта с 5 октября располагается в т. Козлове»[1].

Затем последовало распоряжение о том, что весь Южный фронт подразделяется на пять районов[2], каждый район составляет армию (8-ю, 9-ю, 10-ю, 11-ю, 12-ю), причем вооруженные силы, находящиеся на Камышинском и Царицынском направлениях, образуют 10-ю армию. Командующим 10-й армией назначается тов. Ворошилов.

Последнее распоряжение о назначении тов. Ворошилова командармом 10 заставило тов. Ворошилова написать следующую телеграмму в Центр:

„Арзамас, Реввоенсовет Республики, Москва, Кремль, ЦИК, Сталину, Козлов, Сытину, Предреввоенсовет Только Арзамас[3].

Реввоенсоветом Республики 17 сентября я назначен членом Реввоенсовета Южного фронта и помощником Командующего Южным фронтом. До сих пор отмены моего назначения я от Реввоенсовета Республики не получал. В то же время в теле-

[1] ЦАКА, д. № 207—488, л. 424—426.

[2] 11-й армии назначены были границы: р. Кума, Св. Крест, Георгиевск; в 12-ю армию, помимо частей Северного Кавказа, включалась и Астраханская группа; восточной границей 12-й армии назначался гор. Калмыков на р. Урале.

[3] ЦАКА, д. № 46—557, л. 116.

граммах за подписью Предреввоенсовета Республики Троцкого, полученных в последние дни, указывается о создании Военревсовета Южного фронта в новом составе и в которых называюсь командующим десятой армией.

Для себя считаю законными постановления лишь Военревсовета Республики, прошу разъяснений, отстранен ли я с товарищем Сталиным от должности членов Военревсовета Южного фронта. До получения указания от Военревсовета Республики не считаю себя вправе приводить в исполнение единоличных приказов Троцкого, считаю долгом заявить, что бесконечная путаница приказов, отменяющих одни другой, в последние дни пагубно отражается на положении фронта, что уже дает плачевные результаты. Если в срочном порядке не будут устранены подобные явления и не получится снаряжение, я за последствия ответственность с себя снимаю. № 789.

ВОРОШИЛОВ“.

Вскоре последовало указание, что командармом 10 является тов. Ворошилов, которому предоставляется право выбрать место расположения штаба армии.

Таким образом, телеграмма Троцкого от 3 октября с угрозами Военному совету обороны Царицына с треском провалилась, как позорно провалилось его стремление перенести штаб обороны из Царицына в Козлов. В Царицыне оставался и по директивам товарища Сталина продолжал руководить обороной тов. Ворошилов, ближайший соратник и ученик Сталина, самый популярный боевой военный начальник в глазах защитников — бойцов Царицынского фронта и рабочих фабрик и заводов Царицына. Для 10-й армии устанавливались разграничительные линии, которые проходили от Медведицы до Маныча, от Елани до Великокняжеской, иными словами, линия боевого фронта доходила до 520 км[1].

Казалось бы, что Реввоенсовет Республики обязан был проявить внимательное и чуткое отношение к армии, имеющей такой огромный по протяжению фронт и весьма активного противника. На деле Троцкий продолжал свою

---

[1] В приказе по войскам 10-й армии № 3 от 17 октября 1918 года тов. Ворошилов писал, что на основании приказа Военревсовета Республики от 3 октября, № 16, § 4, он вступил в командование 10-й армией, что «в состав армии входят все войска, оперирующие в районе, ограниченном на севере р. Медведицей, на юге — р. Маныч со станцией Великокняжеской включительно. Местом штаба вверенной мне армии назначаю гор. Царицын...».

предательскую линию поведения по отношению к Царицыну. Он организует посылку в члены РВС 10-й армии своего ставленника, патентованного дезорганизатора, троцкиста Окулова с основной задачей — скомпрометировать всеми мерами перед органами Центра командование 10-й армии. Но товарищ Ворошилов, оставаясь в Царицыне, попрежнему держал тесную связь с Кремлем и товарищем Сталиным, постоянно информируя его всеми способами (телеграфом, нарочным и т. д.) о положении 10-й армии.

Товарищ Сталин немедленно отвечал на запросы товарища Ворошилова своими советами и указаниями.

6 октября, проездом через Камышин в Москву, товарищ Сталин посылает тов. Ворошилову телеграмму, в которой с поразительным предвидением предлагает самым тщательным образом организовать оборону левого фланга Царицынского фронта. Вот содержание этой телеграммы:

> «После некоторого размышления на досуге, для меня стало очевидным, что казаки намерены во что бы то ни стало соединиться с астраханскими казаками, прервать Волгу, если даже Царицын не будет взят, то отрезать совершенно Северо-Кавказскую армию от центра снабжения, взять Астрахань, закрепить за собой Сев. Каспий и Сев. Кавказ, поэтому наша основная очередная задача во что бы то ни стало закрепить за собой линию Сарепта — Бармацак — Садовая — Обильное — Киселево[1], без выполнения этой задачи положение будет угрожающее. Через час выезжаю Москву.
>
> *СТАЛИН*"

Так оно и случилось. Главный удар Краснов и Денисов организовали и направляли на фронт Тингута — Абганерово, стремясь обойти Царицын с юга, занять линию озер, о которых говорится в телеграмме товарища Сталина, выйти к Волге, форсировать ее, а в дальнейшем спуститься к Астрахани. Своевременные указания тов. Ворошилова крепко оборонять этот участок и приход на левый фланг Стальной дивизии в кризисные дни середины октября имели выдающееся значение для защиты Царицына.

К 9 октября командованию 10-й Царицынской армии стало совершенно ясным, что главные силы белых наступают на Царицын южнее железной дороги Ляпичев — Карповка — Басаргино — Воропоново. Было также ясно,

[1] См. схему 17.

что вражеские войска значительные, свежие, хорошо одеты и прекрасно вооружены.

По словам пленных, в Новочеркасске царит полная уверенность в том, что новое наступление передаст в ближайшие дни в руки «Всевеликого войска Донского» не только Царицын, но и Камышин и Астрахань. Они же подтверждали, что атаман Краснов и командующий Донской армией ничего не жалеют для того, чтобы поддержать боевое настроение донцов обильным питанием, подарками и наградами, а также обещаниями передать Царицын, в случае его захвата, в руки донцов на три дня. Настроение наступавших белых полков повышалось и градусами водки, на которую начальство не скупилось. К пленным красноармейцам белоказаки относились по-прежнему зверски, бесчеловечно: они пытали их, мучили и затем или закапывали живыми в землю, или загоняли в сараи; поджигали их, или же рубили на куски. Так, в районе Кривомузгинская — Варламов, — как сообщали тов. Ворошилову в донесении, — были найдены тела убитых красноармейцев и командиров, настолько изуродованные, что даже у видавших виды бойцов содрогнулись сердца от беспримерной дикости и жестокости врага.

Все это хорошо знали герои-защитники Царицына, и в плен, как правило, не сдавались; попавшие в окружение боролись до предпоследнего патрона, расходуя последний патрон на себя, с одной мыслью не сдаться живыми врагу. Как видим, по своему ожесточению борьба на Царицынском фронте в 1918 году превосходила все происходившее на каком-либо другом участке гражданской войны в СССР.

Войска 4-й оперативной группы белых имели к 10 октября большой успех. Белые захватили весь железнодорожный участок Жутово — Тундутово (Червленное). Наши войска, находившиеся к югу от Жутова в районе Котельниково — Ремонтная, были окружены и отрезаны белоказаками. На них со стороны Великокняжеской на Ремонтную двигалась группа ген. Попова, а со стороны от Жутова на юг давили белые полки, занявшие район Жутова. Тов. Ворошилов находился в эти дни непрерывно на фронте. Переезжая из одной дивизии в другую, он вносил необходимые коррективы в работу командования дивизии, воодушевлял бойцов, вселяя в них глубокую веру в то, что и при наличных, хотя и небольших по

сравнению с противником, силах и средствах царицынцы не отдадут родного города в руки врага. «Об отступлении за Волгу не может быть и речи», «погибнем все, но Царицын не сдадим», — эту мысль неустанно внушал товарищ Ворошилов всем бойцам и командирам. Его непоколебимое мужество и уверенность в победе передавались защитникам Царицына, отвечавшим своему командарму беспредельной преданностью и любовью.

Подчас в самом Царицыне под влиянием различных классово враждебных паннческих слухов нарастало настолько сильное беспокойство, что об эвакуации Царицына уже говорилось как о проблеме не дней, а часов. В эти моменты острой тревоги работники учреждений и заведений как 10-й армии, так и местных организаций получали с боевой линии от тов. Ворошилова успокаивавшие и приободрявшие телеграммы, вроде следующей:

„Царицын, Военсовет[1]

Принята 10/X 1918 г. 11 ч. 40 м.

Объехал Морозовскую дивизию. Приняты все меры для восстановления положения. Тундутово займу сегодня. Еду в Чапурники, куда в случае надобности телеграфируйте. Положение не так плохо, как это многим трусам и дуракам кажется. К вечеру или ночью буду в Совете.

ВОРОШИЛОВ“.

К 11 октября[2] линия фронта к западу от Царицына приняла причудливую форму. Бузиновка и Карповка были в наших руках. К северу от железной дороги мы удерживали еще линию Песковатский — Карповка. Белоказачья часть в 3 000 сабель, овладев 8 октября Степаниковым, продолжала двигаться к верховьям реки Червленное, от Бузиновки над нею нависли наши войска. В районе Ивановки шли ожесточенные бои с переменным успехом, но ударом от Тингуты белые на рассвете 10 октября овладели Тундутовым (Червленное). Другая группа с линии Тингута — Абганерово быстрым маршем двинулась в направлении оз. Цаца — оз. Барманцак (именно это предвидел еще за несколько дней товарищ Сталин в своей телеграфной записке из Камышина от 6 октября) с целью овладеть линией реки Волги южнее Цари-

[1] ЦАКА, д. № 207—802, л. 248.

[2] В этот день товарищ Сталин вернулся в Царицын из Москвы.

цына. К вечеру 10 октября более 1 000 белых овладели районом Светлый Яр, прервав сообщение по Волге южнее Сарепты и поставив под прямую угрозу район Астрахани.

11 октября товарищи Сталин и Ворошилов, анализируя создавшуюся обстановку, приходят к общему выводу, что в центре на Воропоновском направлении положение можно считать пока удовлетворительным, учитывая частный успех в районе Бузиновка — Карповка. Положение на юге в районе Сарепты тревожное. Напрашивалось основное решение, а именно: нужно было как можно дольше удержаться в центре и на северном участке Царицынского фронта. Красные боевые участки получили приказание удерживать Басаргино — Воропоново, а также район ст. Иловля, линию р. Иловля. Вечером 11 октября тов. Ворошилов посылает начальнику Иловлинского участка Колпакову оперативную ориентировку, подчеркивая крайнюю трудность обстановки к югу от Царицына и отсюда полную необходимость не сдавать позиции на севере и в центре Царицына.

Тов. Ворошилов писал:

„Иловлинская, Начальнику участка Колпакову[1].

11 октября 1918 года. Царицын.

Карта 10 верст в дюйме.

Вечерняя оперативная сводка

С Камышинского участка новых сведений не поступало; на Центральном участке Царицынского фронта наши войска, наступая от Карповки, взяли Бузиновку, на Южном участке сегодня утром наши бронепоезда, двинутые в сторону Червленной, вступили в бой с неприятельской кавалерией, поддержанной артиллерией, и заставили противника скрыться в балке; после полудня противник, сгруппировав превосходные силы, вновь начал наступление. Первая атака противника была отбита нашими войсками, но когда к противнику подоспело подкрепление пехоты до 1 000 человек при 2 орудиях, после упорного боя наши войска отступили к 16 часам сперва к ж.-д. разъезду Чапурники, что севернее Червленной, а затем на высоте юго-запада, северо-запада от Сарепты. Противник силою более бригады кавалерии стремится прорваться к Сарепте, между Ивановкой и железной дорогой, и делает попытки обойти наш левый фланг. Селение Цаца и окружаю-

[1] ЦАКА, д. № 256—730, л. 130.

щий район занят 10 октября вечером противником, силою более 1 000 человек пехоты и кавалерии при 2 орудиях, из которых большая часть направилась на помощь своим в сторону Чапурники, Светлый Яр на Волге.

Командующий ВОРОШИЛОВ".

Все попытки со стороны штаба 10-й армии узнать, что происходило в это время в районе Ремонтная — Котельниково, оказались безуспешными. Каково положение там красных частей Ковалева и Штейгера, что последние думают предпринять с потерей связи с Царицыным? Пойдут ли они на север или, как в период августовского окружения, останутся в занимаемых районах и будут отбиваться от наседающего со всех сторон противника? Изжиты ли местнические настроения?

Около 11 000 бойцов пехоты и кавалерии Ковалева — Штейгера остались на юге в 170 *км* от Царицына; Ковалев и Штейгер решили пробиваться на север к Царицыну.

1-я отдельная бригада под командованием Круглякова. наученная уже горьким опытом августа 1918 года, теперь, при первой же угрозе станции Тингуте, быстро отошла на север в район Чапурники — Сарепта и сохранила благодаря этому 2 500 испытанных, закаленных бойцов для обороны Царицына.

В жестоких боях в районе Бекетовка — Ивановка — Сарепта доблестная бригада тов. Круглякова кровью отстаивала родную советскую землю от хищного врага, продавшегося германскому империализму.

Опять наступили тяжелые дни для Царицына. Товарищ Сталин спешит в район боевых операций. 11 октября он возвращается из Москвы. Убедившись на месте, что все обещания командования Южного фронта (Сытин, Мехоношин) о помощи Царицыну, главным образом, снарядами, патронами и оружием опять остались лишь обещаниями, пустыми словами, товарищ Сталин вызывает к прямому проводу товарища Свердлова и говорит: «Только что приехал в Царицын, свидетельствую, что до сих пор не получено ни одного снаряда, ни одного патрона, фронт переживает ужасное положение. Мне сдается, что прекращение снабжения не случайность, что чья-то умелая рука старается доконать Царицын, кому это выгодно, понять не трудно. Заявляю, что оставить этот

вопрос без немедленного разрешения немыслимо, преступно»[1].

Товарищ Свердлов отвечает, что срочно примет все меры, чтобы помочь Царицыну.

Учитывая, что боевая обстановка с каждым часом становится все тяжелей, командование Царицынского фронта (Сталин, Ворошилов) немедленно принимает ряд энергичнейших мер, с тем чтобы посредством новых и новых мобилизаций рабочих Царицынского района, его скудными внутренними ресурсами в отношении оружия и огнеприпасов восполнить потребности боевого фронта. Заводы и фабрики работали на оборону день и ночь. Красные бойцы расходовали каждый снаряд и патрон с особой бережливостью.

13 октября 8 кавалерийских и 4 пехотных полка белых заняли район Бол. Чапурники, создалась непосредственная угроза Сарепте, которую бешено атаковывали белоказаки. С этого момента бои к югу от Царицына не прерывались; хутора, бугорки, лощины, овраги по нескольку раз переходили из рук в руки. В эти критические часы мечта — владеть железнодорожной линией Царицын — Сарепта — не давала покоя белому стану. Белоказаки прижали красные войска к району Бекетовка — Отрадное — Сарепта и беспрерывными атаками днем и ночью стремились овладеть этими пунктами. Никогда еще за всю историю обороны Царицына не накалялись так сильно орудийные стволы красных бронепоездов, которые своим огнем помогали красной пехоте отбиваться от наседавшего со всех сторон врага. В основном настроение у бойцов в столь тяжелой обстановке было крепкое и бодрое, уверенность, что Царицын найдет еще в себе силы для контрудара, не покидала сердца красных героев. Стальная стена сопротивления, о которую разбивались все новые и новые атаки врагов, становилась с каждым новым боевым испытанием все более несокрушимой. В подход новых свежих сил с севера (со стороны 9-й Красной армии) и с юга (Северный Кавказ) мало уже кто верил: надеяться приходилось только на собственные силы.

К моменту генерального сражения на подступах и предместьях Царицына расположение сторон было следующее:

---

[1] ЦАОР, ф. 130, оп. 15, л. 20, 1918 г. — разговор по прямому проводу от 11 октября 1918 г.

К 11 октября белые занимали положение, показанное на схеме 17 [1].

1-я оперативная группа (Камышинское направление).

Корниловский отряд (600 штыков), 9-й, 10-й, 11-й, 12-й Донские казачьи полки и 7-й Саратовский пехотный полк, 13-й, 14-й, 5-й, 35-й конные казачьи Донские полки. Эти силы составляли 2 конных и 2 пехотных дивизии общей численностью 7 тысяч штыков и сабель при 50 пулеметах и 11 орудиях.

2-я оперативная группа (направление Качалино — Дубовка — Царицын).

1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 6-й, 15-й, 16-й, 17-й конные казачьи Донские полки, 13-й, 14-й, 41-й, 42-й, 68-й, 78-й, 79-й, 97-й, 98-й, 99-й, 51-й пехотные казачьи Донские полки. Эти силы составляли 2 конных и 3 пехотных дивизии общей численностью 13 тысяч штыков и сабель при 72 пулеметах, 36 орудиях и 2 бронепоездах.

3-я оперативная группа (направление Воронцово — Царицын).

62-й, 64-й, 67-й, 44-й, 43-й, 46-й, 50-й конно-казачьи Донские полки, Каменский, 45-й пехотные казачьи Донские полки. Эти силы составляли 2 конных и 1 пехотную дивизию общей численностью 5 тысяч штыков и сабель при 56 пулеметах, 35 легких и 15 тяжелых орудиях и 3 бронепоездах.

4-я оперативная группа (направление Сарепта — Царицын).

46-й, 47-й, 77-й, 76-й, 61-й пехотные казачьи Донские полки, четыре Астраханских полка, 76-й, 77-й, 61-й, 79-й, 66-й, 63-й, 41-й, 45-й, 47-й, 48-й, 49-й, 51-й, 68-й, 78-й, 71-й, 82-й, 88-й конные казачьи Донские полки и два конных отдельных полка, до тысячи сабель. Эти силы составляли 6 конных и 2 пехотных дивизии общей численностью 20 тысяч штыков и сабель, 100 пулеметов, 33 легких и 10 тяжелых орудий, 3 бронепоезда.

Кроме этих сил, имелось 20 тысяч штыков и сабель так называемой молодой армии, частями которой в процессе наступления усиливались наиболее трудные направления.

[1] Составлено по ряду разведывательных сводок. — *Вл. М.*

Для этих 12 конных и 8 пехотных дивизий численностью 45 тысяч штыков и сабель (+ 20 тысяч молодой армии) при 288 пулеметах, 150 орудиях, 8 бронепоездах была поставлена задача во что бы то ни стало к 15 октября овладеть Царицыным и плепить всю 10-ю Красную армию.

14 октября вечером бои на подступах к Царицыну приняли самый ожесточенный характер по всему фронту. Со всех боевых участков продолжали поступать в Царицын категорические требования о присылке пополнений и огнеприпасов; на бешеные атаки и ураганный огонь белоказаков красные бойцы были принуждены, как правило, отвечать штыковыми контрударами. Тов. Ворошилов снова обратился в Центр и к главному командованию со следующими телеграммами:

«Арзамас, Военревсовет Республики, Козлов, Военревсовет Южного фронта, Главкому, Москва, ЦИК, Свердлову [1].

14 октября. Ввиду задержки центром необходимого вооружения, снаряжения и обмундирования, положение фронта резко ухудшилось. Оставлены станции Кривая Музга, Карповка, Лог, противник переправился через Волгу у Светлого Яра, распространяясь по левому берегу против Царицына. Поторопите высылку подкреплений, пока не поздно.

Командарм 10 ВОРОШИЛОВ".

«Арзамас, Военревсовет Республики, Москва, Кремль, Центральный Исполнительный Комитет Свердлову, Козлов, Военревсовет Южного фронта [2].

14 октября противник крупными силами наступает против Центрального и Северного участков Царицынского фронта. Наши части отступают. Противник отрезал Волгу на юге, пытается отрезать на севере и взять Царицын. Положение критическое, снарядов нет. Необходима немедленная помощь по Волге военными судами, живой силой, снарядами, патронами, после исправить положение будет уже трудно. Армия сражается героически, но всему есть предел.

ВОРОШИЛОВ".

---

[1] ЦАКА, д. № 30—065, л. 38.
[2] ЦАКА, д. № 118—758, л. 211.

Боевой и численный состав войск 10-й армии по состоянию к 15 октября 1918 года

	Штыков	Пулеметов	Орудий	Сабель	Пулеметов
1) *Камышинская дивизия* (Красный Попков—Ольховка—Александровка)	4 700	81	9	225	5
2) *Доно-Ставропольская дивизия* (Пятидесятный — Тарасовский—Иловленская) . . .	2 632	41	4	555	9
3) *Качалинская дивизия* (Байбаев — Качалинская — Верх. Паншенский—Вертячий искл.)	4 012	50	8	801	3
4) *1-я Коммунистическая дивизия* (Иловля—Воропоново)	3 615	90	64	204	3
5) *2-я Сводная казачья дивизия* (Песковатка—Воропоново)	3 094	63	16	250	1
6) *1-я Северо-кубанская сводная дивизия* (Воропоново) .	3 016	50	6	—	—
7) *1-я Морозовско-Донецкая дивизия* (Бекетовка — Сарепта)	5 770	40	7	798	8
8) *1-я Отдельная стрелковая бригада* (Сарепта — Чапурники)	2 144	25	5	370	—
9) *Котельниковская дивизия* (Чилеково — Котельниково—Семичная)	2 173	30	11	1 029	28
10) *1-я Донская советская стрелковая дивизия* (Ремонтная — Гурин—Шалин — Крылов)	5 492	71	24	2 056	31
11) *Стальная дивизия* (Бол. Чапурники — Дубовый овраг к 15 октября)	8 000	200	18	3 000	—
12) *Группа войск Степного фронта* (Заветное — Граббская — Приютная)	4 616	33	7	271	—
13) *Царицынский гарнизон* . .	4 926	46	16	711	25
Всего в 10-й армии .	51 190	820	195	10 273	113
14) *Броневые колонны Лялькева и Рудя.*	—	—	—	—	—

Броневые поезда: а) „Гром", б) „Черноморец", в) „2-й Сибирский", г) „Большевик", д) „Молния" (бронелетучка). е) „Коммунист", ж) „2-й Таганрогский", з) „Углекоп", и) „3-й Интернационал".

Все эти 9 бронепоездов непрерывно работали на железнодорожной линии Арчеда — Царицын — Кривомузгинская — Гнилоаксайская. Они имели 97 пулеметов и 28 орудий разных калибров[1]. Два бронепоезда заканчивались ремонтом.

[1] ЦАКА, д. № 118 — 782, л. 315.

В ответ на эту тревожную телеграмму тов. Ворошилова главное командование отдало 15 и 17 октября ряд директивных распоряжений о том, чтобы командующий Южным фронтом Сытин перешел своей 9-й армией «в наступление до полного напряжения с таким расчетом, чтобы оно самым существенным образом отражалось на действиях казачьих отрядов против Царицына» (телеграмма главкома № 01624 от 15 октября [1]).

Затем красному командованию в Астрахани было приказано погрузить «на суда самый надежный полк и экстренно двинуть его вверх по Волге к Царицыну для защиты его от захвата казаками» (телеграмма главкома № 01606 от 17 октября [2]). Далее Московскому военному округу было приказано сформировать и направить «один полк пехоты, батарею артиллерии на Саратов для дальнейшего следования на пароходах в Царицын для его защиты» (телеграмма главкома № 016 от 17 октября [3]). 20 октября командующий Южным фронтом Сытин писал товарищу Ворошилову: «Вольская дивизия по всей вероятности уже прошла Дубовку. Направленный к вам в Царицын из Саратова Рогожско-Симоновский полк также, думаю, уже плывет по Волге и где находится сейчас, не знаю» [4].

Как видим, в Царицын, в штаб 10-й армии шел целый поток телеграмм о том, что подкрепления идут со всех сторон, что и по железным дорогам и по воде спешат красные воины спасать Царицын. Когда же мы проследили, что же фактически пришло на помощь Царицынскому фронту в кризисные дни второго окружения, то оказалось, что только Рогожско-Симоновский полк действительно во-время прибыл, принял боевой участок и героически дрался с белоказаками. Обещанная же Вольская дивизия принесла командованию 10-й армии вместо пользы массу хлопот. Уже 21 октября тов. Ворошилов писал в Козлов Сытину: «Из состава Вольской дивизии прибыл только Московско-Саратовский полк в составе около пятьсот штыков и штаб артиллерийской бригады без орудий. Остальная часть Вольской дивизии, по сведениям, полученным по телеграфу, дорогой разошлась по

[1] ЦАКА, д. № 122—075, л. 131.
[2] ЦАКА, д. № 207—488, л. 368.
[3] ЦАКА, д. № 207—488, л. 374.
[4] ЦАКА, д. № 5—136, л. 6.

домам. Остальные полки и бронированный отряд не прибыли» [1].

В дальнейшем части Вольской дивизии восстали, и царицынцам пришлось их разоружать. Таким образом, если бы товарищи Сталин и Ворошилов надеялись и ждали подкреплений, обещанных главным и фронтовым командованием, а не организовали бы самостоятельную оборону наличными силами и средствами, то Царицын в период 15—22 октября неминуемо оказался бы в руках Краснова.

Одновременно с обращением в Центр о помощи Царицыну товарищ Ворошилов приказал собрать все имеющиеся запасы огнеприпасов, передать их войскам, так как было ясно, что для Царицына наступили самые тяжелые часы. Воля бойцов и командиров Царицынского фронта была напряжена до предела.

В эти дни и часы, как и всегда в такие тяжелые периоды борьбы, товарищ Ворошилов с риском для жизни воодушевлял войска в самых опасных местах боев личным примером. Находясь в боевой линии, товарищ Ворошилов писал в штаб Военного Совета:

„Царицын, Сталину [2]

Из Воропоново, принята 14/X 1918 г. 12 ч. 2 мин.

Противник рано утром повел сильное наступление на разъезд Басаргино, но нашей пехотой и бронепоездами был сбит. Нами были заняты господствующие высоты, командный состав не распорядился задержаться на высотах и начал преследовать отступающего врага. Противник, оправившись, пошел в контратаку, сбил нашу цепь и все побежало. Я и Кулик с ног сбились, пытаясь остановить отходящих, но задержать не удалось. Цепи дошли до железнодорожного пути. Броневые поезда работают самоотверженно и исключительно стойко, если положение восстановится, то исключительно благодаря бронепоездам. Я напрягаю все силы и принимаю меры спасти положение. **Еду опять на фронт, в цепь.**

ВОРОШИЛОВ“.

Именно в эти кризисные часы и минуты, когда в районах на подступах к Царицыну все кипело и гудело, когда белый враг почти оседлал, как и в августе, желез-

[1] ЦАКА, д. № 30—065/с, л. 20.
[2] ЦАКА, д. 207—396, л. 487.

подорожное кольцо Царицын — Гумрак — Воропоново — Царицын — Сарепта, товарищи Сталин и Ворошилов отдают два знаменитых боевых распоряжения.

Они приказывают угнать далеко на север все переправочные средства (лодки, баржи и пр.), находившиеся в районе Царицына, с тем чтобы для всех было ясно, что об оставлении Царицына не может быть и речи, что в тылу — широкая без переправ Волга, а впереди — озверелый, жаждущий победы враг, которого надо разгромить во что бы то ни стало, и отстоять для Пролетарской революции великий героический город. И, обращаясь к боевой линии, товарищ Ворошилов в эти грозные, критические для Царицынского фронта часы пишет знаменитый приказ[1].

„Бекетовка, Начучастка Харченко, Начдив Мухоперцову. Начбриг Лобачеву и Кругликову. Доставить срочно по нахождению на позицию.

Приказываю с занимаемых позиций не отступать ни шагу назад, впредь до распоряжения. Неисполнившие настоящего приказания будут расстреляны.

Командующий ВОРОШИЛОВ“.

В эти часы командование белоказачьей армии распорядилось выдать бойцам все имевшиеся в ближайших тылах запасы водки. Сюда же атаманом Красновым были командированы во главе с архиереем попы и дьячки из Ростова, Новочеркасска и ряда крупных донских станиц для подъема духа в частях молебнами о даровании скорейшей победы белому оружию. Попы усердно махали крестами и кадилами, обильно кропили «святой водой» белых бойцов. С молебственным напутствием, в пьяном чаду остервенелые белоказачьи банды цепь за цепью, лава за лавой набегали, как разъяренные волны, на царицынский гранитный утес. Разбиваясь об его неприступные скалы, захлебываясь в своей крови, они возвращались в исходное положение для нового перестроения и для новых и новых атак. Так продолжалось во все дни с 14 **по 19 октября.**

Уже к вечеру 14 октября товарищам Сталину и Ворошилову было ясно, что наступательный порыв белых достиг

[1] ЦАКА, д. № 207—802, л. 254.

кульминационного пункта. Наступил момент, когда одна из сторон должна была уступить другой арену борьбы. Не могло быть и речи о том, что белые, выйдя на линию Рассошинский — Воропоново — М. Чапурники, остановятся, окопаются, чтобы в дальнейшем повести методическое, планомерное, шаг за шагом наступление к Царицыну, до которого осталось всего 20 *км*. Было ясно, что 15—16 октября или Царицын будет захвачен концентрической атакой с востока от Воропоново и с юга от Сарепты, или же красные бойцы, найдя в себе новые силы и энергию, собранные в кулак в районе Царицына, контрударом опрокинут набегавшие одна за другой лавы и цепи белоказаков. К этому времени в районе к западу от Царицына уже были возведены две линии окопов с проволочными заграждениями, как это показано на схеме 17.

Сосредоточив все внимание на защите Центрального участка, приказывая войскам во что бы то ни стало сохранить в своих руках железнодорожную магистраль Царицын — Котлубань — Воропоново — Сарепта, товарищи Сталин и Ворошилов постоянно подчеркивали необходимость полного взаимодействия между пехотой и бронепоездами. Последние действовали буквально день и ночь, их самоотверженная героическая работа вызывала бурное восхищение защитников Царицына, которых удивить героизмом было не так-то легко. Красные бронепоезда под общим управлением тов. Алябьева врезались в боевой порядок белых, когда те шли в полосе железнодорожного полотна, и обливали их горячим свинцом губительного, меткого пулеметного и артиллерийского огня. Личный состав бронепоездов проявлял в боевой работе изумительное бесстрашие, не щадя собственной жизни, неся большие потери.

Бронепоезда «Коммунист» (тов. Рудь), «Гром», «Молния» (бронелетучка), «2-й Сибирский», «Углекоп», «3-й Интернационал», «Большевик» и др., появляясь на железнодорожном полотне, заставляли вражеские бронепоезда мгновенно скрываться; внезапность в действиях красных бронепоездов вносила деморализацию в ряды белоказаков, заставляя последних в панике разбегаться в стороны, подальше от железной дороги. Уж кому-кому, но бронепоездам не было отказа в огнеприпасах. Командование 10-й армии экономило огнеприпасы всюду, но для бронепоездов экономить их было бы нецелесообразно.

В ночь на 15 октября, когда мрак окутал Царицын, предместья и подступы которого продолжали жить лихорадочной дневной жизнью, красные бронепоезда непрерывно курсировали по железнодорожному кругу, беспощадно жаля направления Воропоново — Басаргино — Карповка, Ельшанка — Сарепта — Тундутово, Гумрак — Котлубань — Качалино — Иловля; бронепоезда действовали совместно с красной пехотой, опрокидывая и истребляя белоказаков, осмелившихся на ночные атаки.

С рассвета 15 октября по всему фронту завязался горячий бой.

3-я оперативная группа белых Гумрак-Пичугинского направления в составе двух конных дивизий и одной пехотной дивизии заняла 15 октября фронт Вертячий — Рассошинский — Басаргино. Командующий Донской армией генерал Денисов отдал приказ, чтобы 1-я и 2-я оперативные группы, выйдя на линию реки Иловля и держа тесную связь с 3-й оперативной группой, стремительным натиском овладели Котлубань — Дубовка.

4-я оперативная группа направления Сарепта — Царицын, в составе 6 конных и 2 пеших дивизий, прочно овладела передовыми частями линией правый берег реки Червленное — Ивановка — Мал. Чапурники, завязав в середине дня 15 октября бои в районе Бекетовка — Отрадное. Конные отряды белых появились на линии южнее колонии Сарепта, овладев Мал. Чапурниками и Светлым Яром. Сообщение по Волге южнее Сарепты противник прервал. Астрахань была отрезана от Царицына. Белые прониклись уверенностью, что еще один сильный нажим — и город Царицын окажется в их руках, а с падением Царицына гибель Астрахани была бы неизбежной [1], как и гибель красных войск на Северном Кавказе, продолжавших еще борьбу, несмотря на свою отрезанность от центра [2]. Донесения белых полны тревоги о том, что конные и пешие донские полки ген. Мамонтова и ген. Толкушкина на линии Басаргино — Воропоново — Ельшанка — Сарепта и южнее терпят большие потери от убийственного

---

[1] В эти дни Краснов и Денисов бросили в направлении Светлого Яра и южнее так называемые Астраханские полки, которые должны были с падением Астрахани, развернуться в армейскую группу в районе Астрахани.

[2] В дальнейшем, в ноябре, остатки 11-й армии с Северного Кавказа отошли, как известно, именно к Волге в район Астрахани.

огня бронепоездов, которые враг окрестил в те дни «красными дьяволами».

15 же октября из района Бекетовки стали поступать сведения, что красные части не выдерживают натиска. Это был очень критический момент. Товарищ Ворошилов приказал своему ближайшему помощнику по оперативно-боевой работе Николаю Рудневу[1] восстановить положение в районе Бекетовка — Отрадное. Весь день 15 октября в районе Бекетовка — Сарепта — Мал. Чапурники шли ожесточенные, кровавые бои с переменным успехом; штыковые атаки и рукопашные схватки сменялись одна другой. И когда сильно обескровленные красные части Морозовско-Донецкой дивизии и 1-й Отдельной стрелковой бригады залегли впереди к западу от железнодорожной ветки Царицын — Сарепта, а также в районе Чапурников, поступили сведения, что на одном из участков агитированные преступным кулацким элементом недавно мобилизованные отряды 1-го и 2-го Крестьянских полков изменяют делу революции и переходят отдельными группами на сторону врага. Страшной ненавистью наполнились сердца красных бойцов; не жалея последних патронов, они открыли огонь по малодушным предателям, убегавшим в сторону врага.

Не разобравшись, в чем дело, белые на первых порах также открыли по перебежчикам сильный огонь. Под перекрестным огнем с обеих сторон большинство изменников, предателей сложило свою голову; но этот прорыв стоил нам очень дорого.

Внимательно следя за ходом развития боев на подступах к Царицыну и узнав об измене в Крестьянском полку в районе Бекетовки, товарищ Сталин сейчас же отдал следующий приказ:

ПРИКАЗ

№ 112

по войскам Царицынского фронта

15 октября 1918 г. *г. Царицын н/В*

Наглая шайка генералов и помещиков гонит на красный Царицын большие силы.

Наши славные дивизии, наши грозные броневые поезда, наша Красная Советская армия стойко отражает генеральско-кадетские банды.

---

[1] Руднев был начальником гарнизона и начальником штаба формирования 10-й армии.

Но некоторые части из Крестьянского полка перешли на сторону врагов народа.

Предатели не достигли цели и были уничтожены перекрестным огнем нашим и кадетским, не поверившим подлости предателей и открывшим по ним стрельбу. Имущество предателей будет конфисковано в пользу деревенской бедноты.

Вечный позор изменникам!

Слава неустрашимым красным бойцам!

Член Всеревсовета: СТАЛИН.

Газета «Борьба» № 236
от 17 октября 1918 г.

Суммируя донесения с фронта за день, оперативная сводка от 24 часов 15 октября[1] сообщила тяжелую весть о смертельном ранении в районе Бекетовки замечательного двадцатидвухлетнего героя Царицынской обороны Николая Руднева. Это он проделал вместе с товарищем Ворошиловым беспримерный в нашей гражданской войне героический поход из Донбасса в Царицын. Это он, под руководством товарищей Сталина и Ворошилова, не зная покоя ни днем, ни ночью, работал, не покладая рук, внося свою лепту в великое дело обороны Царицына. Сводка сообщала:

«На Центральном участке на правом фланге сегодня вновь начался жестокий бой. Наши войска геройски отражают упорные атаки противника. Бой продолжается. На левом фланге во время ожесточенного боя часть состава из мобилизованных первого и второго крестьянских наших полков с тремя орудиями предательски открыли фронт и перешли на сторону кадетов. Во время перехода часть предателей **перекрестным огнем наших и кадетских войск уничтожена.**

Образовавшийся прорыв был ликвидирован геройскими усилиями красноармейцев, верных революции, во главе с начальником бригады товарищем Рудневым, причем отбито было одно орудие. Во время ликвидации прорыва тяжело ранен тов. Руднев. Бой продолжается, все атаки противника успешно отражаются **нашими войсками».**

Ранение оказалось для Николая Александровича Руднева смертельным. В последних словах перед смертью он просил передать своему любимому командарму тов. Ворошилову, что его «приказание выполнено, прорыв лик-

[1] ЦАКА, д. № 207—396, л. 583.

видирован». Товарищи Сталин и Ворошилов очень ценили и любили Колю Руднева. Весть о смерти этого прекрасного борца Пролетарской революции глубоко опечалила защитников Царицына, бойцов и командиров 10-й армии.

Товарищ Сталин, узнав о гибели Н. А. Руднева, написал в боевую газету Царицына «Солдат революции», орган Реввоенсовета 10-й армии, следующее обращение:

„С глубокой скорбью отмечаю геройскую смерть тов. Руднева на славном посту воина с контрреволюцией. Вечная память беззаветному воину коммунизма! Месть беспощадная царским генералам и их прихвостням—эсаулам!

Член Военно-Революционного Совета Республики
Народный Комиссар СТАЛИН“ [1].

С новой огромной энергией все боевые полки Царицынского фронта приняли призыв товарища Сталина о беспощадной мести классовым врагам, пули которых продолжали вырывать лучших товарищей из боевой когорты трудящихся. Как львы, бросились в решительный бой красные полки, бригады и дивизии. Яростные атаки и штыковые схватки с новой силой разгорелись по всему Центральному 60-км участку фронта (Россошинский — Воропоново — Ивановка — Чапурники).

В тот момент, когда умирал тяжело раненый Коля Руднев, в районе Воропоново тов. Ворошилов приготовил врагу страшный удар.

15 октября ген. Мамонтов получает категорический приказ Краснова и Денисова во что бы то ни стало добиться успеха в направлении Воропоново — Царицын. Ген. Мамонтов решает сосредоточить не менее 25 конных и пеших полков 3-й и 4-й оперативных групп на направлении Воропоново — Червленоразное. Весь день 15 октября шли ожесточенные, кровопролитные бои в районе Басаргино. Ген. Мамонтов решает захватить Воропоново ударом с юга: ведя упорный бой пехотой и спешенной конницей вдоль железной дороги Басаргино — Воропоново, он держит наготове конный кулак на правом фланге. Мамонтов решает пустить его в ход во фланг, как только удастся сбить красные полки с фронта. Красные бойцы отходят к Воропоново, отдавая с ожесточенными боями каждую пядь.

---

[1] «Солдат революции» № 61 от 19/X 1918 г.

Товарищ Ворошилов в это время находился в районе станции Воропоново. У него уже сложился твердый план дать генеральное сражение в районе Воропоново; он приказал собрать в этот район артиллерию, имевшуюся на Центральном боевом участке, а также подбросить ряд батарей из резерва, с тем чтобы составить мощную артиллерийскую группу. В основном план заключался в нанесении сокрушительного удара объединенными усилиями пехоты, артиллерии и бронепоездов по врагу, наступающему на Воропоново — Садовая — Царицын.

И вот тогда, когда в районе несколько восточнее станции Басаргино шли упорные бои, когда заканчивались приготовления к решающей схватке, на станции Воропоново произошел следующий характерный эпизод, ярко рисующий бесстрашие и смелый полководческий риск товарища Ворошилова, риск, постоянно сообразованный с точным расчетом.

Очевидцы и участники царицынских боев рассказывают, что в момент подхода белоказачьих полков к Воропоново товарищ Ворошилов по своему обыкновению выехал к боевой линии фронта. На станции Воропоново в штабном вагоне вместе с тов. Ворошиловым находились начальник артиллерии 10-й армии тов. Кулик, начальник бронепоездов тов. Алябьев и ряд командиров 1-й Коммунистической дивизии. На станции скопилось множество вагонов, наполненных беженцами с правого берега Дона, а также ранеными в последних боях. Отсутствие достаточного количества паровозов являлось основной причиной перегруженности станции Воропоново. Тов. Ворошилов, тщательно взвешивая сведения, поступившие с боевых участков, склонился над картой вместе со своими боевыми соратниками и весь ушел в глубокое, сосредоточенное раздумье, анализируя сложную и большую операцию сквозного удара Краснова на Царицын. Вдруг за окном железнодорожного штабного вагона послышались душераздирающие крики: «Казаки, казаки». Обитатели красных теплушек, старики, женщины, подростки, а также раненые, способные передвигаться, бросились в панике в разные стороны, куда глаза глядят, подальше от железнодорожных эшелонов, с одной мыслью — скрыться от зверской расправы врага. Товарищи Ворошилов, Алябьев, Кулик и остальные, находившиеся в штабном вагоне, выскочили из него; вдали на юго-западе пылила атакующая белоказачья лава. Опытный взгляд товарища Ворошилова и его боевых соратников

сразу определил, что к станции Воропоново на карьере несется не менее конного полка белоказаков. Паника кругом была настолько сильной, что поток убегавших беженцев увлек за собой часть караульных красноармейцев, бросивших винтовки и пулемет. Товарищ Ворошилов бросился к оставленному пулемету и через миг в опытных, ловких руках командарма 10 пулемет с бешеной энергией обрушился огненным шквалом свинца на белоказаков, подъехавших уже совсем близко. Вскоре другие боевые соратники тов. Ворошилова вместе с Куликом и вернувшимися, сконфуженными от мимолетной паники красноармейцами притащили другой пулемет. Непрерывный ружейный и пулеметный огонь смял конные части врага. Полагая, очевидно, что станцию Воропоново охраняет значительной силы красный гарнизон, враг с большим уроном повернул оставшихся в живых коней и без оглядки, карьером бросился в сторону к балкам, спасая свои души.

«Надо теперь проследить за ними, — удовлетворенно сказал товарищ Ворошилов красноармейцам, — они могут оправиться и вновь наскочить... Ну, а мы давайте доканчивать...», и вновь озабоченный командарм 10 взял из рук тов. Кулика карту и все отправились к вагону полевого штаба 10-й армии для продолжения так неожиданно прерванной оперативной работы по анализу действий противника и тех контрмероприятий, которых требовала боевая обстановка.

Описанный эпизод являлся внезапным прорывом отдельного кавалерийского полка из 4-й оперативной группы ген. Мамонтова, когда фронт рваной линией тянулся три-четыре километра восточнее ст. Басаргино. Весь рассказанный эпизод продолжался в жизни буквально несколько минут. Такова природа внезапной конной атаки: она протекает мгновенно и в отражении ее дорога каждая секунда. Если бы в данном случае была проявлена хотя бы на мгновение малейшая растерянность, белоказаки ворвались бы на полном карьере в Воропоново и учинили бы здесь такую же зверскую расправу, какую они учинили в конце мая 1918 года на станции Суровикино, во время знаменитого похода армии тов. Ворошилова из Донбасса к Царицыну. К счастью, этого не случилось благодаря геройскому поведению командарма Царицынской, обычному для Климента Ефремовича и для тех, кто его окру-

жал. Беззаветно любившие его бойцы и командиры стремились подражать ему во всем, так как, помимо умения руководить крупными массами, помимо изумительной личной храбрости, тов. Ворошилов обладал и обладает теми качествами, которые чрезвычайно импонируют рядовому бойцу, а именно: он великолепно стрелял из личного оружия, из пулемета, если нужно из пушки, прекрасно владел конем, водил машину, отлично знал и знает все мелочи боевой жизни.

За два дня боев 15 и 16 октября на Центральном боевом участке Царицынского фронта обстановка резко изменилась не в нашу пользу. Мамонтовские полки, несмотря на огромные потери, настолько обнаглели, что при наступлении перестали даже применяться к местности: шли в атаку прямо в открытую с офицерским составом впереди. У ген. Мамонтова была телеграмма Краснова и Денисова, требовавшая 16 октября захватить Садовую, а 17-го — Царицын. Действительно, оперативная сводка за 16 октября коротко, но с тревогой сообщала:

«...на Центральном участке к вечеру 16 октября после ожесточенного боя нами оставлено Воропоново»[1].

Это уже был тот предел, дальше которого в создавшейся конкретной обстановке пропустить врага было никак нельзя. Артиллерийская группа была готова к действию. Начальник артиллерии армии тов. Кулик блестяще справился с порученной ему задачей. На рассвете 17 октября белые перешли вновь в наступление с задачей развить вчерашний дневной успех. Но здесь они наткнулись на ту же неожиданность, что и в районе Бол. и Мал. Чапурников, когда они считали, что Сарепта уже в их руках и когда контрудар героических красных частей развеял в пух и прах эту надежду. При активной поддержке бронепоездов ген. Мамонтов двинул свои цепи и лавы к Садовой. Надо отдать справедливость врагу — белые дрались в эти дни особенно упорно. Операцией по ликвидации прорыва белых на Воропоново руководил лично командарм товарищ Ворошилов. Мы видели, как в исключительно тяжелые и тревожные дни 14 и 15 октября в районе Басаргино — Воропоново товарищ Ворошилов, рискуя каждую минуту своей жизнью, все же восстановил боевой порядок в частях и поднял настроение у бойцов и командиров. Он приказал широко оповестить войска о победах

[1] ЦАКА, д. № 22—682, л. 415.

15 октября на левом фланге в районе Сарепта—Чапурники, о том, что враг там разгромлен и отступает на запад. Эти сведения о победе к югу от Царицына и о приходе с Северного Кавказа бойцов Стальной дивизии подняли настроение в войсках Центрального участка, которые вот уже несколько дней непрерывно вели ожесточенные бои. Люди были чрезвычайно утомлены от огромного нравственного и физического напряжения, продолжавшегося круглые сутки в горячие дни боев 13, 14, 15, 16, 17 октября; необходимо было добиться перелома во что бы то ни стало. Как и в памятные дни августа 1918 года, когда противник первый раз окружал Царицын, в городе тревожно заревели гудки бывш. французского металлургического завода Дюмо и орудийного завода, а также многочисленных лесопильных заводов. Это была тревога, говорившая о новой опасности Царицыну. Это была тревога, требовавшая от рабочих Царицына нового напряжения и новых жертв. И доблестные сыны рабочего класса посылали новые сотни бойцов на фронт и, не зная отдыха и сна, готовили новое оружие и ремонтировали испорченное.

Все чаще и чаще из заводских ворот выходили с винтовками за плечами колонны рабочих с песней «Дружно, товарищи, в ногу, духом окрепнем в борьбе», спешившие на станцию Царицын для отправления на боевую линию.

Газеты «Борьба» и «Солдат революции», как мощные большевистские рупоры, звали на новые подвиги, прославляя героев, скорбя о погибших, клеймя позором трусов, дезертиров, разоблачая предателей и шпионов, которые опять подняли головы из своих щелей. В грозные часы в жизни великого города-героя, который, несмотря на неимоверные трудности, крепко и высоко держал знамя победы, эти большевистские газеты, организованные товарищем Сталиным, стремились оправдать сталинскую оценку печати как самого острого оружия партии, при помощи которого партия ежедневно, ежечасно говорит с рабочим классом на своем, нужном ей языке.

16 октября Сталин и Ворошилов пишут «Письмо к Донской бедноте» (см. приложение № 9). Письмо сыграло большую роль: переходы на нашу сторону обманутой и насильно мобилизованной донской бедноты стали очень частыми.

На рассвете 17-го офицерские ударные части и конница бросились от Воропоново в новую атаку, стремясь захватить район Садовой. Но наш меткий артиллерийский огонь был дополнен пулеметным с высот в районе к западу

от Садовой. 27 батарей в составе около 200 орудий, сосредоточенных тов. Ворошиловым на фронте в 3—4 *км*, при поддержке 10 бронепоездов с 40 орудиями и пехоты 1-й Коммунистической, 2-й Сводной казачьей дивизий и 1-й Северо-кубанской сводной дивизии, а также боевых рабочих резервов Царицынского гарнизона опрокинули врага. Его бешено атаковавшие части смешались и очень быстро обратились под свинцовым огнем защитников Царицына в кровавое месиво. Оставшиеся в живых отступили к Басаргино.

Разгром группы белоказаков в районе Воропоново, где ген. Мамонтов потерял под мощными ударами, которые организовал тов. Ворошилов, свои лучшие полки, совпал с успехом красных дивизий в районе Бекетовка — Отрадное — Сарепта — Б. и М. Чапурники. Кроме того, сюда 15 октября подошли с Северного Кавказа, выполняя приказ тов. Сталина, бойцы Стальной дивизии. Совместным ударом с частями Морозовско-Донецкой дивизии и 1-й Отдельной стрелковой бригадой тов. Круглякова бойцы Стальной дивизии разгромили белоказачьи полки, входившие в 4-ю оперативную группу и наступавшие в направлении Бекетовка — Сарепта.

Утром 17 октября под губительным огнем артиллерийской группы белые оставляют Воропоново; перешедшие в контрнаступление красные войска гонят белых в направлении Басаргино. Мамонтов приказывает сформировать к западу от Воропоново офицерские заслоны с пулеметами и беспощадно расстреливать тех, кто бежит к ст. Басаргино. Под перекрестным огнем обеих сторон деморализованный противник, несмотря на расстрелы, бежит на запад обратно к Кривой Музге. Паника охватывает 3-ю оперативную группу белых. Управление белыми полками у Денисова — Мамонтова потеряно. К разгрому их правого фланга добавился разгром их центра. Лучшие надежные белые полки отброшены от Воропоново и от Сарепты. У атамана Краснова остается еще последняя надежда — добиться успеха к северу от Царицына.

1-я оперативная группа Камышинского направления в составе 2 конных и 2 пехотных дивизий противника и *2-я оперативная группа* Гумрак-Питугинского направления в составе 2 конных и 3 пехотных дивизий получают задачу стремительным наступлением с линии Вертячий — Верх. Паншенский — Усть-Погожье овладеть Гумрак — Дубровка, а затем и Царицыным. Желание иметь

успех на севере Царицына подкреплялось для Краснова—Деникова тем обстоятельством, что левый фланг 9-й армии (дивизия Миронова) отходил; отступая, мироновцы целыми ротами переходили к белоказакам; переход на сторону врага особенно усилился в тот момент, когда генералы Мамонтов и Толкушкин были у Воропоново и у Сарепты.

Дивизия Миронова отскочила на фронт ст. Ильмень—Лопуховка, позволив белоказакам произвести налет на ст. Матышева и тем самым передав им хотя и временно железную дорогу Камышин—Балашов. Такова была реальная «польза» от организации Сытиным «решительного наступления дивизиями 9-й армии» с целью помочь Царицыну с севера! Но успеху белых на севере не суждено уже было развиться настолько, чтобы он оказался равнозначащим тому успеху, который Краснов имел в районе Сарепта—Воропоново в дни 14—16 октября.

С 15 октября противник начал очень активно атаковать по всему Северному участку Царицынского фронта. Он стремился найти стык между 1-й Камышинской дивизией и Доно-Ставропольской дивизией. После многократных атак по всему фронту ему удалось определить этот стык, и он бросает в него крупные конные и пехотные силы, обходя ими внутренние фланги этих дивизий и двигаясь в общем направлении Александровка—Лозное.

Товарищ Ворошилов немедленно приказал тов. Колпакову не допустить расширения прорыва, удлинить свой правый фланг и, держа тесную боевую связь с 1-й Камышинской дивизией, срочно ликвидировать успех противника. Это было особенно необходимо, так как 15 октября белые вели бои на подступах к станции Воропоново. Ворошилов писал:

„Иловля, Колпакову

15 октября 1918 года[1]

По донесению Косоланова, полученному 21 час, видно, что между вами и 1-й Камышинской дивизией образовался прорыв; для ликвидации Военревсовет 10-й армии приказывает вам податься вправо и занять своими частями при помощи броневых автомобилей и кавалерии участки до Чернушкино, где связаться с частями 1-й Камышинской дивизии. Подкрепление высылается.

Командарм 10 **ВОРОШИЛОВ**".

[1] ЦАКА, д. № 30—065, л. 31.

Как мы видели выше, наши части имели уже к этому времени перелом и успех в районе Сарепты; сосредоточивая всю энергию и силы, товарищ Ворошилов стремился продолжить этот успех в направлении Воропоново — Карповка, а поэтому для него было очень важно, чтобы линия реки Иловли, находившаяся в 75 *км* от Царицына, прочно удерживалась красными частями.

Это было особенно необходимо в силу того, что если бы удалось достигнуть успеха на Центральном участке, надо было бы сейчас же продолжить этот успех на Северном. Так в условиях чрезвычайно тяжелой боевой обстановки в полководческом творчестве товарищей Сталина и Ворошилова рождалась замечательная идея своевременного, постепенного переноса усилий с одного направления на другое. В данном случае борьба по внутренним операционным линиям являлась совершенно необходимой. Искусство и мастерство руководства и заключались именно в том, чтобы не дать возможности увлечь себя потоком шедших отовсюду тревожных сведений и донесений, не разбросать свои незначительные силы и средства, а, имея твердый целеустремленный оперативный путь, громить врага ударами сосредоточенных огневых кулаков.

Дело в том, что развитие наступления 1-й и 2-й оперативных групп белых на Котлубань — Дубовка по времени совпало с тем моментом, когда командующий 10-й армией уже добился решительного успеха на левом (южном) фланге.

В то время, когда войска 1-й и 2-й оперативных групп, отбрасывая к Камышину 1-ю Камышинскую дивизию, теснили на юг части Колпакова и, форсировав р. Иловля, двигались на Качалино (17—19 октября), тов. Ворошилов успел разгромить белых и в центре и отбросить их за станцию Басаргино, неотступно преследуя противника к Кривомузгинской. Таким образом, от Басаргино линия фронта потянулась южнее Тундутово, и белые везде отступали на запад. В силу этого удар Краснова на юг, несмотря на некоторый территориальный успех (белые взяли Лог, Иловлю, Качалино), в основном повис в воздухе. Части белых, наносившие этот удар, уже не могли иметь решающего успеха, так как для захвата Царицына с севера они были слишком слабы численно, а после 19 октября усилить их было нечем, ибо к этому времени после разгрома в районе Сарепта — Воропоново шло повсеместное отступление белых.

Товарищ Сталин внимательно следил за ходом развития прорыва противника к северу от Царицына. 19 октября он отдает следующий приказ начальнику боевого участка Колпакову (Гумрак), в копии 1-й Коммунистической (Воропоново) и Харченко (Бекетовка):

«Товарищ Колпаков, наши царицынские части пошли в наступление с Рынка на Ерзовку (по карте Пичугу), прошли 6—8 верст, но под напором противника в количестве 700, главным образом, кавалерии седьмого полка, наши части отступили, продолжают отступать, могут покинуть Рынок.

Торопитесь исполнить приказ, данный Вам, установите связь с царицынскими частями и поддержите их.

Об исполнении уведомьте срочно.

СТАЛИН“ [1].

Это обстоятельство следует считать решающим; в период второго окружения удалось разгромить белых по частям, а именно, сперва в районе Чапурники — Сарепта (14—15 октября), затем в районе Воропоново — Басаргино (16—18 октября) и, наконец, наступление белых было ликвидировано на Северном участке (20—24 октября). Основная ошибка командующего Донской белой армией ген. Денисова заключалась в том, что он рассредоточил свои усилия и по времени и по направлениям; искусство же управления со стороны командования 10-й армии заключалось в том, что оно сосредоточивало все усилия на решении сперва одной задачи на данном направлении и уже после того, как она была решена, переходило к решению другой и на другом направлении. Эта последовательная ликвидация разновременных усилий противника свидетельствует о большом искусстве оперативного руководства обороной Царицына. Как полководец К. Е. Ворошилов в этой операции проявил выдающиеся качества: он действовал своими небольшими силами кулаком, а в этом было основное, так как, разбросай он силы по разным направлениям, поверь он в помощь командующего Южным фронтом Сытина и главного командования, которое много обещало, но реально ничего не сделало для Царицына в кризисные дни и часы 14—16 октября, — оборона Царицына оказалась бы в катастрофических условиях; в лучшем случае она закончилась бы разгромом и частич-

[1] ЦАКА, д. № 248—036, л. 23.

ной эвакуацией. Красной нитью во всех распоряжениях и во всем поведении товарища Ворошилова как военачальника проходит умение подчинить все и вся достижению единой цели, заключавшейся в том, чтобы сохранить Царицын и победить во что бы то ни стало. Так он действовал, когда вел через бушевавший контрреволюционный Дон героические эшелоны шахтеров и металлистов из Донбасса в Царицын, так он действовал под руководством товарища Сталина в период первого и второго окружения Царицына в августе и в октябре 1918 года. Величайшая заслуга товарищей Сталина и Ворошилова заключается в том, что под их водительством красные бойцы отстояли для Пролетарской революции Царицын в решительные дни 1918 года, когда контрреволюция Юга и Востока пыталась соединиться на линии Волги.

В приказе по 10-й армии № 15 от 22 октября мы читаем[1] о том, что белые силою до дивизии пехоты и дивизии конницы заняли район Сазанов — Усть-Погожье — Лозное — Садки — Прудки. Иными словами, с севера белые к 22 октября своими передовыми частями оказались в 25—30 *км* от Царицына. Тов. Ворошилов решает, не останавливая преследования противника на Центральном и Южном участках в направлении Кривомузгинская—Громысловка, нанести крепкий удар по Северной группировке белых, использовав для этого Камышинскую дивизию, несмотря на то, что на ее правом фланге дивизия Миронова отступила в район Ильмень — Красный Яр. В это время в районе Дубовки сосредоточилась присланная главкомом часть Вольской дивизии под командованием Гаврилова. Не зная ее, товарищ Ворошилов решает проверить ее боеспособность в бою. Он приказывает Камышинской дивизии занять фронт Красный — Дороккин — Ольховка — Александровка и оборонять его, тем самым охраняя Камышин с запада.

Доно-Ставропольская дивизия должна занять и прочно оборонять фронт хутор Грачевский — Котлубань, а Вольской дивизии товарищ Ворошилов приказывает:

> «Начальнику Вольской дивизии тов. Гаврилову немедленно занять Усть-Погожье, Малую Ивановку, Лозное и Садки, где закрепиться и ожидать дальнейшее приказание. По достижении означенной линии установить тесную связь с левым флангом Камышинской и правым флангом Доно-Ставро-

[1] ЦАКА, д. № 255—609, л. 24.

польской дивизии. Донесения посылать два раза в сутки утром и вечером и по достижении указанных пунктов»[1].

Это распоряжение товарища Ворошилова — замечательный образец оперативного искусства. Вновь прибывшей части Вольской дивизии, которую он мало знает[2], дается полная возможность показать себя в условиях боя. При чем товарищ Ворошилов создает ей вполне благоприятную обстановку. ее фланги прикрываются и обеспечиваются обстрелянными и испытанными дивизиями Царицынского фронта. В этом приказе весь облик товарища Ворошилова-полководца, который в любой обстановке, как бы она ни была трудна, ищет случая проверить и посредством боевой проверки учить и воспитывать своих подчиненных.

Вот еще пример. Через несколько дней, 5 ноября, в распоряжение товарища Ворошилова прибыл 38-й Рогожско-Симоновский полк, состоявший исключительно из добровольцев рабочих фабрик и заводов Москвы. Посылая его на Качалинско-Иловлинское направление, товарищ Ворошилов лично выезжает на фронт. Он, как знаменитый полководец того класса, который его выдвинул и представителем которого он является, идет вместе в цепи с бойцами 38-го рабочего полка в первое его боевое крещение.

На другой день после ожесточенного. кровавого боя товарищ Ворошилов с гордостью за присланное рабочее пополнение писал товарищам Сталину и Свердлову[3]:

«Вчера прибывший из Москвы Рогожско-Симоновский советский полк был пущен в бой. С радостью могу констатировать, что наблюдая за действиями полка, я видел умелое руководство начальников, бесстрашие молодых солдат и сознательность всего полка вообще. Надеюсь, что новый Московский 38-й Рогожско-Симоновский советский полк будет с каждым днем крепнуть и закаляться в боях и в ближайшие дни покроет себя славой, которая будет и славой матушки-Москвы.

Командующий X армией Южного фронта
ВОРОШИЛОВ“[4].

---

[1] ЦАКА, д. № 255—609, л. 24.

[2] И если знает, то лишь с плохой стороны: оборонялась она плохо и неорганизованно, а один полк ее просто разбежался.

[3] В двадцатых числах октября товарищ Сталин опять был срочно вызван в Москву.

[4] ЦАОР, д. № 1235, оп. 52, л. 534. 107.

Точно так же действовал на Восточном фронте другой замечательный полководец пролетариата Михаил Васильевич Фрунзе. Он также лично повел под Уфой в атаку своих родных иваново-вознесенских рабочих-ткачей. В кровной связи трудящихся масс со своими большевистскими вождями и полководцами — залог непобедимости и бессмертия великого дела социалистической революции.

Ликвидация прорыва к северу от Царицына и преследование белых к Дону

«К вам идет сформированная нами крепкая дивизия — Вольская, которая спасет Царицын», «Вольская дивизия опрокинет врага и покажет командованию 10-й армии, как надо защищать Царицын» — вот что, собственно, можно было прочитать между строк распоряжений главного командования и командования Южного фронта; о том же шумел везде и всюду Троцкий, считавший, что он спасает Царицын Вольской дивизией от верной гибели. И что же оказалось на деле? Товарищу Ворошилову уже в первых числах ноября пришлось спасать Северный участок Царицынского фронта от мятежа и вооруженного бунта частей этой дивизии. Вольская дивизия начала сосредоточиваться одной своей бригадой в районе Дубовки к 22 октября, т. е. тогда, когда части Стальной дивизии совместно с Морозовской дивизией и отдельной бригадой тов. Круглякова, разгромив правый фланг генералов Мамонтова и Толкушкина (4-я оперативная группа), двинулись в Жутовском направлении, заняли ст. Абганерово и соединились с отрезанными до этого частями Штейгера и Ковалева, которые в дни 13—20 октября пытались с юга пробиться к Царицыну, и к 20-му заняли Жутово.

В этих боях особенно отличилась красная конница под управлением Буденного, которая через несколько дней добилась нового успеха на фронте.

Ликвидация успеха белых в районе Сарепта — Светлый Яр и своевременный поворот по указанию товарища Ворошилова частей Стальной дивизии к югу в направлении Абганерово значительно укрепили положение левого фланга Царицынского фронта. На Центральном участке белые всюду отступали в направлении к Кривомузгинской. Перешедшие в контрнаступление части тов. Колпакова выбили белых из района Котлубань — х. Грачевский и погнали их к Качалино.

Таким образом, Вольская дивизия, сосредоточивавшаяся пачками, пришла на Царицынский фронт 22 октября, когда обозначился полный успех красного оружия на юге, западе и севере от Царицына.

Следовательно, расхваленное и разрекламированное главкомом пополнение опоздало к моменту решительных боев в районе Царицына, а затем не прошло и нескольких дней, как это с позволения сказать «пополнение» доставило массу хлопот и забот командованию 10-й армии.

Еще 19 октября. в момент перелома в нашу пользу положения к югу и западу от Царицына, товарищ Ворошилов просил скорее перебросить Вольскую дивизию в район Дубовки, надеясь, что эта авансом расхваленная Сытиным и Троцким войсковая часть облегчит положение к северу от Царицына и поможет поскорее ликвидировать прорыв белых. Товарищ Ворошилов писал 19 октября командующему Южным фронтом Сытину:

«Доношу, что Доно-Ставропольской бригаде[1] вследствие тяжелого положения Царицына было дано предписание отойти от Иловли до ст. Качалинской. При отходе бригада оторвалась от Камышинских частей. Образовался прорыв до 30 км. Противник бросил в прорыв до пяти полков. Мною приняты следующие меры: отправлены 400 человек астраханцев при двух орудиях, послана вооруженная флотилия Оленин—Дубовка, а также сообщено в Камышин для высылки в Дубовку живой силы. Из Царицына больше ничего посылать не могу.

Прикажите Вольской дивизии итти в Дубовку.

ВОРОШИЛОВ“[2].

Как видим, еще до 22 октября (приход в район Дубовки одной бригады Вольской дивизии) товарищ Ворошилов принял ряд предупредительных мер, учитывая, что Северное направление было очень важно для Царицына как направление, связывавшее Царицын с Центром, с Лениным, Сталиным и Свердловым, главным командованием и штабом Южного фронта. Вот почему это направление командование 10-й армии особенно берегло, зная, что 9-я армия Южного фронта Сытина не раз уже подводила правый фланг Царицынского фронта пассивным топтанием на месте или быстрыми отходами на восток и оголением

[1] К этому времени она развертывалась в дивизию.
[2] ЦАКА, д. № 30—065, л. 32.

Северного участка Камышинского района, являвшегося составной частью Царицынского фронта.

К 22 октября на всем огромном 300-*км* Царицынском фронте красные войска заняли следующее положение[1]:

1) *1-я Камышинская дивизия Косолапова* занимала фронт от Красного Яра через Ново-Ольховскую, 10 *км* южнее Ольховки. Далее имелся разрыв с правым флангом Доно-Ставропольской дивизии, о чем говорилось еще в телеграмме товарища Ворошилова от 19 октября. К 22 октября этот разрыв еще более увеличился и доходил до 50—60 *км*. 1-я Камышинская дивизия занимала фронт в 90 *км*, имея 4 600 штыков, 87 пулеметов, 9 орудий, 225 сабель.

2) *Доно-Ставропольская дивизия Колпакова* (2 750 штыков, 56 пулеметов, 11 орудий, 555 сабель).

3) *Качалинская дивизия Желяговского* (3 500 штыков, 90 пулеметов, 12 орудий, 800 сабель).

4) *1-я бригада Коммунистической дивизии Питомина* (1 000 штыков, 45 пулеметов, 17 орудий, 100 сабель) занимала фронт Варламов — ст. Котлубань — Вертячий; на всем этом 35-*км* фронте красные части продолжали преследовать отходящего противника.

5) *Первая Коммунистическая дивизия* (2 000 штыков, 48 пулеметов, 18 орудий, 110 сабель).

6) *2-я Сводная Донская дивизия Агатановича* (3 100 штыков, 64 пулемета, 16 орудий, 250 сабель).

7) *1-я Морозовско-Донецкая дивизия Мухоперцева* (6 000 штыков, 106 пулеметов, 32 орудия, 789 сабель).

8) *1-я Отдельная стрелковая бригада Круглякова* (2 100 штыков, 37 пулеметов, 9 орудий, 370 сабель).

9) *Стальная дивизия* (8 000 штыков, 250 пулеметов, 19 орудий, 300 сабель) и оставшиеся части Сводной Кубанской дивизии Ширяева занимали фронт от Вертячего (искл.), Карповка по западному берегу р. Чернянная, южнее Тундутова; эти войска также продолжали наступать, тесня противника к Дону.

10) *Котельниковская дивизия Штейгера* (2 500 штыков, 58 пулеметов, 1 029 сабель), *1-я Донская стрелковая дивизия Ковалева* (9 500 штыков, 102 пулемета, 24 орудия, 2 050 сабель) — эти силы поднялись к северу, сосредоточившись в районе Жутово — Гнилоаксайская — Абганерово.

---

[1] ЦАКА, д. № 207—396, 118—783, л. 315, 47—643, 1—11.

23 октября товарищ Ворошилов отдал приказ № 13 по войскам 10-й армии[1]:

«Удачными действиями наших частей на Центральном участке противник отходит к Дону, повидимому, имея намерение привести в порядок свои расстроенные части и укрепиться на господствующих высотах правого берега реки Дона. Чтобы воспрепятствовать намеченным планам противника, необходимо развить наступление наших войск не только на левый берег Дона, но перебросить части на правый берег» (см. схему 19).

В каждой строчке этого приказа, отданного вслед за ожесточенными многодневными боями, учтен весь опыт, накопленный в сложной и тяжелой борьбе с таким серьезным коварным противником, как Донская белоказачья армия. Несмотря на второе поражение Краснова под Царицыным, товарищ Ворошилов считал, что у врага есть еще силы для нового решительного наступления против 10-й Царицынской армии. Вот почему в этом приказе красной нитью проходит желание командарма 10 внушить красным бойцам, что успокаиваться фактом разгрома белых на подступах к Царицыну нельзя, что надо продолжать искать его живую силу, с тем чтобы ее истребить; а это возможно было только путем развития решительного наступления к Дону и за реку Дон. Чтобы обеспечить более удобное управление на огромном 300-*км* фронте, товарищ Ворошилов решает разделить весь фронт на три основных боевых участка[2], а именно:

В *Северный участок* под командованием Колпакова включались:

1) Доно-Ставропольская дивизия, 2) Качалинская дивизия, 3) бригада Сорокина.

В *Центральный участок* включались:

1) Стальная дивизия, 2) 1-я Коммунистическая дивизия, 3) 1-я Донецко-Морозовская дивизия, 4) Котлубано-Бузиновская дивизия.

В *Южный участок* под командованием Харченко включались все части 1-й Донской Советской стрелковой дивизии Ковалева, 1-й Котельниковской дивизии Штейгера, кавбригады Думенко и все части Степного фронта. Кроме того, устанавливались два временных боевых участка:

---

[1] ЦАКА, д. № 255—609, л. 27.
[2] ЦАКА, д. № 255—709, л. 26, приказ № 17 от 23 октября 1918 г.

а) *Один* под командованием Гаврилова в составе Вольской дивизии и Дубовской части, за исключением 2-го запасного кавалерийского полка.

б) *Другой* под командованием Косолапова в составе 1-й Камышинской дивизии.

Тов. Ворошилов устанавливал для этих участков следующие разграничительные линии (см. схему 19).

а) Между левофланговыми частями 9-й армии и 1-й Камышинской дивизии — от Усть-Погожья до левого фланга частей Миронова, местонахождение которого точно установить в это время было трудно, так как части Миронова отступали.

б) Между 1-й Камышинской дивизией и Северным участком тов. Колпакова — Белужинский — Иловлинская — х. Попов — М. Ивановка — Пролейка, все включительно для Северного участка.

в) Между Северным участком и Центральным участком — х. Вертячий — ст. Котлубань — Пичуга, все для Царицынского фронта.

г) Между Центральным участком и Южным участком — устье реки Мышкова (Южной) — ст. Абганерово, все для Южного фронта.

д) Между Южным участком и 11-й армией — ст. Великокняжеская — р. Маныч.

В пределах этих разграничительных линий участкам были поставлены в основном следующие боевые задачи:

а) Вольская дивизия должна была занять хутора Прудки, Садки, Лозное, М. Ивановка, Усть-Погожье; иными словами, части Вольской дивизии должны были опрокинуть белых и заполнить своими силами образовавшийся прорыв и разрыв между 1-й Камышинской дивизией и Северным участком тов. Колпакова, затем перейти в стремительное наступление и занять ст. Лог, а также хутора и переправы по левому берегу Дона.

б) Одновременно с наступлением Вольской дивизии 1-я Камышинская дивизия должна была в тесной связи с частями Вольской дивизии наступать к железной дороге и занять ст. Арчеда — Себряково, располагая свой правый фланг на высотах, господствующих по левому берегу р. Медведицы.

в) *Дивизия Северного участка* тов. Колпакова должна была занять участок р. Дона от х. Вертячего до Байбаево, а затем форсировать Дон и выдвинуться на линию Хмелевский — Лаптев — Набатов.

г) *Дивизии Центрального участка* должны были очистить в пределах своих разграничительных линий весь район и выйти к Дону на участке от х. Вертячего до устья реки Мышкова (Южной). После этого форсировать р. Дон и прочно занять на правом его берегу все господствующие высоты в районе от Березовской до Трех-Трубочного Лога. Во время этой операции очищения Центрального участка от белоказаков Стальная дивизия выделяет силы для удара вдоль левого берега р. Дона от х. Верхне-Кибиревский до Потемкинской.

д) *Дивизиям Южного участка* было приказано крепко охранять полосу железной дороги от Жутово на юг, а также, наступая к Дону, обеспечивать левый фланг войск Центрального боевого участка.

Таким образом, этот приказ товарища Ворошилова ставил очередной задачей для дивизий 10-й армии прочно овладеть огромной полосой между Волгой и Доном, а также занять выгодные плацдармы на правом его берегу, для развития в дальнейшем операции в глубь «Всевеликого войска Донского».

Несомненно, эти задачи были бы доблестно выполнены войсками 10-й Царицынской армии, если бы на правом фланге было полное содействие со стороны 9-й армии и если бы мятеж частей Вольской дивизии не осложнил положение к северу от Царицына.

До начала ноября операция по выдвижению к р. Дон на Северном и Центральном участках протекала вполне благоприятно; уже к 31 октября царицынские войска вышли на линию Усть-Погожье — Лозное — ст. Иловлинская — Кривомузгинская. Во время преследования белых к Дону был совершен ряд блестящих подвигов, так, например, при взятии Карповки удалось захватить много пулеметов и огнеприпасов и тяжелое орудие, которое сейчас же было обращено против неприятеля. В этом деле особенно отличилась батарея под командой тов. Сильченко: выкатив захваченное орудие на открытую позицию, она стала беспощадно истреблять отступающие колонны белых.

2 ноября на Южном участке конная бригада Будённого — Думенко в районе Абганерово — Аксай разбила четыре конных полка и один пеший полк донских казаков и захватила артиллерийскую батарею, 10 пулеметов и массу снарядов. Эта победа дала возможность войскам

Южного участка быстрее продвинуться к западу от железной дороги Жутово — Царицын.

К концу октября стало совершенно ясным, что решительное наступление белых на Царицын, его второе окружение так же бесславно провалилось, как и первое, в августе 1918 года. В стане врага был объявлен траур. За месяц непрерывных боев белоказаки понесли огромные потери до 18 000 ранеными и убитыми. Как ни стремилось правительство «Всевеликого войска Донского» затушевать, замять, замолчать позорный провал и поражение под Царицыным, черные вести о крупных потерях и новом разгроме белого войска очень быстро распространились по станицам Донской области и докатились до Ростова и Новочеркасска.

В правительстве белого Дона и в штабе Донской армии настроение было крайне подавленное. Рассчитывать теперь на новую помощь от Германии было уже бессмысленно, так как германская армия на Франко-британском фронте повсеместно отступала, в германских войсках шли бунты и революционные выступления, а сама Германия находилась накануне революции. Рассчитывать на помощь Добровольческой армии ген. Деникина было также безнадежно, так как у последнего уже был готовый план убрать атамана Краснова, заменить его своим ставленником Сидориным, а обескровленную Донскую казачью армию реорганизовать и влить составной частью в будущие «вооруженные силы юга России».

Лихорадочно работало обескураженное и окончательно потерявшее свой политический и военный престиж правительство атамана Краснова и его военное ведомство во главе с ген. Денисовым. Один план сменялся другим, но теперь уже было ясно, что сейчас организовать новое решительное наступление на Царицын не было возможности.

Краснов решил держаться тактики выжидания, продолжая подбадривать свои войска, имевшие еще кое-какие успехи на Камышинском и Балашовском направлениях.

Облегченно вздохнул пролетариат Царицына, когда узнал, что Жутово, Кривомузгинская и Иловленская перешли опять в руки Красной Армии.

Их взоры любви и уважения были обращены на тех, кто, не щадя своих сил, отдавал себя целиком делу борьбы.

Блестящее руководство товарищами Сталиным и Ворошиловым боями и операциями в период второго окружения Царицына достойно самого тщательного изучения. На многочисленных фактах мы наглядно видели, что 10-я Царицынская армия не имела реальной помощи ни от Реввоенсовета Республики, ни от главного и фронтового командования. Мало того, товарищу Ворошилову создавали всяческие трения и помехи, что страшно утяжеляло и осложняло процесс ведения борьбы. Правда, главное и фронтовое командование не скупилось на обещания, сообщая, что будут новые пополнения, что уже идут вагоны с огнеприпасами, что армии Южного фронта вот-вот переходят в «энергичное, стремительное наступление» и пр. Но какой толк от всех этих обещаний, которые не выполнялись, а если и выполнялись, то в ущерб обороне Царицына (например, присылка небоеспособной, разложившейся Вольской дивизии).

Ленин и Сталин поставили задачу отстоять Царицын во что бы то ни стало. Товарищ Ворошилов от этой цели ни на йоту не отступал, блестяще выполняя наказ гениального учителя и вождя трудящихся товарища Сталина о неуклонном проведении уже принятого курса через все и всякие затруднения и осложнения на пути к цели.

Вместе со своими боевыми товарищами К. Е. Ворошилов преодолел и ликвидировал огромные трудности и достиг своей заветной цели, сохранив Царицын для Советской республики.

Царицынцы с радостью узнали, что товарищ Сталин назначен членом Реввоенсовета Республики.

24 октября товарищ Сталин, выехавший после разгрома второго окружения Царицына в Москву, прислал в Царицын телеграмму следующего содержания:

„Командующему Царицынским фронтом тов. Ворошилову

Передайте Морозовскому, Тихорецкому, 3-му революционному и другим полкам, командиру (бригады) Лобачеву, окружавшим противника и разгромившим его наголову, мой горячий коммунистический привет. Скажите им, что Советская Россия никогда не забудет их геройских подвигов и вознаградит их по заслугам. Да здравствуют отважные войска Царицынского фронта!

Член Революционного Военного Совета Республики Народный Комиссар СТАЛИН".

С огромным волнением и гордостью читали это приветствие своего великого учителя и вождя герои Царицынской обороны, готовясь к новым боевым испытаниям в ноябрьско-декабрьские дни 1918 года.

ГЛАВА XV

Обстановка на Украине, Северном Кавказе и ноябрьские бои на Царицынском фронте

Замечательная операция в октябре 1918 года 10-й Царицынской армии вторично опрокинула замысел генералов Краснова и Денисова овладеть Царицыным, Астраханью, Камышиным, и тем самым полностью была выполнена директива товарища Сталина от 6 октября.

Героическая оборона Царицына в октябре сорвала план Краснова — Денисова и их исполнителей ген. Мамонтова и ген. Толкушкина, стремившихся прорваться главными силами южнее Царицына, отрезать последний от Астрахани и, спустившись по Волге вниз, занять Астрахань, осуществив таким путем соединение астраханского белого казачества с донским. Иными словами, белоказаки хотели в октябре одним ударом с юга занять линию Волги от Астрахани до Камышина.

Марш-маневр ген. Мамонтова и ген. Толкушкина, руководивших 4-й оперативной группой белых, был сорван в самом кульминационном пункте развития их успехов. Они уже подошли вплотную к Сареите и Бекетовке, они уже прорвали линию озер Сарпа, Цаца, Барманцак, они уже начали хозяйничать в районе Райгорода и Светлого Яра, отрезав Астрахань от Царицына, но были с огромными потерями опрокинуты и бежали на запад, будучи окруженными в районе Бол. и Мал. Чапурники (совместные действия Стальной дивизии и отдельной бригады тов. Круглякова, а также частей Донецко-Морозовской дивизии).

Попытка соединения армии «Всевеликого войска Донского» с чехо-словаками и белыми войсками армии «Комуча» на линии Волги (Царицын — Камышин — Саратов — Самара) провалилась еще в августе 1918 года, когда белые имели там максимальный успех, выдвинувшись, как известно, к западу от линии Казань — Симбирск — Самара — Сызрань.

Опрокинув и разгромив в августе подошедшую вплотную к Царицыну и Камышину красновскую армию, за-

щитники Царицына под руководством Военсовета (Сталин — Ворошилов) в период наибольших успехов белых не позволили контрреволюции Юга (белоказачий Дон, Кубань, Терек и пр.) соединиться в полосе р. Волги с контрреволюцией Востока (астраханское, уральское, оренбургское белое казачество, чехо-словаки, белая армия «Комуча»). К моменту октябрьских боев на Царицынском фронте проблема объединения Краснова с белыми войсками Восточного фронта не утратила еще своей актуальности, но к этому времени белые получили ряд крепких ударов на Восточном фронте и потеряли Казань (7 сентября), Симбирск (12 сентября), Сызрань (3 октября), Самару (7 октября).

Образовавшаяся еще 23 сентября контрреволюционная «Уфимская директория» (так называемое временное всероссийское правительство), в которую вошли представители контрреволюционных правительств «Комуча», сибирского (Омского), уральского (Екатеринбургского), башкирского, представители оренбургского, уральского и сибирского казачеств, всячески стремилась соединиться с Деникиным и Красновым на линии Волги.

Деникин пишет[1], что после своего образования Уфимская директория сейчас же обратилась к ген. Алексееву и ген. Деникину с посланием, в котором говорилось, что она объявляет о возложении на себя «всей полноты верховной государственной власти на всем пространстве государства Российского», что директория «восхищается» одиннадцатимесячной борьбой Добровольческой армии, посылает ей свой привет и выражает надежду «в скором времени принять на территории освобожденной России усталых бойцов, которые найдут здесь и отдых, и справедливую оценку своих трудов». Далее, эсер Авксентьев писал от имени директории, что он приносит Деникину «искреннее поздравление» с избранием его в состав Уфимской директории.

По словам ген. Деникина, ген. Болдырев указывал ему: «Было бы крайне желательным и необходимым, чтобы Ваша армия и примыкающие к ней силы овладели бы нижним течением Волги, примерно в полосе Царицын — Астрахань. В дальнейшем имело бы огромное значение овладение Саратовым». В письме от 30 сентября ген. Болдырев писал Деникину, что в Сибири недостает людей, и

[1] «Очерки русской смуты», т. III, стр. 259.

желательно, чтобы туда приехали генералы Драгомиров, Лукомский, Головин, кроме того, он указывал, что ген. Алексеев и ген. Деникин должны занять посты во «всероссийском масштабе». Далее Деникин пишет, что он отказался признать Уфимскую директорию, хотя признавал «исключительно важное значение Сибирского объединения и находил необходимым путем взаимных соглашений направить русские силы Востока и Юга к одной общей цели — возрождению великодержавной России».

Деникин поступал так потому, что через иностранных представителей он знал о скором приходе к власти адмирала Колчака, которого, как известно, Деникин в дальнейшем официально признал как «верховного правителя России и верховного Главкома всеми русскими армиями», а себя стал именовать «Главкомом вооруженных сил Юга России». Таким образом, у Деникина и у Краснова было большое стремление объединить контрреволюционные силы Юга и Востока на линии Волги, но обстоятельства так складывались, что есаулы и генералы «Всевеликого войска Донского», как мы видели выше, никак не могли овладеть ни Астраханью, ни Царицыным, ни Камышиным, а Красная Армия на Восточном фронте имела успех и гнала белые войска к линии р. Белой, так что правительству Уфимской директории уже 3 октября 1918 года пришлось уехать из Уфы в Омск. Кроме того, Деникин был еще занят операциями на Северном Кавказе.

Меньшевистско-эсеровско-кадетское правительство Уфимской директории расчистило путь к военной диктатуре монархиста Колчака. Как известно, переворот был совершен в Омске 18 ноября 1918 года адмиралом Колчаком, тотчас же получившим титул «верховного правителя России».

Но этот так называемый «верховный правитель» всеми мерами пытался через представителей держав Антанты скорее связаться в первую голову с ген. Деникиным. Холоп и вассал германского империализма атаман Краснов был, очевидно, не совсем выгоден ему (мог скомпрометировать), учитывая, что сам Колчак (как и Деникин) целиком продался империалистам Антанты, с помощью коих и был осуществлен государственный переворот в Омске. Последнее со всей откровенностью подтверждают в своих мемуарах быв. английский военный министр Черчилль и американский ген. Гревс.

Если август и октябрь принесли правительству «Всевеликого войска Донского» большие и тягостные неудачи

и катастрофы на боевом фронте в районе Царицына — Камышина и между линией Волги и Доном, то ноябрь и декабрь 1918 года были теми месяцами, в которые атаман Краснов и его ближайший помощник ген. Денисов окончательно потеряли надежду на победоносный выход из борьбы. Факты говорили следующее.

Еще 29 сентября капитулировала Болгария, за ней Турция и Австро-Венгрия, а через месяц (26 октября) получил отставку автор целиком провалившегося германского плана кампании в 1918 году на Западном фронте — ген. Людендорф. Германские войска во Франции и Бельгии под давлением союзных армий Фоша повсеместно отступали на главнейшем Франко-британском театре военных действий. За событиями на Западе с особым волнением следили в конце октября и начале ноября: в Киеве — правительство гетмана Скоропадского, в Новочеркасске — сподвижники атамана Краснова, а в России — штаб австро-германских оккупационных войск, находившийся в состоянии полной растерянности, так как во всех австро-германских частях в эти дни уже были организованы Советы солдатских депутатов, которые требовали немедленной отправки оккупационных войск с Украины обратно на родину. Каждая новая радиотелеграмма, приходившая из Германии, была тяжелым ударом для Скоропадского и Краснова, целиком продавшихся германскому империализму. Они ясно чувствовали и не скрывают этого в своих мемуарах, что почва уходила из-под их ног. Для атамана Краснова не было никаких сомнений, что правительство гетмана Скоропадского падет на Украине одновременно с падением военной и политической мощи гогенцоллерновской Германии. Последняя же была уже на самом краю гибели. И когда в Новочеркасске были получены радиограммы, что после бурной многотысячной демонстрации матросов и рабочих 4 ноября 1918 года город Киль и военные корабли, находившиеся в его районе и в Кильском канале, перешли в руки восставшего революционного народа, атаман Краснов с грустью сказал ген. Денисову, что помощь со стороны Вильгельма II следует считать конченой: очевидно, то же самое подумали и гетман Скоропадский и его сподвижники. На другой день, 5 ноября, матросы и рабочие захватили Гамбург, Бремен, Любек, восстали гарнизоны Ганновера, Штутгарта, Лейпцига, а в Мюнхене был свергнут баварский король. По всей Германии создавались Советы рабочих и солдатских депу-

татов, 9 ноября столица Германии находилась в руках сотен тысяч трудящихся, вышедших на улицы, войска перешли на сторону народа. Кайзер бежал в Голландию. Людендорф эмигрировал в Швецию. Атаман Краснов окончательно понял, что его власти также приходит конец. 11 ноября Германия капитулировала перед державами Антанты и заключила перемирие.

Австро-германские оккупационные войска с пением революционных песен двинулись по указанию созданных в них Советов солдатских депутатов из Украины на свою родину. Брестский мир ходом исторических событий был перечеркнут и ликвидирован: 13 ноября ВЦИК постановил аннулировать его. На месте полицейско-помещичьего гетманского режима Скоропадского, просуществовавшего на Украине всего лишь семь месяцев (с 30 апреля), с 13 ноября появилось новое контрреволюционное украинское правительство, так называемая Украинская директория во главе с Винниченко и Петлюрой, которая просуществовала еще меньше, чем правительство Скоропадского [1].

В конце ноября 1918 года товарищ Сталин писал, что

> «разгром австро-германского империализма и победа германской революции изменили положение Украины в корне. Открылся путь освобождения трудовой Украины от ига империализма. Разорению и порабощению Украины приходит конец. Разгорающийся на Украине революционный пожар сметет последние остатки империализма с их «национальными» привычками. Возникшее на волнах революции «Временное рабоче-крестьянское правительство Украины» будет налаживать новую жизнь на началах господства рабочих и крестьян Украины» [2].

---

[1] 14 декабря Скоропадский бежал из Киева, последний был занят петлюровцами. 16 января 1919 г. Украинская директория, опираясь на кулацко-буржуазные слои Украины, а также на поддержку союзного командования, объявила войну Советской России, желая разжечь шовинизм в массах. При этом украинская директория заключила с союзным командованием договор, согласно которому державы Антанты согласились помогать Директории оружием, инструктажем, деньгами и пр. Но широкие массы Украины стояли за советскую власть, а поэтому не прошло и месяца, как Киев был занят Красной Армией (5 февраля 1919 г.). Директория бежала сперва в Винницу, а затем в Ровно и Каменец-Подольск.

[2] И. В. Сталин. Статьи и речи об Украине. Партиздат, 1936 г., стр. 68.

Это очень хорошо понимал атаман Краснов, деятельно искавший новых хозяев, новых господ, кому бы он мог продать свою саблю. На этот раз он пытался продаться державам Антанты, но здесь поперек дороги встал его старый соперник, уже ранее безраздельно продавшийся империалистам Антанты — командующий Добровольческой армией ген. Деникин, который успешно оккупировал всю Кубанскую область с ее центром — Екатеринодаром.

Но перед тем как уйти с военной и политической арены борьбы, в ноябре — декабре 1918 года Краснов еще раз попытался найти успех на боевом фронте. Как помнит читатель, Донская казачья армия атамана Краснова во вторую половину 1918 года, ведя наступление против Царицына, Камышина, Поворино, имела вполне обеспеченный тыл с запада и юга. На Северном Кавказе красные войска были связаны операциями против Добровольческой армии, а на западной границе «Всевеликого войска Донского» до ноября стояли австро-германские оккупационные войска. На Северном Кавказе боевая обстановка в ноябре — декабре 1918 года сложилась для нас крайне неблагоприятно. Успехи Добровольческой армии Деникина в Кубанской области и оккупация последней с помощью буржуазно-кулацкой Кубанской контрреволюции, слабость и молодость еще неокрепшей советской власти на Северном Кавказе, — все это создало почву, благоприятную для влияния контрреволюции на значительную часть середняцких слоев крестьянства Северного Кавказа. Именно в эти-то кризисные дни эсерствующий авантюрист Сорокин, разжигая анархо-бандитские настроения у части уставших, обескровленных, понесших большие потери красных отрядов, действовавших на Северном Кавказе, открыто повел борьбу против партийных и советских руководителей на Северном Кавказе, стремясь захватить власть полностью в свои руки.

Как мы видели выше, товарищ Сталин с изумительной прозорливостью стремился подчинить еще во второй половине сентября Сорокинскую армию и самого Сорокина командованию Северо-Кавказского военного округа (см. стр. 185—187). Главное командование и Троцкий мешали этому (см. телеграмму Троцкого и Главкома Ленину по поводу боевого приказа товарища Сталина № 118 на стр. 186), что чрезвычайно облегчило попытки Сорокина уйти из-под организующего влияния центральной советской власти и командования Северо-Кавказского округа.

Сорокин стал нагло считать себя главковерхом, военным диктатором и был далек от мысли подчинить себя Сталину и Ворошилову (командование Северо-Кавказского военного округа). Он понимал, что их твердая большевистская рука пресечет его преступные намерения, лишит прав, на которые претендовал этот самовлюбленный авантюрист, а также заставит его немедленно перейти от партизанских и импровизированных отрядов и колонн на регулярную военную организацию. Уже в первом приказе № 118 товарищ Сталин предлагал Сорокину держать крепко связь и действовать строго по директивам Центра, т. е. в данном случае командования Северо-Кавказского военного округа.

Вскоре вопрос об организации высшего командования красными войсками на Северном Кавказе был разрешен, несмотря на протест Сорокина и его ближайшего окружения — Богданова, Гайчинца, Гриненко, Котова, Троцевского и др. В Пятигорске 5 октября 1918 года был опубликован приказ Северо-Кавказского ЦИКа о создании Реввоенсовета; тем самым урезывались те права полновластного хозяина в Красной Армии Северного Кавказа, на которые претендовал и которых, несмотря ни на что, добивался Сорокин.

Вот содержание этого приказа:

«В целях наиболее успешной борьбы с контрреволюцией, в целях тесного согласования военных действий на Северном Кавказе с действиями остальной российской советской армии, Центральный Исполнительный Комитет Северо-кавказской Советской Социалистической Республики постановил:

Следуя примеру Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, избрать Революционный Военный Совет (Реввоенсовет) Северного Кавказа в составе члена Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета тов. Полуян, товарища председателя ЦИК Северо-кавказской Республики тов. Крайнего, командующего войсками Северного Кавказа тов. Сорокина, командующего Северо-восточным фронтом и бывшего начальника штаба Главкома тов. Петренко.

Реввоенсовету принадлежит вся высшая военная власть на Северном Кавказе. Все его приказы и распоряжения должны исполняться точно и беспрекословно. Неисполнение приказов Реввоенсовета будет считаться неподчинением Советской власти и будет беспощадно караемо.

Председатель ЦИКа РУБИН.
Секретарь Б. МИНЬКОВ".

Этот приказ ставил Сорокина в определенные границы, которые он сразу же переступил, чтобы начать открытую борьбу за власть. Сорокин начал с того, что во второй половине октября, в самый разгар борьбы на Царицынском фронте, он стал убирать со своего пути наиболее популярных командиров Красной Армии на Северном Кавказе, а затем обезглавил и ЦИК Северо-Кавказской республики.

И. Борисенко в своей документированной работе «Авантюристы в гражданской войне на Северном Кавказе в 1918 году» пишет:

> «Сорокин вообще легко убирал со своего пути всех, кто в какой-нибудь мере мог мешать ему в его стремлениях, или казался ему конкурентом, метившим в главкомы.
>
> Так, в период боев за Тихорецкую — Екатеринодар выявил себя как особо талантливый начальник тов. Чернявский. Авторитет Чернявского среди войск быстро рос. Сорокин встревожился и, придравшись однажды к невыполнению какого-то приказа, расстрелял Чернявского.
>
> Авторитет Матвеева, как вождя Таманской армии, вырос очень высоко в глазах всей Северо-кавказской армии. Этого Сорокин боялся больше всего, и теперь, когда подвернулся случай расправиться с Матвеевым, удалить его со своего пути, Сорокин решил действовать. Уговорив членов РВС, доказывая необходимость строгих мер, он добился того, что Матвеев за невыполнение приказа РВС был расстрелян».

Реввоенсовет войск Северного Кавказа допустил совершенно очевидную ошибку, согласившись на расстрел командующего Таманской армией тов. Матвеева за неисполнение приказа № 9 от 7 октября 1918 года; это еще более развязывало анархо-бандитские настроения взбесившегося мелкого буржуа, ярого антисемита Сорокина.

Приказ, которого не желал исполнить командарм Таманской тов. Матвеев, имел следующее содержание:

„РЕВВОЕНСОВЕТ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

7 октября 1918 г.

№ 9

Пятигорск. 22 ч. 16 м.

Командующим Таманскими войсками и Белореченским фронтом

Реввоенсовет с получением сего приказывает вам Таманские войска и 10-ю колонну немедленно отправить на ст. Не-

невномысскую в распоряжение Реввоенсовета. Остальные же войска отвести на линию возможно прочнее по форме полевого устава, а не окопно».

Давая санкцию на расстрел тов. Матвеева, РВС Северного Кавказа не учел, что за призывом к дисциплине (неисполнение приказа) в данном случае крылось стремление убрать с пути авторитетного начальника, который мог помешать в дальнейшем авантюристским планам Сорокина и его окружения. Документальный материал, приводимый П. Борисенко, со всей ясностью показывает, что уже к 7 октября от былого Сорокина, Сорокина первых дней революции, когда он шел вместе с советской властью и действовал по ее указаниям, по директивам большевиков — руководителей на Северном Кавказе, — не осталось ничего. К 7 октября, когда он открыто протестовал против организации Реввоенсовета Северного Кавказа, который, мол, урезывал его права как командующего, было уже ясно, что Сорокин перестал думать об интересах советской власти и рабочего класса, он мечтал лишь о личной власти, об установлении военной диктатуры главкома Сорокина. Фактически командарм Таманской тов. Матвеев был расстрелян за то, что отказался итти к Невинномысской и стремился или итти на соединение с 10-й Царицынской армией тов. Ворошилова, или же ударить на Екатеринодар, т. е. на ставку и базу Деникина. Сорокин же, категорически отказавшийся исполнить приказ товарища Сталина от 24 сентября, продолжал оставаться на сепаратистских позициях, требуя своим приказом от 7 октября № 9 перебросить Таманские войска в район Невинномысской, с тем чтобы иметь свою базу в восточной части Северного Кавказа и держать лишь окольную и крайне ненадежную технически связь с Центром через Святой Крест на Астрахань[1]. Мы считаем, что если бы был осуществлен план Матвеева — план соединения с Царицыным, то красным бойцам Стальной дивизии не пришлось бы претерпеть тех мук и страданий, которые они испытали, пробиваясь тайком от Сорокина к Царицыну. Но этого мало, ибо, *во-первых*, если Стальная дивизия сумела с огромными трудностями пробиться от Невинномысской к Царицыну, несмотря на то, что Сорокин объявил всех инициаторов этого перехода вне закона, то это же самое,

[1] 24 сентября приказом № 118 товарищ Сталин требовал установления связи с Невинным, Заветным и Царицыным.

но без особых к тому трудностей. могли бы сделать и другие части Северного Кавказа. Основная же цель заключалась в усилении Царицынско-Астраханского направления, на котором фактически держалась прочность всего Юго-востока.

Во-вторых, если бы был положен конец сепаратистской деятельности командования красными войсками на Северном Кавказе, если бы приказ товарища Сталина от 24 сентября № 118 был выполнен, то представлялась бы возможность начать осуществление плана операции, изложенного товарищем Сталиным 27 сентября (см. схему 18).

Во всяком случае, основная железнодорожная магистраль Тихорецкая — Великокняжеская — Царицын прочно находилась бы в руках красных, что давало бы возможность свободно маневрировать как на Северном Кавказе, так и на Царицынском фронте. Этим и объясняется *постоянное стремление* товарищей Сталина и Ворошилова в течение всей борьбы, начиная с 6 июня (приезд товарища Сталина в Царицын), во что бы то ни стало добиться прочного оседлания железной дороги Тихорецкая—Великокняжеская — Царицын.

Повторяем, сепаратизм и партизанщина, существовавшие в 1918 году в командовании красными войсками на Северном Кавказе, были основной причиной того, что 150-тысячная армия при 200 орудиях была оторвана от Центра, действовала изолированно, анархически, до тех пор, пока совершенно не развалилась и не погибла в астраханских песках зимой 1918 года.

Расстрел командующего Таманской армией тов. Матвеева вызвал огромное возмущение во всей Северо-кавказской Красной Армии. «Таманцы первое время были поражены, а потом все части одна за другой стали выносить постановления о немедленном походе на Пятигорск, для того чтобы разделаться с Сорокиным. Много сил пришлось затратить работникам Советов и комиссарам армии, чтобы успокоить таманцев. Расстрел Матвеева подействовал на армию деморализующе. Это понял РВС, но было уже поздно» [1]. 20 октября, когда 10-я Царицынская армия товарища Ворошилова отбила второе решительное наступление Краснова на Северном Кавказе, Сорокин задумал злодейский план физического уничтожения ряда руково-

[1] И. Борисенко, Авантюристы в гражданской войне на Северном Кавказе в 1918 году, стр. 52.

дящих советских и партийных работников Северного Кавказа. Он приказал арестовать председателя ЦИКа тов. Рубина, председателя Крайкома тов. Крайнего, председателя Краевой ЧК тов. Роканского, председателя городской ЧК тов. Власова и др. 21 октября 1918 года все эти верные бойцы Великой Октябрьской социалистической революции были расстреляны под Машуком по приказанию бандита Сорокина. Но прошло всего пять дней, как это злодейское убийство, несмотря на все шулерские попытки Сорокина и его штаба затушевать это дело и представить расстрелянных как врагов советского народа и изменников, было разоблачено на II Чрезвычайном съезде Советов Северного Кавказа. Делегатам и командирам армии стало ясным, что Сорокин — убийца, бандит и изменник. Сорокин и его штаб были объявлены съездом вне закона. В первых числах ноября Сорокин и все его ближайшее окружение были арестованы и расстреляны.

Анархо-бандитское поведение главкома Сорокина и его штаба не могло не отразиться на молодом организме Северо-Кавказской Красной Армии. Мало того, надо помнить, что мятеж Сорокина происходил в период, когда шла жестокая вооруженная борьба на фронте с белой армией генералов Деникина, Покровского и Шкуро.

23 октября Таманская армия была сосредоточена в районе Невинномысской; 30 октября энергичным ударом в северном направлении она овладела Ставрополем. Деникин пишет, что он собрал свой командный состав в районе станицы Рождественской (15 *км* к северо-западу от Ставрополя) и увидел, что его «части сильно поредели, истомленные, полуобмерзшие, в отрепанной легкой одежде — зимняя стужа наступила в этом году рано — и тем не менее готовые к новым боям. Я мог порадовать их последними сведениями об европейских событиях, о падении Германии, торжестве союзников и об открывающихся перспективах. Помогут ли нам союзники войсками, не знаю, но материальной частью несомненно, и в широком масштабе» [1].

Деникин дальше пишет, что он доставил теплую одежду и привез новые пополнения, с тем чтобы энергично начать борьбу в восточной части Северного Кавказа. Мятеж Сорокина совпал с новыми наступательными операциями Деникина в Ставропольском районе. Красные войска на

---

[1] Деникин, Очерки русской смуты, т. III, стр. 234.

Северном Кавказе находились в отношении вооружения и снабжения в крайне тяжелом положении. Операция в районе Ставрополя — Невинномысской закончилась неудачей для красных частей, и 20 ноября они отошли на 70—80 *км* на восток, на линию Петровское—Высоцкое—Минеральные Воды. Иными словами, все красные войска (таманцы и остатки сорокинской армии) были вплотную прижаты к безводной песчаной степи, которая тянулась до Астрахани почти на 400 *км*.

Острый недостаток продовольствия, отсутствие теплой одежды, чрезвычайно холодная осень, сильное развитие эпидемических заболеваний опустошали ряды отступившей от Ставрополя армии. Дальнейший отход на Астрахань в невероятно тяжелых условиях почти целиком развалил некогда сильную и побеждавшую врагов 11-ю Красную армию.

* * *

В то время (23—30 октября), когда успешно развивалась операция по преследованию белоказаков к району Калач-на-Дону, западнее Кривомузгинской, станции Лычев, в штаб 10-й Царицынской армии все чаще и чаще стали поступать тревожные сведения с Северного участка Царицынского фронта.

Командующий 10-й армией товарищ Ворошилов напрягал все силы, чтобы не дать противнику возможности сорвать задуманную операцию по овладению правым берегом Дона и очищению Царицынско-Поворинской железнодорожной магистрали.

Стремление управлять войсками не издалека, а быть как можно ближе от своих частных начальников, с тем чтобы иметь постоянно полное представление о положении и ходе дел, — эта замечательная черта в полководческом искусстве тов. Ворошилова проходит красной нитью через все его распоряжения и в период ноябрьских боев на Царицынском фронте. Хорошо ориентироваться в обстановке (как правило, путем постоянной личной разведки), распознать силы и намерения врага, сопоставить свои силы, средства и возможности с силами противника, строго взвесить все за и против, а затем уже принять решение о нанесении сильного удара противнику, — есть та черта в методах управления командарма 10 товарища Ворошилова, которая обеспечила ему победу

в самые грозные, критические октябрьские дни на Царицынском фронте.

Ноябрь также был труден, но замечательные победы по разгрому первого и второго окружений послужили прочным фундаментом к тому, что Царицын продолжал оставаться в 1918 году советским. Эти победы дали богатый военно-оперативный опыт и, несмотря на тяжелые потери в личном составе, высоко подняли моральное состояние основных кадров героев-защитников Царицына.

Рабочий Царицын, будучи ближайшим тылом, базой и основным источником пополнений боевого фронта, ликовал после разгрома белоказаков в дни 15—18 октября на фронте Воропоново — Сарепта. Но именно в эти дни товарищи Сталин и Ворошилов требовали не успокаиваться, не почивать на лаврах, а продолжать энергично готовить новые силы для новой борьбы.

Ежедневно, с каждым новым боем, накоплялся ценнейший опыт у частных начальников огромного по протяжению Царицынского фронта и, что особенно важно, крепла у них уверенность в своем политико-моральном и боевом превосходстве над смелым, упорным противником. Эта уверенность имела своей основой не беспочвенные мечтания, — она выросла из опыта кровопролитных, многодневных боев.

Тщательно анализируя ход развития операции по преследованию белых в направлении районов Карповка и Гнилоаксайская, тов. Ворошилов к 25 октября приходит к выводу, что настал момент, когда можно начать энергичное очищение Северного участка Царицынского фронта с целью скорейшего овладения железной дорогой Царицын — Себряково — Поворино. Для тов. Ворошилова было ясно, что если части 9-й армии не будут стойко держать свой фронт, а части 1-й Камышинской дивизии на правом фланге не развернут активных действий в направлении станций Филоново, Кумылга — Себряково (искл.), т. е. если они не будут стремиться гнать противника в районах севернее р. Медведица в западном направлении к железной дороге Себряково — Поворино и далее на юго-запад за р. Дон, то все наступательные бои 10-й армии севернее Царицына будут протекать в крайне тяжелых условиях. Белоказаки, действовавшие на Северном участке Царицынского фронта, получили строжайший приказ крепко удерживать позиции к северу от линии Вертячий — Котлубань — Варламов — Прудки. Ген. Татаркину, штаб ди-

визии которого располагался в хут. Лозное, было приказано 5-м и 6-м кавалерийскими полками, 1-м, 4-м, 17-м, 41-м, 78-м и 82-м пехотными полками расширять прорыв в направлении Котлубань — Ничуга.

В штабе генералов Краснова и Денисова после провала их наступления западнее и южнее Царицына, когда они в дни 15—20 октября были отброшены от Воропоново и Сарепты, еще теплилась надежда на развитие успеха на севере в направлении Гумрак — Царицын. Эта надежда подкреплялась тем обстоятельством, что белоказаки продолжали до 25 октября бить части дивизии Миронова, которая входила в 9-ю армию и находилась на стыке с 10-й Царицынской армией. Белоказаков окрыляли успехи в Камышинско-Красноярском (Красный Яр) направлении, и они продолжали свои наступательные действия, стремясь овладеть железной дорогой Камышин — Красный Яр — Балашов. Кроме того, довольно благоприятные сведения для белых шли и с фронта Лиски — Новохоперск, где они также имели успех против 8-й Красной армии Южного фронта (схема 20).

25 октября 1918 года тов. Ворошилов отдает приказ № 19 по войскам 10-й армии. Мы приводим его полностью и иллюстрируем схемой 21:

«Для скорейшей ликвидации прорыва и вытеснения частей противника на северном и временных 4-м и 5-м участках[1] вверенной мне армии ПРИКАЗЫВАЮ:

Северному участку под командой тов. Колпакова.

Держа тесную связь с центральным участком[2], левым флангом своих войск сбить неприятеля с занимаемых позиций и продвинуться на северо-запад и север, занять станцию и станицу Качалинскую, переправы по реке Дон от станицы Трех-Островенская — Зимовенский вплоть до устья реки Иловли, впадающей в реку Дон. Центром и правым флангом своих войск, держа тесную связь с частями тов. Гаврилова (начдив Вольской), сбить неприятеля с занимаемых позиций и, продвигаясь на северо-запад и север, занять хутора: Зотов, Сазанов 2-й, Фастов, Широков, Собачий, Байбаев, Шишкин, Алаев,

[1] Приказом № 13 от 23 октября тов. Ворошилов устанавливал, что 4-й временный участок будет под командованием начальника Вольской дивизии Гаврилова, а 5-й временный участок — под командованием начальника 1-й Камышинской дивизии Косолапова.

[2] В Центральный участок входили: Стальная дивизия, 1-я Коммунистическая, 1-я Морозовско-Донецкая и Котлубано-Бузиновская дивизии (приказ № 17 от 23 октября 1918 года).

Заварихин, Попов, Колоцкий, ст. Иловлю и станицу Иловлинскую, Песочный, Песчанский и Авилов. По занятии вышеуказанных хуторов закрепиться на занимаемых позициях и ждать дальнейших распоряжений.

Временному 4-му боевому участку под командой начальника Вольской дивизии Гаврилова.

Держа тесную связь на правом фланге с частями Косолапова и на левом фланге с частями тов. Колпакова, сбить неприятеля с занимаемых позиций по всему участку своих войск, продвигаясь на северо-запад и север, расширяя свой боевой участок, занять хутор Садковский, Сазанов 1-й, Ермилов, Большую Ивановку и все хутора по р. Иловля от Авилова до Екатериновской включительно. По исполнении вышеуказанной операции и занятии всех хуторов, закрепиться на занятых позициях по р. Иловле, ожидая дальнейших распоряжений.

Временному 5-му участку под командой Косолапова.

Держа тесную связь на правом фланге своих войск с частями Миронова и на левом фланге с частями Гаврилова, при продвижении которых продвигаться своими частями в направлении Себряково.

К исполнению сего приказа приступить 27 октября на рассвете в 5 час. утра.

Командующий 10-й армией ВОРОШИЛОВ[1].

Как видим, этот приказ есть детализация, главным образом, для Северного участка тех директивных указаний, которые тов. Ворошилов отдал войскам армии 23 октября по преследованию белоказаков за р. Дон.

Основная оперативная идея, вложенная в этот приказ, заключалась в том, чтобы ликвидировать прорыв белых к северу от Царицына, отбросить их за реку Иловля, а затем крепко оседлать Царицыно-Поворинскую железнодорожную магистраль. Мы снова подчеркиваем чрезвычайно поучительный метод использования еще мало знакомой тов. Ворошилову в боевом отношении Вольской дивизии, которую он ставит в середине (с обеспеченными флангами) между боевыми участками Колпакова и Косолапова.

Успешное развитие преследования белых на Центральном и Южном участках давало возможность приступить

[1] ЦАКА, д. № 255—609, л. 29.

к скорейшему очищению всего района между реками Иловлей и Волгой (1-й этап) и затем между реками Медведицей и Волгой (2-й этап).

Если бы Царицын своевременно получил просимые им у Центра огнеприпасы и если бы не восстали полки Вольской дивизии, то процесс очищения на Северном участке безусловно прошел бы быстрее и успешнее. Одновременно с оперативной работой интенсивно продолжалось дальнейшее организационное совершенствование частей 10-й Царицынской армии. Готовились новые кадры командного состава, еще тщательнее стал происходить отбор контингентов из новых пополнений. Приказом от 25 октября № 18 [1] сформировались 1-я Донская советская стрелковая дивизия (трехбригадного состава и с артбригадой) под командованием тов. Ковалева [2] с приданной 1-й Советской конной бригадой (помощник командира бригады тов. Буденный). Во все войсковые части назначались политические комиссары, на высшие командные должности выдвигались те товарищи, которые показали свое умение и храбрость в решительных боях первого и второго окружений Царицына.

Приказом от 23 октября № 17, как мы видели, были установлены боевые участки с соответствующими разграничительными линиями (см. схему 19); для того чтобы еще более закрепить этот принцип организации командования, надо было ясно указать, что отдельные дивизии, ранее подчинявшиеся непосредственно командарму 10, теперь подчиняются начальникам боевых участков, а последние — командарму. Это делалось, главным образом, для того, чтобы более оперативно управлять огромным по протяжению (до 400 *км*) фронтом, который держала 10-я армия; причем этот фронт был крайне неустойчивым, подвижным, прерывчатым. Кроме того, нужно было дать большую оперативно-тактическую свободу в выборе средств и мероприятий начальникам боевых участков, которых приказом № 17 от 23 октября было установлено пять. Иными словами, устанавливалось пять командных инстанций с пятью частными начальниками, непосредственно подчиненными командарму тов. Ворошилову.

---

[1] ЦАКА, д. № 7134, л. 35.

[2] Войска Степного фронта приказом тов. Ворошилова должны были влиться в 1-ю Донскую дивизию тов. Ковалева (ЦАКА, д. № 5—136, л. 29).

Нельзя забывать основного, что в 1918 году Красная Армия строила и совершенствовала свои боевые части в огне и буре тягчайших лишений, боев, в условиях недостатка огнеприпасов, доблестно отражая со всех сторон натиск внешней и внутренней контрреволюции. Дисциплина в бою и вне боя была еще не везде на высоте, а поэтому тов. Ворошилов очень часто обращался к войскам с приказами, которые требовали железной дисциплины и строгой организации. 26 октября, когда непосредственная опасность Царицыну уже отпала и разбитый и деморализованный враг отходил на Центральном и Южном боевых участках, удерживаясь пока лишь к северу от Царицына, тов. Ворошилов отдает следующий замечательный приказ № 20 по войскам 10-й Царицынской армии [1]:

«В огне боев среди тревог и радостей походной жизни армия на Царицынском фронте неустанно продолжала свое внутреннее строительство. Созданы крупные боевые единицы, утверждена дисциплина. И Военно-революционный совет 10-й армии приветствует, как товарищей красноармейцев за их стремление к революционной дисциплине, так и командный состав за его усилия создать военный строй армии и поднять ее боевой революционный дух на страх врагам Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Но вместе с тем, наблюдая отдельные случаи уклонения от дисциплины, колебаний при исполнении приказов, неподчинения стоящему выше командованию, Военно-революционный совет армии на основании декретов высшей Советской власти настоящим приказом строжайше предписывает неуклонно соблюдать революционную дисциплину и порядок подчинения. Начальники участков подчиняются непосредственно командующему армией и Военно-революционному совету армии, командиры дивизий подчиняются начальникам участков, командиры бригад — командирам дивизий, командиры полков — командирам бригад и т. д. до взводного, отделенного командиров и каждого красноармейца советской армии включительно. Между всеми лицами командного состава, так и среди товарищей красноармейцев должна существовать строгая товарищеская дисциплина, построенная на взаимном уважении друг друга».

Так полководец рабочего класса, верный сын большевистской партии Ленина — Сталина строил стройную армейскую организацию в бурные, огненные месяцы зарож-

[1] ЦАКА, д. № 75—240, л. 37.

дения регулярной Красной Армии. И неудивительно поэтому, что когда начиненный клеветническими слушками, инсинуациями и сплетнями своих подручных военспецов Троцкий приехал в Царицын в ноябре «посмотреть» и «перетряхнуть» 10-ю Царицынскую армию, его удивлению не было предела: он ожидал одно, а нашел совсем иное. Вместо «недисциплинированных партизанских отрядов», как ему расписывали 10-ю армию его приспешники, он увидел регулярную дисциплинированную, политически сознательную, с прекрасным боевым опытом жесточайших победоносных сражений 10-ю Царицынскую армию. И он принужден был во всеуслышание признать это в своем приказе по Красной Армии, но об этом несколько ниже.

Из штаба главкома и Южного фронта продолжали поступать в Царицын телеграммы-обещания о посылке крупных воинских пополнений в распоряжение 10-й армии, но кроме весьма подозрительной по дисциплине и политическому настроению Вольской дивизии, бригады которой через несколько дней учинили мятеж, к 30 октября прибыло всего два полка: 2-й Московский и 38-й Рогожско-Симоновский [1].

Товарищ Ворошилов приказом по войскам от 30 октября приказал 38-й Рогожско-Симоновский полк [2] прикомандировать к 1-й Коммунистической дивизии; в ее славных рядах и боролся 38-й полк пролетариев Москвы с исключительным героизмом и стойкостью.

В процессе развития активных операций к северу от Царицына тов. Ворошилов посылает в Центр и штаб Южного фронта в сотый раз просьбу о присылке не «телеграмм-обещаний», а грузов с огнеприпасами для снабжения ими героических бойцов, продолжавших сражаться, пополняясь небольшой продукцией царицынских заводов и трофеями.

Тов. Ворошилов писал:

„Козлов, Комфронт Сытину,
члену Военревсовета Механошину.
копия Арзамас. Главкому [3]

Доношу: к 31 октября сего года вверенная мне армия доведена численностью более 70 000 человек (пехота, кавалерия.

---

[1] ЦАКА, д. № 22—861, л. 8, 9. Приказ по войскам 10-й армии от 30 октября.

[2] Боевое знамя этого полка хранится в музее Революции СССР.

[3] ЦАКА, д. № 5—136, л. 19.

артиллерия). Все обучены. До сего времени 10-я армия героически отражала наступление противника, отбиваясь не раз без боевых припасов, одними штыками. Снабжение в армию начало прибывать пока в малом количестве; несмотря на своевременные требования, отпуск их все-таки тормозится. 5 ноября с. г. армия перешла в наступление на Арчадинском и Камышинском участках и при получении отпущенных боевых припасов в достаточном количестве перейдет в наступление по всему фронту. Численный состав армии высылается ежемесячно два раза в штаб Южного фронта. № 165.

***Командарм 10 ВОРОШИЛОВ*".**

31 октября в штабе 10-й армии стало известно, что ее правый сосед — 9-я армия Южного фронта — опять терпит поражение и под давлением белоказаков отходит к востоку от железной дороги Камышин — Балашов. Дивизия Миронова отошла с большими потерями в район Рудня, дивизия Киквидзе — к Александровка — Матышево.

Белоказаки 30 октября заняли Красный Яр, прервав сообщение Балашова с Камышиным. Иными словами, создалась прямая угроза единственному пути для снабжения 10-й армии — району Камышина и идущей от него железной дороге на Балашов — Тамбов — Москву (схема 23).

1 ноября тов. Ворошилов отдает два приказа, № 24 и № 25, которые направлены к тому, чтобы как можно целесообразнее и быстрее ликвидировать успехи белоказаков в Камышинском направлении и к северу от Царицына.

Приказом № 25 тов. Ворошилов командованию Центральным участком вверяет 140-*км* фронт от р. Мышкова (Южная), через Вертячий до хут. Екатериновский (на р. Иловле) и указывает, что на Северном участке у него будет помощником тов. Колпаков. Южный участок Харченко оставался без изменений, как указано в приказе № 17 от 23 октября (схема 23).

Фронт от хутора Екатериновский и до Красного Яра вручался начдиву Камышинской дивизии; ему же подчинялись все войска, которые направлялись в район Камышина.

Таким образом, у командования Центральным участком были: Стальная дивизия, 2-я Сводно-казачья, Котлубано-Бузиновская, Качалинская, Доно-Ставропольская, 1-я Коммунистическая, Вольская дивизии и бригада Сорокина.

Основная оперативная идея, вложенная в приказ № 24 (см. приложение 1 и схему 22), заключалась в том, чтобы за счет перегруппировки частей выделить на Арчадинское направление ударную группу из наиболее опытной в боевом отношении 1-й Коммунистической дивизии с задачей овладеть районом Арчеды и тем самым выйти в тыл белоказакам, прорвавшимся в направлении на Красный Яр.

Для этого Стальная дивизия, 1-я Морозовско-Донецкая, 2-я Сводно-Донская и Качалинская дивизии должны были продолжать свое выдвижение к Дону на участке устье р. Мышкова (Южная) — хутор Колоцкий. Четыре с половиной дивизии (Доно-Ставропольская, Коммунистическая, Вольская и 1-я Камышинская и одна бригада) наступают в полосе между реками Медведицей и Волгой. К этому времени (первые числа ноября 1918 года) боевой состав дивизий был следующий (см. таблицу на стр. 263).

Ударной группе, т. е. 1-й Коммунистической дивизии, должны были содействовать на левом фланге Доно-Ставропольская дивизия под командой Колпакова наступлением вдоль р. Дона к хутору Духовской, а на правом фланге — Вольская и Камышинская дивизии, которые должны были наступать на фронт Камышин — Гуров. Кроме того, группа в 1 500 бойцов должна была ударом в тыл из района Камышина истребить противника, прорвавшегося к Красному Яру.

Товарищ Ворошилов считал, что после перегруппировки дивизий с утра 3 ноября можно начать наступление в направлении Арчеда — Поворино.

И вот в тот момент, когда дивизии 10-й армии получили этот приказ командарма и начали готовиться к наступлению, в Царицын неожиданно приехал Троцкий. Приехал он с предвзятой мыслью, что 10-я Царицынская армия — это, мол, сбор неорганизованных партизанских отрядов во главе с командирами, которые никого не слушают и делают то, что им заблагорассудится. «Перетряхнуть», «прогнуть» — с этой заветной мечтой прибыл Троцкий в 10-ю армию. Он приказал командованию 10-й армии организовать парад, один, другой. Устраивая парады и смотры 10-й Царицынской, которую Троцкий называл «Сталинско-Ворошиловской», «партизанской», с барским надменным отношением к героям-бойцам Царицынской обороны, он буквально растерялся. Совершенно невозможно было придраться к отлично организованным боевым полкам и дивизиям 10-й армии. Факты — упрямая вещь

Наименование частей	Штыков	Пулеметов	Орудий	Кавалерия
1-я Камышинская дивизия	4 913	81	9	250+2 пулемета
Вольская дивизия	4 629	46	16	669+3 пулемета
Доно-Ставропольская дивизия . .	4 399	50	17	555+9 пулеметов
1-я Коммунистическая дивизия . .	7 874	103	35	528+9 пулеметов
Качалинская дивизия	1 960	31	4	483+4 пулемета
2-я Сводная казачья дивизия . .	2 881	61	9	—
1-я Морозовско-Донецкая дивизия	6 390	62	31	1 164+22 пулемета
1-я Отдельная стрелковая бригада	2 108	30	7	420+3 пулемета
Котельниковская дивизия	1 008	13	5	565
1-я Донская советская стрелковая дивизия	5 642	55	23	2 000+40 пулеметов
Стальная дивизия	5 509	103	15	1 446+47 пулеметов
В четырнадцати бронепоездах . .	169	142	38	—
Резерв с гарнизоном Царицына	9 488	59	20	208+25 пулеметов

Примечание. В ноябре бронепоезда были переименованы: „Коммунист" получил название „Ворошилов", „3-й Интернационал" — „Сталин", бронелетучка „Таганрогский" превратилась в бронепоезд „Тов. Рудиев", бронелетучка „Охотник"—в бронепоезд „Гроза".

даже в том случае, когда к ним подходят с предвзятой целью. Троцкий принужден был 4 ноября написать приказ по Красной Армии, в котором каждая строчка, как мощный бумеранг, возвращалась и била по лбу автора этого приказа.

В этом приказе за № 55, отданном в Царицыне, Иудушка Троцкий, припертый фактами, был вынужден признать высокие боевые качества и внутреннюю сплоченность 10-й Царицынской армии. По этому поводу товарищ Ворошилов в разговоре по прямому проводу с товарищем Сталиным в первых числах ноября 1918 года докладывал:

> «Что же касается наших парадов и смотров, то они произвели определенное впечатление на Троцкого, который убедился, что у нас не отрядики, а что у нас действительно организованная, серьезная революционная армия»[1].

Ленину и Свердлову, большевистской партии давно уже было известно, помимо и через голову Троцкого, что представляла собой доблестная 10-я армия тов. Ворошилова, разгромившая наголову смелого, хитрого, опытного врага, каким являлось белоказачество, руководимое опытными донскими генералами и есаулами. В ЦК большевистской партии никакой веры не имели кляузные, подленькие телеграммы Иудушки Троцкого, стремившегося оклеветать и опорочить отважных защитников Царицына. Не случайно, когда товарища Ворошилова и ряда его соратников уже не было в Царицыне (они находились на Украине, выполняя новые поручения большевистской партии) и когда Царицын очутился под ударами так называемой «Кавказской армии» ген. Врангеля, входившей в «вооруженные силы Юга России» ген. Деникина, наступавшего на север, к Москве, Владимир Ильич Ленин 30 мая 1919 года писал:

> „Немедленно выделите группу ответственнейших и энергичнейших царицынских работников, участвовавших в проведении назначаемых Сталиным мер при обороне Царицына, и поручите им начать проведение всех этих мер с такой же энергией. Имена ответственных телеграфируйте.
>
> ***Предсовобороны ЛЕНИН“***[2].

В. И. Ленин и Я. М. Свердлов высоко ценили кадры, выпестованные товарищем Сталиным на Царицынском

---

[1] К. Е. Ворошилов, Сталин и Красная Армия. 1937 г., стр. 67.
[2] Там же, стр. 71.

фронте. Ленин, зорко следивший за героической борьбой на Царицынском фронте в 1918 году, восхищался командирами и бойцами 10-й Царицынской армии.

«Ильич душой с вами, он полюбил вас чертей»,— говорил Сталин тов. Ворошилову.

Этот разговор происходил в первых числах ноября непосредственно после отъезда Троцкого из Царицына. В период 6—9 ноября собрался VI Всероссийский чрезвычайный съезд Советов. Во время работ съезда поступили сообщения о германской революции, которая перечеркнула Брестский договор.

Этот разговор и начинается как раз тем, что тов. Ворошилов информирует тов. Сталина о выезде на VI съезд Советов делегатов от 10-й Царицынской армии:

„Из разговора по прямому проводу тов. Ворошилова (Царицын) с тов. Сталиным (Москва) в первых числах ноября 1918 г.

ВОРОШИЛОВ: Сегодня ночью делегаты выезжают на съезд. Положение снабжения попрежнему безнадежно. Камышину непосредственно угрожает противник, получено сведение о занятии кадетами Нижн. Добриным, что выше Камышина верст 25—30. Нами приняты меры для отстояния Камышина, но вся эта печальная, если не сказочная, больше печальная история произошла с такой головокружительной быстротой, при том на носу у командфронта, что нами ничего другого и не могло быть предпринято. Общее положение остается попрежнему вялым, но мы уже имеем сведения о том, что противник накапливает силы у Лиличева и др. местах. Что же касается наших парадов и смотров, то они произвели определенное впечатление на Троцкого, который убедился, что у нас не отрядики, а что у нас действительно организованная, серьезная революционная армия. Я, Ворошилов, сейчас остаюсь здесь почти один. Работать сейчас при создавшихся условиях страшно тяжело.

СТАЛИН: Я полагаю, что вы должны стянуть из Астрахани, Воронежа всех своих активных товарищей для того, чтобы образцово поставить дело фронта. Ворошилов, как Командующий — хозяин фронта и он имеет возможность поставить дело как найдет нужным. Все ваши записки хранятся в портфеле...

ВОРОШИЛОВ: Скажите, каково положение Северо-Кавказских войск?

СТАЛИН: Так же страдают без снабжения как и вы. По полученным сведениям частями Кавказской армии занята Кавказская и они направляются Тихорецкой, которая тоже возможно занята. Об этом нам доложил проезжавший Москву товарищ.

ВОРОШИЛОВ: Отъезжающие товарищи подробно обо всем доложат, а я своей стороны прошу почаще меня информировать о положении дел в Центре. Кроме того прошу выслать сюда Пархоменко, который мне очень нужен.

СТАЛИН: Сию же минуту передам Пархоменко. Насчет перемены политики подождите до окончания съезда. Дела в Центре пойдут теперь лучше, чем они шли до сих пор. Я в этом не сомневаюсь. Я ухожу, жму всем руки...

ВОРОШИЛОВ: Будьте добры сказать, что слышно о Западе?

СТАЛИН: Пока ничего особенного.

ВОРОШИЛОВ: Ну, всего хорошего. От нас привет товарищу Ильичу, жмем руки.

СТАЛИН: Ильич душой с вами, он полюбил вас чертей.

ВОРОШИЛОВ: Это нам самая большая награда за все наносимые незаслуженные обиды другими товарищами. Будьте здоровы.

СТАЛИН: Жму руку».

Мы прервали изложение операций 10-й армии на том моменте, когда она приступила к перегруппировке своих частей для выполнения приказа тов. Ворошилова за № 24 от 1 ноября. Перегруппировка частей шла вполне нормально; только из района, занимавшегося полками Вольской дивизии, к 5 ноября стали поступать сведения, что в частях Вольской дивизии настроение такое, при котором они едва ли выполнят боевую задачу, поставленную им приказом № 24 (см. приложение 2). Три полка Вольской дивизии сосредоточились в районе Лозное, которое белоказаки к 3 ноября оставили, отойдя на север. к линии р. Иловля. Тов. Ворошилов 6 ноября послал на имя начдива Вольской Гаврилова и политического комиссара Беляева приказ № 28:

«Вольской дивизии приказываю немедленно приступить к исполнению оперативного приказа № 24; за неисполнение приказа весь командный состав и комиссары будут преданы суду Военно-революционного трибунала, а провокаторы, подбивающие солдат к невыполнению, будут расстреливаться без

суда. О получении приказа № 28 телеграфировать мне. № 132»[1].

Но этот приказ не оказал воздействия на Вольскую дивизию, вконец разложившуюся, и командование не сумело восстановить порядок и должным образом расправиться с главарями мятежа.

5 ноября тов. Ворошилов, находясь на Северном боевом участке, писал в Военревсовет:

«Наши части с 8 часов утра перешли в наступление, войска подходят к разъезду Белужинскому, который будет сегодня занят. Противник пока себя не обнаруживает. Успешное продвижение сильно тормозится благодаря уничтожению всех железнодорожных мостов и порче пути. На большом пространстве рельсы погнуты и шпалы уничтожены. О дальнейших действиях буду своевременно информировать»[2].

И вот в то время, когда происходили упорные бои вдоль железной дороги, идущей к ст. Иловля, когда под личным руководством тов. Ворошилова доблестные герои, московские рабочие — 38-й Рогожско-Симоновский полк — шли в атаку, уничтожая классового врага, истекая кровью в жесточайших боях, когда бригада имени III Интернационала тов. Сорокина ловким маневром зашла в тыл белым и одним ударом уничтожила в районе ст. Иловля 250 человек при 2 офицерах, — 1-й Астраханский, 1-й и 2-й Балаклавские стрелковые полки, бросив позиции, сосредоточились в районе Лозное, решив итти далее на Дубовку. Части 2-го Иловленского полка 1-й Камышинской дивизии, поддавшись контрреволюционной агитации пробравшихся в полк мятежников из Вольской дивизии, также бросили позиции и отошли в тыл. Во время этого мятежа 1-й и 2-й Балаклавские и 2-й Иловленский полки бросили позиции. 7-я рота 1-го Иловленского полка проявила выдающийся героизм: окруженная восставшими полками, на их требование сдать оружие она ответила бешеным ружейно-пулеметным огнем, прорвалась из района Захаровки в район Александровки, разоружила одну из предательских рот 2-го Иловленского полка и продолжала крепко драться с белоказаками. Руководители этого доблестного дела Соломенцов (комиссар полка) и Дорохин (комроты 7) получили благодарность командарма 10 тов. Ворошилова.

[1] ЦАКА, д. № 30—065, л. 5.
[2] ЦАКА, д. № 22—682, л. 468.

Видя, что дальнейшее распространение мятежа может сорвать успешно развивающееся к ст. Иловле наступление нашей ударной группы, тов. Ворошилов приказывает в кратчайший срок ликвидировать мятеж частей Вольской дивизии. Для этой цели тов. Ворошилов выделяет отряд под командованием героя Царицынской обороны тов. Михайловского, который очень быстро и успешно ликвидирует мятеж полков Вольской дивизии (см. подробное донесение тов. Ворошилова об этой операции в приложении 2).

Еще 1 ноября командующий Южным фронтом Сытин отдал директиву [1], в которой решал перейти в энергичное наступление всеми армиями. Сытин писал:

> «Главнейшим операционным направлением признаю линию Поворино — Царицынской желездороги и в этом направлении должен быть нанесен противнику сокрушительный удар со стороны как Поворино (главной ударной группой), так и со стороны Царицына».

Задачи войскам фронта видны из схемы 23; полный текст этой директивы — в приложении 3.

Оперативный замысел командующего фронтом заключался в нанесении 8-й, 9-й и 10-й армиями «стремительного, энергичного, концентрического» удара в направлении Таловая — Калач, Поворино — Филоново и долинами рек Арчеда — Медведица. Но из этого наступления, которое должно было начаться 4 ноября, ничего не вышло. Мало того, эту директиву увез к Краснову перебежавший на сторону белоказаков полковник Носович. По этому поводу тов. Ворошилов писал:

„Москва, ЦИК, председателю Свердлову

Из Царицына, принята 6/XI 1918 г.

Реввоенсовет восьмой армии сообщил нам, что бывший начштаб Севкавокра Носович [2] перешел на сторону белых. Не только мы, но помкомфронтюж Славен неоднократно указывал на явную контрреволюционность Носовича, однако обыч-

---

[1] ЦАКА, д. № 9958, приказ № 1144.

[2] После того как Носович был уволен из Царицынской армии, он около 2 месяцев состоял в распоряжении главкома, затем был командирован на Южный фронт в распоряжение комфронта Сытина, где на участке 8-й армии в районе ст. Таловой перешел с директивой комфронта от 1 ноября к белоказакам.

ная невнимательность наших товарищей дала ему возможность и на этот раз ускользнуть от кары и принять командование неприятельскими силами. Мы полагаем, что в настоящий момент необходимо принятие ряда экстренных мер по отношению к ближайшим соратникам Носовича, занимавшим совместно с ним видные посты: генералу Снесареву, освобожденному из-под ареста и командующему западной завесой, и в особенности Ковалевскому, начальнику штаба Южного фронта, открыто заявлявшему (что может быть подтверждено Сталиным и Серго Орджоникидзе), что с казаками он не воюет. Совершенно настоятельно необходима и неотложна чистка Южного фронта и замена всех шифров, так как факт беспрепятственного прохождения Носовича не только через нашу линию, но и неприятельскую ясно указывает на сношения Носовича с неприятелем во время нахождения его в штабе фронта.

Командарм К. К. ВОРОШИЛОВ.

Краснов и Деникин, узнав оперативный замысел командующего Южным фронтом Сытина, бросили сосредоточенную 13-тысячную группировку в энергичное наступление на фронт Лиски — Таловая в направлении Воронежа. Это очень встревожило командюжа Сытина, и он отказался от своего плана концентрического наступления. Вечером 3 ноября Сытин писал тов. Ворошилову, что белоказаки ведут в районе Бобров — Николаевка — Купавка наступление крупными силами. Они обрушились на фронт 8-й армии, положение которой стало угрожающим, а поэтому «приходится резервы, предназначенные для общего наступления, раздать двум армиям для задержки успехов противника». Сытин требовал от 10-й армии развить наступление в направлении ст. Себряково, куда и сосредоточить возможно больше войск[1]. Успех белоказаков развивался с каждым днем, фронт 8-й и 9-й армий опять понес большие потери (Латышские полки и 11-я дивизия, потерявшая 37 орудий, почти вышли из строя).

За этот провал операции Сытин был отрешен от командования Южным фронтом. Командующим фронтом был назначен помкомандюж, бывший командарм 5 на Восточном фронте Славен.

---

[1] ЦАКА, д. № 9958, а также д. № 5136, л. 77.

К середине ноября 1918 года тов. Ворошилову стало совершенно ясным, что 10-я армия (Царицынская), как и прежде, предоставлена сама себе и помощи со стороны Северного Кавказа и Южного фронта ожидать не приходится. На Северном Кавказе сорокинщина очень сильно осложнила обстановку. Деникин с помощью держав Антанты прочно овладел Кубанью и Ставропольщиной, и хотя под руководством товарища Орджоникидзе 12-я Красная армия успешно подавляла контрреволюционное восстание терских белоказаков [1], но эти частные успехи не могли резко помочь общей, неблагоприятно для советской власти сложившейся военно-политической ситуации на Северном Кавказе. Последний был надолго отрезан от Центра. На южном фронте 8-я и 9-я армии могли вести лишь оборонительные операции, что они и выполняли весь ноябрь 1918 года.

15 ноября главком писал тов. Ворошилову, что на место Вольской дивизии он направляет в распоряжение 10-й армии в район Камышина [2] Уральскую дивизию. Главком писал:

> «По обстановке вся ваша армия должна перейти в наступление. Главная задача ложится на вашу армию, так как она самая сильная. Прошу использовать весь ваш авторитет для поднятия настроения» [3].

Главком телеграммой № 341 на имя нового командюжа Славена требовал скорейшего перехода всеми армиями в наступление с целью овладения железнодорожной магистралью Борисоглебск — Царицын. На это Славен 16 ноября отвечал главкому о причинах неудач 8-й и 9-й армий и о том, что в ноябре эта задача для фронта непосильна (см. приложение 4). Здесь же командюж Славен подчеркивал, что плохое состояние боевого снабжения 10-й армии препятствует тов. Ворошилову в развитии широких наступательных операций.

Но военно-политическая обстановка (Ноябрьская революция в Германии, попытки Краснова переменить свою германскую ориентацию на союзническую) требовала раз-

---

[1] 10 ноября красными войсками были заняты Прохладная и Моздок, а затем с помощью грозненского пролетариата были освобождены окруженные белыми районы Кизляра и Грозного.

[2] С 15 ноября командующим Северным участком (Камышинское направление) был назначен тов. Антонюк.

[3] ЦАКА, д. № 26—739, л. 26.

вития решительных операций против Краснова и его ликвидации. Краснов почувствовал, что у него почва уходит из-под ног, он пишет свое юродствующее воззвание-приказ, который лучше всего характеризует его тяжелое положение:

«Я предлагаю вам, — писал Краснов, — не позже 15 ноября сдаться и сдать ваш город нашим донским казакам. Если вы сдадитесь без кровопролития и выдадите мне ваше оружие и военные припасы, я обещаю сохранить вам жизнь... Я жду до 15 ноября. После попады не будет».

Он требует от красного командования сдачи Царицына, который попрежнему стоял неприступной крепостью, он угрожает, будучи сам на краю гибели, так как помощь со стороны германского командования и правительства прекратилась, а взаимоотношения с Деникиным у него с каждым днем становились все хуже и хуже. Краснов всемерно раздувает местные успехи на Борисоглебско-Поворинском фронте; трубя в своей печати о том, что целые дивизии большевиков восстают и переходят на сторону казаков [1], Краснов стремился тем самым затушевать свой многомесячный неуспех в захвате Царицына и Камышина.

Вся вторая половина ноября опять прошла для тов. Ворошилова в напряженной деятельности. Оперативно-боевая работа непрерывно перемежалась, как и прежде, с большой организационной работой по строительству 10-й армии.

К 22 ноября тов. Ворошилов и инспектор артиллерии Кулик провели тщательную и большую работу по учету и перегруппировке всей артиллерии, имевшейся в войсках Царицынского фронта. Затем был отдан приказ по 10-й армии [2], который закреплял за каждой дивизией соответствующее количество батарей и калибры орудий, сводя их в артиллерийские бригады и артиллерийские дивизионы. Суммируя эти данные по дивизиям, мы даем соответствующую таблицу, показывающую наличие артиллерии в дивизиях, которые получили по легкой артбригаде и тяжелому артдивизиону (см. таблицу на стр. 272).

[1] Имеется в виду мятеж трех полков Вольской дивизии и переход на сторону белых батальона 2-го Иловлинского полка Камышинской дивизии.

[2] ЦАКА, д. № 7134, л. 100.

Наименование соединений	Колич. батарей	Калибр орудий	Колич. орудий	Количество легких артбригад и тяжелых артдивизионов
Коммунистическая дивизия	7	3-дм.	28	Легкая артбригада
	2	48-лин.	8	Тяжелый артдивизион
	1	42-лин.	2	
Доно-Ставропольская дивизия . . .	8	3-дм.	29	Легкая артбригада
	1	48-лин.	4	Тяжелый артдивизион
	1	42-лин.	2	
	1	6-дм.	2	
Стальная дивизия	9	3-дм.	33	Легкая артбригада
	2	48-лин.	8	Тяжелый артдивизион
	1	42-лин.	2	
	1	6-дм.	2	
Морозовско-Донецкая дивизия . . .	8	3-дм.	31	Легкая артбригада
	1	48-лин.	4	Тяжелый артдивизион
	1	42-лин.	3	
	1	6-дм.	2	
1-я Донская советская дивизия . .	7	3-дм.	28	Легкая артбригада
	2	42-лин.	4	Тяжелый артдивизион
Камышинский легкий артдивизион .	3	3-дм.	11	—
Легкий артдивизион	2	3-дм.	4	—
4-я Московская батарея имени Октябрьской революции [1]	—	3-дм.	4	—
Горная артиллерия была придана кавалерии, находившейся при отряде	—	3-дм	10	—
Армейская артиллерия	2	3-дм.	8	—
	1	48-лин.	6	—
	1	42-лин.	2	—
	1	7-дм.	2	—

[1] Отдельные дивизионы и батареи, не входящие в артиллерию вышеуказанных дивизий.

Кроме того, все действующие войска 10-й армии были сведены в дивизии, последние имели по 2—3 бригады, бригады — по 2—3 полка.

Согласно приказу тов. Ворошилова за № 55[1], 10-я армия во второй половине ноября 1918 года сформировала: 1) Камышинскую стрелковую дивизию; 2) Доно-Ставропольскую стрелковую дивизию; 3) Коммунистическую стрелковую дивизию; 4) Морозовско-Донецкую стрелковую дивизию; 5) 1-ю Донскую советскую стрелковую дивизию; 6) Стальную стрелковую дивизию. Кавалерийская бригада Думенко, после того как в нее влилась вся кавалерия Стальной дивизии, была развернута в Сводную кавалерийскую дивизию[2]. Заместителем и помощником начдива Сводной кавалерийской дивизии являлся тов. Буденный.

Надо постоянно помнить, что вся эта большая организационная работа по переформированию частей проходила в 1918 году, в бурные боевые дни, под огнем противника, который не ослаблял на Царицынском фронте своей активности. И, конечно, целый ряд этих организационных мероприятий тов. Ворошилова неизбежно вызывал нотки недовольства отдельных командиров, которые еще не осознавали полностью необходимости переформирования частей и перегруппировки боевых средств; они писали письма командованию 10-й армии, высказывая в них обиды и недовольство, на которые командование 10-й армии отвечало с большим тактом, внося ясность в это дело. Как иллюстрация, в конце книги приводится письмо одного из боевых командиров Царицынского фронта и ответ ему командарма 10-й армии (см. приложение 5).

В ответ на наглое требование атамана Краснова сдать к 15 ноября Царицын Ворошилов провел три замечательных операции на важнейших направлениях (см. схему 24).

В двадцатых числах ноября тов. Ворошилов выехал на Южный боевой участок тов. Харченко. Из Абганерово он писал в Царицын начальнику штаба Мацелевскому:

> «Запросите немедленно об Уральской дивизии (т. е. о той, которую, как мы видели выше, обещал главком.— *Вл. М.*), свяжитесь с Козловым (штаб Южного фронта.— *Вл. М.*), укажите на важность положения с прекращением наступления

[1] ЦАКА, д. № 7134, л. 119, а также см. приложение 6.
[2] ЦАКА, д. № 22—861, л. 27.

(наступили холода, и суда Волжской флотилии стали на зимовку. — *Вл. М.*). На Южном участке положение прежнее. Наши занимают ст. Абганерово, село (Гнилое) Абганерово и на Восток до Ельмата — Тундутово, на северо-запад до хут. Лусь (на карте не показано. — *Вл. М.*), что восточнее Степанникова. Выезжаю в расположение Стальной дивизии 23 ноября 1918 года.

***ВОРОШИЛОВ*“ [1].**

Хотя тов. Ворошилов очень скептически относился к возможности быстрой переброски главкомом обещанной им Уральской дивизии в распоряжение 10-й Царицынской армии, все же он просил еще раз узнать, как обстоит дело с этой дивизией. И, действительно, опасения тов. Ворошилова оправдались, через четыре дня он получил от главкома следующую срочную телеграмму [2]:

„Командарму 10 Ворошилову

27.XI.18 г. Серпухов

Прошу срочно сообщить, имеете ли возможность выделить из состава своей армии одну вполне надежную и боеспособную бригаду, укомплектованную рабочими Донецкого бассейна, для переброски ее на Воронежское направление. № 373».

Тов. Ворошилов просил обещанную ему Уральскую дивизию, главным образом, для Камышинского боевого участка (куда он назначил командующим северным боевым участком и начдивом Антонюка), так как расформирование Вольской дивизии и активность белоказаков на фронте Красный Яр — Камышин требовали усиления этого направления. Но после приведенной телеграммы № 373 главкома стало ясно, что борьбу надо было вести, рассчитывая только на наличные силы.

23 ноября в районе Абганерово тов. Ворошилов, ознакомившись на месте с обстановкой, с положением своих частей и противника, санкционировал план предполагаемой активной операции, которую задумал командующий Южным участком Харченко, совместно с командованием Донской советской дивизии и кавалерийской бригады товарища Буденного. Тщательно проведенная разведка установила, что белые конные части 7-го кавалерийского полка, 1-й и 2-й пластунские полки, 5-й, 6-й, 7-й и 8-й

[1] ЦАКА, д. № 284—046, л. 226.
[2] ЦАКА, д. № 5—136, л. 45.

пехотные полки, а также 46-й и 2-й пехотные полки группируются в районе Гнилоаксайской и хут. Кучеровы. Там же находился офицерский полк при 4 орудиях и 8 пулеметах. Эти белоказачьи части (76-й, 77-й, 78-й, 79-й партизанские пехотные полки) входили в группу ген. Попова, остальные же были на отрыве и группировались южнее, в районе Котельниково — Зимовники. Командующий Южным участком решил взять инициативу в свои руки и разгромить Гнилоаксайскую группу белых, на это он получил согласие со стороны командарма 10. Детали этой замечательной, молниеносной операции мало известны и только зафиксированы в приказе по войскам 10-й армии тов. Ворошилова [1]. Дело в основном было так: кавалерийская бригада Буденного — Думенко (развернутая с 28 ноября в сводную кавдивизию), скрытно и искусно проникнув в тыл белоказакам, при всемерном содействии пехотных частей 1-й Донской советской дивизии, наступавших к югу от ст. Абганерово, удачным маневром, как пишет тов. Ворошилов в своем приказе от 26 ноября, взяла «противника в кольцо и наголову разбила его кавалерию, 46-й и 2-й Волжские пехотные полки в полном составе. Благодаря выдающемуся хладнокровию и распорядительности командующих и беспредельному мужеству героев-красноармейцев, стремительно и точно исполнивших боевой приказ, почти весь наличный состав неприятельских полков оказался уничтоженным, а трофеи, оставшиеся нам, были громадными. До настоящего момента отмечено несколько вагонов пленных — солдат, кадетов, при 7 офицерах, отправленных в Царицын, остальные пленные собираются и подсчитываются, взято 2 орудия, 11 пулеметов, две тысячи винтовок, свыше 100 повозок с патронами и снарядами, заключающих в себе более 300 000 патронов и свыше 1 500 снарядов, общее число пленных превышает 700, на поле брани более 300 вражеских трупов, продолжается преследование врага. Объявляя об этой блестящей победе по войскам 10-й армии, Реввоенсовет армии горд и счастлив отметить этот выдающийся случай геройской отваги и мужества как со стороны командного состава, так и со стороны товарищей красноармейцев. С такими войсками победные знамена великой социалистической всемирной революции не будут знать поражения.

[1] ЦАКА, д. № 47—009, л. 86, 87.

Честь и хвала товарищам героям!

По представлении более подробного рапорта Реввоенсовет 10-й армии наиболее отважных и отличившихся представит к боевой награде. Командарм 10-й ВОРОШИЛОВ»[1].

Одновременно с Гнилоаксайской операцией развернулось под непосредственным личным руководством тов. Ворошилова ожесточенное сражение с превосходными силами белоказаков к югу от Кривомузгинской, на фронте Стальной дивизии.

23 ноября в 23 час. 19 мин. Ворошилов писал:

„Царицын, Военсовет, тов. Щаденко[2]

Телеграфируйте в Кривую Музгу, что сделано с флотилией для отвода на зимовку.

ВОРОШИЛОВ“.

На эту телеграмму 24 ноября последовал ответ в Кривую Музгу:

«Относительно флотилии меры приняты. Некоторые срочные дела настоятельно требуют вашего присутствия в Царицыне. № 3236.

ЩАДЕНКО“[3].

Не имея возможности выехать в Царицын, 24 ноября тов. Ворошилов телеграфировал:

„Царицын. Реввоенсовет, Щаденко

24.XI—18 г.

Целый день руководил боями. Противник кавалерией в шесть полков совершенно обошел дивизию, которая отбивалась целый день. Противник понес большие потери, наши остановились на востоке перед Варламовкой. Я еду в Царицын.

ВОРОШИЛОВ“[4].

Эта операция протекала таким образом:

Приезд тов. Ворошилова в расположение войск Стальной дивизии как раз совпал с энергичным наступлением белоказаков на фронте этой дивизии. Согласно приказу по 10-й армии № 24 Стальная дивизия должна была

---

[1] За эту операцию тов. Ворошилов представил тов. Буденного к ордену Красного знамени. Приказ по 10-й армии № 56 от 27/XI 1918 года (ЦАКА, д. № 7134, л. 121).

[2] ЦАКА, д. № 26739, л. 51.

[3] ЦАКА, д. № 26739, л. 50.

[4] ЦАКА, д. № 26739, л. 69.

выйти из резерва и занять фронт от Марциовки через Кривомузгинскую далее на юг, примерно до района Степанникова. Войска Стальной дивизии заняли указанный ей фронт. Рано утром 24 ноября на расположение 1-го революционного пехотного полка[1], 1-го и 2-го Донских пехотных полков[2], 1-го Тихорецкого пехотного полка[3] и резервного пехотного полка[4] набросилась конная группа шести полков белоказаков в составе 8 000 сабель. Противник стремился ударом по левому флангу и центру расположения Стальной дивизии выйти через хутор Варламов в глубокий тыл расположения красных и стремительным натиском захватить район Карповки.

Белые вели наступление лавами в конном строю на фронт Варламов — Бузиновка, стремясь овладеть высотами на правом берегу реки Донская Царица. Бойцы Стальной дивизии были обойдены удачным маневром белоказаков и дрались в окружении. Целый день тов. Ворошилов, рискуя каждый миг своей жизнью, отдавал на поле боя распоряжения и руководил ходом сражения красной пехоты с конницей белых.

Под конец белоказаки, видя бесплодность всех своих попыток зажать в огневое кольцо полки Стальной дивизии, стали спешиваться и под прикрытием броневиков продолжали наступление цепями. Один из броневиков прорвался от Варламова, но под метким артиллерийским огнем ему пришлось уйти назад, а затем в конце дня боя он был подбит и уничтожен.

Группа в 8 000 белоказаков к концу непрерывного 16-часового боя остервенела от ярости; неся огромные потери и чувствуя свое бессилие перетянуть чашу весов на свою сторону, она отдельными группами стала быстро уходить на запад, бросая своих раненых и истребляя оставшихся на поле боя раненых красноармейцев.

Героический день 24 ноября в боевой жизни Стальной дивизии тов. Ворошилов ознаменовал приказом по 10-й армии[5]:

---

[1] 1 018 штыков; 27 пулеметов.

[2] 1 070 штыков, 25 пулеметов и 633 штыка и 15 пулеметов.

[3] 852 штыка и 16 пулеметов.

[4] 719 штыков и 20 пулеметов. Кроме того, в Стальной дивизии был 1 кавалерийский полк (1 242 сабли + 26 пулеметов), а затем Крымский кавалерийский полк (278 сабель + 11 пулеметов). Дивизия имела 15 легких орудий.

[5] ЦАКА, д. № 7134, л. 117 Приказ № 54 от 26 ноября 1918 г.

«С чувством революционной благодарности отмечаю беззаветную храбрость пехотных полков Стальной дивизии, которые в продолжение целого дня действовали мужественно и стойко, отражая врага, кольцом окружившего славных революционных стальных бойцов. Враг понес большие потери и в беспорядке отступил, оставив занятые было им части наших позиций. Руководя и наблюдая лично боем 24 ноября в течение всего дня, отмечаю личную храбрость и прекрасное руководство артиллерийским огнем инспектора артиллерии тов. Кулика, единолично орудийным огнем прогнавшего автоброневик противника, зашедшего нам в тыл.

Товарищам: временно исполняющему обязанности начальника Стальной дивизии Горелепко, командиру Тихорецкого полка Шелистову выражаю особую благодарность за их самоотверженность и революционную отвагу — будучи оба раненым, они не оставили своего поста и доблестно сражались и руководили боем до поздней ночи.

За смелость и высокую революционную доблесть благодарю товарищей Пархоменко, состоящего для поручения при мне, и помощника начальника боевого участка Агатановича, неустанно под градом пуль и шрапнелей работавших, пока враг не был сломлен.

Еще раз отмечаю храбрость и высокую революционную стойкость пехоты Стальной дивизии, по совести должны сказать, что артиллерия могла бы действовать гораздо лучше, но принимая во внимание преступное отношение начальника артиллерии тов. Огиенко, который совершенно отсутствовал во время боя, я только этим и объясняю причину растерянности и неподобающего поведения некоторых из командиров батарей, которые и помешали отличиться товарищам артиллеристам. Инспектору артиллерии тов. Кулику приказываю расследовать причину отсутствия тов. Огиенко и, отстранив его от несения обязанностей, отдать под суд Военно-революционного трибунала армии.

Командарм 10 ВОРОШИЛОВ».

23—25 ноября войска Морозовско-Донецкой, Доно-Ставропольской, Качалинской и Сводно-Донской дивизий продолжали развивать наступление, выполняя приказ № 21 тов. Ворошилова от 1 ноября (схема 22), мужественно отбрасывая белоказаков за р. Дон.

К 25 ноября на участке Калач — устье р. Иловля белоказаки были оттеснены на правый берег Дона. Части Коммунистической дивизии были переброшены на Лог —

Арчадинское направление, где успешно действовали в полосе железной дороги Царицын — Поворино.

23 ноября завязался ожесточенный бой на берегах р. Иловли. Группа белоказаков под управлением ген. Татаркина оказывала упорное сопротивление и крепко удерживала северный берег р. Иловли от устья до хут. Авилов. Стремительной атакой полки Коммунистической дивизии и 38-й Рогожско-Симоновский полк разгромили группу белоказацкого генерала Татаркина и целиком уничтожили 78-й, 98-й, 82-й Донские полки, отбросив остатки этой группы к станции Арчеда. К 23—25 ноября боевая линия на Царицынском фронте шла от ст. Липки далее на Ново-Григорьевскую и по левому берегу р. Дона до хут. Черкасский. Это была огромная победа, учитывая то обстоятельство, что 10-я Царицынская армия попрежнему очень скудно получала необходимое ей вооружение, огнеприпасы, несмотря на обещания центральных органов снабжения. Такое нетерпимое положение заставило тов. Ворошилова в конце ноября обратиться в Центр к товарищам Ленину, Свердлову, главкому и командующему фронтом Славену со следующей телеграммой:

«...Нас хватит для отпора до рождества. За это время истратим снабжение, наши пополнения[1] не покрывают текущих потерь, истечем кровью, рискуем погубить армию, сдать Царицын, если не будут приняты совершенно экстренные меры центром. Становится ясно, что 9-я и 10-я армии наличными силами при полном напряжении не разрешат совокупности стоящей задачи. Нам совершенно необходима немедленная присылка одной полной дивизии на Камышинский участок. Настоящее время мы притянули на себя большие силы противника, не можем сделать никакой переброски, фронт трещит. № 1575»[2].

При совершенно недостаточном снабжении огнеприпасами нередко случалось, что грузы, следовавшие в адрес Царицына или Камышина, пропадали в дороге, и в адрес 10-й армии приходили пустые вагоны, подмененные в пути ловкими дельцами в тылу Южного фронта. На-

[1] Имеется в виду снабжение, организованное внутри Царицына, на его фабриках, заводах, и те мобилизации населения, которые Реввоенсовет практиковал в трудные периоды борьбы и когда белоказаки вплотную подходили к линии Волги.

[2] ЦАКА, д. № 30—065, л. 18.

пример. в разговоре по прямому проводу[1] начальник боевого Камышинского участка жаловался начштабу 10-й армии, что груз в 2 000 винтовок пропал по дороге между Тамбов — Балашов, а в Камышин пришли пустые вагоны. Снабженческие махинации подобного рода еще больше осложняли и без того тяжелое положение с вооружением и огнеприпасами.

В Камышинском районе в связи с постоянной неустойчивостью левофланговых частей 9-й армии (дивизия Миронова) положение все время было напряженным. 30 ноября тов. Ворошилов писал командующему Южным фронтом[2]:

„Козлов, Комфронту Славену

Положение на Северном участке улучшается, принятыми мерами прорыв вскоре будет ликвидирован. Примите самые экстренные меры против безобразий, чинимых Мироновым, вследствие его ничем не вызванного отхода от станции Ильмень и Айдадурово (Красный Яр. — *Вл. М.*), наш Северный участок не может с ним связаться и противнику предоставляется возможность прорыва на север. № 3428.

Реввоенсовет 10 армии **ВОРОШИЛОВ“.**

Наступили холодные дни; бои эпизодического характера продолжались по всему фронту в условиях длительных дождей со снегом; приказы тов. Ворошилова полны заботы о бойце. Он строго приказывал как можно лучше оборудовать окопы, устроить настилы, озаботиться доставкой в окопы соломы, с тем чтобы сохранить здоровье бойцов. Тов. Ворошилов приказывал усилить бдительность за коварным врагом, особенно по ночам, проверяя как можно чаще (не реже чем через полчаса) караулы, секреты, заставы и пр.

Камышинский район держался довольно стойко, ведя бои в 40—50 *км* к западу и 100 *км* к северо-западу от города Камышина и отбивая всякие попытки белоказаков перерезать железную дорогу Камышин — Красный Яр (см. схему 24).

В конце ноября белоказаки прорвали фронт на р. Иловля, севернее хутора Александровки, и стали распространяться опять в направлении Усть-Погожье — Лозное. Это была демонстративная группа в составе двух кавалерий-

[1] ЦАКА, д. № 248—052, л. 401—403.
[2] ЦАКА. д. № 26739, л. 84.

ских полков и одного пехотного, так как главные силы находились в районе Котово — Соломатино. Основная оперативная идея белых заключалась в том, чтобы как можно скорее оседлать железную дорогу Камышин — Балашов, ударить в стык между 9-й и 10-й армиями, разобщить их и бороться с каждой из этих армий в отдельности. Переход противника на южный берег Иловли заставляет тов. Ворошилова предпринять срочные меры к локализации этого успеха белых. Он приказывает организовать Дубовский отряд и бросает его под командованием Шамова на север, с задачей вместе с правым флангом войск тов. Колпакова занять фронт на Иловлю от Захаровки до Успенки. Одновременно с этим, имея в виду, что в начале декабря части 9-й армии, перейдя в успешное наступление (15-я дивизия — на Алексиково, 16-я — на ст. Ярыженскую, 23-я — на ст. Филоново), захватили железную дорогу, но вскоре опять ее потеряли и заняли фронт в 40—50 *км* южнее (Булгурпиский) и юго-западнее (Преображенская) железной дороги Красный Яр—Балашов, тов. Ворошилов пишет следующее письмо-телеграмму командованию Камышинского района:

„Камышин, начучастка[1]

Из Царицына, принята 3/XII—1918 г.

Приказываю энергично вести наступление согласно приказу № 36[2]. От вашего участка зависят все действия девятой армии. Наступление должно вестись, не считаясь ни с чем, поставьте все на карту и приведите в исполнение приказ № 36. Соберите, стяните все[3], что можно, и решайте судьбу свою и нашу. Передайте Антонюку, Михайловскому и всем другим, также и вас прошу, пусть приложат все усилия и проявят побольше энергии.

Желаю успеха.

Командарм X ВОРОШИЛОВ".

На всем протяжении Камышинского фронта, а также южнее его левого фланга (Соломатино) завязались упорные бои, которые в первой половине декабря успешно закончились: белоказаки были отброшены к западу от линии Бурлук — Котово — Соломатино. дальше фронт пошел по реке Иловле от Захаровки на Липки.

---

[1] ЦАКА, д. № 248—052, л. 316.
[2] См. приложение 7.
[3] См. боевой состав в декабре (приложение 8).

Еще 30 ноября тов. Ворошилов отдал приказ по 10-й армии, информируя бойцов о низложении на Украине власти гетмана Скоропадского и об избрании Советского правительства в составе Артема, Ворошилова [1] и др.

«Революционный Военный Совет 10-й армии призывает вас, — пишет тов. Ворошилов в этом приказе [2], — всех до единого неуклонно бестрепетно оставаться на своих постах. Близок день, когда наши победные знамена с радостной музыкой пойдут по полям Дона, Кубани, Украины под братские крики привета, которыми будут встречать все трудящиеся...

Да здравствует Украина! Да здравствуют красные солдаты-украинцы 10-й армии и все их соратники в грядущих победных боях за освобождение Украины!»

В декабре 1918 года бои на Царицынском фронте шли только на отдельных оперативных направлениях.

10-я армия за октябрь—ноябрь сильно истекла кровью, почти непрерывные бои, а также болезни вывели многих бойцов из строя, потери исчислялись тысячами; в декабре Царицынская армия с 70 000 бойцов снизилась в своей численности до 40 000. Это обстоятельство заставило командарма Ворошилова обратиться в Центр с просьбой пополнить эту сильную убыль в людях. Большой фронт и отсутствие резервов настоятельно требовали новых пополнений; Камышинской дивизии требовалось 8 900 человек, Коммунистической дивизии — 7 800 человек, Стальной дивизии — 7 500 человек, Морозовско-Донецкой дивизии — 9 600, 1-й Донской советской дивизии — 8 700 и Доно-Ставропольской дивизии — 7 600 [3]. Тов. Ворошилов просил присылать пополнения обмундированными и вооруженными. К сожалению, и эта просьба была выполнена не больше чем на 10%. В декабре, благодаря хорошо организованной работе царицынских заводов, благодаря трофеям и умению экономить запасы, на что тов. Ворошилов постоянно обращал самое серьезное внимание своих войск, огнеприпасы, хотя и небольшие, исчислялись все же в 25 000 000 патронов и 50 000 снарядов.

Перемена ориентации Красновым с германской на союзническую целиком провалилась, державы Антанты по-

---

[1] В середине декабря тов. Ворошилов выехал к месту новой своей работы на Украину.

[2] ЦАКА, д. № 7134, л. 137.

[3] ЦАКА, д. № 30—065, л. 41.

прежнему всемерно помогали Деникину. Краснов, провалившись со всеми своими многочисленными наступлениями на Царицын, Камышин и пр., совершенно потерял на Дону политический и военный авторитет, вскоре он был Кругом «Всевеликого войска Донского» уволен в отставку.

В декабре 1918 года на Царицынском фронте погода с каждым днем ухудшалась, непролазная грязь в период холодных дождей, сильные, пронизывающие до костей ветры дополнились обильным снегопадом.

Огромные материальные и людские потери Донской казачьей армии требовали новых сил и пополнений. Широкий маневренный характер боевых действий шестимесячного периода (с июля 1918 года) сменился на Царицынском фронте некоторым затишьем. После того как атаман Краснов был уволен в отставку, на смену ему ген. Деникин приготовил своего ставленника ген. Сидорина. Но это случилось уже в 1919 году.

ГЛАВА XVI

Заключение

В своей статье «К вопросу о стратегии и тактике русских коммунистов»[1] товарищ Сталин писал, что в войне против Колчака и против Деникина в 1919 году мы блестяще выиграли ряд решительных операций, так как правильное нацеливание основного направления для главного удара[2] определило характер всех дальнейших операций вплоть до ликвидации армий Колчака и Деникина.

> „Иначе говоря, – пишет тов. Сталин, – определить направление основного удара – это значит предрешить характер операции на весь период войны, предрешить стало быть на **судьбу всей войны. В этом задача стратегии“.**

Это положение полностью относится и к операциям 1918 года на Украине, в Донской области и на Северном Кавказе. Здесь два основных момента.

---

[1] «Правда» № 56 за 1923 год.

[2] Не останавливаться на линии р. Белой, а гнать колчаковскую армию за Урал и добивать ее в глубине Сибири; нанести удар против Деникина армиями Южного фронта и не по линии Царицын—Новороссийск, а из района Харьков—Воронеж через Лиски на Ростов.

Во-первых, под давлением многочисленной и сильной технически германо-австрийской оккупационной армии красные войска принуждены были оставить часть территории Украины, с тем чтобы выиграть время для организации своих сил и контрудара. По этому поводу товарищ Сталин в той же статье говорит:

«...Бывают еще моменты, когда приходится пренебречь тактическим успехом, сознательно пойти на тактические минусы и проигрыши для того, чтобы обеспечить за собою в будущем стратегические плюсы. Так бывает нередко на войне, когда одна сторона, желая спасти кадры своих войск и вывести их из-под удара превосходных сил противника, начинает планомерное отступление и сдает без боя целые города и области для того, чтобы выиграть время и собраться с силами для новых решительных боев в будущем. Так обстояло дело в России в 1918 году во время германского наступления, когда наша партия вынуждена была пойти на Брестский мир, представляющий громадный минус с точки зрения непосредственного политического эффекта в тот момент, для того, чтобы сохранить союз с крестьянством, жаждавшим мира, заполучить передышку, создать новую армию и обеспечить, таким образом, в будущем плюсы стратегические».

Во-вторых, необходимо было определить район для решающих боев, найти его на гигантском 6 500-*км* фронте вооруженной борьбы, который имела Советская республика в 1918 году, с тем чтобы не дать противнику возможности овладеть этим районом, а отсюда и получить большие стратегические выгоды.

Для 1918 года на Украине, Донской области и Северном Кавказе таким решающим районом и пунктом оперативно-стратегической связи между Восточным, Южным и Северо-Кавказским фронтами был район Царицына. С изумительным политическим и стратегическим искусством это определили В. И. Ленин и И. В. Сталин, призывая держаться в районе Царицына до последнего, но не сдавать его врагу ни на минуту. Ленин послал в Царицын Сталина, который должен был добыть на юго-востоке Советской России хлеб и другое продовольствие для голодавших рабочих центров, а также организовать неприступную оборону полосы Средней и Нижней Волги. Для величайших политиков и стратегов революционно-классовой войны Ленина и Сталина было ясным, что с потерей линии Царицын — Астрахань произошло бы соединение на

линии Волги контрреволюционных сил *Юга* (донское, кубанское, терское белое казачество) и *Востока* (уральское, оренбургское, астраханское белое казачество). Но, как известно, благодаря тому, что *именно в 1918 году*[1] Царицын оставался в наших руках, этого соединения не произошло на протяжении всей гражданской войны, и противнику на Южном и Восточном фронтах приходилось держать оперативно-стратегическую связь между собой далеким, окольным путем, через огромные пространства и территории Европы и Азии. Терялось чрезвычайно много времени — это, во-первых, а во-вторых, враги, скажем, Колчак и Деникин, а до них Краснов и армия «Комуча» и чехо-словаков, будучи разобщены, не могли оказать друг другу непосредственную помощь живой силой и военной техникой.

В кровавой борьбе в августе — сентябре — октябре — ноябре, т. е. в те месяцы, когда на огромных пространствах между р. Доном и р. Волгой, между р. Медведицей и р. Салом происходили ожесточенные бои за Царицын с двумя окружениями, победа была достигнута благодаря замечательному политическому руководству Сталина и Ворошилова. В этой борьбе был блестяще осуществлен на деле принцип искусного боевого взаимодействия основных родов войск. Пехота, кавалерия, артиллерия, броневые силы и речные суда под непрерывным и непосредственным руководством Военного совета действовали дружными совместными ударами, помогая друг другу и держа тесную боевую связь между собой. В результате все злодейские планы белоказаков потерпели неудачу; Царицын в течение всего 1918 года стоял, как неприступная гранитная скала.

В 1923 году в статье «К вопросу о стратегии и тактике русских коммунистов» товарищ Сталин подчеркивал, что:

> **„Задача военного искусства состоит в том, чтобы обеспечить за собой все роды войск, довести их до совершенства и умело сочетать их действие".**

Этот замечательный тезис товарища Сталина, испытанный в кровавых, тяжелых боях гражданской войны, и сейчас сохранил свою полную актуальность; без твердого

[1] В 1919 году район Царицына не мог уже играть того значения, как в 1918 году, ибо белые войска Колчака были отброшены от линии Волги далеко за Урал, в глубь Сибири.

осуществления его не может быть победы на полях сражения.

Выше мы уже говорили, что героический поход «Группы войск тов. Ворошилова» из Донбасса к Царицыну сыграл решающую роль во всей дальнейшей организации обороны Царицына в 1918 году. Войска под командованием тов. Ворошилова во-время пришли в район Царицына; именно они сцементировали и упрочили всю оборону Царицына. В стойкой героической шестимесячной обороне Царицына решался исход исторических событий, происходивших на всей огромной территории юго-востока Советской России (Украина, Донская область, Северный Кавказ, Астрахань, Баку, Туркестан), и мы видели, что тов. Сталин, находясь в Царицыне, руководит не только его обороной, но и всей борьбой на юго-востоке Советской республики. Вполне закономерно, что все основные директивы Ленина для Юго-востока шли именно через тов. Сталина, который, будучи к тому же народным комиссаром национальностей, как никто другой, обстоятельно и глубоко знал гигантский многонациональный район Юго-востока с его сложнейшим переплетом классовой борьбы, где веками угнетавшиеся ранее народности Кавказа и Туркестана требовали особо искусного руководства.

Товарищи Сталин и Ворошилов постоянно непосредственно руководили ходом боевых действий, воспитывали в процессе борьбы закаленные кадры. Сталин учит, что:

> «...Только те кадры хороши, которые не боятся трудностей, которые не прячутся от трудностей, а наоборот — идут навстречу трудностям для того, чтобы преодолеть и ликвидировать их. Только в борьбе с трудностями куются настоящие кадры».

Исключительная динамика событий заставляла товарищей Сталина и Ворошилова указывать защитникам Царицына, что нельзя ограничиваться «черчением чертежей», нельзя оторванно от войск, далеко в штабах, составлять отвлеченные, надуманные планы, что в пылу борьбы необходимо личное общение с командирами и красноармейцами боевой линии. Товарищи Сталин и Ворошилов делили с героями — защитниками Царицына — все опасности боя, все тяжести и невзгоды войны и радости победы.

Личное мужество и храбрость высшего начальника, сообразованные с тщательным анализом и трезвым учетом боевой обстановки, являлись прекрасным средством исправления всяческих крайностей и вывихов у бойцов и командиров (оголтелый порыв, как пример фальшивой, показной храбрости, упадок духа в момент неудачи вместо того, чтобы еще более напрячь силы и волю для преодоления трудностей).

Товарищ Сталин говорит:

> «...Смелость и отвага — это только одна сторона героизма. Другая сторона не менее важная — это умение. Смелость, говорят, города берет. Но это только тогда, когда смелость, отвага, готовность к риску сочетаются с отличными знаниями».

Весь трехмесячный поход армии тов. Ворошилова из Донбасса в Царицын, ожесточенные бои в период первого и второго окружений Царицына, многочисленные примеры мужества и геройства бойцов и командиров в районе Мартыновка — Куберле — Вороново — Лог — Гумрак — Карповка — Басаргино — Бекетовка — Чапурники — Абганерово — Жутово, — все это замечательный материал для воспитания молодого поколения нашей великой родины, все это по праву входит в железный фонд оперативно-тактического и стратегического искусства Красной Армии.

В героической борьбе за Царицын, продолжавшейся почти год, отбирались и закалялись великолепные кадры командиров из рабочих и крестьян. Именно здесь, на обширных полях Донской области, на приволжских возвышенностях и в калмыцких степях, в ожесточенных схватках с классовым врагом родилась созданная по личной инициативе товарища Сталина знаменитая Конная армия во главе с ее вождями К. Е. Ворошиловым и С. М. Буденным. Здесь выросли замечательные командиры, которые, пройдя огонь и бури многочисленных фронтов, продолжают сейчас работать над дальнейшим усовершенствованием вооруженных сил СССР.

Героическая царицынская эпопея замечательна еще тем, что в ней не встретишь ни шаблона, ни схематизма — этих злейших врагов такого живого и сложного дела, как организация управления и командования. И в первом и во втором окружениях Царицына три основных оперативных направления на Поворино, Чир, Великокняже-

скую являлись решающими. В силу этого обстоятельства Военный совет обороны Царицына во главе с товарищами Сталиным и Ворошиловым неустанно работал над созданием трех крепких ударных маневренных кулаков с прочной коммуникацией и базой, обеспечивавшими наиболее целесообразное выполнение единой задачи. Сущность этой единой задачи заключалась в том, чтобы не давать врагу господствовать над полем боя, сохранить за собой инициативу и, угрожая флангам, громить его живую силу посредством маневра. Особенно следует подчеркнуть, что Сталина и Ворошилова мало беспокоили факты потери того или иного географического пункта: это было для них лишь эпизодом, и они упорно, неотступно стремились к основному — уничтожению живой силы врага.

В нашей книге мы рассказали о том, как наносились врагу контрудары, как развивался один успех за другим. Силы бросались в атаку лишь после самого серьезного расчета и глубокого продумывания обстановки. Решившись дать бой или разыграть сложную операцию, товарищи Сталин и Ворошилов, как правило, сосредоточивали все, что только можно, к району удара, вручая судьбу боя и жизнь бойцов наиболее проверенным командирам; они никогда не забывали оставить силы в резерве для усиления того или другого направления в ходе боя и операции.

Сущность оперативно-стратегического искусства, благодаря которому Царицын выдержал бешеный напор и громил более сильного врага, заключалась в том, что руководство обороною Царицына с исключительной целеустремленностью, не взирая ни на какие препятствия, блестяще маневрируя войсками как на всем огромном Царицынском фронте, так и на поле боя, твердо и неуклонно вело красных бойцов к раз поставленной цели. Это замечательное явление можно понять только после всестороннего изучения фактического хода событий в постепенном, хронологическом их порядке.

Весь 1918 год Царицын и Камышин[1] оставались опорными советскими пунктами на Волге в крепких руках Царицынской Красной армии.

Директива Ленина была целиком выполнена. Под непосредственным руководством Сталина в период первого

[1] И Астрахань, которая осталась в 1918 году в руках красных только благодаря тому, что держался Царицын.

I. второго окружения, без личного присутствия Сталина, но со сталинской школой и под непрерывным его руководством из Москвы в период ноября — декабря тов. Ворошилов доблестно вел героические войска 10-й Царицынской армии от победы к победе.

Бессмертными страницами входят в историю нашей гражданской войны трехмесячный героический поход из Донбасса к Царицыну армии тов. Ворошилова и шестимесячная оборона Царицына в 1918 году.

Так и оставались на протяжении всей нашей трехлетней гражданской войны разъединенными линией р. Волги контрреволюционные армии Юга и Востока.

1 июля 1919 года, как известно, Царицын был взят армиями Деникина. В это время по директиве ленинской партии тов. Ворошилов работал на Украине в качестве народного комиссара внутренних дел и командующего войсками внутреннего фронта (с конца декабря 1918 года)[1].

После падения в июле 1919 года Царицына[2] возможность для армии Деникина объединиться на линии Волги у Царицына с армиями Колчака была мало вероятной, так как Колчак в июле 1919 года был отброшен от Царицына и левого берега Волги на сотни километров, далеко за Урал. Мало того, Красная Армия Восточного фронта продолжала гнать остатки деморализованных колчаковских армий в глубь Сибири (см. схему 25).

Это обстоятельство, естественно, еще более поднимает значение героической обороны Царицына именно в 1918 году, когда, несмотря на саботаж, вредительскую работу Троцкого и его помощников — всей этой троцкистской банды Снесаревых, Носовичей, Ковалевских, Окуловых и пр., врагам так и не удалось овладеть Царицыным.

Героическая оборона Царицына под непосредственным личным руководством товарищей Сталина и Ворошилова в продолжение всей второй половины 1918 года является самой замечательной, поучительной, бессмертной страницей нашей великой гражданской войны 1918—1920 годов.

---

[1] В мае 1919 года тов. Ворошилов разгромил и уничтожил на Украине широко развернувшийся и захвативший большой район мятеж атамана Григорьева.

[2] 10-й Царицынской армией командовал тогда [illegible].

Приложение 1

ПРИКАЗ

по советским войскам 10-й армии
№ 24

1 ноября 1918 года гор. Царицын н/В

По оперативной части

Противник, сосредоточив крупные силы в районе 5-го боевого временного участка (Камышинская дивизия), прорвал фронт между войсками 10-й и 9-й армий, движется в направлении гор. Камышина на Волге, стараясь отрезать единственный путь снабжения 10-й армии.

Для скорейшей ликвидации прорыва и вытеснения частей противника из района Камышинского уезда приказываю:

Центральному участку

а) Находящимся в резерве частям *Стальной дивизии* немедленно сменить всю 1-ю Морозовско-Донецкую дивизию, имея правый фланг в Мариновке включительно. 1-й Морозовско-Донецкой дивизии, сменившись, сменить 2-ю Сводно-Казачью дивизию и 1-ю Коммунистическую дивизию и занять участок от селения Мариновка (искл.) до хут. Вертячий (вкл.).

б) *2-й Сводно-казачьей дивизии*, сменившись, сменить все части и занять позиции по реке Дону от хут. Вертячий (искл.) до ст. Качалинской (вкл.), укрепляя все переправы по реке Дону.

в) *1-й Качалинской дивизии* сменить все части и занять позиции по р. Дону от ст. Качалинской (искл.) до хут. Колоцкий (вкл.), укрепляя все переправы по р. Дону.

г) Освободившуюся 1-ю *Коммунистическую дивизию* выделить в ударную группу с достаточным количеством артиллерии и двинуться вдоль линии жел. дор. к ст. Арчеда.

д) *Доно-Ставропольской дивизии* под командой тов. Колпакова в связи с продвижением 1-й Коммунистической дивизии одновременно двигаться, держа тесную связь на флангах с соседними частями на северо-запад, занимая хут. Белужкин, Старо-Донской, Средне- и Верхне-Крестовские, Ново-Григорьевскую переправу на р. Дон, Виттовский, вплоть до хут. Духовского.

е) Всем частям Вольской дивизии под командой Гаврилова, связавшись с ударной группой 1-й Коммунистической дивизии и частями Кисолапова, одновременно с началом операции ударной

группы переправиться на правый берег реки Иловли и двинуться в направлении к хут. Ютаевский, Средне-Ширяевский, Плетнев и Верхяеводский и занять линию вдоль левого берега Арчеда от хут. Калинина до хут. Арчединско-Чернушенского вкл., где укрепиться на господствующих высотах.

Камышинской дивизии под командованием Косоланова

Одновременно с продвижением частей Вольской дивизии, держа тесную связь на левом фланге своих войск с частями Гаврилова, двинуться в направлении Прудковский и Арчединско-Чернушенский и занять высоты от хутора Арчединско-Чернушенского (искл.) до хут. Прудковский, Гуров (вкл.). Правому флангу Камышинской дивизии, соединившись с частями, оперирующими в районе Камышина под командой Антонюка, временно закрепиться на занимаемых позициях, выделить ударную группу в составе 1 500 штыков и при достаточном количестве артиллерии двинуться совместно с частями Антонюка в направлении Красный Яр, стараясь отрезать части противника, продвинувшиеся в направлении к Камышину, которых отрезать и всех уничтожить. Перегруппировку начать немедленно по получении настоящего приказа. После окончания перегруппировки всех войск к исполнению настоящего приказа приступить на рассвете в пять часов утра 3 ноября 1918 года.

Командующий 10-й армией **ВОРОШИЛОВ.**

ЦАКА, д. № 255—609, л. 31.

Приложение 2

ТЕЛЕГРАММА

Арзамас, Главкому. Москва. Реввоенсовет Республики. Козлов. Воспревсовет Южного фронта

10 ноября 1918 г.

Взбунтовавшиеся три полка Вольской дивизии: 1-й и 2-й Балаклавские и 1-й Астраханский, самовольно оставили фронт, захватили девять орудий и тринадцать пулеметов, двинулись в посад Дубовку. В Дубовке благодаря отсутствию достаточной вооруженной силы переправились на левый берег Волги и, разбившись на три группы, двинулись дальше. Мною своевременно были приняты следующие меры для задержания и разоружения банд: я отдал приказание командующему 2-й Волжской флотилии тов. Сабурову в Камышин отправить необходимое количество вооруженных судов в Дубовку для предупреждения переправы банд на левый берег[1]. Командующего

[1] Текст этой директивы был следующий (ЦАКА, д. № 248—643, л. 6):
Командующему Волжской флотилией Сабурову 8 ноября 17 ч. 5 м.
Приказываю немедленно отправить из Камышина в посад Дубовку

флотилией тов. Сабурова в Камышине не оказалось, так как он самовольно выехал в Саратов, и банды беспрепятственно переправились на левый берег Волги, заняв село Рахинку. Кроме того, я отправил конный отряд в 360 сабель, которому приказал, не принимая боя днем, подготовиться к операции ночью: окружить Рахинку и предложить сдать оружие, при сопротивлении применить оружие. Ночью с 9 на 10 ноября Рахинка была окружена конным отрядом. Банды открыли стрельбу из винтовок и пулеметов — отряд отвечал. Банды бросили Рахинку и, захватив орудия и пулеметы, бросились в степь. Конный отряд преследовал и, догнав, открыл стрельбу из пулеметов и винтовок. После полуторачасовой перестрелки от бандитов прибыла для переговоров делегация. Распоряжением тов. Михайловского [2], руководившего операцией, делегация была арестована, сам же Михайловский с двумя кавалеристами поехал к бандам и после двухчасового переговора принудил их сдать оружие. Все девять пушек и тринадцать пулеметов были немедленно переданы конному отряду, винтовки и патроны сданы также. Разоруженные бандиты грузятся на баржи и препровождаются в Царицын, где будет произведено строжайшее расследование и наказаны агитаторы и провокаторы. Для предупреждения могущих повториться явлений бунта Вольской дивизии, а также и в достигшей апогея разложения 1-й Камышинской дивизии, Военно-революционный совет 10-й армии полагал бы как Вольскую, так и Камышинскую дивизии [3] расформировать. Красноармейцев и командный состав обратить на пополнение дивизии и полков 10-й армии; образующийся вследствие расформирования двух дивизий прорыв заполнить своими средствами не пред-

---

одно вооруженное судно с дальнобойным орудием и один или два катера-истребителя. Суда должны поступить в распоряжение военкома пос. Дубовки т. Рожкова, команду должны предупредить о необходимости временного и строгого подчинения лицам, снабженным полномочиями командующего 10-й армией. Об исполнении срочно донесите в штаб 10-й армии.

Командующий 10-й армией Югфронта ВОРОШИЛОВ».

[2] Тов. Михайловский — один из замечательных командиров Царицынского фронта, ближайший боевой соратник тов. Ворошилова. В 1931 году, будучи слушателем Особой группы высшего комсостава Военной Академии РККА им. Фрунзе, умер от рака желудка.

[3] 10 ноября 1918 г. начальник дивизии Косолапов писал комфронту Сытину, в копии командарму 10 тов. Ворошилову: «Полки Камышинской дивизии вследствие бесконечного трехмесячного похода и боев, неполучения пополнения, вооружения и обмундирования, а также заражения последним мятежом Вольской дивизии, совершенно утратили боеспособность. Необходимо немедленно сменить их другими частями и отправить в тыл для полной реорганизации. В противном случае эти полки потеряны для Красной Армии. Положение создается катастрофическое. Необходимы броневики. № 980. Начдив КОСОЛАПОВ. Начштадив ЗУЕВ» (ЦАКА, д. № 22—682, л. 477).

ставляется возможным, вследствие чего Реввоенсовет 10-й армии просит прислать одну надежную дивизию, могущую занять прорыв, чем освободится созданная из частей 10-й армии ударная группа для очистки линии Царицын — Поворино. Считаем необходимым одновременный удар со стороны Поворино другой ударной группой из частей 9-й армии... Разложение Камышинской дивизии Реввоенсовет 10-й армии всецело приписывает нераспорядительности начдива Косолапова, который может работать только под руководством опытных политических комиссаров.

Командарм 10 ВОРОШИЛОВ.

ЦАКА, д. № 248—043, л. 14 и д. № 119—851, л. 170.

Приложение 3

ДИРЕКТИВА КОМАНДЮЖА СЫТИНА
от 1 ноября 1918 года

Главнейшим операционным направлением признаю линию Поворино — Царицынской железноги и в этом направлении должен быть нанесен противнику сокрушительный удар со стороны как Поворино (главной ударной группой), так и со стороны Царицына.

Для выполнения операции приказываю:

а) Из частей 14-й дивизии с приданными ей Латышскими полками и 91-м, 92-м и 93-м полками 11-й дивизии, наполовину сосредоточившейся в районе Борисоглебска, 33-м бронеотделением, петроградским бронеотделением образовать ударную группу под начальством Начдива Рольо. Они должны составить особый ударный участок, который подчиняю в оперативном отношении Комфронту.

б) Командарму 8 атаковать противника, нанеся главный удар по **линии Таловая—Бутурлиновка—Калач.**

в) Командарму 9 сосредоточить большую часть своих войск в районе Самойловка—Матышево, атаковать противника главным образом **в филоновском направлении.**

г) Командарму 10 Ворошилову, удержавшись от решительного наступления на своих боевых участках, большею частью своих сил произвести решительное наступление в важнейшем направлении. Основной план всей операции армий фронта, очевидно, должен заключаться, чтобы стремительным, энергичным концентрическим наступлением Таловая—Калач, Поворино—Филоново двумя реками Медведицы и Арчеды постараться разбить живые силы противника и в крайнем случае очистить от него всю полосу местности по линии Павловск—Калач—устье Бузулук и далее восточнее р. Хопра и до его устья и далее всю местность левого берега Дона. *1.11.18 г. № 1144.* Козлов.

Командующий фронтом СЫТИН.

Приложение 4

ТЕЛЕГРАММА

Серпухов. Главком, копия Реввоенсовет Республики, Москва, Свердлову

Принимая все возможные меры к выполнению Вашего приказа, изложенного в телеграмме № 341 (овладение линией Борисоглебск—Царицын.— *Вл. М.*), должны поставить вас в известность о нижеследующем. Указанные Вами крупные силы, которые были сконцентрированы под Борисоглебском, т. е. части 11-й стр. дивизии, прибыли к нам незаконченным формированием с половинным некомплектом конского состава, некомплектом пулеметов, недостатком лент, с слабым командным составом и совершенно неналаженным органом снабжения и т. д. Как только было закончено сосредоточение четырех полков с частью артиллерии этой дивизии и приведение этих частей в мало-мальски боеспособный вид, дивизия немедленно получила боевую задачу по ликвидации прорыва между восьмой и девятой армиями. Прорыв этот не мог быть ликвидирован 8-й армией самостоятельно в силу того, что указанных в Вашей телеграмме «значительных резервов» в 8-ю армию не прибывало, не считая одного продовольственного полка и двух батальонов 43-го добровольческого полка без командира полка и хозяйственного аппарата, который с остальной частью полка были задержаны в Ряжске по распоряжению заведывающего оперативным отделом Московского Комиссариата Краузе без ведома Реввоенсовета Южного фронта; части полка, находившиеся на ст. Анна, в тот момент, когда они получили приказ выступить на ст. Анна на позиции, были этим же Краузе отозваны в Ряжск непосредственно, помимо штаба фронта уведомлением командира батальона, находящегося на ст. Анна. Вследствие этого солдаты отказались выполнить боевой приказ начдива 13, в результате чего произошли беспорядки на фронте, отразившиеся на других частях 8-й армии. Что же касается 11-й дивизии, то по указанным выше причинам она оказалась совершенно неспособной выполнить данную ей задачу, что повлекло катастрофические последствия, о чем **нами донесено в телеграмме № 1401 [1].**

Состояние войск 10-й армии и командного состава ее вам известны, указанные же вашей телеграммой распоряжения об активных действиях командующим фронтом неоднократно отдавались как в директиве № 1145, так и в ежедневных переговорах по прямому проводу Командфронта с Командармом 10. Плохое состояние боевого снабжения 10-й армии препятствует Командарму 10 развить наступательные операции, которые соответствуют семидесятитысячному со-

[1] Потеря 37 орудий, большие потери в полках 11-й дивизии и в 8-м и 9-м латышских полках. — *Вл. М.*

ставу армии. Во исполнение вашего приказа, а также ввиду положения на участке Камышин — Царицын Командарм 10 передал на Камышинский участок 2-й Московский и 38-й Рогожско-Симоновский полки и Вольскую дивизию. О последовавших событиях на этом участке фронта Вы поставлены в известность; большая часть Вольской дивизии находится арестованной на баржах в Царицыне, так же, как и 2-й Иловленский полк Камышинской дивизии. Участившиеся за последнее время беспорядки на фронте являются по нашему мнению следствием мятежного настроения в ближайшем тылу фронта, к которому войска фронта проявляют особую чувствительность.

Кроме того, беспорядки в войсках возникают на почве чрезмерного утомления частей, которое создалось вследствие бессменного нахождения частей в передовой линии и неудовлетворительного снабжения. Принимая во внимание все вышеизложенное и не имея в своем распоряжении никаких резервов, широкую операцию, предлагаемую вашей телеграммой за № 341 относительно наступления войсками Южного фронта для овладения железнодорожной линией Борисоглебск—Царицын, считаем в данное время для фронта непосильной, а лишь можно частичным наступлением в разных направлениях по прибытии предназначенных вами крупных войсковых соединений. Скорейшее прибытие этих сил считаем для Южного фронта неотложным, так как общие цели, поставленные командованием Южного фронта, могут быть разрешены лишь общим наступлением по всему фронту южных армий.

16 ноября 1918 года. № 1404.

Командующфронта СЛАВЕН.

ЦАКА, д. № 118—782, л. 103.

Приложение 5

КОМАНДУЮЩЕМУ 10-й АРМИЕЙ ТОВ. ВОРОШИЛОВУ

Рапорт № 471

Доношу вам, что 2-я Сводная казачья дивизия очень обижена, как командный состав, а также и красноармейцы, видя реформирования дивизии, ибо это позор дивизии, так как эта дивизия со дня революции взяла оружие в руки против кадетских банд, а к[illegible] я Вас прошу, тов. Ворошилов, оставить дивизию на месте. Наприм. Вы меня как честного борца за свободу великого знаете. Я со дня революции стою в цепи, как хороший пастух над стадом, и обижаюсь, что про меня Вы никогда не [illegible]. Я сейчас с полками Царицынским, Воронежским, Никольским, Грушевским и Царевским батальоном занимаю Дон от Трех-Островского перевоза и до хутора Елизаветского включительно. Вам уже [illegible]

Перводонским Советским полком, пространство занимаю по Дону на 23 версты. Постов выставлено 16, караулы, посты и заставы связаны между собой и посты стоят по самому Дону. Противника не пускаю через Дон, но мои ходят через Дон. Привели 4 лошади кадетских... Тов. Ворошилов прошу прислать мне револьвер.

7 декабря 1918 г.

Комфронт ПОПОВ.

На это письмо тов. Ворошилов ответил следующее:

Товарищам Лебедеву, Зогову, Попову и всем красным бойцам быв. Казачьей дивизии

Дорогие товарищи!

Военный Совет 10-й армии глубоко понимает Ваше желание быть самостоятельной дивизией, а Ваша доблесть и заслуги перед Революцией дает на это Вам несомненное право. Но малочисленность Ваших полков, а также распоряжение Высшей Советской власти о скорейшем сведении всех наших частей в дивизии, которые будут утверждены Центральной властью, лишают нас возможности оставить за Вашей частью прежнее название. Ваша и другие дивизии получали названия «Бригад», «Дивизий» здесь на месте, и до сих пор никем не утверждены и только теперь в Москве будут утверждены те «Дивизии», какие будут штабом 10-й армии представлены. Ваша быв. дивизия образует Бригаду и как таковая должна влиться в Донецко-Морозовскую дивизию. Если будет приток из враждебного лагеря на нашу сторону, Военсовет обещает Вашу бригаду развернуть в дивизию с теперешним названием и сделает представление об ее утверждении в Реввоенсовет Республики.

№ 3718. 9 декабря 1918 г. Царицын.

Командарм 10 ВОРОШИЛОВ.

ЦАКА, д. № 22—659, л. 470.

Приложение 6

ВЫПИСКА
из приказа № 55 от 27 ноября 1918 года по войскам 10-й армии

1) *Доно-Ставропольская стр. дивизия* образуется из следующих полков:

1-я бригада.

а) Доно-Ставропольский полк;

б) Коммунистический стрелковый полк, в который вливаются: 3-й пехотный полк 3-го Интернационала, 1-й Казачий Сов. стр. полк и Московско-Саратовский стр. полк быв. Волжской дивизии.

2-я бригада.

1-й Донской Казачий стр. полк, в который вливаются: Южно-Русский полк, 4-й Донской казачий пех. полк, Астрахано-Черномор-

ский полк и остатки 1-й и 2-й Балаклавских полков быв. Вольской дивизии.

2) *Коммунистическая стрелковая дивизия* образуется из следующих полков:

1-я бригада.

а) Луганский коммунистический стр. полк;

б) Коммунистический стр. полк, в который вливаются: Саратовский стр. полк быв. Вольской дивизии, Воронцово-Николаевский пех. полк, Титовский пех. Донской революционный полк, 1-й пехотный Царицынский полк и 1-й пех. полк «Грузолес».

2-я бригада.

а) 3-й стр. революционный полк, в который вливается Хвалынский стр. полк быв. Вольской дивизии;

б) Северско-Украинский стр. полк, в который вливаются: 1-й пех. батальон иностранных коммунистов, Царевский пех. батальон, Ново-Николаевский пех. полк;

в) Рогожско-Симоновский стр. полк.

3) *Морозовско-Донецкая стр. дивизия* образуется из следующих полков:

1-я бригада.

а) Морозовский стр. полк;

б) Чернышевско-Облиевский стр. полк.

2-я бригада.

а) Донецкий стр. полк;

б) Громыславский стр. полк, Морозовско-Донецкая стр. дивизия получают в первую очередь пополнения из своего запасного полка.

4) *1-я Донская Советская стр. дивизия* образуется из следующих полков:

1-я бригада.

а) Сводный рабоче-крестьянский стр. полк, в который вливается 1-й пех. партизанский объединенный полк; 2-й рабоче-крест. полк; 2-й пехотный гражданский полк;

б) Мартыно-Орловский стр. полк, в который вливается 6-й Сальский стр. полк;

в) Крестьянский стр. полк, в который вливаются: 1-й запасный батальон и крестьянский стр. полк.

2-я бригада образуется по прибытии пехотных войск Северного фронта.

5) *Стальная стр. дивизия* остается без изменений, образуя из себя две бригады и резервный полк.

Командарм 10 ВОРОШИЛОВ.

ЦАКА, д. № 7134, л. 120.

Приложение 7

ПРИКАЗ
по войскам 10-й Красной армии
№ 36.

3 декабря *гор. Царицын*

8-я армия одерживает победы.

9-я армия успешно продвигается вперед. Нами занята Преображенская на р. Бузулук.

Чтобы поддержать и усилить действия 8-й и 9-й армий впредь до получения подробного оперативного приказа № 37, приказываю немедленно правым флангом с получением сего приказа перейти в наступление в направлении на Островскую—Ореховку, держа тесную связь кавалерийскими частями с 9-й армией. По получении настоящего приказа и начале операции донести немедленно мне. Настоящий приказ подлежит точному исполнению и немедленно же.

Командующий 10-й армией **ВОРОШИЛОВ.**

ЦАКА, д. № 7134, л. 77.

Приложение 8

БОЕВОЙ СОСТАВ 10-Й КРАСНОЙ АРМИИ К 15 ДЕКАБРЯ 1918 г.

Наименование	Начдив	Штыков	Винтовок	Пулеметов	Орудий	Сабель	Пулеметов
Камышинская дивизия	Антонюк	4 532	5 635	92	14	910	4
Доно-Ставропольская дивизия .	Семенов	4 918	6 040	103	38	882	19
Коммунистическая дивизия .	Мазуров	4 889	6 272	114	38	937	10
Морозовско - Донецкая дивизия	Лобачев	4 348	6 307	133	29	467	15
Стальная дивизия	Гореленко	2 571	4 324	113	45	—	—
1-я Донская советская дивизия	Шевкоплясов	3 651	6 987	99	30	517	9
Сводная кав. дивизия	Думенко—Буденный	—	—	102	8	3 291	—
Резерв Царицына	—	1 546	7 683	21	2	308	9
Начальник штаба формирования (Сарепта) . . .	Щаденко	1 310	588	4	—	—	—

В таблицу не включены данные о боевом составе бронепоездов Алябьева и Рудь. Эти данные следующие: бронепоездов—8, бронедрезин—7, пулеметов—135, орудий—36, бойцов—702.

Приложение 9

ПИСЬМО К ДОНСКОЙ БЕДНОТЕ

Товарищи!

Со слов перебежчиков, из черных газет и из листков генеральско-кулацкого круга мы видим, какой гнусной ложью кормят вас ваши командиры, ваши власти, ваши вековые господа, которым теперь приходит конец. Они дурачат вас, как дурачили веками. Они знают, что подлинная правда оттолкнет вас от генералов, что подлинная правда страшна и грозна для всех, поднявших руку на рабоче-крестьянскую Россию.

Вам говорят, что в Советской России полный непорядок, что в Петрограде восстания рабочих, что от такой войны страдает беднота, что скоро настанет конец Советской России.

Все это генеральские выдумки, все это помещичьи сказки, которыми хотят опутать вас в расчете на то, что вы не разберетесь в наглой лжи золотопогонных аферистов и мятежников-генералов против Советской власти.

Вот вам правда о Советской России. Помещики, буржуазия, царские чиновники сидят в тюрьмах, а некоторые, особенно преступные из них, расстреляны. Власть выбирают сами рабочие и деревенская беднота. Рабочие городов и деревенская беднота пользуются полной свободой. Крестьяне получили уже год тому назад все помещичьи земли. Рабочие сами управляют фабриками, заводами, рудниками.

В выборах в депутаты в Советы и в Центральное правительство принимает участие только беднота городов, станиц и деревень. А все помещики, спекулянты, банкиры и их прислужники лишены избирательных прав. В командном составе у нас почти нет генералов и офицеров. Зато сколько простых тружеников-солдат выдвинулись боевыми успехами и поставлены во главе крупных боевых единиц.

Вот, видите, как вам лгут.

Но это не все.

Вам говорят о восстаниях в Советской России. Да, они были. Но восставали не рабочие, как вам пишут и говорят. Устраивали заговор и покушались на рабоче-крестьянскую власть кучки помещиков, потерявших свои земли, кучки спекулянтов и банкиров, потерявших свои барыши.

Чаще других выступают погонники-генералы, офицерские отбросы, все те, кому так не хотелось потерять власть над простым солдатом.

Эти заговоры, эти восстания были. И эти выступления были раздавлены вооруженной рукой рабочих и крестьян.

В Советской России — порядок, все труженики вздохнули свободно после векового гнета.

А вас еще держат в цепких лапах и не хотят выпускать: насильно мобилизуют и чтобы сделать из вас покорных рабов, набивают головы генеральско-кулацкими побасенками. А между тем наступает грозный час расправы со всеми мятежниками против рабоче-крестьянской социалистической власти в России. Красная Армия разбила друзей донских генералов — чехословаков, уже павших на Средней Волге. За последние недели Красная Армия вырвала у чехословацких генералов Казань, Симбирск, Сызрань и Самару и отбросила врага далеко за Волгу. Волга очищена и уже в Царицын пришли сверху пароходы.

Ваши самозванные командиры пользовались помощью Вильгельма и его своры. Но теперь в Германии начинается революция. Солдаты уничтожают своих офицеров и генералов, рабочие с красными знаменами выступают против Вильгельма и начинают войну за Советскую власть. Германские войска уходят из России и Украины. В Болгарии вспыхнула революция, началась борьба солдат, рабочих и крестьян за Советскую власть. Ставленник Вильгельма и приятель генерала Краснова болгарский царь Фердинанд бежал с семьей от мести восставшего народа.

В Украине начались восстания, снова поднялась борьба за Советскую власть. При мирных переговорах России с Украиной принято, что Донская область принадлежит к Советской России. Значит, генерал Краснов — бунтовщик, значит генерал Краснов и вся его разбойничья свора — это преступники перед всеми трудящимися.

Час возмездия близок и страшен будет суд рабоче-крестьянской России против холеных барчуков, дворянских последышей, поднявших руку на Красное знамя труда.

Товарищи, вам пишет генеральско-кулацкий круг:

«Мы помним, что мы донские казаки. Предки наши, не помирившись с гнетом, который покорно нес русский народ, ушли в вольные степи тихого Дона. Вот этим старым казачьим укладом мы и дорожим. За его неприкосновенность бьемся и к этому укладу тянулись с Руси все обиженные, обездоленные».

Ох, вы, лыком шитые генеральские побасенки!

Да, посмотрите на улицы Новочеркасска, Ростова, взгляните на командный состав, кто командует, кто проживает жизнь в донских городах. Обиженные? Обездоленные? Да, это верно: все те, кого обидели рабочие и крестьяне, у кого отняли землю, фабрики, заводы, рудники, кого лишили поместий и сытых должностей. Вот все эти обиженные, эти несчастненькие! Вся эта золотопогонная нахлынь, все эти буржуазные отбросы, дворянские последыши, все эти господа, которые всю жизнь не видали на своих руках мозолей — это они собрались на тихом Дону, это они гонят тебя, донская беднота, гонят в бой за их дворянское дело. Это они лгут вам про Советскую Рос-

сию. Потому, что они хотят вернуть земли, фабрики и заводы и все свои привилегии, но вы, товарищи, смотрите за ними, их дело проиграно.

В Болгарии свершилась революция. В Украине и Германии поднимается красное знамя. Советские армии окружают всю Донскую область. Не дайте убежать вашим насильникам и обманщикам. Следите за их каждым движением, за их поездками, за их работой в тылу. Не дайте ускользнуть никому.

Час расплаты приближается. Скоро они сами сознаются перед судом бедноты во всей своей лжи, как генерал Федоров сказал на допросе, что они борются за царскую власть.

Выше подними голову, донская беднота! Час освобождения твоего близок!

Долой царских генералов!
Долой дворянских последышей!
Долой вековых палачей трудящихся!
Да здравствует власть донской бедноты!

Военно-Революционный Совет Царицынского фронта:

СТАЛИН, ВОРОШИЛОВ.

«Солдат революции» № 58 от 16 октября 1918 г.

Библиотека Института
№ 190863

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

От автора 3

ПРЕДЦАРИЦЫНСКИЙ ПЕРИОД

Часть первая. Поход К. Е. Ворошилова с Украины в Донбасс

Глава I. Наступление германской армии на Украину 9
Глава II. Действия 1-го отряда луганских рабочих в районе Ворожбы — март 1918 года 17
Глава III. Операция 5-й Украинской армии тов. Ворошилова 22
Глава IV. Родаково — Меловая — Луганск 33
Глава V. Миллерово — Лихая 38

Часть вторая. Операции „Группы войск тов. Ворошилова" (5-я и 3-я Украинские армии в Донской области)

Глава VI. Белая Калитва — Морозовская — Суровикино . . . 49
Глава VII. Станция Чир — Рычково. Прорыв красных частей на левый берег Дона 60

ГЕРОИЧЕСКАЯ ОБОРОНА ЦАРИЦЫНА

Часть третья. Планы сторон

Глава VIII. Политический и оперативный план ген. Деникина 79
Глава IX. Политический и оперативный план Краснова — Денисова 88
Глава X. Политический и стратегический план Сталина и первоначальные мероприятия по обороне Царицына . . 96

Часть четвертая. Первое окружение Царицына

Глава XI. Августовское наступление белоказаков и их разгром 122
Глава XII. Подготовка белоказаков ко второму решительному наступлению 165

Глава XIII. Мероприятия Военного совета обороны Царицына перед вторым окружением 171

Часть пятая. **Второе окружение Царицына**

Глава XIV. Наступление белоказаков в октябре 1918 года и их разгром 201
Глава XV. Обстановка на Украине, Северном Кавказе и ноябрьские бои на Царицынском фронте 243
Глава XVI. Заключение 283
Приложения 290

Редакторы:
старший политрук *П. Большаков*
и *Ф. Матросов.*
Техн. редакторы *М. Стрельникова*
и *Г. Лукашкин*
Корректор *С. Чержесова*

Сдано в производство 20.1.38
Подписано к печати 16.6.38
Формат бум. 84×108/32
Объем 19 п. л. + вкл. 3 п. л.
19,615 уч.-авт. л.
В бум. листе 152.000 зн.

Уполн. Главлита № Г— 9446. Над. № 42. Зак. № 46.

Цена книги 3 р. 75 к., переплета 1 р. 25 к.

Текст отпечатан на бумаге Камского бумкомбината
Переплетные материалы Щелковской ф-ки

Адрес изд-ва: Москва, Орликов пер., д. 3.

Отпечатано в 1-й типографии Государств. военного изд-ва НКО СССР.
Москва, ул. Скворцова-Степанова, д. 3.